

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

На правах рукописи

КРЫЛОВ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ

ОШИБКИ И ИХ ИСПРАВЛЕНИЯ В СЕВЕРНОРУССКИХ БЕРЕСТЯНЫХ
ГРАМОТАХ

Специальность 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
академик РАН А. А. Гиппиус

Москва

2026

Введение.....	7
ГЛАВА 1. Из истории исследования письменных ошибок.....	16
§ 1.1. Терминология.....	16
§ 1.2. Классификация ошибок в исследованиях дисграфии у носителей современного русского языка.....	19
§ 1.3. Текстология и теория «общих ошибок».....	27
§ 1.4. Писцовые ошибки в русской исторической грамматике (от А. Х. Востокова до В. В. Колесова).....	30
1.4.1. До А. И. Соболевского.....	30
1.4.2. А. И. Соболевский.....	33
1.4.3. Л. Л. Васильев.....	35
1.4.4. Н. М. Каринский.....	38
1.4.5. Н. Н. Дурново.....	40
1.4.6. О. В. Малкова.....	42
1.4.7. В. В. Колесов.....	46
§ 1.5. Описка или фонетическое явление? Несколько споров между историками русского языка.....	48
1.5.1. Еканье или «описка»?.....	48
1.5.2. Диттография гласного или отражение его долготы?.....	50
1.5.3. Полемика И. В. Ягича и А. И. Соболевского.....	54
1.5.4. Аканье или «описка по аналогии»?.....	56
1.5.5. Смещение /y/ – /в/ или «пропуск о в диграфе»?.....	57
1.5.6. Переход ъ в и или смешение двух морфем?.....	57
1.5.7. Аканье или «описка в заимствованном слове»?.....	58
1.5.8. «Описка» или «отражение аканья»?.....	59
1.5.9. Эратологические взгляды В. В. Колесова.....	60
§ 1.6. Писцовые ошибки в современной палеорусистике.....	61
§ 1.7. Ошибки и описки в берестяных грамотах.....	64
1.7.1. Первые публикации.....	64
1.7.2. Р. И. Аванесов и В. А. Матвеев.....	67
1.7.3. А. В. Арциховский и В. И. Борковский.....	72
1.7.4. А. А. Зализняк.....	76
1.7.5. К вопросу о малограмотности.....	80
§ 1.8. Классификация ошибок по А. А. Зализняку.....	82
§ 1.9. Выводы.....	86
ГЛАВА 2. Классификация и частотность текстуальных аномалий берестяных грамот.....	88
§ 2.1. Общие принципы классификации. Проблема двояко трактуемых	

аномалий.....	88
2.1.1. Классификация исправлений.....	91
2.1.2. Хронологическое распределение позиций.....	92
2.1.3. Обозначения в таблицах.....	94
§ 2.2. Исправления орфографических ошибок.....	95
§ 2.3. Адскрипции или инсерции? Проблема классификации исправлений..	98
2.3.1. Адскрипция – исправление или недоисправление?.....	98
2.3.2. Адскрипция или инсерция.....	100
2.3.3. Инсерция второй согласной следующего слога.....	102
2.3.4. «Адскрипционно исправленные» лишние буквы.....	104
§ 2.4. Диттографии гласной.....	106
2.4.1. К проблеме акцентной реконструкции.....	106
2.4.2. «Нечистые» случаи диттографии.....	108
2.4.3. «Чистые» случаи диттографии.....	111
2.4.4. Диттография прикрытой (постконсонантной) гласной.....	112
2.4.5. Диттография неприкрытой (начальной и поствокальной) гласной	113
2.4.6. «Чистые» диттографии прикрытых гласных. Акцентологический комментарий.....	115
2.4.7. Статистический анализ.....	118
2.4.8. Выводы.....	121
§ 2.5. Прочие диттографии.....	122
2.5.1. Диттография согласной.....	122
2.5.2. Диттография прикрытого графического слога.....	125
2.5.3. Диттография «антислога».....	128
2.5.4. Отступление. К реконструкции эволюции системы обучения.....	129
2.5.5. Диттография слова.....	133
2.5.6. Дистантный повтор второстепенного члена предложения.....	134
§ 2.6. Перестановки.....	135
2.6.1. «Слогоразрушающая» консонантная инверсия.....	140
2.6.2. Перестановка согласных, не меняющая слогоделения.....	140
2.6.3. «Слогообразующая» консонантная метатеза.....	141
2.6.4. Инверсия двух соседних согласных в сокращении.....	142
§ 2.7. Пропуски.....	142
2.7.1. Пропуск одиночной согласной.....	143
2.7.2. Пропуск первой согласной из двух соседних.....	147
2.7.3. Пропуск второй согласной из двух соседних.....	151
2.7.4. Пропуск первой согласной из трех соседних.....	154
2.7.5. Пропуск второй согласной из трех соседних.....	158

2.7.6. Пропуск третьей согласной из трех соседних.....	160
2.7.7. Пропуск прикрытой гласной.....	162
2.7.8. Пропуск неприкрытой гласной.....	168
2.7.9. Пропуск второго элемента диграфа <i>ou</i>	176
2.7.9.1. Понижение подъема /y/.....	179
2.7.10. Пропуск прикрытого слога.....	180
2.7.11. Пропуск слога после консонантной финали предыдущего.....	189
2.7.12. Прочие пропуски.....	190
§ 2.8. Исправляемые субституции (замены).....	192
2.8.1. Визуально-ассимилятивная субституция.....	192
2.8.2 Предвосхищения гласных.....	199
2.8.2.1. Предвосхищение ближайшей гласной.....	199
2.8.2.2. **Предвосхищение второй гласной справа.....	205
2.8.3. Реитерации гласных.....	206
2.8.3.1. Реитерация ближайшей гласной.....	206
2.8.3.2. Реитерация второй гласной слева.....	211
2.8.4. Подстановка гласной обоим соседним слогам.....	213
2.8.5. Предвосхищения согласных.....	215
Предвосхищение ближайшей согласной.....	215
Предвосхищение начальной согласной второго слога справа.....	216
2.8.6. Реитерация согласной.....	216
Реитерация согласной ближайшего слога.....	216
Реитерация согласной второго слева слога.....	217
§ 2.9. Неисправляемые субституции (фонетические ошибки?).....	218
2.9.1. Непозиционные озвончения и оглушения согласных.....	218
2.9.1.1. Непозиционное озвончение согласной.....	222
2.9.1.2. Непозиционное оглушение согласной.....	224
2.9.2. Непозиционные смягчения и отвердения согласных.....	226
2.9.2.1. Субституции <i>ы>и, у>ю</i>	227
2.9.2.2. Субституции <i>и>ы, ю>у</i>	228
2.9.2.3. Субституции <i>а>ѧ, ѣ>ь</i>	228
2.9.2.4. Субституции <i>ѧ>а, ь>ѣ</i>	230
§ 2.10. Прочие субституции.....	231
2.10.1. Подстановки гласных.....	231
2.10.2. Мена плавных.....	233
§ 2.11. Прочие двояко или тройко трактуемые субституции.....	234
ГЛАВА 3. Сравнительная статистика описок в берестяных грамотах и пергаменных рукописях.....	236

§ 3.1. Статистика ошибок в берестяных грамотах.....	236
§ 3.2. Описки в пергаменных грамотах в сравнении с берестяными.....	240
§ 3.3. Описки в Архивском списке «Пчелы» в сравнении с берестяными грамотами.....	242
§ 3.4. Выводы.....	244
ГЛАВА 4. Предположение об ошибке как ресурс интерпретации берестяных грамот.....	246
§ 4.1. Грамота № 600.....	246
§ 4.2. Грамота № 141.....	255
ГЛАВА 5. Эрратология и текстология: статистика ошибок как инструмент критики текста.....	261
§ 5.1. Проблема текстологии ПВЛ и метод «общих ошибок».....	261
§ 5.2. Пропуски одиночных согласных в берестяных грамотах.....	264
§ 5.3. Пропуски одиночных согласных в старославянских памятниках.....	265
§ 5.4. Пропуски одиночных согласных в древнерусских церковнославянских памятниках.....	266
§ 5.5. Формула вероятности независимо сделанных ошибок.....	269
§ 5.6. Другие возможные объяснения искаженного Колгини.....	271
§ 5.7. Выводы.....	272
ГЛАВА 6. Древнерусский язык как иностранный: к выработке диагностических критериев.....	274
§ 6.1. Иностранные писцы берестяных грамот?.....	274
§ 6.2. Нибуров мир 1392 г.....	276
§ 6.3. Ri и Re: текстология и языковые особенности.....	279
§ 6.4. L и Ri: палеография.....	285
§ 6.5. L и Ri: графико-орфографические различия.....	286
§ 6.6. L и Ri: общие орфографические аномалии.....	289
§ 6.7. К реконструкции «архетипа» и «оригинала» грамоты.....	292
§ 6.8. «Древнерусский как иностранный» до XV в. К постановке проблемы....	295
§ 6.9. Выводы.....	298
Заключение.....	301
Список литературы.....	305
Источники.....	327
Справочные издания.....	335
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Перечень неисправленных описок в пергаменных грамотах, касающихся отношений Новгорода с князьями.....	338
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Перечень «экспрессивных» ошибок Архивского списка «Пчелы».....	341

Введение

Настоящая диссертация посвящена анализу писцовых ошибок, допущенных авторами новгородских, старорусских и новоторжских берестяных грамот XI – XV в.

Актуальность данного исследования обусловлена прежде всего тем, что ошибки и описки крайне редко попадают в центр внимания исторической грамматики, являясь притом неотъемлемой составляющей любого сколько-нибудь объемного древнего текста. Как справедливо замечал в свое время В. В. Колесов, «Указатели описок, обычных для древнерусских рукописей, еще не составлены, хотя необходимость в них весьма высока» [Колесов 2008: 245]. С тех пор для двух древнерусских рукописей ситуация изменилась: указатели ошибок составлены для Милятина Евангелия XII в. [Мольков 2014: 46 – 59] и Бычковско-Синайской Псалтири рубежа XI – XII в. [Кривко 2015: 31 – 32, 97 – 99, 103]. Но поскольку искажения текста при переписывании разнообразнее, чем при порождении оригинального текста, эти данные не поддавались подробной классификации. В работе такую классификацию удастся наметить, поскольку абсолютное большинство берестяных текстов не переписаны с антиграфа, а составлены непосредственно их писцами.

В русской исторической грамматике отсутствует консенсус по поводу того, какие виды отклонений от ожидаемого графического облика словоформ считаются «ошибками», какие – «описками» (у некоторых исследователей нет и терминологического разграничения этих двух понятий), а какие – отражают на письме живое произношение пишущего. В Главе 1, в которой рассмотрен приблизительный очерк истории этих понятий в отечественной науке, мы соблюдали ту терминологию, которой придерживался тот или иной автор. В тех же случаях, когда нет возможности сделать выбор между этими терминами, мы употребляем гиперонимическое понятие «текстуальной аномалии»,

подразумевая, что эта аномалия может как характеризовать черты идиолекта того или иного писца, так и быть простой ошибкой или опiskой, т. е. несоответствием написанной последовательности букв с задуманной. В общем виде текстуальная аномалия есть запись словоформы, не входящая в число графически допустимых [Зализняк 1979/2002: 575].

Ни среди психологов, ни среди текстологов, ни среди историков русского языка, как будет показано в Главе 1, нет общепринятой классификации текстуальных аномалий. **Научная новизна** настоящего исследования заключается в выработке критериев, на основании которых может быть произведена классификация письменных ошибок оригинальных древнерусских текстов, не переписанных с антиграфа. Для переписанных с антиграфа текстов классификация ошибок представляет трудности более высокого порядка, поскольку переписчик, помимо ошибок порождения текста, совершает также и ошибки восприятия антиграфа, и неудачные попытки исправления его ошибок.

В то же время ежегодное обилие как впервые вводимых в научный оборот, так и заново перечитываемых текстов берестяных грамот (работы А. А. Гиппиуса, Д. В. Сичинавы, И. Б. Иткина и др.), памятников древнерусской эпиграфики (работы А. А. Медынцева, Т. В. Рождественской, С. М. Михеева, Ю. А. Артамонова, и др.), записей-«экстратекстов» в древнерусских рукописях (работы Л. В. Столяровой, В. Б. Крысько, И. М. Ладыженского, С. М. Михеева и др.) и других оригинальных текстов, не переписанных с антиграфа, нередко преподносит исследователям те или иные «темные места» — неоднозначно интерпретируемые словоформы и целые фразы. Издатели таких текстов часто сталкиваются с проблемой выбора лучшего прочтения из нескольких конкурирующих, и первостепенным лингвистическим критерием в таких случаях является минимизация числа предполагаемых текстуальных аномалий (какова бы ни была их природа). Глава 4 демонстрирует, что этот редко обсуждаемый в научной литературе, хотя негласно разделяемый большинством исследователей критерий не позволил до сих пор правильно прочесть две

достаточно давно найденные берестяные грамоты (№ 141 и 600). Адекватная интерпретация их текста достигается с помощью предположения о простой писцовой ошибке, тогда как существующие прочтения, предполагавшие существование лексических, ономастических и синтаксических «гапаксов», позволяли реконструировать прагматическую ситуацию, стоящую за текстом, гораздо менее ясно.

Выбор такого **объекта исследования**, как севернорусские берестяные грамоты, обусловлен несколькими причинами. Исследование ошибок на материале небольшого числа почерков объемных книжных памятников было бы статистически непоказательно (так как для каждого писца частотность того или иного типа ошибок индивидуальна), и результаты исследования нельзя было бы экстраполировать на более объемный корпус памятников. Корпус же берестяных грамот представляет собой достаточно репрезентативную выборку писцов XI – XV в., как правило, не проходивших обучения каллиграфии в скрипториях. Вместе с тем, язык Новгорода, Торжка и Старой Руссы, как показывает материал берестяных грамот, не демонстрирует каких-либо ощутимых диалектных различий, тогда как включение в перечень источников берестяных грамот из других древнерусских городов, не внося столь уж большого вклада в полноту картины (они составляют всего около 2,3 % всех берестяных грамот), сделало бы выборку диалектно неоднородной, и мы бы рисковали некорректно экстраполировать обнаруженные нами факты истории языка на слабо охваченную прямыми лингвистическими источниками древнерусскую территорию. Из указанного списка берестяных грамот материалом настоящего исследования послужили все изданные до [ВЯ 2024] включительно: более поздние находки из [ВЯ 2025] пока что не включены в НКРЯ и базу данных «Древнерусские берестяные грамоты», что затрудняет их автоматизированную статистическую обработку.

Трудность изучения корпуса берестяных грамот определяется несколькими известными факторами. Во-первых, в отличие от книжных

памятников, абсолютное большинство этих текстов не представляют возможности сравнения чтений с другими списками или тем более иноязычным оригиналом, и вторым (помимо вышеуказанного) критерием выбора из грамматически допустимых чтений оказывается сравнение их прагматической нормальности (которую, в свою очередь, разные исследователи могут представлять себе по-разному). Во-вторых, лишь около четверти всех дошедших до нас текстов берестяных грамот уцелели полностью, то есть не содержат издательских конъектур. В-третьих, плохая сохранность многих грамот, неполноразличительные графические системы, использовавшиеся писцами, и отсутствие деления на слова (в большинстве берестяных грамот) умножает число высказываемых в научной литературе гипотез о фонемном составе и положении словоразделов в том или ином отрезке, что затрудняет объективное рассмотрение всех высказывавшихся ранее интерпретаций каждой словоформы. Это последнее обстоятельство вынуждает нас для удобства изложения ввести понятие *актуального прочтения* словоформы, которое получается последовательным применением к тексту каждой грамоты в ее первом издании всех поправок, которые были высказаны по ее поводу в VIII – XI томах издания «Новгородские грамоты на бересте» (и включены, как правило, во 2-ое издание «Древненовгородского диалекта» [Зализняк 2004]), более поздних поправок А. А. Гиппиуса и А. А. Зализняка в XII томе [НГБ XII: 196 – 275], а также отдельно опубликованных поправок А. А. Гиппиуса и Д. В. Сичинавы, подготовленных для пока не изданного XIII тома [Гиппиус, Сичинава 2021]. Текст, перевод и ссылку на точное место в этих трех источниках, формирующих для каждой грамоты ее актуальное прочтение можно получить, обратившись к электронной публикации грамоты на электронном ресурсе gramoty.ru (разделы «Статья ДНД», «Томы НГБ» и «Литература»). Иногда наши интерпретации словоформ (и особенно ошибок и их исправлений в них) оказываются отличными от актуального прочтения. Все такие случаи перечислены в комментариях к каждой выделенной в Главе 2 рубрике ошибок.

Предмет исследования, таким образом, – это, в первую очередь, написания из севернорусских берестяных грамот, трактованные в актуальном прочтении как содержащие «ошибку» или «описку» (как исправленные, так и не замеченные писцами). Во-вторых, это некоторые написания, которые мы по тем или иным специальным основаниям, высказанным в комментариях к каждой из рубрик в Главе 2, также решили отнести к выделенным нами классам текстуальных аномалий разного рода.

Существующие в научной литературе попытки классификации ошибок в памятниках славянской средневековой письменности (Глава 1) проводились без обоснованной критики уже существующих классификаций. В то же время, естественная интенция исследователей как можно сильнее сократить число получившихся классов приводила к объединению в одну группу лишь внешне похожих, но разнородных явлений, тогда как факты неодинаковой частотности подклассов внутри этих классов игнорировались.

Например, как видно из Главы 2 пропуски согласных в консонантном кластере – одна из частотнейших ошибок, тогда как пропуски одиночных согласных – довольно редкая и в подавляющем большинстве случаев исправляемая писцом. Примером того, какую **практическую ценность** может иметь этот факт для критики текста (рукописной текстологии) средневековых славянских памятников, является Глава 5. В ней демонстрируется, что отдельный спорный вопрос стемматики (а, следовательно, и истории бытования, и установления первичных чтений) такого важнейшего исторического памятника, как Повесть временных лет, может быть решен, если статистически оценить вероятность независимого пропуска одиночной согласной в двух списках.

Теоретическую значимость работы составляют: разработка новой классификации ошибок по их позиции в слоге, пересмотр сложившихся представлений о частотности ошибок в берестяных грамотах, выработка

критериев, позволяющих определить древнерусские тексты, написанные или переписанные иностранцами.

Основным **методом** исследования является *статистический*. Без применения компьютерных программ, позволяющих наложить друг на друга график частотности той или иной описки и график распределения материала в данный период, трудно установить, в какие именно периоды происходят увеличения и снижения частотности ошибок разных видов, поскольку объем материала берестяных грамот неодинаков – он претерпевает резкий рост в середине XII века, столь же стремительное падение в начале XIII века, новый рост в середине XIV века и постепенное исчезновение в течение второй трети XV века, вызванное особенностями новгородского культурного слоя.

О **степени разработанности** темы ошибок в памятниках славянской письменности говорит уже то, что из рассмотренных в Главе 1 классификаций ошибок, предпринимавшихся в разное время палеорусистами, палеославистами и текстологами есть только три похожие между собой – это трехчастные классификации Н. М. Каринского, О. В. Малковой и Г. А. Молькова, делящие все ошибки на пропуски, вставки и замены (§§ 1.4.4, 1.4.6, 1.6). При всей своей простоте и универсальности, эта классификация не позволяет выявить неравномерную распространенность различных подтипов ошибок внутри каждого из трех больших классов.

Методологическое значение настоящей работы заключается в попытке предложить и теоретически обосновать новую классификацию, дифференцирующую четыре основных класса ошибок (пропуски, вставки, замены и перестановки) на подклассы в соответствии с тем, какой элемент слоговой структуры затронут этой опиской (целый прикрытый слог; неприкрытая гласная; прикрытая гласная; первая, вторая или третья согласная), а в случаях контекстной замены – в зависимости от того, в какой позиции относительно заменяемой буквы находится заменяющая.

Целью настоящей работы является классификация и подсчет частотности каждого класса ошибок берестяных грамот и сравнение этого параметра с данными новгородских пергаменных грамот и одной рукописи.

Задачи исследования следующие:

1. Выявить достижения и недостатки существующих классификаций письменных ошибок в палеорусистике, в теоретической критике текста (текстологии) и в отечественных логопедических и нейрофизиологических работах по ошибкам дисграфиков.
2. Выявить статистически значимые отклонения в распределении текстуальных аномалий по датировкам грамот и графическим позициям.
3. Сравнить частотность ошибок в берестяных грамотах, пергаменных грамотах и Архивском списке «Пчелы», проверив тезис А. А. Зализняка, согласно которому частотность ошибок в берестяных грамотах не отличается от таковой у профессиональных писцов.
4. Уточнить критерии выбора лучшего прочтения из теоретически допустимых, показав на примере грамот № 141 и 600, что предположение о частотной описке иногда оказывается более корректно, чем предположение о редком языковом явлении.
5. Продемонстрировать практическую значимость подробной классификации ошибок, применив статистику ошибок для решения одного спорного вопроса текстологии Повести временных лет.
6. Выявить классы текстуальных аномалий нескольких пергаменных грамот дипломатического характера, которые не встречаются в берестяной письменности, установив критерии выявления писцов XIV–XV вв., писавших на древнерусском языке, но не владевших им как родным.

В структуру исследования, помимо глав 1 – 6, входят: Приложение 1, содержащее сводный каталог описок пергаменных договоров Новгорода с князьями; Приложение 2, содержащее сводный каталог описок Архивского списка «Пчелы».

Положения, выносимые на защиту:

- 1) Классы текстуальных аномалий, хотя бы иногда исправляемых авторами берестяных грамот, по умолчанию следует рассматривать как простые описки, не ища для них фонетического объяснения. И, наоборот, классы неоднократно встречающихся текстуальных аномалий, ни разу не исправленных авторами берестяных грамот, могут получить такое объяснение.
- 2) Частотность описок в берестяных грамотах как минимум втрое выше, чем в пергаменных договорах Новгорода с князьями. По насыщенности описками берестяные грамоты расположены где-то между современными им переводными текстами закрытой рукописной традиции и списками древнерусских дипломатических актов, созданными ганзейскими писцами, не владевшими русским языком.
- 3) Презумпция безошибочности написанного текста иногда приводит к необходимости предполагать в нем лексические и грамматические гапаксы, не дающие притом вполне удовлетворительной интерпретации. Предположение об одной сверхчастотной описке (пропуске слога) в грамотах № 141 и № 600 устраняет и языковые странности, и прагматическую неясность. Это показывает, что знание типологии описок – не менее важный ресурс интерпретации текста, чем знание языковых правил, описывающих идиом.
- 4) Знание частотности механических описок способно решать спорные вопросы текстологии древних памятников. Даже одна общая описка двух списков, если она достаточно редка, способна доказать их происхождение

от общего архетипа. К таким опискам, применимым в текстологическом анализе, относится, в частности, пропуск одиночной согласной.

Апробация работы проводилась на следующих международных научных конференциях: «Новгород и Новгородская земля: письменность и книжность» (НГОМЗ, 2019, 2023, 2025) «Древняя Русь глазами молодых исследователей» (ИРЯ РАН, 2022, 2023, 2024, 2025), «Историко-филологические чтения» (НИУ ВШЭ, НГОМЗ, 2024), «Мемориальная конференция к 90-летию академика Андрея Анатольевича Зализняка» (ИнСлав РАН, 2025), «Слова, тексты, словари (к столетию Картотеки и пятидесятилетию выхода первого выпуска Словаря русского языка XI–XVII вв.)» (ИРЯ РАН, 2025), «Вопросы славяно-русского рукописного наследия» (Пушкинский дом, 2026), «Грамматические процессы в синхронии и диахронии» (ИРЯ РАН, 2026).

Положения работы отражены в следующих **публикациях**:

- 1) *Крылов 2023*: Д. С. Крылов. Поправки к чтению новгородской берестяной грамоты № 307 // Русский язык в научном освещении. 2023. № 1 (45). С. 144 – 149.
- 2) *Крылов 2026*: Д. С. Крылов. Количественный анализ пропусков согласных в средневековых славянских рукописях и stemma codicum Повести временных лет // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1 (103), 2026. С. 123–137.
- 3) *Крылов, Гиппиус 2026*: Д. С. Крылов, А. А. Гиппиус. «Вытол» изловили: к истолкованию мнимого гапакса берестяной грамоты № 600 // Труды ИРЯ РАН. 2026. № 1 (47), с. 211-221.
- 4) *Крылов, Соколов 2026*: Д. С. Крылов, М. А. Соколов. Перечитывая новгородскую берестяную грамоту № 141: куда отправились Гришка с Костою? // Slověne. 2026 (№ 1). С. 253 – 264.

ГЛАВА 1. Из истории исследования письменных ошибок

Тему нашей диссертации, «**Ошибки и их исправления в новгородских берестяных грамотах: статистический анализ**», нельзя назвать находящейся на перекрестке разных наук. Это уточнение к лингвистическому описанию группы памятников древнерусской письменности, поэтому можно было бы предположить, что в настоящем разделе будет описана история лингвистического изучения ошибок в этой группе текстов. Но за исключением нескольких абзацев в работах А. А. Зализняка, посвященных в целом другим проблемам, вопрос о классификации и частотности каждого класса текстуальных аномалий в берестяных грамотах до наших дней не поднимался. Исследование и теоретическое осмысление письменных ошибок характерно для других областей знания — теоретической текстологии, нейропсихологии, логопедии, педагогики. Поэтому специфика предмета исследования вынуждает нас обозреть в настоящей работе не только вышеупомянутые работы А. А. Зализняка и немногочисленные разделы в работах других палеорусистов и палеославистов, но классификации ошибок, предлагавшихся текстологами и исследователями дисграфии у носителей современного русского языка.

§ 1.1. Терминология

В русском языке словом «эрратология» называется исследование **ошибок** в той или иной области человеческой деятельности. В Интернете можно найти, например, такие контексты употребления этого слова:

- *Эрратология, или как избежать наиболее неприятных ошибок при подготовке диссертации* (название книги)
- Для наименования дисциплины, систематизирующей различные аспекты «осмысления лексикографических ошибок», предлагался латинско-греческий термин **эрратология** [Шаповал 2016: 97]
- *Медицинская эрратология как фундамент построения системы оценки качества медицинской помощи* (название статьи)

В статье [Щелокова 2020] утверждается, что в переводоведении термин «эрратология» впервые применил в своей монографии А. Б. Шевнин [Шевнин 2003]. В большей части доступных в Сети контекстов этот термин относится именно к исследованию ошибок перевода, и можно понять, почему именно в этой области он оказался особенно актуален: как пишет автор этого термина, «основная задача — научить переводчиков не как переводить, а как *не переводить*» [Шевнин 2009: 163], поскольку некоторые тонкие правила перевода могут проявиться только при анализе переводов ошибочных.

Ошибки средневековых славянских рукописей имеет смысл разделить на два больших класса. Названия для этих классов также будет уместно позаимствовать у А. Б. Шевнина: ошибки переводчика он делит на **экспрессивные (ошибки порождения текста, или «паранормативы»)** и **импрессивные (ошибки восприятия подлинника, или «агнони́мы»)**¹ [Шевнин 2003]. Точно такие же классы ошибок, со сходным содержанием терминов «экспрессивный» и «импрессивный», можно выделить и у древнерусских писцов. Ошибки порождения текста могут встретиться у всякого пишущего, тогда как ошибки восприятия антиграфа встретятся нам только у переписчиков (копиистов). На материале нашего исследования ошибки восприятия можно предполагать лишь в довольно немногочисленных берестяных грамотах церковного и литературного характера²; зато подозревать наличие не дошедшего до нас черновика можно для пергаменных договоров Новгорода с князьями (которые будут в нашей работе сравнительным материалом). Подавляющее же большинство берестяных грамот представляют

¹ Взятые в кавычки синонимы для обозначения этих классов (*перформативы* и *агнони́мы*) нам не кажутся подходящими для общей классификации ошибок письма, так как по своей словообразовательной структуре эти термины воспринимались бы лингвистом как обозначения для ошибок длиной в одно слово, тогда как нам понадобится обозначение как более локальных (например, повтор буквы), так и более масштабных (например, пропуск строки при переписывании) ошибок.

² Для литературных текстов на бересте бывает сложно отделить случаи копирования письменного источника от случаев воспроизведения текстов по памяти (прежде всего, это касается литургических текстов, таких как грамоты № 128, 419, 727, 916). Однако и здесь помогает эрратологический анализ: ясно, например, что мальчик Онфим (грамоты № 206, 207, 208, 331) пытался воспроизводить Часослов по памяти, иначе бы не допустил такое количество ошибок, полностью отсутствующих, например, в его же фразе *поклоно ѿ онѣима ко даниль* (грамота № 199) [Зализняк 2004: 475 – 478]. В то же время, скажем, новоторжская грамота № 17 [Зализняк 2004: 464 – 466] содержит почти точное извлечение из «Слова о премудрости» Кирилла Туровского, и, безусловно, следует считать, что ее автор пользовался письменным источником.

собой оригинальные, созданные без опоры на какой-либо антиграф тексты, и в них будут встречаться исключительно ошибки порождения. Выявив их классы, аналогичные ошибки мы будем называть экспрессивными и для пергаменных рукописей, хотя, безусловно, какая-то их часть и могла быть перенесена из антиграфа: важно, что не попадающие в один из этих выделенных классов ошибки пергаменных рукописей можно будет более уверенно считать ошибками импрессивными. Таким образом, ошибки, выявленные в берестяных грамотах нелитературного характера – экспрессивные, и именно их анализу посвящена настоящая работа.

Импрессивные ошибки в древнерусских книжных памятниках вряд ли возможно объективно классифицировать на современном уровне наших знаний, поскольку, во-первых, для составления их исчерпывающего перечня необходимо проанализировать куда бóльший по объему материал книжных памятников; во-вторых, текстуальные аномалии книжных рукописей в значительной части случаев представляют собой не элементарные ошибки «писателя» дошедшего до нас текста, а аккумуляцию ошибок, описок, осмысленных и бессмысленных исправлений и т. д. в нескольких поколениях рукописей соответствующей текстологической «ветви» рукописного древа. В значительном числе случаев принципиально невозможно сказать, в какой последовательности и какие именно элементарные изменения привели от правильного, известного по другим спискам осмысленного написания к тому многократно искаженному написанию, которое дошло до нас в том или ином списке. Обозревая в данной главе некоторые предпринимавшиеся палеорусистами и палеославистами попытки классифицировать ошибки той или иной рукописи, мы должны иметь в виду этот факт.

Классификация письменных ошибок была до сих пор лишь побочным продуктом других исследований: в логопедии и нейропсихологии — компонентом исследований дисграфии, в текстологии (критике текста) — компонентом метода генеалогической классификации списков текста (т. н.

«метода общих ошибок» К. Лахмана), в лингвистических описаниях славянских рукописей. Среди исследований берестяных грамот ей посвящены лишь два небольших пассажа в статьях А. А. Зализняка [Зализняк 1986: 110-111], [Зализняк 2002: 587 – 594]. В монографии «Древненовгородский диалект» [Зализняк 2004] теоретический анализ ошибок почти не отражен, так как автор совершенно справедливо не рассматривал их как элементы языковой структуры – (которая и является предметом лингвистического описания).

В настоящей главе мы кратко опишем достижения этих отраслей в области эрратологии письма, за исключением работ педагогов и орфографистов. Дело в том, что представления об орфографической норме у общества в Новое и Новейшее время кардинально отличаются от таковых в Средневековой Руси, которой мы занимаемся. Как пишет В. М. Живов,

В средневековых восточнославянских памятниках чуть ли не каждая форма представлена в нескольких возможных графических вариантах, отражающих и возможные различия в произношении (книжном и разговорном), и различия в орфографических принципах, и различия в отношении к оригиналу, с которого списывался текст (если такой оригинал имелся). При сопоставлении с тщательно стандартизованными современными литературными языками, в которых вариативность сведена к минимуму, ситуация в средневековых текстах производит впечатление полного разнообразия, в котором просматриваются лишь зачаточные формы упорядоченности. Это впечатление побуждает ряд исследователей говорить о том, что в церковнославянском узусе раннего периода вообще отсутствовала книжная норма [Worth 1978]. Мне такая точка зрения представляется неоправданной, во всяком случае если понимать норму достаточно широко, не отождествляя ее со стандартизованностью современных литературных языков. [Живов 2017: 662 – 663].

§ 1.2. Классификация ошибок в исследованиях дисграфии у носителей современного русского языка

Первое, что бросается в глаза при чтении современной логопедической и нейропсихологической литературы о дисграфии у носителей русского языка, — это отличие принятой в ней терминологии от принятой в лингвистике.

Например, гласные **переднего и заднего ряда** называются гласными **второго и первого** ряда соответственно (!) [Величенкова, Русецкая 2015: 69 – 81].

Пособие О. А. Величенковой и М. Н. Русецкой [Величенкова, Русецкая 2015: 68] интересно для нас тем, что содержит подсчет частотности описок³ у учащихся 2 – 4 классов одной из московских школ: «в среднем на одну письменную работу» таких ошибок 1.6, тогда как у детей «со специфическими нарушениями письма» их 6 – 8. К сожалению, приходится признать эти статистические данные непоказательными: если объем диктанта в начале 2 класса может быть всего около 30 слов (около 160 знаков), то в конце 4 класса он может превышать 90 слов (около 440 знаков)⁴. Средняя частотность графической ошибки у ребенка средней школы, таким образом, варьируется примерно от 0,3 до 1 ошибки на 100 написанных графем, и это значение уже почти пересекается с минимальным указанным для ребенка с дефектами речевого развития. Этот подсчет мог бы быть сильно уточнен, если бы авторы подсчитали длины диктантов в словах. Подобные подсчеты абсолютного количества ошибок безотносительно к длине текста можно найти не только в практических пособиях логопедов, но и в академических публикациях нейропсихологов, ср.: [Ахутина 2018: 79, табл. 2]. Стоит также отметить, что в силу прикладной специфики логопедии некоторые монографии, обладающие научной новизной, издаются как практические пособия; и в них тоже можно найти такую неполную статистику: [Корнев 1997: 69 – 70, табл. 3, 4].

К сожалению, нам не удалось найти искомую нами частотность ошибок относительно длины написанного текста в работах отечественных логопедов и нейропсихологов и тех зарубежных коллег, на которых они ссылались. Исследование, в котором авторы наиболее близко подошли к этой задаче, – [Гурьянов, Щербак 1950]. Так, замечателен рис. 10 [там же: 67], из которого видно, что уже после первых двадцати написанных на уроках русского языка слов более 80% первоклассников не делают ни одной ошибки в письменной

³ В отечественной традиции логопеды называют описки **специфическими ошибками**.

⁴ Во всяком случае, такие диктанты предлагаются на сайте <https://dictants.com/>

работе, а после первых семидесяти слов – более 90%. Интересны и наблюдения авторов над типологией ошибок [там же: 68–69] и их относительной частотностью [там же: 50]: так, выясняется, что в среднем около 38,1% ошибок составляют пропуски, около 34,7% – замены, 5,7% – вставки и лишь 3,3% – перестановки (эти четыре класса ошибок отнесены авторами к категории «ошибок в определении звукового и буквенного состава слов»). Как мы увидим, весьма похожее соотношение частотностей ошибок разных типов выявляется и на материале берестяных грамот. Схоже с нашим и наблюдение о том, что «согласные буквы пропускаются в середине слов, при соединении их с другой согласной» [там же: 69] – пропуски одиночных согласных в берестяных грамотах имеются, но на порядок менее частотны, чем пропуски согласных в консонантных кластерах (см. § 2.7.1). Однако стоит заметить, что замены *o* и *a* в безударном положении типа *аса* в м. *оса* [там же: 70] некорректно перечислены в общем ряду ошибок-замен, наряду с явно непозиционным смещением этих букв под ударением (типа *саль* в м. *соль*). Последний пример скорее следует трактовать в ряду смещений букв, имеющих общие начертательные элементы (в терминологии авторов – графические ошибки [там же: 72 – 76]). Не вполне ясны подсчеты замен и пропусков применительно к конкретным буквам [там же: 71], особенно с учетом того, что авторы включили в число замен банальные орфографические ошибки. Наконец, наглядные подсчеты частотности ошибок относительно длины текста в работе также отсутствуют.

Что касается классификаций письменных ошибок, то они представляют собой не самостоятельный предмет исследования, а наборы симптомов, в зависимости от которых классифицируются сами нарушения письменной речи (дисграфии). Однако классификаций дисграфий оказывается примерно столько же, сколько классификаторов. Международной, общепризнанной классификации расстройств речевого развития на данный момент не существует⁵.

⁵ В Международной классификации болезней 11-го пересмотра под кодом 6A03.1 зашифровано «Расстройство развития учебных навыков письма», однако «моторную дисграфию» иногда рассматривают в контексте 6A04 «Расстройство развития координации движений». Оба класса расстройств подклассов не имеют.

О. А. Токарева [1969: 201 – 207] выделяла 3 вида дисграфии: **акустическую, оптическую, моторную**. Последние два вида различаются тем, что при оптической дисграфии сами начертания букв корректны, но буквы смешиваются по внешнему сходству (например, *n* пишется вместо *m* и наоборот, *ц* — вместо *ш* и наоборот, *Г* — вместо *Р* и наоборот, и т. д.), тогда как при моторной пациент с трудом справляется с самим написанием букв.

М. Е. Хватцев [2010: 221 – 257] выделяет пять классов:

- Дисграфию на почве акустической агнозии и дефектов фонематического слуха;
- 1. Дисграфию на почве расстройств устной речи;
- 2. Дисграфию на почве нарушения произносительного ритма;
- 3. Оптическую дисграфию;
- Дисграфию при моторной и сенсорной афазии.

Р. Е. Лалаева, считающая наиболее обоснованной свою собственную классификацию [Лалаева 2006: 476], выделяет:

- *Артикуляторно-акустическую дисграфию* (ребенок пишет так, как произносит, а произносит неправильно);
- *Дисграфию на основе нарушений фонемного распознавания* (дифференциации фонем); произношение при этом может и не страдать. Она, в свою очередь (по не эксплицированным критериям), делится на:
 - *Акустическую;*
 - *Кинестетическую;*
 - *Фонематическую.*
- *Дисграфию на почве различных форм нарушения языкового анализа и синтеза;*
- *Аграмматическую дисграфию;*
- *Оптическую дисграфию, подразделяемую на:*

- *Вербальную дисграфию* (замена сходных по написанию букв);
- *Литеральную дисграфию* (нарушение узнавания и воспроизведения даже отдельных букв);
- *Зеркальное письмо*.

[Лалаева 2006: 474 – 479].

Иногда пособия по логопедии нельзя назвать приемлемыми уже в тех примерах на классы ошибок, которые там приводятся. Например, автор называет написание *путисла* вместо *пустила* перестановкой слогов [Правдина 1969: 226]. То же, к сожалению, можно сказать и о научной статье Т. В. Ахутиной, называющей написание *толоса* вместо *полоса* «смешением букв, близких по произношению», причем подходящая рубрика «смешение букв, близких по написанию» соседствует с предыдущей [Ахутина 2018: 78]. Тем не менее, только ее классификация дисграфий, наряду с классификацией О. А. Токаревой, дает формально непересекающиеся классы. Приведем эту классификацию почти полностью, так как она сочетает в себе и этиологические основания, и симптоматические. Опустим только те классы ошибок, которым нет точных аналогов в языке средневековой русской письменности (прежде всего, орфографические и пунктуационные).

1. Синдром слабости функций III блока мозга

Он связан с отставанием в развитии функций программирования и контроля произвольных действий и функций серийной организации движений и речи. При этом синдроме наблюдаются: **регуляторная дисграфия**, трудности создания замысла письменного текста (и его понимания при чтении), обедненный синтаксис. Для регуляторной дисграфии характерны ошибки, связанные с инертностью, упрощением или искажением программы написания:

- **Пропуск** или **вставка** букв и их элементов, слогов, слов.
- Инертное **повторение (персеверация)** предшествующих элементов букв, слогов и слов (*ледоход – ледоходах*)
- **Антиципация** (предвосхищение) последующих букв или слогов (*на ветках – ва ветках, ребята – рябята*).

2. Синдром слабости левополушарных функций II блока мозга

Он связан с отставанием в развитии таких функций, как переработка слуховой информации и переработка кинестетической информации. При этом синдроме в анамнезе нередко наблюдаются трудности звуковосприятия и звукопроизношения (фонетико-фонематическое недоразвитие речи), в школьном возрасте обычно отмечается **акустико-кинестетическая дисграфия**, обедненный словарь, снижение слухоречевой памяти, которое, в том числе, может обнаружиться на письме (пропуск отдельных слов, особенно однородных членов предложения) ...

Для акустико-кинестетической (фонологической) дисграфии характерны ошибки, связанные с трудностями выбора близких единиц:

- Ошибки слухового выбора, т. е. смешение и замены звуков, близких по звучанию (глухих – звонких, твердых – мягких).
- Ошибки кинестетического выбора. Они могут проявляться в трудностях дифференциации не только артикулем, но и графических движений, необходимых для написания буквы:
 - Смешение звуков, близких по произношению (*ж – з, т – п, т – к, т – н*).
 - Смешение букв, близких по написанию (*у — и, щ — ш, ж — х*).
 - Смешение звуков, близких и по звучанию, и по произношению (сонорных, аффрикат и их компонентов). Например, *ветер – ветел, теплая – цепля*.

3. Синдром слабости правополушарных функций мозга

Он связан с отставанием в развитии холистической стратегии переработки зрительно-пространственной, зрительной и слуховой информации. В этом синдроме в речи наблюдаются трудности удержания целостности текста и контекста: фрагментарность, уход от основной идеи при построении и понимании текста, в письме – **зрительно-пространственная (поверхностная – surface) дисграфия**. Характерными особенностями письма при зрительно-пространственной дисграфии являются следующие:

- Устойчивая зеркальность при написании букв и цифр.
- Трудности актуализации графического/двигательного образа буквы (смещения зрительно похожих или близких по написанию букв).
- Трудности запоминания зрительного образа слова, ошибки в идеограммах.
- Пропуск и смешение гласных, в том числе ударных.
- Нарушение порядка букв в словах. [Ахутина 2018: 77 – 78].

Нетрудно видеть, что при всех достоинствах нейропсихологической классификации ошибок, отдельные классы ошибок содержат принципиально разные явления: *пропуск и смешение, пропуск или вставка*. Некоторые же выделенные классы, на наш взгляд, уместно было бы назвать в соответствии с

общеизвестной лингвистической терминологией: так, согласные, находящиеся в фонологической оппозиции по бинарному дифференциальному признаку (в терминологии Н. С. Трубецкого [2000: 80] — в привативной оппозиции), называются у Т. В. Ахутиной «близкими по звучанию», тогда как «близкими по произношению» называются согласные в оппозиции по небинарному признаку (место образования) или по нескольким признакам сразу, например, *т – н* (в терминологии Н. С. Трубецкого — в эквиолентной оппозиции). Что объединяется в класс «звуков, близких и по звучанию, и по произношению» — неясно за недостатком иллюстративных примеров.

Более удачная в терминологическом отношении классификация содержится в пособии О. А. Величенковой и М. Н. Русецкой [Величенкова, Русецкая 2015: 69 – 81], однако она никак не соотнесена с этиологией ошибок, и таким образом лишена той ценности, которую мы ищем в эрратологических работах нелингвистов. Впрочем, одно ценное замечание, сделанное этими авторами и которое в лингвистических работах нам не встречалось, мы отметим:

Замены **звонких согласных глухими и глухих звонкими** встречаются с одинаковой частотой <...> У учащихся общеобразовательной школы... ошибки [в обозначении **твёрдости-мягкости** – Д. К.] не являются смещениями согласных звуков по твёрдости-мягкости, так как практически не наблюдается написание после твёрдого согласного мягкого знака или гласной второго [переднего – Д. К.] ряда. Ошибки носят односторонний характер: после мягкого согласного ученики пропускают мягкий знак или вместо гласной второго ряда пишут соответствующую ей гласную первого [непереднего – Д. К.] ряда (чаще всего *я > а*, *ю > у*, *е > о*). Такой односторонний характер ошибок был показан в работе [Сумченко 1989] и свидетельствует о том, что дети просто не усваивают способы обозначения мягкости согласных в русском письме, поскольку они являются скорее исключением из общего характера звуко-буквенных отношений. И. Н. Садовникова [Садовникова 1995] вообще не считает нарушения обозначения мягкости согласных звуков стойкими ошибками и поэтому не относит их к дисграфическим.

Отметим хороший библиографический обзор по исследованиям речевых и письменных ошибок: [Красиков 1980: 6 – 24], из которого можно заключить,

что наиболее насыщенные фактами «эпратологические» исследования проводились зарубежными психологами на материале основных европейских языков; в центре внимания отечественных психологов, работавших с русскоязычным материалом, находились прежде всего ошибки чтения вслух, орфографические ошибки и ошибки наборщиков (существенно отстоящие от темы настоящей работы).

Заслуживает внимание недавно вышедшая монография В. А. Калягина, в которой представлен один из наиболее полных обзоров научной литературы об ошибках [Калягин 2025: 22 – 35]. В этом обзоре В. А. Калягин рассматривает исследования ошибок на материале текстов Нового и Новейшего времени, как русских, так и иностранных – исследования описок в средневековых текстах в обзор не входят. Как отмечает автор, «первоначальные исследования были направлены в основном на выявление характерных типов ошибок; к количественному анализу этих нарушений обратились значительно позже» [там же: 29].

Сама монография В. А. Калягина содержит множество интересных наблюдений и статистических данных над материалом «более 4000 оговорок, описок и опечаток в текстах детей и взрослых без нарушений речи, а также нарушений в письме больных с моторной и сенсорной афазией», однако сам этот материал в явном виде не приведен, что, к сожалению, затрудняет процесс верификации собранных автором данных. К сожалению, архитектура исследования не позволяет ответить на (как нам представляется, главный) вопрос о том, какова абсолютная частотность каждого класса ошибок у каждой из выделенных групп испытуемых (например, как часто встречается пропуск слога на страницу текста у младших школьников, как часто – у больных с афазией, а как часто – у здоровых взрослых): исследование демонстрирует лишь неодинаковую относительную частотность каждого класса описок у разных групп испытуемых (так, например, обнаружено, что у младших школьников «замены гласных» среди «ошибок разного типа при записи

гласных» составляют 62 %, у старших школьников – 72 %, а у взрослых – 48% [там же: 50]). Самую глубокую обеспокоенность вызывает первичное деление ошибок на следующие три класса: 1) «ошибки, связанные с неправильной передачей звукового состава речи там, где она предусмотрена» (примеры: *дом–том, стол–стор*); 2) ошибки, связанные «с неправильной записью слов» (имеются в виду, казалось бы, банальные орфографические ошибки, например: ошибки в *карова, сабака, корреляция, сонце, воззал*); 3) ошибки, которые «связаны с несоблюдением правил графики и орфографии», например: *сол<ь>, дуп* вм. *дуб* [там же: 38] (почему написание *воззал* попадает во вторую группу, а *дуп* – в третью, неясно). В дальнейшем, однако, эта классификация уже не используется, а новая классификация, используемая далее на протяжении всей монографии, сводится к классической четверке: *замены. пропуски, вставки и перестановки* [там же].

Таким образом, приходится признать, что общепринятой классификации как ошибок, так и видов дисграфии у носителей современного русского языка, видимо, не существует. В. А. Калягин (несомненно, значительно глубже нас изучивший историю этого вопроса в научной литературе), добавляет, что наукой на данном этапе не выработано и критериев, на основании которых объективная «классификация фонетических ошибок» может быть проведена [там же: 32]. Трудно и делать выводы из доступных в этих работах подсчетов частотности ошибок, и сопоставлять их с частотностями ошибок в древнерусских уставных почерках, о которых далее пойдет речь.

§ 1.3. Текстология и теория «общих ошибок»

Основателем современной научной критики текста обычно считают Карла Лахмана. В предисловии к своему изданию Нового Завета и в его более поздних изданиях античных классиков Лахман попытался установить в качестве общего принципа классификацию семейства рукописей путем «общих ошибок». Достаточно точно и кратко этот метод изложен Д. С. Лихачевым [1962: 8 – 10].

На практике последователи Лахмана могли трактовать как «ошибку» любое чтение, которое не отвечало их представлению о прекрасном, и метод этот вызывал и продолжает вызывать теоретические дискуссии. Но и сейчас в основе своей он не ниспровергнут и остается стандартом при реконструкции архетипов текстов, за которыми есть основания предполагать так называемую «закрытую» (или «неконтаминационную») рукописную традицию [Поп 1996: 242–243].

Однако на вопрос о том, что считать ошибками, на основании которых допустимо строить текстологическую стемму, остается в силе.

Классификация «экспрессивных» ошибок текстологами всегда дается несколько небрежно, а то и смешивается с классификацией «импрессивных». На явно слишком обобщенной классификации ошибок В. Н. Перетца [1922: 64 – 68] мы подробно останавливаться не будем:

А-1) Количественные намеренные (гlossы и интерполяции);

А-2) Количественные ненамеренные (пропуски, добавления, диттографии);

Б-1) Качественные намеренные (народная этимологизация);

Б-2) Качественные ненамеренные (смещения слов, перестановки фраз).

Классификация Д. С. Лихачева [Лихачев 1962: 60 – 81] в ряде случаев тоже терминологически не вполне удачна (антиципации и реитерации⁶ букв, например, он называет прогрессивными и регрессивными ассимиляциями соответственно, что вызывает путаницу с терминами исторической фонетики). Д. С. Лихачев различает:

- Ошибки прочтения:
 - Неверное прочтение отдельных букв;

⁶ А. А. Зализняк называет этот тип ошибки, субституцию гласной через находящуюся слева гласную, «персеверацией» [Зализняк 1986: 111], напр. *Евена* вм. *Евана*. Однако в работах психологов и логопедов персеверациями называются диттографии, т. е. повторы (вставки) только что написанного отрезка текста (см. § 1.2, ср. §§ 2.4 – 2.5). В. Б. Крысько (личное сообщение) предложил избежать терминологической путаницы введением термина «итерация», который мы решили снабдить приставкой *ре-*, подчеркнув «левую ориентированность» таких замен.

- Пропуск выносных букв;
- Прочтение цифры как буквы или буквы как цифры;
- Прочтение одного слова вместо другого⁷;
- «Sauts du même au même»⁸.
- Ошибки запоминания.
- Ошибки внутреннего диктанта:
 - «Прогрессивные и регрессивные ассимиляции»;
 - «Модернизация написания через произношение»⁹.
- Ошибки письма:
 - Перестановки слогов и букв;
 - Пропуски слогов и букв;
 - Повторы слогов и букв.
- Переосмысления.

В этой классификации делается, на наш взгляд, необоснованное разграничение между «ошибками письма» и «ошибками внутреннего диктанта». Между тем, столь разнообразные по своей этиологии «импрессивные» ошибки Д. С. Лихачев объединяет под рубрикой «ошибки прочтения», по неясным критериям отделяя их от ошибок запоминания. Кроме того, вышеописанная классификация – наше схематичное сжатие пространного описания, занимающего более двадцати страниц, и использовать ее в качестве «рубрикатора» весьма непросто.

Наилучшую оценку существовавшим к середине XX в. текстологическим классификациям ошибок дал П. Маас:

Из опыта известно, что ошибки различного вида встречаются с различной частотой и, следовательно, в сомнительных случаях различна их вероятность. А чтобы определять, какие ошибки вероятнее всего в каждом отдельном случае, – для этого у нас еще нет средств, ибо прежние собрания образцов удовлетворяются примерами ошибок отдельных видов, в

⁷ Как правило, простое и знакомое (lectio faciliior) вместо сложного и непонятного (lectio difficilior).

⁸ Прыжки от сходного к сходному (фр.); их иногда делят на гомеоарктон («единоначалие»), гомеомесон («единосредие») и гомеотелевтон («единоокончание») [Герд, Федер 2003: 112].

⁹ Сам Д. С. Лихачев справедливо сомневается в том, что ее стоит считать ошибкой [Лихачев 1962: 70]

возможности которых никто и не сомневался, и не дают картины неравномерной распространенности ошибок, а об одном молчат прежде всего: какого вида ошибки *не* встречаются. [Маас 2011: 148 – 149, подчеркивания наши, курсив авторский — Д. К.].

Из более поздних опытов отметим классификацию перемен текста при переписывании в «Текстологии славянской Библии» А. А. Алексеева [1999: 43 – 47], где собственно ошибки письма (*lapsus calami*) тоже лишь кратко перечислены [там же: 45].

§ 1.4. Писцовые ошибки в русской исторической грамматике (от А. Х. Востокова до В. В. Колесова)

1.4.1. До А. И. Соболевского

Жанры лингвистического издания и лингвистического описания древних рукописей в отечественной научной традиции задал А. Х. Востоков. При издании Остромирова Евангелия он отмечал в указателе словоформ все замеченные ошибки и опiski [Востоков 1843: 39 – 313], а в лингвистическом описании рукописи они не упоминались.

Ф. И. Буслаев [1855] в своих «Палеографических и филологических материалах», т. е. лингвистических описаниях 11 рукописей собрания Московской синодальной библиотеки не упоминает об описках. И. В. Ягич в издании Зографского [Jagić 1879] и Мариинского [Ягич 1883] Евангелий ошибки отмечает, но не в словоуказателе, как А. Х. Востоков, а в подстрочных примечаниях к тексту.

Похожий принцип указания ошибок использован А. А. Шахматовым в изданиях новгородских и двинских грамот: здесь ошибки можно найти в палеографических примечаниях, идущих после текста каждой издаваемой грамоты, наряду с указаниями на плохо читаемые буквы и писцовые исправления [Шахматов 1886: 238 – 285; Шахматов 1903]. Именно шахматовский принцип впоследствии будет использован А. А. Зализняком [1995; 2004]: все такие примечания (как об исправленных ошибках берестяных

грамот, так и об оставшихся неисправленными) помещены в раздел «Графика» (в комментарии к каждой грамоте или «блоку» грамот, написанных одним почерком), а также в кратких пояснениях к «грамотам, не разбираемым индивидуально» [Зализняк 2004: 275 – 276, 340 – 342, 452 – 456, 518 – 520, 565 – 567, 638 – 641, 685 – 686]).

По-видимому, первым, кто попробовал привести все замеченные «ненамеренные ошибки» рукописи единым перечнем, стал П. Л. Лавровский [1859: 13]. Правда, перечень оказался подозрительно кратким, и составлен был только для первой из семи описанных им рукописей Публичной библиотеки – Пролога XIII в. (ныне – РНБ, Ф.п.I.47) [СК XI-XIII: № 294].

Особо стоит отметить классическую работу В. А. Богородицкого «К изучению малограмотных написаний». Хотя сделана она на материале текстов, записанных малообразованными крестьянами д. Белое Казанской губ. в 1879 г., автор справедливо отмечает важность собранных им данных для историков языка: «Такое изучение будет способствовать правильному пониманию *древних* малограмотных написаний, при исследовании которых мы лишены возможности производить подобные наблюдения и опыты и обыкновенно затрудняемся определить, что выражала известная буква или соединение букв» [Богородицкий 1881: 3]. По всей работе разбросано множество метких наблюдений, которые интересно сопоставить с материалом берестяных грамот: о «грамотнике», знавшем букву *ѣ*, но сознательно не употреблявшем ее в письме «по-просту» [там же: 4]¹⁰, об одинаковой передаче слогов [во] и [в'о] через *во* [там же: 7]¹¹, об искусственных орфографических правилах распределения *е* и *ѣ*, вырабатываемых малограмотными самостоятельно в процессе чтения [там же: 11]¹², о способности малограмотных писцов к самостоятельному освоению этимологического принципа русской орфографии

¹⁰ Ср. «безъятевые» разновидности бытовых графических систем [НГБ VIII: 107].

¹¹ Ср. написания типа *Потра* в берестяных грамотах [Зализняк 2004: 69-70].

¹² Ср. обнаруженное Г. А. Молюковым правило, употреблявшееся писцами новгородского Лазаревского скриптория, в соответствии с которым *ц* писалось как на месте *с, так и на месте *ѣ, если ему предшествовала гласная *о* [Молюков 2022: 249] или небанальные закономерности распределения *е* и *ѣ* в древнейшем списке толкового Апокалипсиса [Молюков 2025б: 213 – 219].

[там же: 16]. Однако в первом издании этого труда из описок, никак не отражающих живое произношение, разбираются только единичные и, кажется, с чересчур подробным психологическим истолкованием [там же: 26 – 30]. Попытка же их классифицировать сделана В. А. Богородицким только в переиздании этого труда в составе 2-го издания «Очерков по языковедению и русскому языку» [Богородицкий 1909: 156 – 158]. Она не представляет новых данных в сравнении с теми классификациями, которые к тому моменту создаст «школа Соболевского» (см. ниже): 1) субституция внешне похожих букв; 2) пропуски и повторы; 3) антиципации и реитерации (в авторской терминологии – «ассимиляции»); 4) перестановки соседних букв. Эту классификацию В. А. Богородицкий значительно модифицирует в 1-ом издании «Лекций по общему языковедению» [Богородицкий 1911: 157 – 158], объединяя классы 1 и 3 (куда добавлены также «морфологические» субституции типа *живый созданий* *вм. живых созданий*); новый 4-ый класс – «механические дописывания» типа *й* *вм. и, иц* *вм. ц* (на наш взгляд, его допустимо рассматривать как разновидность субституций внешне похожих). Во 2-ом издании «Лекций» В. А. Богородицкий добавляет класс «повторения», что приводит его к следующей окончательной версии: 1) субституции; 2) пропуски; 3) повторения; 4) перестановки; 5) «механические дописывания» [Богородицкий 1915: 200 – 204].

Нельзя сказать, чтобы писцовые ошибки совсем не попадали в центр внимания историков языка, следующих заданной Востоковым традиции лингвистических описаний. Так, В. Н. Щепкину (как и все предшественники, не делавшему о типологии ошибок каких-то специальных экскурсов) удалось блестяще доказать использование глаголического антиграфа в древнейшей части Саввиной книги как раз примерами неоднократных исправлений *с* из *и*, субституций *г* через *в* и *ты* через *о* [Щепкин 1899: 57 – 63]. Это доказательство имплицитно опирается на допущение, что внешне похожие буквы (такие как □ – □, □ – □ и □ – □ в глаголице) могут по ошибке взаимозаменяться, а внешне непохожие буквы (как те же буквы в кириллице) без специальных контекстных

условий – не могут. Сам В. Н. Щепкин, похоже, считал это совершенно очевидным, но перечни описок рукописей, которые могли бы фактологически подкрепить это допущение, тогда еще составлены не были.

1.4.2. А. И. Соболевский

Такого же принципа описания (без разбора писцовых ошибок исследуемых рукописей) поначалу придерживался А. И. Соболевский в своих «Очерках из истории русского языка», лишь иногда отмечая, что, например, некоторые «случаи смягчения и отвердения *л, р*, и других согласных перед *а, у*... могут быть объяснены как описки» [Соболевский 1884/2004: 113–114]. В. Б. Крысько, предпославший переизданию «Очерков» и «Лекций» Соболевского в высшей степени заслуженную ими хвалу, все же не мог не отметить: «порой в таком голом перечне можно обнаружить и мнимые отражения диалектной фонетики, т. е. явления чисто графического или орфографического порядка», «не во всех случаях приводимые им... примеры однозначны», «Соболевский исходит из постулата о надежности сведений, предоставляемых рукописями» [Крысько 2004: xiii – xiv].

Возможно, этот недочет своих капитальных трудов осознал и сам А. И. Соболевский после полемики с И. В. Ягичем в 1889 г. (см. ниже § 1.5), так что в 1901–1902 гг. он опубликовал два курса лекций «Славяно-русская палеография», во втором из которых, между разделами «Умышленные изменения слов» и «Критика текста» появляются два небольших раздела, посвященные ошибкам: «Описки» и «Ошибки в цифрах» [Соболевский 1902: 44 – 46]. Справедливо отметив, что «необходимо очень осторожно относиться к таким особенностям языка и орфографии, которые могут быть легко объяснены как описки», Соболевский стал, по-видимому, первым историком русского языка, который попытался создать классификацию последних.

На «ошибках в цифрах» мы в настоящей работе останавливаться не будем, так как в берестяных грамотах надежно установить их наличие

невозможно (немногочисленные исправления одних чисел на другие в долговых списках скорее объясняются изменением суммы долга или ошибками в расчетах, ср. [НГБ IV: 45]). Что же касается описок (которые для А. И. Соболевского – то же, что «механические ошибки и пропуски»), то они, по его мнению, «довольно однообразны и их легко узнавать»; классифицировал он их следующим образом.

Первый класс описок несколько неточно назван «повторение, вместо нужной буквы, одной из соседних букв». Как явствует из приведенных примеров, речь идет не только о реитерациях гласных и согласных, для которых термин «повторение» был бы оправдан, но и о предвосхищениях, которые «повторениями», пожалуй, назвать нельзя. Зато диттографии (повторы только что написанных букв и слогов) в этот класс не входят.

Второй класс – пропуски – А. И. Соболевский делит на три разряда:

- 1) «одной из двух рядом стоящих тождественных букв» (типа *и* вместо *ии*);
- 2) «одной из двух тождественных групп букв» (все приведенные примеры – пропуски одного из двух одинаковых рядом стоящих слогов);
- 3) «одной из двух сходных групп букв» (в примерах – пропуски слога после той же гласной, что составляет данный слог (типа *нѣ* <*вѣ*> *зрадуется*), или перед той же согласной, что составляет данный слог (например, *бра* <*ту*> *твоему*). Единственное особняком стоящее написание – пропуск трех слогов во фразе *положи* <*на* *лож**и*>, являющееся, конечно, стандартным примером гаплогграфии, т. е. «импрессивной» ошибкой). Здесь явно упускается из виду, что пропуски букв и слогов могут происходить и без контекстного «триггера» – тождественных букв, находящихся по соседству.

К классу «менее обычных описок» А. И. Соболевский относит: 1) пропуски второго элемента диграфа *оу* или *ы*; 2) пропуски титла; 3) «смещения сходных букв в собственных именах и в редких словах».

«Наконец, – заключает А. И. Соболевский свою классификацию – есть погрешности, имеющие своею причиною выноску почему-нибудь части текста на поле одним писцом и внесение ее в текст другим не на то место, куда нужно».

1.4.3. Л. Л. Васильев

Первым, кто почувствовал необходимость включить в лингвистическое описание исследуемой рукописи по возможности полную классификацию ее текстуальных аномалий, был ученик А. И. Соболевского по Петербургскому университету Л. Л. Васильев. Первый его опыт классификации «механических описок» содержится в описании Богдановского Златоуста XVI в., где автор развивает мысль своего учителя: «При изучении языка памятника очень полезно предварительно познакомиться с характером *механических* описок писца (они, насколько мы успели заметить, у различных писцов бывают не всегда одинакие): зная последние, труднее приписать простой описке фонетическое значение» [Васильев 1905: 298 – 299]¹³. Классификация описок здесь уже пятичастная:

- 1) «[писец – Д. К.] писал вместо следуемой буквы другую, соседнюю с ней»;
- 2) «писал вместо следуемой буквы не соседнюю букву, а через слог»;
- 3) «пропускал значки и буквы»;
- 4) «пропускал или повторял целые слоги»;
- 5) «видоизменял формы под влиянием соседних форм».

Как видим, первые два класса Л. Л. Васильева соответствуют первому классу А. И. Соболевского, но явной зависимости одной классификации от другой не обнаруживается: так, пропуски и повторы слогов Л. Л. Васильев не вполне удачно объединяет в четвертый класс, а у А. И. Соболевского повторы и вовсе отсутствуют.

¹³ Характерно, что в более ранней работе о Новгородском Евангелии [Васильев 1902], «дозволенной цензурою» 1 апреля 1902 г. и, очевидно, написанной много раньше выхода в свет «Палеографии» Соболевского, раздела об описках рукописи еще нет.

Два года спустя, описывая язык Вологодского Евангелия XVI в., Л. Л. Васильев заметил: «ни в одном другом памятнике я не встречал такой массы описок: редкая страница не имеет их» [Васильев 1907: 245], и, как следствие, их классификация оказалась более подробной. Ее автор предварил перечислением «орфографических приемов» писца (т. е., надо полагать, сознательно употребленных писцом орфограмм), к которым отнес:

- «удвоение буквы *и*»;
- удвоение других гласных;
- «написание вообще за гласною буквою буквы *и*»;
- «некстати вставленное *е*»;
- «вместо *ии* и *ьи* пишется одно *и* и *ы*»;
- удвоение *н*;
- написание *зс* вместо *з* [Васильев 1907: 242 – 245].

Весьма примечательно, что «удвоения» А. И. Соболевский не решался включать в свою классификацию описок (вероятно, подозревая за ними возможность фонетической интерпретации: см., например, абзац, начинающийся со слов «Почти все гласные буквы в Луцком Ев. удваиваются...» [Соболевский 1884/2004: 43]), а Л. Л. Васильев с уверенностью отнес к «опискам механического характера» только удвоения слогов (см. ниже), тогда как удвоения отдельных букв перечислил среди «орфографических приемов». В этом несомненно следует видеть определенное влияние на Л. Л. Васильева со стороны взглядов его учителя: как увидим ниже (§ 1.5), за 10 лет до труда Васильева А. И. Соболевский выпускает статью «Из истории русского языка» (1897), где рассматривает в разделе XI удвоения гласных букв как языковые факты [Соболевский 1897: 57–58]¹⁴.

Противопоставлены сознательным «орфографическим приемам» писца Вологодского Евангелия бессознательные «описки механического характера».

¹⁴ Ссылаемся здесь, вопреки общему правилу, на оригинальную версию статьи, а не на переиздание, осуществленное В. Б. Крысько [Соболевский 1897/2006], поскольку в последнем рассматриваемый раздел опущен и приведен только в более поздней версии как раздел 13 «Мелких заметок по славянской и русской фонетике» (1910) [Крысько 2006а: 600].

Их классификация в общих чертах напоминает представленную им двумя годами ранее в описании Богдановского Златоуста. Однако теперь пропуски слогов объединены с другими пропусками, среди вставок обнаружились не только повторы слогов, но и вставки отдельных букв; кроме того, в отдельный класс были выделены перестановки. Субституции букв теперь разделены на реитерации и антиципации¹⁵. Примеры из каждого подкласса I а) и I б) разбиты им через тире на подвиды в зависимости от того, какой именно буквой спровоцирована описка [Васильев 1907: 245 – 247]:

- I. «Пишется вместо следуемой буква соседнего слога»:
 - а) Реитерации: *a – e – и – o – □*;
 - б) Антиципации: *a – e – и – ы – ou – A – согласных*;
- II. «Пишется вместо следуемой буквы буква через слог»:
 - а) Реитерации гласных;
 - б) Антиципации гласных;
- III. «Влияют конец и начало слова на конец и начало соседнего слова» (*глади* *и пагоуби*, *оуч<e>ници* *Оува|нови*). Заметим, что аналогов этим двум ошибкам в берестяных грамотах нет, из чего можно достаточно уверенно заключить, что этот род ошибки бывает только при переписывании, но не при записи автором собственной речи.
- IV. «Пропускаются титла, буквы, слоги»;
- V. «Вставляются соседние буквы и слоги». Отметим здесь примеры вставок, не являющихся диттографиями: *с{к}векровь*, *смо{с}квы* (ср. § 2.3). Как уже сказано, диттографии отдельных букв Васильев описками не считает.

¹⁵ Термины – наши; сам Л. Л. Васильев просто делит классы I и II на подклассы а) и б)

VI. «Переставляются соседние согласные» (ср. § 2.6): *вдоръ, двова*¹⁶. Как пронизательно замечает автор, «перестановку эту я отнес к числу описок, но возможно, что здесь мы имеем дело с отражением фонетики (ср. существование в современных говорах *низля, невры, неврый*, малорусск. *свякий*¹⁷)».

Л. Л. Васильев отделяет как от «орфографических приемов», так и от «описок механического характера» непозиционные взаимные мены глухих и звонких парных согласных (см. § 2.9 настоящей работы), а также мены плавных *р* и *л* – эти два класса текстуальных аномалий он несколько парадоксально называет «описками, обязанными своим возникновением фонетике писавшего, но не отражающими ее» [там же: 247 – 248]. Наконец, есть «такие описки, которые не поддаются никакому объяснению» и «странные согласования, похожие на описки».

На следующий год вышло второе издание «Славяно-русской палеографии» А. И. Соболевского, объединяющее два курса лекций под одной обложкой. Автор пополнил отдельными примерами некоторые из выделенных классов, но не счел нужным видоизменять сам список этих классов в соответствии с более подробной классификацией своего ученика [Соболевский 1908: 101 – 102].

1.4.4. Н. М. Каринский

Еще через год другой ученик А. И. Соболевского, Н. М. Каринский, опубликовал труд «Язык Пскова и его области в XV веке», в котором в начале первых восьми описаний рассмотренных памятников счел необходимым

¹⁶ В этой же рубрике автор помещает *водоюи* (!) вм. *двою*. Заметим, что ничего подобного такому искажению текста в берестяных грамотах нам не встретится: это явно пример словоформы, неоднократно испорченной рукописной традицией, где мы знаем лишь начальный и конечный результат. В чем именно заключалась ошибка писца Вологодского евангелия и какое именно написание стояло в его антиграфе, сказать нельзя. Это же справедливо для подавляющего большинства сложных (так сказать, неэлементарных) искажений, встречающихся в рукописях, но не имеющих аналогов в берестяных грамотах.

¹⁷ «Малорусское *свякий*» взято Л. Л. Васильевым, вероятнее всего, из «Малорусько-німецького словаря» [ЖН, II: 858]. Единственная фиксация этого слова – в письменном договоре об аренде, включенном в материалы этнографической экспедиции [ТЭСЭЗРК, VI: 333]. Нельзя исключать, что это лексикографический фантом, объясняемый механической опиской в первоисточнике.

«предпослать замечания о количестве и характере встречающихся в ней описок и других неисправностей текста» [Каринский 1909: 3 – 7, 43 – 45, 64, 78, 90, 97, 112, 120, 130, 141].

В описании Палеи 1494 г. (ныне – РГБ, Ф. 256 № 453), Н. М. Каринский делит «простые описки»¹⁸ на три разряда:

- «Написание вместо нужной буквы или слога стоящих близко от них буквы или слога, отчего такие буквы являются написанными дважды: один раз в надлежащем месте и один раз ошибочно» (в нашей терминологии – антиципации и реитерации гласных и согласных. Это не что иное, как первый класс механических ошибок по Соболевскому);
- «Повторение буквы, слога, слова и даже фразы»; как видим, в классификации Соболевского этот пункт вовсе отсутствует. Зато как простую описку Н. М. Каринский рассматривает удвоение одиночной буквы (*с{с}о мною*) – заметим, что Л. Л. Васильев рассматривал удвоения *и* как сознательный «орфографический прием» [Васильев 1905: 302, 1907: 244] (диттографии других согласных ни в описании «Златоуста», ни в описании Вологодского Евангелия, напомним, не считались описками).
- «Пропуск букв между одинаковыми буквами, причем пропускается вместе и одна из этих одинаковых букв» (в действительности все приводимые примеры могут или даже должны быть рассмотрены как пропуски слогов с «триггерами» – гласной в слоге слева и согласной в слоге справа).

Не попавших ни в один из этих разрядов текстуальных аномалий всего четыре, но для двух из них будет место и в нашей классификации (Глава 2): *медню* вм. *медию* и *иердона* вм. *иердана* (подстановка схожей буквы; в последнем случае ошибка, вероятно, перенесена из антиграфа, так как в почерке писца петля от *а* и буква *о* существенно различаются¹⁹); *хлебе^м* вм. *хребе^м* (мена плавных).

¹⁸ Рассуждения автора об «импрессивных» ошибках [там же: 2, 5 – 7] мы здесь опускаем.

¹⁹ См. фотокопию рукописи: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/256/f-256-453/> (Интернет-ресурс. Дата обращения: 30.06.2026).

Избаѣни вм. *избѣени*, вероятно, – результат какой-то цепочки искажений в рукописной традиции, а не элементарная описка.

Идентичные классы описок Н. М. Каринский выделяет и для остальных рассматриваемых им памятников, по остаточному принципу приводя примеры описок, не попадающие ни в один из трех классов.

Судя по тому, что собранные Л. Л. Васильевым и Н. М. Каринским примеры описок (у Л. Л. Васильева, кроме того, и «орфографических приемов») то и дело содержат в конце малозаметные «и др.», «и мн. др.», оба исследователя не ставили перед собой цель перечислить все текстуальные аномалии рассмотренных ими рукописей. Ни А. И. Соболевским, ни Л. Л. Васильевым, ни Н. М. Каринским не был предложен четкий критерий, позволяющий разделить текстуальные аномалии на имеющие фонетическую природу и не имеющие таковой (см. выше, например, сомнения Л. Л. Васильева относительно квалификации перестановок букв): деление текстуальных аномалий на «описки», фонетические явления и «орфографические приемы» производилось ими исключительно по наитию. Тем не менее, именно А. И. Соболевский и два его знаменитых ученика были первыми учеными, попытавшимися разработать классификацию описок древнерусских (в широком смысле) рукописей и эксплицитно отделить описки от «фактов языка».

1.4.5. Н. Н. Дурново

Н. Н. Дурново в «Истории русского языка» [1924: 35 – 36] вначале делит «отступления от грамотного письма» на ошибки и описки. Он повторяет мысль, проходящую красной нитью через вышеуказанные труды «школы Соболевского»: описки – «чисто графическое явление, которое ничего не дает для суждения об языке, но знакомство с наиболее обычными видами описок важно для того, чтобы не принимать описки за отражение фактов языка». Описки Н. Н. Дурново классифицирует следующим образом (речь явно идет об описках в дореволюционной скорописи):

1. смешение сходных по начертанию букв (*б* и *д*, *т* и *ш*, *ѣ* и *ы*) – у «лиц, не вполне твердых в письме»
2. «в буквах или буквенных сочетаниях, состоящих из ряда одинаковых элементов может быть пропущена часть буквы, или, наоборот, добавлен однородный элемент буквы» (*пт* вместо *пп* и наоборот, *шии* вместо *ши* и наоборот; *гололодный*, *попопрыгунья*). Заметим, что повторы и пропуски в данном случае безусловно следовало бы разделить на два разных класса. Повторим также, что и те, и другие случаются и без контекстного триггера (как можно будет увидеть в собранном нами материале берестяных грамот).
3. предвосхищения: *жуужа* вм. *мужа*, *быба* вм. *рыба*, *гуру* вм. *гору*. Здесь Н. Н. Дурново делает важное примечание, которое до него, кажется, никем прямо не высказывалось: «буква заменяется буквой, занимающей в слове то же положение: гласная заменяется гласной, согласная согласной и т. п.» [подчеркивание наше – Д. К.];
4. «Реже – обратная графическая ассимиляция: вместо нужной буквы пишется буква предыдущего слога: *вова* вм. *вода*».

Несмотря на то, что «описки – чисто графическое явление», Н. Н. Дурново справедливо замечает, что они в ряде случаев ничем не отличимы от отражения на письме некоторых нерегулярных изменений в истории языка, приводя примеры морфологической аппликации *схимонах* (вместо **схимомонах*) и фонетической ассимиляции гласных (укр. *багатий*), явно позаимствованные у А. И. Соболевского [там же; ср. Соболевский 1894/2006: 188–190; Соболевский 1897/2006: 199–200]. «Ошибкам» же Н. Н. Дурново сначала никакого определения не дает, но далее следуют примеры «собственно ошибок» [там же: 36 – 37]: отражение на письме аканья в современном русском, цоканья в севернорусских памятниках, нового ятя в южнодревнерусских памятниках – из чего следует, что «собственно ошибками» Н. Н. Дурново считал любые проявления живого произношения, противоречащие традиционному орфографическому облику слова и потому представляющие первостепенный

интерес исторической фонетики (т. е. упомянутые им в вышеприведенной цитате «факты языка»). Однако далее Н. Н. Дурново называет просто «ошибками» уже любые «отступления от установленного правописания» [там же: 39], из чего можно заключить, что для него просто «ошибки» делились на «собственно ошибки» и «описки».

1.4.6. О. В. Малкова

В 1930-е гг. отечественная научная традиция исследования памятников древнерусской письменности была насильственно прервана. «Никто из проходивших по “делу славистов” и аналогичным “делам”, даже те, кто дожил до 60-70-х годов, так и не вернулся к лингвистическому изучению древних памятников» [Крысько 2007б: 106]. В частности, лишь к концу 70-х гг. вопрос о разграничении «механических описок» и «фактов языка» древней рукописи стал предметом специального исследования. О. В. Малкова [*СлРЯ XI-XVII*, Справочный выпуск: 147 – 148] рассмотрела все писцовые ошибки *ЕвГ*. Материал своего исследования она определила следующим образом:

«1) Все случаи, где писец произвел правку. Здесь писец сам признал факт неадекватного воспроизведения текста; 2) Не исправленные писцом орфограммы, наличие описки в которых не вызывает сомнения, например, отсутствует часть слова или внутри слова имеются лишние буквы. Не рассматриваются в статье не исправленные писцом отступления от традиционной орфографии, квалификация которых как лингвистических ошибок или как психологических ошибок должна быть сделана на фоне общих орфографических норм, наблюдаемых в рукописи: особенности в употреблении букв редуцированных, смешение букв *ѣ* – *и* – *е*, смешение букв *ы* – *и*, *оу* – *ѡ* и т. п., а также имена букв гласных во флексиях, которая могла быть вызвана преобразованием в парадигмах. Заимствованные слова не обладали в древнерусских рукописях устойчивой орфографией, поэтому колебания в написании заимствованных слов рассматриваются лишь в том случае, если исправление сделал сам писец или наличие описки очевидно». [Малкова 1979: 110].

Остается только удивляться тому, почему критерий 1) не высказывался никем ни до, ни после О. В. Малковой. Ведь никто, в самом деле, не способен лучше самого древнерусского писца, исправившего те или иные написания, рассказать

нам, какие именно написания допущены им по невнимательности. Поэтому в настоящей работе мы попытаемся создать общую классификацию описок прежде всего на основе исправляемых написаний (см. Главу 2). Критерий 2), сформулированный О. В. Малковой, конечно, стоит признать менее удачным: как мы увидим, «пропуски части слова» исследователи иногда рассматривают как отражение аллегрного произношения и появляющихся на его основе нерегулярных фонетических изменений – синкоп гласных, упрощений групп согласных и т. д., а «лишние буквы», именно удвоения гласных и даже согласных, как мы уже видели и еще увидим, иногда рассматриваются как отражение долготы соответствующих звуков (хотя эта тенденция постепенно выходит из лингвистической моды). Как покажет три года спустя В. В. Колесов (см. ниже), список слов, «наличие описки в которых не вызывает сомнения» и «очевидно» в действительности каждый исследователь понимает по-своему.

О. В. Малкова разделяет «около 500» выявленных в рукописи ошибок на три класса: 1) «пропуски», 2) вставки, 3) «мены одной-двух букв»²⁰. Как справедливо отмечает исследовательница, «эта простейшая классификация универсальна, с помощью ее можно непротиворечивым образом систематизировать все изучаемые явления» [там же: 112]²¹. Однако трудно согласиться с тем, что не представляют лингвистического интереса более подробные классификации, «разработанные психологами... со специфическими задачами... – понять внутреннее строение речевой способности человека, выяснить психо-физиологические механизмы речи» [там же]. Как мы видели, более подробные классификации описок задолго до отечественных психологов пытались разрабатывать историки русского языка и притом с совершенно другой целью – «чтобы не принимать описки за отражение фактов языка», как писал Н. Н. Дурново.

²⁰ В действительности, как явствует из дальнейших примеров [там же: 115], заменяется всегда одна буква. Единственное исключение, по мнению автора, – замена *Иосифовъ* на *Юсифовъ*, что заставляет настороженно отнестись к этим подсчетам: очевидно, что это не описка.

²¹ Впоследствии такую трехчастную классификацию использует Г. А. Мольков (см. ниже § 1.6). Практически идентична классификация Н. М. Каринского (см. выше § 1.4.4), с той разницей, что последний не выделял общего класса «Замены», а те замены, которые не объяснялись как реитерации и антиципации, помещал в разряд «прочих».

Наиболее ценной в исследовании О. В. Малковой представляется попытка статистического анализа пропусков, затрагивающих отрезки длиной менее одного слова. Большое значение имеет наблюдение о том, что в начале слов они встречаются реже, чем в середине и конце (38, 54 и 54 случая соответственно), причем подавляющее большинство их (33) в начале слов исправлено, тогда как в серединах и концах слов исправлено чуть больше половины (по 31 случаю) [там же: 113]. Приведено здесь и достаточно убедительное психологическое объяснение этого феномена со ссылкой на экспериментальное исследование [Шеннон 1963: 674]. Все 92 пропуска целых слов разделены 23, «искажающие содержание», 26, не искажающих содержания, 40 пропусков союзов и 3 пропуска частицы *не* в двойном отрицании²², а также 8 пропусков более крупных отрезков текста [там же: 114 – 115]. Значительная часть примеров пропусков полностью выписана, для других указан столбец, в котором присутствует ошибка, что позволяет читателю группировать собранный материал пропусков по своему усмотрению.

Увы, второй класс ошибок, «Двойных написаний, случаев присутствия лишних букв и слов», О. В. Малковой полностью не расписан, приведены лишь единичные примеры и общая статистика: ошибок второго класса «около 75, в т.ч. 24 исправлены». Ошибок третьего класса, «случаев замены ... – более 100», они, в отличие от второго класса приведены полностью (по нашим подсчетам приведенных примеров получается 114) [там же: 115].

Важно наблюдение О. В. Малковой над неоднократными случаями неудачных исправлений [там же: 117 – 119] – их наличие надо иметь в виду при анализе исправлений в берестяных грамотах: не каждое исправление получается у писцов с первого раза и не каждый результат исправления нужно пытаться интерпретировать как безупречную запись текста.

Убедительным представляется скепсис О. В. Малковой по поводу рассмотренных В. И. Борковским и П. С. Кузнецовым [1963: 89] случаев

²² Конечно, отнесение этих трех случаев к простым опискам спорно, но куда причудливее выглядела бы картина, при которой это сверхчастотное слово не пропущено ни разу.

пропуска *z* в южнорусских рукописях как свидетельств ее фрикативного произношения [Малкова 1979: 119] (впрочем, исследовательница заходит здесь слишком далеко, видимо, полагая, что фрикативное *z* можно считать значительно более поздней инновацией южного ареала). Не лишенным основания нам видится и ее скепсис по поводу приведенных авторами «Історичної граматики української мови» [Безпалько и др. 1962: 165] примеров отпадения начального *и* в южных памятниках XIII в., которые О. В. Малкова предлагает рассматривать как частный случай механических пропусков. Однако из трех примеров, приведенных А. И. Соболевским в пользу дифтонгического произношения [yo] на месте **o* в новых закрытых слогах – **цюдръ**, **субутныи** в *ЕвТуп XII/XIII* (лл. 97 об., 193) и **иудѣюмъ** в *ЕвГ* (стлб. 51a) [Соболевский 1888/2004: 15, 24; Соболевский 1907/2004: 67] только второй и третий не следует считать показательными, как предлагает О. В. Малкова: действительно, это может быть реитерация («постпозиция», как выражается исследовательница) ближайшего слева и второго слева гласного соответственно (а последний пример лучше даже рассматривать как смешение внешне похожих букв *ю* и *іе*). Что касается **цюдръ**, то О. В. Малкова обосновывает ошибочность этого написания аналогичными, как ей кажется, примерами **въшюдшю**, (где *ю*, очевидно, вследствие антиципции) и **іемоу**, где *іе* исправлено из *ю*. Но внешне похожими являются именно *іе* и *ю*, а не *є* и *ю*. Ввиду этого объяснение А. И. Соболевского безальтернативно: после **ц** буква *іе* не употребляется, и *ю* не может спутаться с ней случайно, а в слогах по соседству *ю* отсутствует, так что написание нельзя объяснить ни «постпозицией», ни антиципацией, ни визуальным либо моторно-кинетическим сходством букв.

Этот последний пример очень показателен. О. В. Малкова, пожалуй, лучше своих предшественников и большинства последователей изучившая типологию описок в рукописях, по-видимому, пришла к неутешительному выводу о том, что любая классификация описок, более подробная, чем предложенная ей трехчастная, рискует стать внутренне противоречивой

(поскольку одни и те же написания начинают попадать сразу в несколько классов). В результате из центра ее внимания пропал тот факт, что не всякая буква может заменяться на любую другую по ошибке – замены похожих букв похожими происходят в строго ограниченном наборе пар графем, среди которых *є* – *ю* отсутствует. Другой подобный пример – рассмотрение формы *Ю<г>юпта* в числе пропусков [Малкова 1979: 113, 119] (хотя здесь само напрашивается предположение о отражении южнорусского фрикативного [*ɣ'*]): если бы О. В. Малкова попробовала создать альтернативную классификацию пропусков – не только в зависимости от положения пропуска в слове, но и от положения пропуска в слоге, то увидела бы, что интервокальные согласные в анализируемой рукописи пропущены лишь дважды, и оба раза исправлены (см. § 5.4). Впрочем, надо отметить, что она же, не найдя в выписанных ей примерах случаев ошибочной вставки после *о* буквы *у*, совершенно справедливо предложила фонетическую интерпретацию примеру *въ|змоужьно* (*ЕвГ*, стлб. 87г), А. И. Соболевским не отмеченную [Малкова 1979: 119].

Несмотря на указанные недостатки работы О. В. Малковой, надо сказать, что именно она вернула из научного небытия проблему соотношения в древнерусских рукописях описок и языковых фактов, сделала ряд новых ценных наблюдений (прежде всего относительно меньшей частотности описок в началах слов), а также – за исключением «около 75» вставок букв – впервые в палеорусистике предприняла попытку полной росписи ошибок исследуемой рукописи, попутно обнаружив едва ли не древнейший надежный пример отражения [*o*] в закрытом слоге в виде *оу* в датированной галицкой рукописи²³.

1.4.7. В. В. Колесов

Через три года тема описок в рукописях появилась во «Введении в русскую историческую фонологию» [Колесов 1982: 30 sq.], однако в силу труднодоступности этого издания отсылать здесь и далее будем к обновленной

²³ Более древний пример, по-видимому, только *ю* из *е* все в том же *цюдръ*, однако *ЕвТуп XII/XIII* – памятник, датируемый только палеографически.

версии этого труда, «Исторической фонологии русского языка» [Колесов 2008: 243 sq.]. Надо иметь в виду, что научный стиль В. В. Колесова не подразумевал строго терминологического употребления этих ключевых для нашего исследования слов: так, «описки» названы сначала «орфографическими дублетами» и противопоставлены «вариантам» – «морфонологически оправданным чередованиям фонем» [там же: 245]. Затем приведена классификация ошибок, предложенная Д. С. Лихачевым (см. выше §1.3; очевидно, «ошибками» называются здесь уже далеко не только «морфонологически оправданные чередования фонем»). Однако содержит она и авторские модификации. Так, к «ошибкам запоминания» В. В. Колесов добавляет «перестановку букв» [там же], которая, однако, затем появляется и в категории «ошибок письма» [там же: 246]. Эти последние у В. В. Колесова, судя по всему, синонимичны «опискам» в понимании Н. Н. Дурново. Они оказываются «чрезвычайно редки» (надо подразумевать: в книжных памятниках, хотя, судя по выпискам О. В. Малковой, одних только неисправленных пропусков в *ЕвГ* более сотни). Напротив, берестяные грамоты, согласно В. В. Колесову, «пестрят многочисленными ошибками и описками внутреннего диктанта» [там же; вероятно, слова *ошибками* и *описками* здесь случайно переставлены – Д. К.]. Абзацем ниже, со ссылкой на того же Н. Н. Дурново [Дурново 1924: 35] утверждается, что «ошибка важнее описки», хотя далее признается, что «понятие описки... не всегда точно вычленяется из общего понятия ошибки» [Колесов 2008: 247]). Наконец, В. В. Колесов как будто приходит к явному противоречию или, быть может, намеренному парадоксу: «Все типы ошибок, произведенных в границах слога, фонетически и фонематически содержательны и являются отклонениями, а не ошибками» [там же: 256; подчеркивание наше – Д. К.].

§ 1.5. Описка или фонетическое явление? Несколько споров между историками русского языка

И все же нужно отметить, что В. В. Колесов, по-видимому, был первым, кто, хотя и с недостатком точных библиографических ссылок и с подчас неверной интерпретацией мыслей предшественников, показал, как много в исторической русистике незавершенных споров по поводу того, какие именно текстуальные аномалии следует считать описками, а какие — «языковыми фактами». Приведем это место полностью, снабдив его необходимыми ссылками и комментариями.

1.5.1. Еканье или «описка»?

Написание *ученился* вместо *учинился* А. А. Шахматов считал опиской, а А. И. Соболевский видел за такой опиской важную особенность новгородской фонетики — смешение /е/ и /и/ (теперь признается, что в подобных написаниях отражено «еканье» безударных гласных) [Колесов 2008: 247].

Написание, о котором идет речь, присутствует в договоре Новгорода с тверским князем Михаилом Александровичем 1375 г. [ГВНП 2025: № 104, с. 248 – 249]. Отметим, что осторожно предполагаемая А. А. Шахматовым [1886: 161] «описка» типологически уникальна (*е* нельзя объяснить ни контекстом окружающих слогов, ни внешним сходством с *и*). Правда, надо заметить, что о «смешении» и «фонетике» А. И. Соболевский ничего прямо не говорит: «Для нас несомненно, что это *е* находится в связи с новгородскою заменою *ѣ* через *и*; сравн. наши “Исследования в области русской грамматики”, с. 45, прим.» [Соболевский 1887/2006: 469]. Перейдя по указанной ссылке (воспользуемся и здесь переизданием В. Б. Крысько [Соболевский 1881/2006: 44, примечание 288]), обнаружим, что «*е* здесь явилось не фонетическим путем <...> в новгородском говоре издревле *ѣ* произносилось близко к *и* или как *и*, и новгородские писцы нередко заменяли *ѣ* через *и* и наоборот — и через *ѣ*; начертания *апрѣль*, *Агриппѣна*, явившиеся впервые совершенно случайно, с течением времени сделались обычными и перешли из Новгорода, вместе с

книгами, в среднюю Русь, где *ѣ* произносился постоянно близко к *е*» [подчеркивание наше – Д. К.]. Кажется, понимать это надо так, что для Соболевского *е* в *ученился* есть графический субститут *ѣ* со звуковым значением [и]. Стоит, однако, заметить, что «новгородизмы» в рассматриваемом новгородско-тверском договоре сводятся к 8 случаям цоканья (6 раз в лексемах *цѣловати* и *цѣлованье*, записанных через *ч*-, 1 раз в *Костантиновица* и 1 раз в *оуѣнь* <отчинѣ>) и окончанию *-ѣ* во мн. ч. глаголов прошедшего времени (4 примера). Противостоят этому: 14 случаев этимологического употребления *ч* и 12 случаев этимологического употребления *ц*, окончание *-ѣ* в л-причастиях муж. рода и существительных Им. ед. муж. (21 раз; новгородское *-е* не употреблено ни разу), III палатализация в основе *вс-* (6 раз; новгородское *вх-* – ни разу), II палатализация в единственной релевантной позиции (*на Волзѣ*). При этом цоканье несомненно было свойственно не только древненовгородскому, но и древнетверскому диалекту (оно отражено во всех четырех берестяных грамотах из Твери с наличием релевантных позиций: *хоцеши* Твер. 1, *цто* Твер. 2, *тысаце* Твер. 3, *бцелы* Твер. 5). Относительно *-ѣ* в претерите мн. ч. такой уверенности пока нет. Прочие отмеченные нами особенности грамоты можно рассматривать, конечно, как безошибочно осуществленную «наддиалектную коррекцию» [Зализняк 2004: 101] своего языка новгородцем, стремившимся писать на общерусском койне, но ничто не мешает предполагать в них и отражение тверской диалектной основы грамоты²⁴. В этом случае предположение В. В. Колесова о фонетическом тождестве безударных *и* и *е* становится более правдоподобным, поскольку в новгородских берестяных грамотах не обусловленная графическим контекстом замена *и* на *е* не отмечена ни разу²⁵. В то же время, мы осознаем, что предположение о смешении безударных *и* и *е* в тверском диалекте XIV в., отразившемся в нашей грамоте,

²⁴ В пользу такого предположения может косвенно говорить начальная формула, в которой главным действующим лицом выступает именно тверской князь, а не новгородская сторона: *Се доконча кн(а)зь великийи Михаило Олександровичъ тѣбрьскыи приславъ своего по|сла в Новгородъ Михаила Костантиновица, съ архиеп(и)с(ко)п(о)мъ новгородьскымъ съ вл(а)д(ы)кою | съ Олексыємъ, с посадникомъ съ Юрьємъ, с тысяцьскимъ с Матфѣємъ, съ всимъ | Новымъгород(о)мъ...*

²⁵ Отметим, однако, что еканьем ее называть не вполне корректно: при еканье реализуются в звуке [e] безударные /a/, /e/ после мягких согласных, тогда как с /и/ этот звук совпадает при иканье [Попов 2020a].

есть объяснение *ignotum per ignotius*, в связи с чем более сложное объяснение А.И. Соболевского не стоит сбрасывать со счетов.

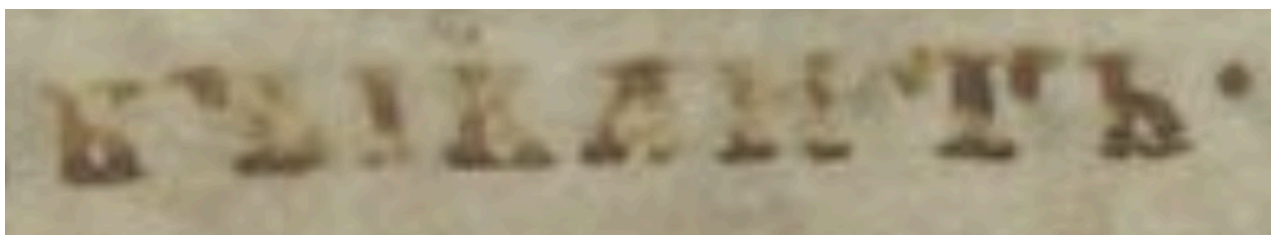
1.5.2. Диттография гласного или отражение его долготы?

Написание с удвоением гласной буквы (*по своимъ* в Луцком Евангелии XV в. и др.) А. И. Соболевский считал опиской, тогда как Е. Ф. Будде справедливо видел за подобными написаниями долготу гласного (по мнению Л. Л. Васильева, в удвоении гласных отражается влияние южнославянских оригиналов текста). [Колесов 2008: 247]

Нам неясно, откуда почерпнуто здесь это мнение Соболевского: в «Очерках» А. И. Соболевский помещает абзац об удвоениях гласных в Луцком Евангелии сразу после большого раздела о «новом яте» и перед абзацем об «о после *е* в конце строк и вставке *и* перед *я* и *ю* в конце и в середине строк» [Соболевский 1884/2004: 43]. [Там же: 101] цитируется именно этот пример в числе других удвоений гласных, о которых говорится: «двойное *и* могло явиться в этих примерах из таких слов как *прииду*. Графике принадлежит и *и* в *моия*, *свинья* и др. Луцк.; в произношении оно совсем не существовало». Тем самым, в «Очерках» удвоения гласных – в самом буквальном смысле – явление на стыке фонетики и графики, но об описках ни слова не сказано. Затем, более определенно А. И. Соболевский рассматривает удвоения гласных в XI разделе статьи «Из истории русского языка» 1897 г. [Соболевский 1897: 57–58], затем, с расширенным списком примеров, в 13-ом разделе «Мелких заметок по славянской и русской фонетике» [Соболевский 1910/2006: 276 – 278; Крысько 2006а: 589, 597–598]. В последней статье, со ссылкой на Д. Даничича, А. И. Соболевский указывает, что «Старочешские, старопольские и старохорватские памятники нередко (хотя и непоследовательно) употребляют по две гласных буквы там, где нужно изобразить долгий гласный звук. Наше старое письмо также знает употребление двух гласных букв (без всякой последовательности) ... Не мешает обратить внимание на употребление двух гласных, так как оно часто совпадает с древним или современным ударением» [подчеркивание здесь и далее наше – Д. К.]. Приведя обширный перечень выписок соответствующих

примеров из рукописей, Соболевский заключает: «Мы не решаемся сказать что-нибудь определенное о значении употребления двух гласных, за недостатком собранных нами данных». Действительно, наличие такой традиции у неправославных славян в раннее Новое время (особенно у чехов и хорватов, в чьем языке долгота фонологична) совершенно не обязательно связывать со спорадическими удвоениями гласных в русских и болгарских рукописях XI – XV в. Связь таких удвоений с просодическими характеристиками ударных или предударных гласных необходимо доказывать статистически: как мы покажем в § 2.4, удвоения гласных в берестяных грамотах часто исправляются писцами, что говорит о ненамеренном характере подобных написаний, и видеть в них нечто большее, чем описки, оснований нет, несмотря на то, что ударные гласные, действительно, обнаруживают легкую тенденцию к чуть более частому диттографированию, чем безударные.

Что касается гипотезы Е. Ф. Будде, то, может быть, В. В. Колесов здесь имеет в виду раздел «О долгих гласных и дифтонгах» сочинения «К истории великорусских говоров» [Будде 1896: 200 – 221]. К сожалению, в единственной известной нам рецензии на этот труд [Шахматов 1898] среди перечисленных на первых 40 страницах грубых лингвистических ошибок Е. Ф. Будде не отмечается сопоставление услышанных им в говорах Касимовского уезда «долгих гласных» с написаниями древних памятников *бывають* 3 л. ед. ч. (УМон XII, 17v:4), *мола*^м 1 л. мн. ч. (КР 1284, 402d:18). Первая форма (вместо ожидаемого *бывають*) просто неверно передана в издании И. И. Срезневского [1863: 514], см. фото:

Вторая форма вполне удовлетворительно объясняется меной юсов в болгарском антиграфе, где вместо нее была форма презенса 1 л. ед. ч. **мола* [Крысько 2025:

153]. Однако даже если бы первое написание не было опечаткой, совершенно неясно, каким образом эти два написания могли бы свидетельствовать о количестве гласного (а не о его качестве).

Более серьезного обсуждения заслуживает упомянутая В. В. Колесовым гипотеза Л. Л. Васильева о «влиянии южнославянских оригиналов». Она высказана все в том же описании Вологодского Евангелия XVI в. [Васильев 1907: 243 – 244], и хотя в памятнике отмечены как болгарская мена юсов [там же: 248 – 249], так и сербская взаимная мена *ѧ~е* [там же: 251], удвоения *и*, наряду с его появлением после других гласных автор сопоставляет именно со старосербскими грамотами [там же: 244; Майков 1857: 419 – 421], а не южнославянскими памятниками письменности вообще. Трудно сказать, отражена ли в этих примерах фонологическая долгота сербских звуков (А. А. Майков разделял свои примеры на «усиливающую» частицу *и* и «простое удвоение», ср. [Загребин 1998]), но несомненно, что к истории русского языка это отношения не имеет: длительность гласных в русском языке – не дифференциальный фонологический признак, а континуальный фонетический параметр, в разных диалектах по-разному соотносённый с просодическим ядром словоформы [Князев 2006: 44 – 46, 55 – 56]. Речь могла бы идти только о том, чаще ли в памятниках удваиваются гласные, соответствующие праславянским долгим звукам, но пока такая связь не доказана статистически, утверждать этого нельзя. Таким образом, как будет показано в § 2.4, хотя в действительности никто из исследователей XIX – пер. пол. XX в. и не решался высказываться о подобных написаниях как об описках, следует признать правоту А. А. Зализняка, без колебаний рассматривавшего удвоения гласных в берестяных грамотах как простые описки (дтиттографии).

Написание *гратань* вместо *грѣтань* [так! – Д. К.] (рус. *гѣртань*) И. В. Ягич считал опиской, а А. И. Соболевский – трудно объяснимым фонетическим явлением [Колесов 2008: 247].

Речь здесь идет, конечно, о форме *гратань* вм. *грѣтань*, которую А. И. Соболевский в 1-ом издании «Лекций» квалифицировал так: «В одном

памятнике — южно-русском Часослове XIV в. мы находим один случай замены глухого [редуцированного – Д. К.] через *a*: *гратань*; но трудно сказать, какое значение имеет здесь *ra*; быть может, здесь через *ra* передан плавный гласный, т. е. это слово должно быть читаемо *гртань*; быть может, здесь мы имеем дело с опискою». [Соболевский 1888: 52; подчеркивание наше – Д. К.]. В пылу полемики подчеркнутую нами фразу И. В. Ягич [1889: 34], как будто бы вовсе не заметил: «Автор вообще нередко прибегает к несомненным опискам, придавая им неслучайное значение. Как можно напр. единственному примеру «*гратань*» ... придать значение чего-то загадочного, трудно объяснимого, где описка очевидна?».

В том же году, однако, Соболевский выпустил весьма жесткий и, в значительной мере, справедливый ответ на «Критические заметки» Ягича, в котором иронически замечал: «Наш критик несколько раз напомнил нам о существовании описок в рукописях (с. 34, 38, 47, 57, 80) и даже о том, что описки часто “являются под влиянием следующего слога”» [Соболевский 1889/2006: 478], далее перечисляя те примеры самого И. В. Ягича, которые тот счел фонетически показательными, но которые допустимо трактовать как такие же описки под влиянием соседних слогов. Однако подробного разбора всех отмеченных Ягичем спорных примеров своего собственного труда А. И. Соболевский не произвел, «так как если б мы захотели разобрать “Заметки” страницу за страницей, нам бы пришлось написать столько же, сколько написал г. Ягич» [там же: 479]. Все же, как нам представляется, первое предположение А. И. Соболевского об отражении в написании *гратань* слогового плавного, в отсутствии других подобных примеров, выглядело уязвимо для критики. Но уже во 2-ом издании «Лекций» Соболевский подкрепляет этот пример формой *сласти гратаньныя* из Лествицы XII в. (Рум. № 198), продолжая, впрочем, колебаться между усмотрением либо слоговых плавных, либо описок [Соболевский 1891: 58]²⁶. Но начиная со статьи 1894 г. Соболевский начинает

²⁶ Важно отметить, что второй пример такого же написания этого корня отнюдь не сочтен Соболевским за окончательное доказательство его фонетической реальности — действительно, нет ничего невозможного в предположении двух одинаковых описок в двух разных рукописях.

рассматривать оба примера уже в контексте ассимиляций гласных последующему гласному, которые оказываются уже не «труднообъяснимыми», а «не составляющими особой редкости» [Соболевский 1894/2006: 188]. В 3-м и 4-м изданиях «Лекций» Соболевский убирает этот пассаж из раздела о «Переходе глухих в чистые» и перечисляет два указанных примера уже в новом разделе, «Ассимиляции гласных» [Соболевский 1903: 58, 89; Соболевский 1907/2004: 59, 90], полностью снимая оба предположения, между которыми он в прежних изданиях колебался. Как будет показано в § 2.8.2, нет универсального способа отделить графическую антиципацию от фонетической регрессивной ассимиляции гласных в случае замены гласного на последующий в письменных памятниках. В данном случае, для принятия фонетической ассимиляции, необходимо также реконструировать на праславянском уровне редуцированный после плавного (или предполагать не засвидетельствованную в современных вост.-слав. диалектах метатезу гласного с плавным в исходном *gъrtanь, ср. комментарии А. Е. Аникина и В. Б. Крысько [РЭС XI: 288; Крысько 2006а: 605]), ввиду чего гипотеза о простой описке, на наш взгляд, предпочтительнее.

1.5.3. Полемика И. В. Ягича и А. И. Соболевского

Рассмотрим теперь другие написания (не отмеченные у В. В. Колесова), в трактовке которых И. В. Ягич допускал описку вместо лингвистического объяснения А. И. Соболевского.

На указанной выше с. 53 первого издания «Лекций» А. И. Соболевский рассматривает написание *морю жю* в *ЕвГ* как свидетельство перехода *е* в *ю* через стадию *о*, наряду с примерами *ядущю* и *пиущю* (Им. мн.) в Луцком Евангелии. Из этих трех примеров И. В. Ягич признает опиской первый [Ягич 1889: 38], но можно при желании признать таковой и третий. Из последующих изданий «Лекций» А. И. Соболевский указанный пассаж убирает [Соболевский 1888: 53; 1897: 59] (не признав ли тем самым правоту критики И. В. Ягича?).

И. В. Ягич также отказывается видеть в написаниях типа *сило, молитво, мно* с отсутствием конечного *ю* результаты отпадения конечной гласной [Ягич 1889: 57], признавая их за описки (такое же мнение впоследствии выскажет Р. Ф. Брандт [1913: 51 – 52]), тогда как А. И. Соболевский и в 1-ом, и в последующих переизданиях «Лекций» видел в таких написаниях сознательные действия писца: «здесь писец не сумел передать на письме *j* и не означил его никакой буквою» [Соболевский 1888: 75], «Памятники письма обыкновенно сохраняют здесь букву *и* (как сохраняют в большинстве случаев и буквы *ъ* и *ь*), которая таким образом означает уже не гласный *и*, а согласный *j*; но встречаются изредка и случаи отсутствия буквы *и* и вместе отсутствия какого-либо изображения звука *j*» [Соболевский 1907/2004: 47 – 48]. Как мы покажем в § 2.7.8, есть все основания видеть в таких написаниях простую опisku, несмотря на то, что нам известны два автора настенных надписей, у которых она могла быть устойчива.

Наконец, И. В. Ягич считается с возможностью простых описок там, где А. И. Соболевский видит «неорганическое смягчение» *к* и *г* [Ягич 1889: 80; Соболевский 1888: 91–92]. А. И. Соболевский в последующих изданиях «Лекций» убирает этот пассаж (в нем, действительно, смешиваются довольно разнородные явления, например: *кюръ* вм. *куръ*, где *ю* вм. *у* не может быть объяснено позиционно – и *легонке*, где мягкость заднеязычного объясняется прогрессивной ассимиляцией). Мы покажем (§ 2.9.2), что двусторонние нарушения в обозначении твердости – мягкости согласных практически никогда не исправляются писцами берестяных грамот, из чего можно сделать вывод о полной их осознанности (каким бы именно механизмом они ни были вызваны).

Итак мы видим, что несмотря на насмешливый тон ответа А. И. Соболевского на «Критические заметки» И. В. Ягича, практически все комментарии к формам, указанным И. В. Ягичем как описки, А. И. Соболевский впоследствии либо переработал, либо вовсе убрал из «Лекций». Можно думать, что именно размышления над тем, что́ считать описками, а что – нет, заставили

А. И. Соболевского создать первую в отечественной историографии (хотя, как мы видели, и несовершенную) классификацию описок и привлечь к этой проблеме внимание своих учеников, Л. Л. Васильева и Н. М. Каринского.

Продолжим разбор библиографического обзора В. В. Колесова.

1.5.4. Аканье или «описка по аналогии»?

Написание *выпровадиша* может свидетельствовать о наличии «аканья» в говоре писца (*а* пишется на месте ожидаемого *о*) (Каринский 1908) или представляет собой описку по аналогии со словом *съвада* (Ляпунов 1900) [Колесов 2008: 247].

Имеется в виду, очевидно, «Язык Пскова и области в XV в». – работа Н. М. Каринского, изданная годом позже, чем указал В. В. Колесов, – и пример из Сборника Син. № 154. Отметим, что Н. М. Каринский прямо пишет в примечании: «Не невозможно объяснять и не фонетически». [Каринский 1909: 66]. Нам не удалось установить, в каком контексте и на какой странице своего труда 1900 г., посвященного *Синод. НПЛ*, Б. М. Ляпунов рассматривал форму *выпровадиша*, действительно, присутствующую в рукописи на л. 166. По всей видимости, В. В. Колесов имел в виду «Отзыв о сочинении Н. М. Каринского» (1911 г.), в котором Б. М. Ляпунов писал: «Конечно, мы имеем здесь ту же глагольную основу *вад(и)-*, что и в *съвада*, *съвадити*, напр., “*съвадишася браѣ*” Новгор. Синод. 59. Ср. малор. *напрова́дити* “направить”, “наставить” (Пискунов); польск. *sprowadzić*; старослов. *вадити*, *съвадити*». [Ляпунов 1911: 533]. Современная этимология рассматривает *-вад-* в *съвада* и *-вад-* в *выпроваживать* как омонимичные корни [РЭС V: 321–323], восходящие к разным этимонам, что, конечно, не исключает народно-этимологического сближения их производных с корнем *-вод-* в *водити* и т. п. В любом случае, такая контаминация корней вряд ли может быть названа опиской (как не может быть названо опиской, скажем, употребление в современном русском глагола *довлеть над чем-л.* в значении ‘доминировать’); не употребляет слова «описка» и Б. М. Ляпунов.

1.5.5. Смещение /у/ – /в/ или «пропуск о в диграфе»?

Написание *доульѣтъ* вместо *довльѣтъ* в Добриловом евангелии 1164 г. для И. В. Ягича — указание на смещение /у/ — /в/ в говоре писца, тогда как это может быть и опиской (вместо *дооульѣтъ* с пропуском о в диграфе для обозначения /у/) и результатом морфонологического чередования [Колесов 2008: 247].

Нам неизвестны работы И. В. Ягича, в которых бы прямо рассматривалась эта форма. В «Критических заметках», в разделе об «Очерках» А. И. Соболевского сказано только, что в *ЕвДобр* «нет или почти почти нет ни одного примера смещения *в* с *у*» [Ягич 1889: 13] — можно думать, что это простой пересказ соответствующего места в «Очерках» [Соболевский 1884/2004: 7], где *доульѣтъ* — единственный пример «постановки *у* вместо *в*» в памятнике. Предполагать вслед за В. В. Колесовым описку в этом примере нет необходимости, поскольку в оригинале стоит *до|оульѣтъ* (на границе столбцов 25с и 25d): вероятно, указание А. И. Соболевского «*у* передается через *оу*» [там же: 2] надо понимать так, что в приводимых автором «Очерков» примерах вместо всякого *у* следует подразумевать присутствующее в оригинале *оу*.

1.5.6. Переход *ѣ* в *и* или смещение двух морфем?

Написания типа *свидѣтели* — *свѣдѣтели* для Е. Ф. Карского есть указание на «переход *ѣ* в *и*», тогда как для В. В. Виноградова это всего лишь смещение двух морфем (*видѣти* и *вѣдѣти*) [Колесов 2008: 247].

Можно полагать, что под «типом *свидѣтели* — *свѣдѣтели*» здесь имеются в виду слова с корнями *-вид-* и *-вѣд-*. Действительно, В. В. Виноградов, анализируя реализацию *ѣ* в *ЕвСоф XIV*₁ [СК XIV: № 114, с. 230 – 231], указывал, что «если мы ... оставим «в стороне случаи: *видити* и произв., смещение видов корня — *вид* и *вѣд*, колебание префиксов *при* и *прѣ*, положение в конечном открытом слоге, то останутся лишь — единичные вполне достоверные примеры» [Виноградов 1923: 188]. Однако страницей ранее, анализируя примеры *невидѣния* (*Мин 1096*, л. 165), *видите* (*МЕ*, л. 120 об.) *невидоми* (*ЕвПог XIII*, л. 86), В. В. Виноградов ничего не говорит о смещении

морфем: для него лишь важно указать, что немногочисленные случаи взаимных замен *ѣ~и* недостаточны для вывода о полном совпадении двух фонем в говоре писца, «но из них ясно, что ... некоторыми северно-русскими писцами ударяемое *ѣ* было осознаваемо как звук, более близкий к *и*, чем к *е* [Виноградов 1923: 187]. Действительно, не вполне ясно, какой статус предполагал В. В. Виноградов для «смешений видов корня» и для «положения в открытом слоге». Что до ссылки на Е. Ф. Карского, то, скорее всего, имеется в виду перечисление формы «*свѣдѣтель*^х 406б» среди примеров мены *ѣ* и *и* в Летописи Авраамки [Карский 1899: 10].

1.5.7. Аканье или «описка в заимствованном слове»?

Наоборот, написания *монастырь*, *сатона*, *полаты* для В. В. Виноградова — указание на «аканье» писца, тогда как П. Я. Черных признает подобные написания за описку в заимствованном слове [Колесов 2008: 247].

Наиболее похожее место в сочинениях В. В. Виноградова находится, как кажется, в примерах аканья из рукописи «Хожения архиепископа Грегения» [Виноградов 1923: 348 – 349]: «*въ палату* 13; ср. *полата* 28... ср. *манастьрь* при *монастырь* 17» (так! Где находится у В. В. Виноградова пример *сатона*, нам неизвестно). Что касается П. Я. Черных, то в сочинении о языке протопопа Аввакума он об описках не говорит ровным счетом ничего. Разделив слова с неэтимологическим написанием *а* на ранние заимствования (грецизмы кирилло-мефодиевской эпохи), поздние заимствования (европеизмы XVI – XVII вв.) и исконную лексику, он прямо пишет о заимствованиях: «Мы имеем здесь дело с явлением, более распространенным в русском языке, чем это принято думать обыкновенно, — с явлением межслоговой ассимиляции гласных» [Черных 1927: 10–12]. То же объяснение предлагается и для исконной лексики, где это возможно: *гараздо*, *таварь*, *однарядка*, *полтара* и т. п., после чего остаются лишь итеративы с долгой ступенью аблаута (см. ниже), слово *начевать*, объясняемое «ошибочной этимологизацией слова как сложенного с приставкой *на*» [там же], и *Симанове монастырь*, где П. Я. Черных объясняет *а*

«влиянием собственных имен на *ан*: Иван, Степан, Адриан». Судя по отсутствию ссылки на «Лекции» и вышеупомянутую статью А. И. Соболевского, посвященные «ассимиляциям гласных», к такому выводу П. Я. Черных, по-видимому, пришел независимо от него. На это место своего труда П. Я. Черных впоследствии сослался, анализируя язык Соборного Уложения [Черных 1953: 194-195], также не упоминая описок. И в том, и в другом случае большинство выписанных автором примеров действительно укладываются в предложенное объяснение и об аканье не свидетельствуют.

1.5.8. «Описка» или «отражение аканья»?

В расхождении написания *ака* вместо *ако* и *оукаряти* вместо *укоряти* О. А. Князевская видит отражение разных явлений языка (первое — описка, второе — отражение «аканья»), с чем не согласен С. И. Котков: «...нам кажется, ссылка на графическую ассимиляцию — обоснование довольно слабое» (Котков 1962. С. 32). Последнее замечание верно, поскольку и в написании *оукаряти* не каждый исследователь признает факт «аканья» (результат морфонологического чередования, поздний по происхождению). Вопрос с написанием *ака* остается спорным: сама лексема не разговорного характера, это славянизм в тексте позднего времени; как совместить традиционный лексический славянизм с народно-разговорным произношением — не совсем ясно.

В действительности О. А. Князевская написала про *укоряти*, *съвпрашати*, *напаѣше*, *ражаѣтсѧ*, *оутапаху* в Московском евангелии 1358 г. [СК XIV: № 143, с. 266] прямо противоположное: «Написания с *а* в книжных глагольных основах многократного вида [в итеративах, где корневая гласная восходит к продленной ступени аблаута — Д. К.] объясняются морфологически и ни в коей мере не указывают на наличие аканья» [Князевская 1957: 162], с чем при современном уровне лингвистических знаний невозможно не согласиться. Ссылка на графическую ассимиляцию в *ака* вм. *ако*, вопреки мнению С. И. Коткова, безусловно, необходима, чтобы не делать на основе двояко толкуемых примеров далеко идущих историко-диалектологических выводов.

1.5.9. Эпратологические взгляды В. В. Колесова

Далее В. В. Колесов излагает выше рассмотренные нами (§ 1.4) классификации описок, созданные Н. М. Каринским, В. Л. Васильевым и Н. Н. Дурново [Колесов 2008: 249 – 252], снабжая их собственными комментариями. Из них становится ясно, что В. В. Колесов в приписывании текстуальным аномалиям фонетического статуса пошел много дальше всех историков русского языка, как прошлых, так и будущих. Так, «повтор буквы или слога» (среди приведенных примеров также повтор слова: *оца оца твоего*) в общем виде не решались признать показательными с какой-либо точки зрения ни Н. М. Каринский, ни В. Л. Васильев, ни А. И. Соболевский, если не считать удвоений гласных и согласной *н*, однако для В. В. Колесова «при наличии каких-то более определенных показаний источника и этот тип описок способен дать положительную информацию о фонетической системе говора» [там же: 250]. Пропуски слогов, хотя и прямо названы «механическими описками», «психологически основаны на сочетаемости речевых компонентов [? – Д. К.], их тоже приходится как-то объяснять» [там же]. Смещения *ш* и *щ* «должны насторожить исследователя, поскольку и за ними могут скрываться какие-то особенности речи» [там же: 251] и т. д. В законченной форме эта мысль выражена в уже приведенной нами фразе: «*Все типы ошибок произведенных в границах слога, фонетически и фонематически содержательны*» [там же: 256; курсив авторский – Д. К.]. Нам трудно согласиться с тем, что эти написания (в особенности повторы букв и слогов) способны дать какую-либо фонетическую информацию. Однако нельзя не признать заслугу В. В. Колесова в справедливом, на наш взгляд (см. § 2.6), фонетическом истолковании перестановок соседних согласных [там же: 251 – 252] (что, как мы видели, несколько неуверенно предполагал лишь Л. Л. Васильев), непозиционных нарушений корреляции по глухости-звонкости [там же: 252] (см. § 2.9.1) и твердости-мягкости [там же: 253-254] (см. § 2.9.2).

Таким образом, В. В. Колесов не только совершенно верно указал на отсутствие консенсуса среди классиков палеорусистики относительно списка фонетически трактуемых классов текстуальных аномалий, но и проблематизировал наличие фонетической интерпретации практически для всех классов, ранее единодушно признававшихся простыми описками. Пропуски, повторы, замены и перестановки букв и слогов (что, конечно, совершенно контринтуитивно и противоречит практически всем выше разобранным авторам) названы им *отклонениями* [там же: 255], попадающими в категорию «ошибок вообще» [там же], но все они – «потенциальный материал для последующей фонетической интерпретации» [там же: 256].

§ 1.6. Писцовые ошибки в современной палеорусистике

Еще одной заслугой В. В. Колесова следует признать увещевание к составителям будущих лингвистических описаний: «Указатели описок, обычных для древнерусских рукописей, еще не составлены, хотя необходимость в них весьма высока, поскольку всякое научное описание рукописи должен предварять полный перечень отмеченных в ней описок и ошибок написания» [Колесов 1982: 30]. Как мы видели выше, «полных перечней» ученики А. И. Соболевского не составляли, а ближе всех подошедшая к этому идеалу эрратологического описания О. В. Малкова почему-то не расписала вставки – наименее многочисленный, по ее подсчетам, класс ошибок *ЕвГ*.

Первым, кто внял словам В. В. Колесова, кажется, стал Р. Н. Кривко, приведший полный перечень ошибок каждого из трех писцов Бычковско-Синайской Псалтири кон. XI в. [1998: 71 – 78, 115 – 119, 131 – 132] (см. также отдельную публикацию [Кривко 2004: 97 sq.], далее мы будем обращаться к наиболее поздней версии этой работы, вошедшей в общедоступную монографию автора [Кривко 2015: 31 – 45, 97 – 99, 103]). Р. Н. Кривко делит ошибки первого почерка на пропуски, замены

(«ассимиляции»²⁷), повторные написания, но выделяет и «другие описки»: «*обрадѣтсѧ* 31 (вместо *обратѣтсѧ*; графическая аттракция с корнем *-рад-*?)» [там же: 32]. Более подробная классификация сделана только для «ассимиляций»: а) под воздействием предыдущего слога, б) под воздействием следующего слога, в) под воздействием сходного начертания другой буквы. Для второго почерка к этой классификации добавляется «написание буквы под влиянием другой морфемы», «нарушение согласования грамматических форм», «механическое написание буквы» и, наконец, «ошибки, вызванные графическим и паронимическим сходством словоформ и словосочетаний».

Второй опыт полной росписи ошибок рукописи принадлежит О. П. Шевчук, создавшей весьма оригинальную классификацию описок и полный их перечень для двух списков сентябрьского Пролога 2-ой пол. XIII в. — *ПрЛ* и *ПрПск* [2003: 49 – 55, 58 – 59]. Уже из количества страниц, занимающих эти перечни видно, насколько сильно различалась частотность описок у знаменитого новгородского писца XIII в. пономаря Тимофея и у неизвестного писца Псковского пролога. У Тимофея исследовательница выделяет 5 классов описок: 1) «пропуски буквы, слога, слова», 2) «повторы буквы, слога, слова», 3) «предвосхищения буквы, слога, слова», 4) «порча текста, замена одной буквы другой» (здесь объединены, судя по всему, примеры, не попавшие ни в один из других классов), 5) «упрощенное написание сложной буквы» (речь идет о пропусках второго элемента диграфа). У псковского книжника О. П. Шевчук выделяет а) гаплографии, б) «бессмысленные пропуски слога, буквы», в) «осмысленные пропуски слога, буквы», г) «повторение слога, буквы», д) «предвосхищение слога, буквы» (под предвосхищениями слогов понимаются вставки, под предвосхищениями букв — замены), е) «неправильное написание буквы, состоящей из нескольких элементов» (к пропускам правых частей диграфов здесь добавлены мены *ш~щ* и *w~w̃*), ж) «перестановка букв, слогов, метатеза», з) пропуск титла, и) «порча текста, замена одной буквы другой». По

²⁷ Этот термин, которого мы применительно к механическим опискам стараемся избегать, как мы видели, имеет почтенную научную традицию (В. А. Богородицкий, Н. Н. Дурново, Д. С. Лихачев и др.).

какой-то причине исследовательница отделяет от простых пропусков слогов «пропуск *ти* в инфинитиве»; с ее точки зрения, «если это не описки», то «какая-то индивидуальная особенность писца» [там же: 54 – 55].

Третий опыт полной росписи ошибок был составлен для Милятина Евангелия XII в. Г. А. Мольковым [2014: 46 – 59], который, вслед за О. В. Малковой (см. выше § 1.5), делит ошибки на «пропуски», «вставки» и «замены». Пропуски, так же как у О. В. Малковой подразделяются: по позиции в слове (в начале, в середине, в конце и на стыке слов) и по наличию искажения смысла. Среди вставок выделяются «повторы отрезка текста» и остальные («неоднородные») примеры. Замены подразделяются на «замены одной буквы на другую», «антиципации», «постпозиции» и «более сложные ошибки (искаженный текст)».

Необходимо отметить также работу безвременно ушедшего болгарского палеослави́ста Я. Милтенова об ошибках в старославянских памятниках [Miltenov 2018]. В ней перечисляются только отдельные примеры ошибок разных типов, выписанных автором прежде всего из *ССС*. Как явствует из принципов построения словарной статьи в *ССС*, описки там представлены лишь «в исключительных случаях» [*ССС*: 47]. Впрочем, даже если бы эта выборка была полной, Я. Милтенов явно не стремится к полной их росписи: как и в описаниях Л. Л. Васильева и Н. М. Каринского (см. § 1.4), перечни выписок каждого класса заканчиваются словами «among others», «etc.», «and many others» [Miltenov 2018: 169 – 173]), поэтому статистические выводы из этих перечней сделать нельзя.

Судя по отсутствию ссылок на рассмотренные выше работы русских ученых, Я. Милтенов, к сожалению, не был с ними знаком. Однако это, по-видимому, сподвигло его на создание оригинального принципа классификации ошибок, а именно – отдельно от других в начале статьи рассматриваются искажения в именах собственных (разумеется, неславянского происхождения) [там же: 168 – 169]. Учитывая то, каким неожиданным и

нерегулярным фонетическим изменениям может подвергаться этот класс лексем, идею рассматривать ошибки в нем отдельно от прочих, безусловно, можно только приветствовать.

Полные перечни ошибок в рукописях, составленные Р. Н. Кривко, О. П. Шевчук и Г. А. Мольковым, как бы ни оценивать предложенные исследователями классификации, – бесценный материал для будущих статистических исследований описок древних рукописей.

§ 1.7. Ошибки и описки в берестяных грамотах

Может показаться, что история лингвистического изучения берестяных грамот до 1982 г., когда к этой теме впервые обратился А. А. Зализняк, сейчас представляет интерес только как история (если не сказать: палеонтология) науки. На самом деле некоторые ключевые идеи А. А. Зализняка, легшие в основу его лингвистического описания языка берестяных грамот и имеющие прямое отношение к теме ошибок и описок, возникли именно как полемический ответ предшественникам (зачастую прямо не называемым), в связи с чем стоит подробнее остановиться на той «точке опоры», от которой А.А. Зализняк в свое время столь решительно оттолкнулся.

1.7.1. Первые публикации

Не прошло и года после открытия первых берестяных грамот, как стало ясно, что без системного филологического анализа эти тексты будут порождать неисчислимое множество разноречивых толкований. Так, для знаменитой фразы²⁸ *избивъ роуки пустилъ же мѧ* 9 в течение буквально нескольких месяцев после первой публикации [Арциховский 1951: 83 – 84] было предложено три разных перевода: ‘избив, заставил подчиниться’ [Борковский 1952: 136], ‘нарушив свадебный договор, развелся со мной’ [Кузьмин 1952: 139 – 140], ‘Having badly beaten me, he has got me off his hand(s)’ [Jakobson 1952:

²⁸ Если не оговорено иного, при цитировании берестяных примеров после текста ставится номер грамоты. Для неновгородских грамот перед номером – сокращенное название города (Ст. Р. – Старая Русса, Торж. – Торжок).

352]²⁹ – и это в целом сохранной грамоте, где практически все буквы были с самого начала правильно опознаны, необходимости в предположении об описке не было, предложенные варианты словораздела меняли в сущности только перфективирующую приставку в глаголе (*из-* или *с-*), а графическая нестандартность текста сводилась к единственной форме *Васильви*.

Сейчас трудно представить, какой беспорядочный рой прочтений кружился над первыми берестяными текстами и как обескураживающе он должен был действовать на первых исследователей, воодушевленных находками принципиально новых исторических и лингвистических источников. Нет нужды подробно разбирать все положения, высказывавшиеся в этот период развития берестологии, и причины, по которым значительную их часть приходится сегодня отвергнуть – это заняло бы значительно больше страниц, чем тогда было написано.

Но необходимо учесть, что А. А. Зализняк, чьи труды поставили «новгородоведение» на совершенно новый уровень, не только не хотел, но и вряд ли имел возможность перегружать их слишком подробными ссылками на предшественников. Это заставляет нас несколько подробнее остановиться на следующем пассаже А. А. Зализняка, с которого начинается его первое систематическое описание графики берестяных грамот:

«Одной из неожиданностей, которые принесло традиционной русистике открытие новгородских берестяных грамот, было огромное количество отклонений от привычных для историка русского языка написаний. Первой реакцией на это было предположение о том, что значительная часть этих текстов написана малограмотными людьми или даже нерусскими; на страницах многих лингвистических работ начальной поры изучения берестяных грамот находим такие выражения, как «малограмотность», «безграмотность», «крайняя безграмотность». Однако по мере накопления материала становилось все более ясно, что в

²⁹ Современное понимание 'ударив по рукам (в знак новой помолвки), он меня прогнал' [НГБ IX: 126 – 127; Зализняк 2004: 300] основано на интерпретации Ф. Ф. Кузьмина, совершенно несправедливо раскритикованной Р. О. Якобсоном. Фотий Ферапонтович Кузьмин (1893 – 1972) – автор многочисленных учебников и учебных пособий по русскому языку для средней школы, выпускник Петербургского университета (ЦГА СПб. Фонд Р-7240. Опись 2. Дело 1918), с 1951 по 1967 г. сотрудник Института языкознания (в 1958 году реорганизован в Институт русского языка) АН СССР. См. Известия РАН. Серия литературы и языка (Т. 66, № 4, с. 56–68).

большинстве случаев мы имеем дело не с малограмотностью, а с особыми, ранее неизвестными графическими системами». [НГБ VIII: 93]³⁰.

В действительности самой первой реакцией на «бытовые графические системы» было не предположение о малограмотности писцов, а весьма нейтральное описание А. В. Арциховского, воздержавшегося от какой-либо квалификации таких написаний: «При чтении текста надо учесть, что буква “о” неоднократно соответствует здесь букве “ъ”: у Вельютовых, белоки и т. д. Ер (ъ) в отличие от большинства других берестяных грамот здесь ни разу не встречается»; «Конечное “о” в первом слове опять соответствует “ъ”» . [Арциховский 1951: 80, 82].

В [НГБ I] публикация текста грамот осуществлялась историком М. Н. Тихомировым. Когда он (со всей осторожностью) употреблял слово «ошибка», речь шла о написаниях, которые никем, в том числе самим А. А. Зализняком, не могли быть трактованы иначе: «слово **блъ** повторено, возможно по ошибке» [НГБ I: 17], «...**пололотъ**; вероятно по ошибке, вместо **полотъ**» [там же: 18, 19]³¹.

В [НГБ II] публикацию текстов готовил уже сам А. В. Арциховский, но и здесь мы не увидим явного злоупотребления словом «ошибка». Оно употреблено, во-первых, при описании исправленных букв: «Одна буква между **т** и **к** старательно зачеркнута; так на бересте исправляли ошибки» [НГБ II: 26], «**и** помещена вместо иотованного **е**, первоначально написанного по ошибке» [там же: 39], «**ь** перед словом Местиллов написан с особым нажимом на месте **и**, написанного сначала по ошибке» [там же: 70]. Во-вторых, А. В. Арциховский трактовал как ошибку и обратный порядок элементов диграфа **оу** [там же: 22, 80]³², в третьих – с явным сомнением – в пассажах «В слове **здѣсо** буква **о** заменяет **е**, что является своеобразным произношением, если не ошибкой» и

³⁰ Впервые эта работа опубликована в 1984 г. [Зализняк 1984], однако здесь и далее ссылаемся на расширенную и более доступную версию в НГБ VIII (1986).

³¹ Странно, впрочем, сказано о надписи на цилиндрической пломбе № 2: «Только раз составитель надписи, по-видимому, ошибся (см. на последней строке букву **н**)» [там же: 45]. Судя по разнице между фотографией и прорисью надписи на цилиндрической бирке, речь идет о не вполне ясном положении перекладины: для надписи XI в. горизонтальная перекладина могла быть только у буквы **и**, в этом случае надпись действительно содержит ошибку (субституция внешне похожих букв).

³² Для А. А. Зализняка такая трактовка была, конечно, неприемлема, но см. ниже об ошибках против графики и ошибках против орфографии.

«Думаю, что одна из букв, **а** или **о**, написана по ошибке» в отрезке *моега оти*, содержащем, согласно издателю, «немыслимое для русского языка сочетание букв *егаоти*» [там же: 19, 81; подчеркивания наши – Д. К.]. Еще однажды во II томе предположена описка там, где ее в действительности не было в примере *цѣтвьрти* 23, причем странным издателю показалось «грамматическое согласование» [НГБ II: 25], т. е. окончание слова, а не одна из букв, участвующих в «бытовых» смешениях.

Таким образом, в предварительной публикации 1951 г., в откликах на нее и в первых двух томах НГБ ничего не говорилось ни о малограмотности писцов, ни об «ошибках» в употреблении букв *ѡ*, *о*, *ь*, *е*, *ѣ*. Представление о «берестяной малограмотности», как увидим, возникло чуть позднее.

1.7.2. Р. И. Аванесов и В. А. Матвеев

Попытка срочно поставить какие-то филологические ограничители хаосу первых интерпретаций была предпринята в подготовленной в 1953 г. и через два года изданной коллективной монографии «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот» (М., 1955). Помимо специфических трудностей, которые вызывали тексты, столь необычные на фоне прочей древнерусской письменности, нельзя, увы, вновь не упомянуть о том катастрофическом состоянии, в котором тогда находилась советская палеорусистика. На момент выхода этого труда из всего авторского коллектива лишь Л. П. Жуковская имела за плечами опыт введения в научный оборот древнего памятника, а именно *ЕвГ 1357* [Жуковская 1952], но ей в коллективной монографии был доверен только раздел «Палеография» [Жуковская 1955]. Раздел «Синтаксис» был написан В. И. Борковским – к тому моменту автором работы по языку Суздальской летописи [Борковский 1931] и монографии о синтаксисе древнерусских грамот [Борковский 1949] – но то были опыты исследования только уже изданных и прокомментированных (как историками, так и лингвистами) источников, лишь изредка содержавших проблемы, связанные с идентификацией букв, положением словоразделов и общим

смыслом фраз. Наиболее удачный раздел «Морфология» написал П. С. Кузнецов, лингвист чрезвычайно широкого профиля и эрудиции, в том же 1953 г. выпустивший вузовский учебник по русской исторической морфологии³³. Местами этот раздел не уступает морфологическим описаниям А. А. Зализняка (с поправкой, разумеется, на многократно меньший объем материала). Раздел «Лексика», написанный Н. Б. Бахилиной, содержал перспективный, хотя в условиях еще маленького корпуса текстов и малорезультативный, «тезаурусный» подход к группировке словарного состава известных тогда грамот [Бахилина 1955: 167 – 169], а также весьма информативный материал картотеки *СлРЯ XI – XVII* (который в то время еще не начинал издаваться), позволявший составить представление о значении многих лексем из берестяных грамот [там же: 169 – 185]. Однако выявленный мнимый гапакс ***ваци* (неверно прочитанное *каци* 1, ср. [НГБ IX: 124]), увы, вместо перепроверки чтения по оригиналу, получил крайне неудачную этимологию [Бахилина 1955: 169].

Раздел же «Фонетика» достался Р. И. Аванесову, выдающемуся диалектологу и фонетисту, для которого, однако, эта статья была первым в жизни опытом описания языка древних памятников³⁴. Впрочем, и он совершенно верно указал на то, что «не может быть сомнения в чисто графическом характере разобранных написаний с буквой *о* на месте *ѣ* и буквой *ь* на месте *є*» [Аванесов 1955: 86], ничего не говоря об их ошибочности.

Но начинает свой раздел Р. И. Аванесов, действительно, с совершенно необоснованной констатации «острой малограмотности» авторов берестяных грамот:

«Следует иметь в виду, что источником описок может являться не только невнимательность, небрежность, торопливость и другие психологические причины, но также

³³ Библиография П. С. Кузнецова // Язык и человек: Сб. статей памяти профессора Петра Саввича Кузнецова (1899—1968). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. (Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 4). С. 5 – 17.

³⁴ Библиография трудов чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесова // Русское и славянское языкознание: К 70-летию члена-корреспондента Академии наук СССР Р. И. Аванесова. М.: Наука, 1972. С. 311—327.

и неполное овладение графикой, т. е. навыками употребления каждой из букв алфавита в определенном свойственном ей основном звуковом значении <...>

В применении к современному состоянию орфографии с ее четко установившимися нормами следовало бы различать: 1) орфографически правильное письмо, т. е. соответствующее исторически выработавшимся нормам правописания; 2) малограмотное письмо, при котором пишущий, как правило, полностью владеет графикой, но не владеет орфографией; 3) «остро малограмотное», иначе неграмотное, письмо, при котором пишущий не владеет не только орфографическими правилами, но также и графикой – не дописывает слова, пропускает буквы, пишет... одни буквы вместо других и т. д. Известно, что для фонетического изучения наибольший интерес представляет малограмотное письмо, обычно характеризующееся невыдержанностью орфографии.

В применении к древности, <...> всякое письмо с точки зрения его ценности как источника для фонетического изучения в той или иной степени может быть приравнено к современному малограмотному письму. Из-под пера писца-профессионала обычно не выходили документы, написания которых можно было бы охарактеризовать как орфографически безупречные (опять-таки с современной точки зрения), ибо в то время не было вполне четко установившейся орфографии. С другой стороны, писец-профессионал обычно не выпускал и продукции, которую можно было бы назвать с современной точки зрения «остро малограмотной» или неграмотной. Иное дело – берестяные грамоты, которые в известной своей части указывают на такой именно характер письма.

Конечно, и «остро малограмотное» или неграмотное письмо может дать много для изучения памятника с точки зрения фонетики, но следует иметь в виду, что такое письмо вместе с тем значительно повышает процент описок, который не может быть фонетически интерпретирован. Таким образом, при изучении «остро малограмотного» письма приобретает особенно важное значение необходимость отличать описки, которые не могут быть фонетически интерпретированы, от орфографических «ошибок», т. е. написаний, идущих вразрез с намечающейся орфографической традицией и свидетельствующих о тех или иных особенностях фонетической системы и произношения. Между тем отличить те и другие написания при «остро малограмотном» письме оказывается делом не всегда легким, так как некоторые из описок при таком письме внешне не отличаются от «ошибок» более квалифицированного писца, вполне владеющего нормами графики». [Аванесов 1955: 79 – 81; подчеркивания наши – Д. К.].

Этот пассаж заключает в себе прямое внутреннее противоречие. Коль скоро три уровня грамотности, согласно Р. И. Аванесову, применимы только к

современному состоянию письма, а «применительно к древности... всякое письмо может быть приравнено к малограмотному» (не «остро малограмотному»!), то в какой же именно «известной своей части» берестяные грамоты «указывают» на третий разряд, на «неграмотное письмо»? Получается, что берестяные грамоты, как следует из этой классификации, попадают сразу в два разряда: «остро» малограмотного (поскольку они на него каким-то образом «указывают») и просто малограмотного письма (поскольку письмо на бересте является подмножеством «всякого письма»). При этом первый разряд, «орфографически правильное письмо», согласно Р. И. Аванесову, в древности отсутствует вовсе – но тогда для чего нужна эта трехэтажная классификация?

Трудно не согласиться с важностью отделения лингвистически неинформативных «описок» от информативных «ошибок», о которой говорит Р. И. Аванесов (и не он один, см. § 1.4), но это не стоит ни в какой связи с выделенными тремя уровнями грамотности письма: написаниям типа *пололоть* вместо *полоть* или *сѣто* вместо *стѣо* невозможно дать лингвистическую интерпретацию, вне зависимости от того, почерк ли перед нами профессионального копииста, переписавшего десятки кодексов, или почерк шестилетнего мальчика Онфима. И наоборот: отражение в тексте лингвистически информативных отклонений от нормы должно быть отмечено составителем лингвистического описания, вне зависимости от того, кишит ли этот текст ошибками или написан в остальном безупречно.

Можно было бы согласиться и с какими-то другими догадками Р. И. Аванесова относительно грамотности в Средневековой Руси (об этом еще пойдет речь впереди). Но а priori принятое Р. И. Аванесовым положение об «острой малограмотности» берестяных грамот оказалось не просто малообоснованным и самопротиворечивым теоретизированием. Оно привело его к крайне своеобразному методу анализа примеров: всякое написание, которое Р. И. Аванесов не мог истолковать лингвистически, он объяснял «недостаточными графическими навыками писца», даже явный случай отражения второго полногласия *моллови* 8 [там же: 86] или правильный Им. п.

ед. ч. *сороке* 7 [там же: 83]³⁵, а из написаний, которые Р. И. Аванесов истолковать все-таки мог, он – в еще одном противоречии с самим собой – делал совершенно верные фонетические выводы, скажем, об «изменении [е] в [о] перед твердым согласным» в примерах типа *нобомъ*, *ному* 10 – но это изменение, как оказывается, передают после парных мягких все те же писцы без «твердых навыков в области графики», т. е. люди, которые, среди прочего, могли бы просто «менять одни буквы на другие» [там же: 92].

Этот удобный метод объяснения неизвестных лингвисту языковых явлений был с большим энтузиазмом воспринят на следующий год в работе В. А. Матвеевко [1956: 85 – 86], где повторена та же мысль: «...письмо многих грамот является фактически малограмотным; в подобных грамотах написания нередко не соответствуют ни нормам произношения, ни нормам графики. Расчленив простые описки и случаи более или менее регулярных отклонений от принятых норм графики в таком письме часто не представляется возможным». Исследовательница, однако, пошла значительно дальше, открыв этой универсальной «отмычкой» примеры графических мен, которые прямо не рассматривал в этом контексте даже Р. И. Аванесов: «Отклонения от простейших графических норм в некоторых из... грамот столь велики и бессистемны, что легко объясняются крайней безграмотностью писцов. Такова, например, грамота № 82 (XII в.), в которой имеется и написание редуцированных вместо гласных полного образования, и замена одного редуцированного другим» [там же: 88] (замены одного редуцированного другим на самом деле в грамоте № 82 отсутствуют). Три абзаца ниже смещения в парах *ъ–о*, *ь–е* прямо называются ошибками.

Впрочем, надо сказать, что нам не удалось найти публикаций других исследователей после В. А. Матвеевко, которые бы повторяли обобщающий (и, прямо скажем, безосновательный) вывод Р. И. Аванесова об «острой малограмотности» писцов «известной» части берестяных грамот. Ни до, ни

³⁵ Впрочем, и П. С. Кузнецов не отметил этот пример в числе форм Им. ед. *о*-склонения [Кузнецов 1955: 106 – 107] – видимо, в связи с недостаточно полным контекстом.

после В. А. Матвееенко никто не называл ошибками и проявления бытовой графики.

1.7.3. А. В. Арциховский и В. И. Борковский

Тем не менее, приходится констатировать, что сам метод лингвистического анализа, объявляющий проявлением «безграмотности» все то новое, что несли с собой для истории русского языка берестяные грамоты, был «легитимизирован» именно Р. И. Аванесовым и вслед за ним В. А. Матвееенко. Впрочем, эта «легитимация», судя по всему, могла оказать влияние лишь на В. И. Борковского, который, во всяком случае, местами ссылается на статью Р. И. Аванесова в своей части издания III – V томов [НГБ III: 108; НГБ IV: 89; НГБ V: 199, 206, 209, 213]. На А. В. Арциховского такой взгляд мог косвенно повлиять лишь в анализе грамот № 99 и 131, изданных в [НГБ III] (см. ниже).

Как мы видели выше, в первом томе (1952 г.) М. Н. Тихомиров опознал ошибки первых десяти берестяных грамот идеально, что, вероятно, связано с небольшим объемом материала. А. В. Арциховский во втором томе (1954 г.) указал лишь две явно «лишние» ошибки, а также рассматривал как ошибку написание *уо* для передачи /y/, что небесспорно, – но других «лишних» ошибок на страницах первых двух томов НГБ (где описаны первые 83 грамоты) мы не найдем.

В третьем томе (1958 г.) описано всего 53 грамоты, однако «лишние» ошибки и опiski прямо отмечены А. В. Арциховским уже трижды: *ни* 99 [НГБ III: 28, ср. Зализняк 2004: 553], *въдае бѣст...* 113 [НГБ III: 45, ср. Гиппиус, Сичинава 2021: 186 – 188], *мнѣ сѧ не можетсѧ* 124 [НГБ III: 59; ср. Зализняк 2004: 658], кроме того, как и ранее в примерах с *уо*, названы ошибками некнижные палеографические особенности букв в грамоте № 120 [НГБ III: 53]; В. И. Борковский отмечает еще одну «лишнюю» ошибку, связанную с неверной идентификацией букв: *племине* 112 [там же: 121; ср. НГБ IX: 132]. Кроме того, «ошибки» грамот № 99 и № 131 показались обоим издателям столь вопиющими, что их писцы были признаны даже не «остро малограмотными», а

нерусскими [НГБ III: 26, 68, 90]. Между тем, в первом случае просто не было опознано шоканье (**прикажзиваеши, зерее** 99), а во втором, хотя прямо это и не сказано, за свидетельство нерусскости, вероятно, были приняты случаи смешения твердых и мягких согласных (на письме – смешения гласных в парах *ы – и, е – о*: **хѣдылѣ, ривоко**) ср. [НГБ VIII: 189, 191], см. § 2.9.2.

В четвертом томе (также 1958 г.), введшем в научный оборот 58 новых грамот, «лишняя ошибка» всего одна: *дате* 142 [НГБ IV: 124-125, ср. НГБ VIII: 160 – 161], что, вероятно, следует объяснять счастливой случайностью. Это, к слову сказать, был последний том НГБ, в котором были опубликованы не только прориси, но и фотографии грамот. Таким образом, вплоть до создания в 2007 г. сайта «Древнерусские берестяные грамоты» (gramoty.ru), для большей части берестяных грамот исследователи не располагали возможностью проверять буквенный состав изданных текстов по фотографиям – единственная возможность осуществить это состояла в организационно непростом изучении грамот *de visu* (основной массив грамот, изданных в I – IV томах, поступил в фонды Государственного исторического музея, а последующих грамот – в фонды Новгородского музея). Судя по всему, никто из исследователей до А. А. Зализняка этой возможностью долгое время даже не пытался пользоваться.

В пятом томе (1963 г.) со 124 новыми грамотами «лишних» ошибок, отмеченных А. В. Арциховским, уже шесть: *доложживѣ* 24 якобы вместо *доложивѣ* [НГБ V: 25, ср. Зализняк 2004: 476], *тоуто боутоцинѣ* вм. *тоу тобѣ тоцины* 222 [НГБ V: 45, ср. НГБ VIII: 195], *пришьт над...* вм. *...пришь, тога д[ѣла] н[ѣ шль]* 222 [НГБ V: 45, ср. НГБ VIII: 195], *сърьвра* вм. *сърьбра* 222 [НГБ V: 44, ср. НГБ IX: 140], *сс Иваномѣ* вм. *с Симаномѣ* 309 [НГБ V: 141, ср. НГБ X: 98], *на намѣ* Свинц. 1 [НГБ V: 155, ср. Гиппиус, Сичинава 2021: 238]. В разделе, написанном В. И. Борковским, таких примеров еще десять: *въдѣроко* 259 [НГБ V: 183, прим. 4; ср. Зализняк 2004: 601 о графической системе

грамоты], *сѣрати* 206 [НГБ V: 206]³⁶, *ино възъ лопинь* вм. и *Новзъ лопинь* 249 [НГБ V: 206, ср. НГБ VIII: 198], *присълеци* вм. -ши 246 [НГБ V: 210, ср. НГБ XII: 216], *върьжи* вм. -ши 248 [НГБ V: 210, ср. НГБ VIII: 197], *бороце* 318 [НГБ V: 232, ср. Зализняк 2004: 612], *въземь* вм. *въ землю* 219 [НГБ V: 266, ср. НГБ VIII: 237], *водае* 227 [НГБ V: 266, ср. НГБ VIII: 110], *во|нѣре* вм. *во нѣ[т]...|...ре* 256 [НГБ V: 267, НГБ X: 94], *водаеи* вм. *водае* и 296 [НГБ V: 267, прим. 242, ср. Зализняк 2004: 94], *продаеи* (!) вм. *продае* – чтение, отсутствовавшее даже в издании [НГБ V: 267, ср. НГБ IV: 48].

Судя по некоторым отличиям в интерпретациях отдельных форм между двумя половинами III–V томов, подготовкой текстов и первичным комментированием занимался один А. В. Арциховский, тогда как В. И. Борковский делал лингвистическое описание по уже подготовленным текстам, не участвуя в обследовании оригиналов³⁷. В результате, пытаясь дать лингвистическую интерпретацию неверно опознанным буквам (которые А. В. Арциховский зачастую вполне честно оставлял без какого-либо объяснения и даже прямо писал: «грамота № 131 самая трудная. Полный ее перевод дать не могу» [НГБ III: 71]), В. И. Борковский, обремененный задачей дать лингвистическую оценку всему материалу, фактически вынужден был прибегать еще чаще своего соавтора к «методу Р. И. Аванесова». Этим и объясняется тот факт, что в V томе лингвист неверно указал почти в два раза больше мнимых ошибок, чем археолог.

Как бы то ни было, VI том А. В. Арциховский издавал уже без участия В. И. Борковского, а VII – совместно с В. Л. Яниным, но также без участия лингвистов. С 1963 г., когда был издан V том, и вплоть до 1986 г., когда был издан VIII том, систематических лингвистических описаний языка берестяных грамот не издавалось. Общий же уровень изданных ранее был таков, что в посмертно изданной «Истории русского языка» А. В. Исаченко даже утверждал:

³⁶ О фонетическом эффекте [ъо] > [а] тогда, конечно, еще не было известно, так что здесь объяснение В. И. Борковского выглядело вполне убедительно.

³⁷ Это предположение полностью подтвердила нам в личном сообщении проф. Е. А. Рыбина, постоянный сотрудник Новгородской археологической экспедиции с 1962 г.

«Наше представление о древненовгородской *lingua vernacula* едва ли изменилось из-за опубликования писем на бересте» [Issatschenko 1980: 67-68]³⁸.

В шестом томе, где опубликовано 87 новых грамот, А. В. Арциховский предположил «лишние» ошибки трижды: поставил пробел после первого слога во фразе *восоли рожѣ конь продаво* и счел, что во фразе пропущено сказуемое [НГБ VI: 39, ср. НГБ VIII: 203]; прочел *Прочица {къ}* вм. *про чицакъ* 358 [НГБ VI: 52, ср. НГБ VIII: 204], а имя адресатки *Уліа{а}ніи*³⁹ 377 прочел с конечным *и* вместо *и* и вынужден был предположить пропуск конечной гласной.

В седьмом томе со 134 новыми грамотами «лишних» ошибок всего две, и по крайней мере первая из них для нелингвистов безусловно простительна: первая буква в *огѣне Офносе* 406 была трактована как начатое по ошибке имя [см. НГБ VII: 11, ср. Зализняк 1993: 233 – 237]⁴⁰, а в грамоте № 501 было предположено удвоение первой буквы в *поклонъ* (как оказалось, это уникальное *а поклонъ* в начале адресной формулы) [НГБ VII: 96, НГБ VIII: 211]. Если это не простая случайность, то стоит признать, что определенную роль в несколько лучшем качестве комментария этого тома по сравнению с предыдущими сыграло участие В. Л. Янина в подготовке текстов.

Итак, в действительности нет, как мы видели, ни одного (!) случая на страницах первых семи томов НГБ, где бы издатели назвали проявление бытовой графики ошибкой или свидетельством малограмотности. Наличие графических замен было только одной из многочисленных сложностей интерпретации грамот, начиная от правильной расстановки словоразделов и заканчивая необходимостью прагматической реконструкции текста⁴¹. Главной

³⁸ Цит. по [Крысько 1998: 74].

³⁹ Пока неопубликованное чтение А. А. Гиппиуса. А. А. Зализняк вначале предлагал читать *ка Ан[и]*, со ссылкой на Г. А. Федонину [Зализняк 2004: 494], затем как *к Ма'аніи* [НГБ XII: 233].

⁴⁰ Как установил В. Б. Крысько [1998: 75], впервые высказанная Л. Л. Васильевым [1908: 205 – 206], идея об «идеографическом» характере написаний типа *-ѣ* [оспод] была напрочь забыта даже лингвистами и неизвестна А. А. Зализняку, что, конечно, не отменяет важности статьи [Зализняк 1990], где было собрано значительное число новых примеров таких «идеограмм».

⁴¹ Как пишет А. А. Гиппиус, «на долю остающегося за рамками текста фонового знания ситуации авторами и адресатами писем приходится львиная доля информации, необходимой для ее понимания. Не обладающему этим фоновым знанием исследователю как “постороннему”, для которого текст не предназначался, остается лишь реконструировать ситуацию грамоты на основании ее эксплицированных в тексте фрагментов: ситуация берестяной грамоты, как айсберг, возвышается над поверхностью текста лишь своей верхушкой» [Гиппиус 2004].

же и практически неразрешимой проблемой были изначально неверно идентифицированные А. В. Арциховским буквы и произведенное на их основе неверное словоделение. Разумеется, многочисленные грамматические «странности» при этом игнорировались. Прочие же исследователи теоретически могли бы оспорить буквенный состав текста либо по низкокачественным фотографиям, изданным только для первых четырех томов⁴², либо по прорисям (но любая прорись, естественно, уже содержит в себе интерпретацию), либо исследовать оригинал *de visu* (что было организационно весьма непросто и чего на практике, кажется, никто не предпринимал). Все излишние предположения (прежде всего А. В. Арциховского и В. И. Борковского) об ошибках были просто-напросто обреченными попытками дать интерпретацию неверно подготовленному к изданию набору букв. Р. И. Аванесов с его теорией «острой малограмотности» легитимизировал эти методологически неправильные попытки как допустимые при работе с древним текстом, а В. А. Матвеевко списала на «крайнюю безграмотность» и то, что впоследствии А. А. Зализняк назовет «бытовой графической системой».

1.7.4. А. А. Зализняк

Разобранный выше пассаж Р. И. Аванесова мог бы привести будущих исследователей к совершенно другому методу объяснения трудных мест в берестяных текстах. В самом деле, если отнести берестяные грамоты к разряду просто «малограмотного» письма (к которому, по мысли отца-основателя Московской фонологической школы, относятся все остальные памятники древнерусской письменности), то они, как прямо пишет Р. И. Аванесов, должны были бы представлять «для фонетического изучения наибольший интерес». Поэтому можно было бы объявить их лингвистически более информативными, чем книжные тексты, ведь, как справедливо указал еще В. А. Богородицкий, «чем менее малограмотный знаком с орфографией, тем лучше его письмо

⁴² Еще шесть фотографий грамот первых четырех томов было издано Л. П. Жуковской [1959: 129 – 135].

отражает его произношение и, следовательно, тем более оно ценно при исследовании говора малограмотного писца» [Богородицкий 1881: 9].

Однако противоречия, из которых была соткана теория «острой малограмотности» Р. И. Аванесова, расширение применения понятия «ошибки» на вполне регулярные графические замены, осуществленное В. А. Матвеевко, невысокое качество подготовки текста (а также прорисей, в которых был «защит» неверно прочитанный текст) А. В. Арциховским и производные от неправильных прочтений исследования В. И. Борковского сплелись для А. А. Зализняка в один Гордиев узел заблуждений предшествовавшей академической традиции, разрубить который было проще, чем распутывать.

На тот момент последнее слово в литературе относительно «крайней безграмотности» всей совокупности берестяных текстов было сказано во все той же статье В. А. Матвеевко⁴³. В начале своего триумфального берестологического пути А. А. Зализняк опубликовал короткую заметку [Зализняк 1982], в которой, не указывая адресата полемики, выдвинул четыре аргумента против такой точки зрения: 1) Последовательные «графические эффекты» [Зализняк 2004: 22 – 23] (типа $\text{ъ} \rightarrow \text{o}$ в грамоте № 531) показывают, что употреблявшие их писцы были именно «обучены писать именно так»; 2) Свободное варьирование «всегда касается строго определенной пары (или тройки) букв или несколько таких пар. Все прочие буквы ставятся по жестким правилам»; 3) среди грамот с графическими смещениями имеются автографы представителей политической элиты и духовенства; 4) «“гипотеза о малограмотности” означает, что в XI в. новгородцы были сплошь грамотны, в XIII в. – столь же поголовно безграмотны, а в XV в. – опять грамотны».

К вопросу о силе этих аргументов в социолингвистической оценке «бытового письма» (т. е. в вопросе о расположении берестяных грамот на «шкале грамотности») мы еще вернемся. Но второй из этих тезисов (вне зависимости от того, следует ли из него «грамотность» текстов, записанных по «бытовой системе»), был чрезвычайно сильным рычагом для того, чтобы

⁴³ Н. А. Мещерский называл малограмотными только единичные берестяные тексты [Мещерский 1958/1995: 106, 1962/1995: 134].

кардинально изменить сам метод чтения и лингвистической интерпретации берестяных грамот. Именно стремление выявить графическую систему каждого отдельного писца, то есть установить его т. н. «графические эффекты» [Зализняк 2004: 22 – 23], трактуя каждую букву за пределами «эффектов» как фонетически информативную, а буквы, подверженные эффектам, как своего рода «гиперграфему», за которой стоит одна из строго ограниченного числа фонем, позволило А. А. Зализняку совершить тот колоссальный рывок в лингвистической интерпретации как новонайденных, и давно изданных грамот, приведший к общепризнанным открытиям первостепенной научной значимости (неполный их список см. [Крысько 1994: 28 – 29]). Но к проблеме социолингвистической оценки «бытовой графики» это в действительности не имело прямого отношения.

Подавляющее большинство поправок, внесенных А. А. Зализняком в прежние чтения берестяных грамот в VIII томе, делалось с опорой на ранее изготовленные прориси (лишь в двух случаях имела место перепроверка по оригиналу: № 222, № 466 [НГБ VIII: 195, 209])⁴⁴. Но даже при этом количество ранее отмеченных издателями «ошибок», оказавшихся правильными чтениями, было столь колоссально, а последовавшие за их «отменой» открытия – как то же отсутствие в древненовгородском диалекте II палатализации – столь революционны, что это не могло не толкнуть А. А. Зализняка к противоположной крайности:

Описки и иные не обусловленные фонетикой ошибки представлены в подавляющем большинстве берестяных грамот редко – не чаще, чем, например, в пергаменных грамотах. Очевидно, берестяные письма в основном писались достаточно тщательно: лишь в немногих из них ошибки и описки представлены в значительных количествах. Таковы № 92, 219, 301, 307, 348, 355, 370, 419, 463, 501, 528. Заметим, что даже и в этом списке не все документы должны быть оценены как малограмотные; некоторые скорее можно охарактеризовать как неряшливые (или написанные поспешно) [Зализняк 1986: 111; подчеркивания наши – Д. К.].

⁴⁴ Масштабное переобследование оригиналов имело место позже, при подготовке IX тома [НГБ IX: 123 – 124]. По новым фотографиям, зачастую позволяющим рассмотреть детали берестяных грамот даже лучше, чем под микроскопом (последний иногда дает чересчур сильное увеличение), были сделаны реестры поправок, вошедшие в [НГБ XII] и в статью [Гиппиус, Сичинава 2021].

Как мы увидим в § 3.2, в действительности частотность неисправленных описок в пергаменных грамотах – договорах Новгорода с князьями – примерно вчетверо меньше, чем в берестяных. Это, конечно, при желании можно объяснять наличием черновика, с которого списывались столь важные документы, а не более высоким мастерством писцов, но совершенно точно можно утверждать, что сравнение частотностей ошибок в том и другом корпусе текстов А. А. Зализняк проводил не с точными подсчетами их частотности, а исключительно интуитивно, и интуиция здесь его, к сожалению, подвела.

Надо отметить, что в [Зализняк 2004: 23] есть еще один подсчет частотности ошибок. А именно, в абзаце, описывающем разницу между малограмотностью и использованием бытовой графической системы, сказано: «Берестяные грамоты, за исключением совсем немногих, написаны тщательно, описки встречаются в них не чаще, чем в рядовых памятниках книжной письменности [подчеркивание наше – Д. К.]; большинство их написано — с точки зрения использованной в них графической системы — вообще безупречно, т. е. без единой ошибки. Вот количественная оценка: в нашем словоуказателе знак (!), которым отмечаются явные ошибки и описки, встречается один раз на 75 словоупотреблений».

Однако на этих 119 пометах «(!)» ошибки в словоуказателе вовсе не заканчиваются: случаи предвосхищения буквы отмечены знаком «предвосх.» (28 примеров), фигурными скобками отмечены случаи написания лишних букв независимо от их происхождения (43 примера), случаи пропуска — пометой «пропуц.» (43 примера) или «недопис.» (44 примера), случаи повтора предшествующей буквы — «повтор.» (10 примеров), в некоторых случаях пишется просто «ошиб.» (11 примеров), описка (3 примера). Коль скоро значительное количество указаний на ошибку не отмечается знаком «(!)», мы видим, что количество ошибок в вышеприведенной количественной оценке сильно занижено.

В то же время, нельзя не согласиться с А. А. Зализняком в том, что повышенная частотность лингвистически неинформативных описок (пропусков, повторов, «графических ассимиляций» и т. д.), вообще говоря,

может свидетельствовать не о малограмотности, а о «неряшливости или поспешности».

1.7.5. К вопросу о малограмотности

О малограмотности (в полном соответствии с современным пониманием этого слова) должны свидетельствовать массовые ошибки против орфографии, а не против графики. Это позволило В. Б. Крысько [1998: 74] утверждать, что «в смешении букв *ъ* и *о*; *ь*, *е* и *ть* ... кажется более правомерным видеть именно нетвердость орфографических навыков». А. А. Зализняку это беглое замечание явно чем-то напомнило статьи полувековой давности [Зализняк 2002: 579]. Однако их авторы (Р. И. Аванесов и В. А. Матвеев) в действительности говорили о невлаждении графикой (что бы они под этим ни подразумевали), тогда как В. Б. Крысько – о невлаждении орфографией (тоже, впрочем, полагая, что это понятие не нуждается в разъяснении). Это заставило А. А. Зализняка попытаться дать рабочее определение тому и другому:

Графическая система включает: а) инвентарь графем; б) основные правила их употребления при передаче фонем. Под **графемами** понимаются абстрактные письменные знаки, из которых любые два в силу культурно-исторической традиции в данную эпоху в данном социуме признаются различными <...>

Назовем **графически правильной** запись некоторого отрезка звучащей речи (например, словоформы), если, будучи прочитана по основным правилам чтения (в случае русского языка — с правильным ударением), она дает именно ту фонетическую последовательность, которая записывалась. Например, для словоформы [слпók] графически правильны записи *сапог*, *сапок*, *сопог*, *сопок*. **Орфография** — это совокупность правил, предписывающих выбор одной из графически правильных записей для всех случаев, когда такая запись не единственна. [Зализняк 2002: 585 – 586].

На наш взгляд, В. Б. Крысько [2006б: 458 – 459] прекрасно показал, что именно используя безупречно данные самим А. А. Зализняком определения графики и орфографии, проявления бытовых «графических эффектов» есть основания назвать «нетвердостью орфографических навыков», и нам нечего добавить к изложенным им аргументам. Более того, нам представляется, что

текст, регулярно нарушающий орфографические правила, но не нарушающий слишком часто правил графических, есть все основания называть малограмотным, как это делал уже В. А. Богородицкий, и в этом мы не боимся случайно совпасть с пониманием малограмотности, предложенным Р. И. Аванесовым. Оно, как мы видели, вполне отвечало не только интуитивным представлениям носителя современного русского языка, но и весьма строгому определению орфографии, данному А. А. Зализняком. Проблема статьи Р. И. Аванесова была в том, что он явно впал в более вредную (с точки зрения истории науки) крайность, ставя берестяные грамоты на какой-то еще более низкий, чем простая «малограмотность», уровень «острой малограмотности», не позволявший делать уверенные лингвистические выводы из имевшегося материала. В действительности, с точки зрения «книжной» орфографической системы, проявления «бытовой» – не что иное, как орфографические ошибки, а тексты, написанные с ее использованием – малограмотны.

Другое дело, что адекватность противопоставления как ранне-, так и позднерусской «бытовой» и «книжной» графических систем применительно к книжности XIII в., когда «бытовая графика» достигла своего расцвета, вызвало определенные сомнения. А. Б. Страхов [1995: 251 – 254] попытался показать отсутствие четкой границы между «книжной» и «бытовой» системами отдельными примерами «бытовых» смешений из описанных в литературе книжных памятников XI – XV вв.⁴⁵ В. М. Живов дал сугубо предварительную оценку в «не более чем 2%» позиций, затронутых «графическими эффектами» [Живов 2006: 94 – 95] в наиболее насыщенных «бытовой графикой» книжных рукописях. Пока этот порог превысили только отдельные листы и отдельные графические и морфологические позиции в

⁴⁵ Трудно не согласиться с А. Б. Страховым в том, что «чтобы толковать орфографию, язык и содержание новооткрываемых памятников славянской письменности, берестяных и прочих, необходимо привести в известность и хотя бы относительный порядок данные памятников, открытых давным-давно. Аккуратная, точная публикация текстов и появление полных, составленных со знанием дела словарей сразу бы поколебали почву под ногами фантазеров» [там же: 270]. Но аккуратность и точность публикации текстов берестяных грамот в томах НГБ, созданных при участии А. А. Зализняка, как раз не вызывает сомнений, тогда как нам неизвестно ни о существовании древних текстов, публикацией которых занимался бы покойный А. Б. Страхов, ни о его участии в подготовке хотя бы одного тома какого-то из исторических словарей.

рукописях, детально проанализированных Г. А. Мольковым и Д. А. Коротковой [Короткова, Мольков 2017: 927], [Мольков 2021: 790 – 791], [Мольков 2025a]. Но пока между книжной и оригинальной некнижной письменностью наблюдается столь существенное различие в этом «проценте смещений», представляется целесообразным как минимум не сбрасывать со счетов гипотезу о качественном разрыве в уровне орфографического самоконтроля писцов книжных и некнижных памятников.

В последнее время появилась работа Е. Л. Шнитке [Schnittke 2016], на примере нескольких писем детей «начального этапа обучения грамоте» и берестяных грамот демонстрирующая типологическое сходство первых и вторых. Хотя некоторые пункты сравнения и объем материала заставляют усомниться в выводах автора, это заставляет нас вновь вернуться к вопросу: так ли невозможно называть берестяные грамоты «малограмотным письмом»?

Однако к теме настоящей работы этот вопрос имеет не столь прямое отношение: мы рассматриваем не орфографические, а графические ошибки (описки) и те текстуальные аномалии, которые иногда рассматривались исследователями в этом качестве, но за которыми мы рискуем предполагать отражения тех или иных нерегулярных фонетических изменений, затронувших, возможно, какие-то микродиалекты или даже отдельные идиолекты. Вторые безусловно должны быть признаны отклонениями от нормы – но отклонениями от нормы в первую очередь звучащей речи (считать ли их проявлениями малограмотности – вопрос открытый). Первые же, как справедливо признавал А. А. Зализняк, свидетельствуют не о малограмотности, а, скорее, о неряшливости и спешке.

§ 1.8. Классификация ошибок по А. А. Зализняку

Классификации графических ошибок в берестяных грамотах у А. А. Зализняка посвящены лишь два небольших пассажа [Зализняк 1986: 110 – 111], [Зализняк 2002: 587 – 594]. Первая классификация более подробная, так как членит *повторы* на *удвоения* и «*графические персеверации*». В

«Древненовгородском диалекте» А. А. Зализняк называет «повторами» (а также «повторениями») как случаи типа *Арѡмиръ* вм. *Аромиръ* (в нашей терминологии – реитерация ближайшей гласной, разновидность замены), так и случаи типа *реза{за}нъ* (в нашей терминологии – диттография слога, разновидность вставки) [Зализняк 2004: 403, 528].

В статье 2002 г. ошибки и описки А. А. Зализняк попытался терминологически разделить с точки зрения причины, их породившей:

...различаются: 1) описки (т. е. ошибки, вызванные психофизиологическими причинами, связанными с механикой письма); 2) собственно ошибки (вызванные другими причинами, в частности, незнанием или несоблюдением каких-то правил). Заметим, что это разграничение – не стопроцентно четкое. Существенно также, что одна и та же ошибка в одних случаях может быть собственно ошибкой, а в других опиской. К счастью, для наших целей эти обстоятельства не имеют большого значения... [Зализняк 2002: 587 – 588].

Однако никакого отражения в принципах издания и лингвистического комментирования грамот эта попытка разграничения описок и ошибок не получила, так что и во 2-ом издании «Древненовгородского диалекта», и в XII томе «Новгородских грамот на бересте» однородные текстуальные аномалии продолжают в одних случаях называться ошибками, а в других – описками, ср.: «*Възалъ* (вместо *възалъ*) – ошибка в передаче твердости–мягкости», но «описка или ошибка: *приедю* вместо *приедоу*» [Зализняк 2004: 258, 347; здесь и далее подчеркивания наши – Д. К.]; «В *бурърьи* по ошибке повторено ръ», но «Описки: *резазанъ* (повторен слог)» [там же: 299, 528]; «В тексте есть описки: в слове *намъ* пропущена буква *а*, вместо *ѡздити* написано *ѡдздити* (т. е. автор сперва написал *ѡд*, пропустив букву *з*, затем исправил *д* на *зд*, но лишнее *д* не зачеркнул)», но «ѡси — это ошибка вместо *ѡсмь* (или *ѡсми*)» [НГБ XII: 30, 70].

Разумеется, связано это как раз с «нестопроцентно четким разграничением» описок и ошибок, поскольку «психофизиологические причины, связанные с механикой письма», вызывающие описки, может быть, и известны нейрофизиологам (см. выше § 1.2), но совершенно не очевидны для

филолога, как неясны и «правила, с незнанием и несоблюдением» которых связаны ошибки.

Ошибкой А. А. Зализняк считал «любое отклонение последовательности графем, образующей запись некоторого отрезка речи, от той, которая предписывается для такого отрезка речи действующими правилами графики и орфографии» [Зализняк 2002: 587].

С точки зрения структуралистских лингвистических представлений, используемое А. А. Зализняком определение ошибок безупречно и привлекает своей точностью и простотой. Однако в этом определении оказываются «защиты» понятия графемы [Зализняк 1979/2002] и фонемы («графическая система включает: а) инвентарь графем; б) основные правила их употребления при передаче фонем» [Зализняк 2002: 586]), которые неочевидны даже для современных носителей языка без специальных лингвистических знаний, не говоря уже о писцах берестяных грамот. Острее всего этот вопрос стоит, когда в идиолекте писца приходится предполагать то или иное нерегулярное фонетическое изменение [Крысько 2020] или фонетическую дублетность на праславянском уровне (ср., например, «гор<о>зно, с ор<о>, а не ора, – по-видимому, не ошибка, а вторичный вариант к *горазно*» [Зализняк 2004: 305]). Обилие интерпретационных возможностей, которые представляют нерегулярные фонетические изменения, способны едва ли не бóльшую часть написаний, отмеченных самим А. А. Зализняком как ошибки и опiski, счесть заслуживающими внимания исторической фонетики, предполагая на месте пропущенных слогов аллегрные произношения, на месте пропущенных гласных (по крайней мере безударных) – «синкопу», на месте предвосхищенных гласных – фонетическую ассимиляцию и т. д. Во всякой такой интерпретации, естественно, исследователь будет исходить из своего априорного знания о стоящей за написанием последовательности фонем.

Нельзя ли определить опisku как любое отклонение задуманной писцом последовательности письменных знаков от написанной? Ср.

«психологические ошибки — отклонения от нормы, возникшие в результате неточной реализации правильного речевого намерения» [Малкова 1979: 109], «Ошибка вообще – результат расхождения между планом и реализацией действия в процессе речевой деятельности» [Колесов 2008: 255]. Казалось бы, эта попытка сталкивается еще с большими трудностями: откуда мы можем знать, какого рода текстуальные аномалии сами авторы считали недопустимыми?

Тем не менее, оказывается, что если рассмотреть все отмеченные в актуальных прочтениях исправления в берестяных грамотах (их оказывается более 300)⁴⁶, то абсолютное их большинство приходится ровно на те классы случаев, которые А. А. Зализняк и указывал как описки (немногочисленные случаи орфографических исправлений см. в § 2.2).

Что касается классификации описок, то их в статье 2002 г. А. А. Зализняк делит на *пропуски, перестановки, повторения и предвосхищения*, которые относятся к *типовым опискам*, а ошибки, не входящие ни в одну из этих четырех групп, называет *немеханическими*. К последним Зализняк, в частности, относит смешение похожих по начертанию букв (которые в берестяных грамотах представлены как будто бы лишь «несколькими каракулеобразными надписями») и представляющие повышенную трудность для авторов ошибки в обозначении твердости-мягкости (которые, как сказано, «встречаются чрезвычайно редко» [Зализняк 2002: 589]).

С данной здесь А. А. Зализняком характеристикой частотности не удастся согласиться: примеров ошибок в обозначении твердости-мягкости в корпусе берестяных грамот целых 44 (для сравнения: неисправленных реитераций гласных 24, предвосхищений гласных 31, диттографий гласных 10, диттографий прикрытых слогов 16, см. § 3.1). Даже если исключить из них все примеры ошибок в мягкости плавных, для которых А. А. Зализняк предполагает

⁴⁶ В приводимой в Главе 3 сводной таблице можно насчитать 287 исправленных написаний, но те случаи, когда неясно, какая буква из какой исправлена, мы в подсчеты не включали. Еще 14 исправлений мы причисляем к орфографическим (§ 2.2).

фонетическую природу, остаются еще 32 примера, что также вполне сопоставимо с частотностью отдельных классов *типовых описок*. Так же трудно согласиться с тем, что смешения похожих по начертанию букв встречаются только в «каракулях»: к настоящему моменту известно не менее 19 неисправленных случаев «визуально-ассимилятивной субституции» во вполне читаемых грамотах (см. § 2.8.1).

Исключительным достоинством эрратологического анализа А. А. Зализняка является попытка классификация исправлений в берестяных грамотах:

- 1) нужная буква писалась (обычно с усиленным нажимом) прямо поверх ошибочной;
- 2) ошибочная буква зачеркивалась, а нужная писалась рядом с ней, над ней или под ней;
- 3) то же, что в предыдущем случае, но без зачеркивания ошибочной буквы.

Особенно важно учитывать последний случай, поскольку внешне такая запись выглядит как прямая ошибка, например *дворрь* вместо *дворь*... [Зализняк 1986: 111].

Однако пункт 3), если его считать вполне «законным» способом исправления, порождает массу проблем (см. § 2.3).

§ 1.9. Выводы

Единой, общепринятой классификации экспрессивных графических («специфических» в логопедической терминологии) ошибок и их исправлений не существует ни в логопедии, ни в нейропсихологии, ни в текстологии, ни в лингвистических описаниях средневековых славянских памятников письменности.

Требует значительного уточнения анализ частотности текстуальных аномалий разного вида в берестяных грамотах.

Представляется необходимой подробная и основанная на объективных критериях классификация текстуальных аномалий и подсчет частотности каждого их класса.

Особая трудность классификации ошибок книжных памятников состоит в том, что помимо экспрессивных ошибок, они содержат множество импрессивных (см. § 1.1), причем и те и другие могут быть еще и неверно исправлены (как писцом дошедшего до нас памятника, так и в предшествующей ему рукописной традиции). Это создает непреодолимые на сегодняшний день сложности в более подробной систематизации «книжных» текстуальных аномалий, чем та трехчастная классификация, которую предприняли О. В. Малкова и Г. А. Мольков.

Но материал оригинальных текстов, таких как большинство берестяных грамот, как мы увидим, позволяет подавляющее большинство текстуальных аномалий выделить в строго определенные классы формально однородных явлений, поскольку способов непреднамеренно исказить на письме свою собственную речь оказывается, в самом деле, не так много.

ГЛАВА 2. Классификация и частотность текстуальных аномалий берестяных грамот

§ 2.1. Общие принципы классификации. Проблема двояко трактуемых аномалий

Сводный каталог ошибок и описок берестяных грамот составлялся нами в несколько этапов.

На первом этапе из каждой грамоты были выписаны все словоформы, содержащие, согласно актуальному прочтению грамоты, «ошибки», «описки», «пропуски», «перестановки», «повторы» («повторения»), «предвосхищения» (напр., «в къ Виваноу первое в – описка (предвосхищение в)» [Зализняк 2004: 265]), а также все случаи исправлений одной буквы на другую. Все выписанные случаи были проверены по фотографиям грамот (те случаи, когда наша трактовка написаний отлична от актуального прочтения, см. в комментариях к каждой рубрике) и классифицированы вначале в соответствии с теми категориями ошибок, которые были предложены А. А. Зализняком в 1986 г. (см. § 1.8).

На втором этапе было обнаружено, что частотность некоторых ошибок зависит от положения ошибки в слове: так, пропуски одиночных согласных оказались менее частотны и гораздо чаще исправляемы писцами, чем пропуски согласной в консонантном кластере (§ 2.7.1)⁴⁷; пропуск прикрытой гласной исправляется значительно чаще пропуска неприкрытой гласной (§ 2.7.7, § 2.7.8); пропуск второй и третьей согласной из трех оказался исправляемой текстуальной аномалией (§ 2.7.5, § 2.7.6), тогда как случаев исправления пропуска первой из трех согласных не зафиксировано (§ 2.7.4) и т. д. Тогда же была обнаружена необходимость разделить некоторые классы ошибок уже в зависимости от позиции ошибки в слове: так, реитерации и антиципации

⁴⁷ Учитывая тот факт, что биконсонантных кластеров в берестяных грамотах как минимум в 4,6 раза меньше, чем одиночных согласных, получается, что частотность неисправленного пропуска одиночной согласной почти в 9 раз ниже частотности неисправленного пропуска первой согласной из двух рядом стоящих.

гласных ближайших слогов, как и следовало ожидать, оказались на порядок частотнее, чем реитерации и антиципации вторых гласных справа и слева (§ 2.8.2, § 2.8.3).

Полученные на этом этапе оценки частотности ошибок каждого класса не учитывали несколько десятков форм, которые могут быть отнесены сразу к нескольким классам. 14 из них – субституции гласного через гласный обоих соседних слогов (т. е. одновременно антиципации и реитерации гласного). Их мы выделили в особый класс. В прочих случаях при конкуренции двух решений выбиралось то, которое предполагало значительно более распространенную ошибку. Например, [ж г]ородошо⁴⁸ в м. ж *Городошъ* 194 может быть отнесено как к классу «реитерация ближайшей гласной» (28 случаев, 15 исправлено), так и к классу «реитерация второй гласной слева» (3 случая, 1 исправлен). Очевидно, первый класс на порядок частотнее второго, так что написание отнесено именно к нему. В некоторых (довольно редких) случаях конкурирующие решения заставили выбирать между двумя более близкими по частотности классами: например, гѡ[[г]]ковѡ⁴⁸ 528 [1370-е гг.] может трактоваться как исправление непозиционного озвончения согласной (6 случаев), а может – как исправление начатого по ошибке повтора (диттографии) прикрытого слога (18 случаев, из которых 6 исправлены). Здесь, помимо бóльшей (уже не на порядок) частотности диттографий прикрытых слогов, приняты во внимание дополнительные соображения: во-первых, достоверных случаев исправления непозиционных оглушений и озвончений в берестяных грамотах вообще не зафиксировано (см. § 2.9.1); во-вторых, все непозиционные озвончения приходится на грамоты с датировкой строго не позже начала XIII в. Все это указывает на предпочтительность трактовки написания именно как исправленной диттографии прикрытого слога. Тем не менее, классы «фонетических ошибок» (§ 2.9.1, § 2.9.2) нуждаются в особо тщательном отборе примеров, так что такие неоднозначные случаи были отнесены к категории «прочие замены» (§ 2.11).

⁴⁸ Зачеркнутые или затертые буквы изображаем двойными квадратными скобками: [[]].

На третьем этапе мы приняли во внимание мысль О. В. Малковой (§ 1.4) о том, что исправленные написания указывают на то, какие классы аномалий представлялись недопустимыми с точки зрения самих писцов. Как мы увидим далее, из более чем 300 выявленных исправлений в корпусе берестяных грамот лишь 14 должны быть трактованы как орфографические правки (пользуясь терминологией А. А. Зализняка, исправления одних графически допустимых написаний на другие) – остальные случаи исправлений приходятся как раз на один из выделенных нами на втором этапе классов.

Неожиданно оказалось, что некоторые выделяемые А. А. Зализняком «ошибки» (в обозначении глухости-звонкости и твердости-мягкости) и даже «описки» (перестановки букв, пропуски второго элемента диграфа *ou*, пропуск первой из трех согласных) не обнаруживают надежных случаев исправлений писцами. Для сравнительно редких аномалий (таких как написания *o* вм. *ou* или *y*) – это может быть, конечно, чистой случайностью. Но тот факт, что из 46 случаев непозиционного отвердения и смягчения согласных (§ 2.9.2) исправлено всего 4 (все правки касаются смещения в паре *a~A*, которые можно объяснять визуальным сходством графем, см. § 2.8.1), а из 14 надежных случаев непозиционного оглушения и озвончения согласных (§ 2.9.1) не исправлен ни один, достаточно надежно свидетельствует о том, что самими писцами «фонетические мены» не осознавались как ошибки.

Это заставляет нас ввести еще один уровень классификации: исправляемые и неисправляемые классы отклонений от стандартной этимологической записи словоформы.

Исправления графически допустимых написаний свидетельствуют об определенном уровне «орфографической рефлексии» писцов, их осуществивших. Исправленные же графические аномалии должны в большинстве примеров представлять собой описки, не имеющие статус языковых фактов. Частые и неисправляемые текстуальные аномалии в большинстве своем должны получить фонетическое объяснение. Редкие и

неисправляемые текстуальные аномалии необходимо трактовать индивидуально или вовсе воздерживаться от такой трактовки, поскольку отсутствие исправления может быть как чистой случайностью, связанной с недостатком аналогичного материала, так и свидетельством реального произношения.

2.1.1. Классификация исправлений

Далее мы будем кратко обозначать типы исправлений следующими сокращениями:

- AD – правильные буквы приписаны справа от ошибочных, причем последние писец забыл зачеркнуть (*adscriptio*);
- CANC – ошибочные буквы зачеркнуты (*cancellatio*);
- DEFR – ошибочные буквы затерты (*defrictio*);
- INTER – правильная буква вставлена в строку между изначально написанными (*interscriptio*);
- SEMI – ошибочная буква брошена недописанной (*semiscriptio*);
- SUB – недостающая буква мелко подписана под строкой (*subscriptio*);
- SUPER – недостающая буква мелко надписана над строкой (*superscriptio*);
- RE – правильные буквы написаны поверх ошибочных (*rescriptio*);
- LIG – ошибочная буква переделана в правильную лигатурным объединением с соседней (*ligatura*).

Комбинации двух типов будут обозначаться через знак “+” (напр., SEMI+RE).

Классов исправлений в берестяных грамотах насчитывается не больше девяти (при желании можно объединить CANC и DEFR или, например, объявить SUB, SUPER и INTER единым классом вставки недостающих букв, как это делает А. А. Зализняк [1986: 111]). Большинство из этих классов не представляют большого исследовательского интереса: иногда можно спорить, скажем, вставлена ли буква в строку или над строкой, но такие разногласия никак не влияют ни на понимание текста грамоты, ни на интерпретацию представленной в изначальном написании ошибки.

Отметим, что значительная часть исправлений типа INTER относится к буквам, по размеру ничем не выделяющимся на фоне прочих. Единственный критерий выявления таких букв – значительно уменьшенный межбуквенный интервал слева и справа от данной буквы по сравнению со средним межбуквенным интервалом в данном почерке. Каждый случай такого исправления можно было бы подвергнуть точному измерению и обоснованию позднейшей вставки, но мы решили не загромождать текст настоящего исследования таким обоснованием. Значительная часть подобных случаев позднейшей вставки никак не отмечена ни в издании, ни в позднейших поправках (поскольку никоим образом не влияет на буквенный состав и смысл получившегося текста), однако для целей настоящего исследования это не очень существенно: единственное, на что влияет учет или неучет таких написаний, – это оценка уровня «исправляемости» того или иного класса ошибки.

В ряде случаев можно спорить о том, какая именно буква и из какой исправлена (это для наших целей уже существенно, так что все случаи, где наша интерпретация расходится с актуальным прочтением, далее специально отмечены в комментариях к каждой рубрике).

Об исправлениях типа AD см. § 2.3.

2.1.2. Хронологическое распределение позиций

Графики хронологического распределения ошибок в тот или иной период построены на фоне ломаной, изображающей приблизительное количество всех букв в грамотах данного периода, либо количества букв в определенном графическом контексте. Для получения этого количества использовался огрубленный компьютерный анализ текстов грамот с сайта gramoty.ru, включавший буквы внутри издательских конъектур, азбуки и цифирь, а также механически «склеивавший» оборванные концы строк с началами последующих. Разумеется, полученные данные никоим образом не могут быть использованы для исследования, например, эволюции слоговой структуры русских слов на корпусе берестяных грамот – они отражают лишь

приблизительную оценку объема материала в тот или иной период. Результаты компьютерного подсчета, использованные при построении графиков, таковы:

Условная дата	Букв	Всего С	Всего V	С	СС	ССС	СССС	VV
1025–1050	397	207	190	134	24	2	2	35
1050–1075	897	477	420	289	57	7	12	83
1075–1100	814	416	398	282	50	6	4	86
1100–1120	3124	1534	1590	1182	145	10	8	348
1120–1140	2812	1403	1409	1002	156	11	9	297
1140–1160	8978	4475	4503	3160	527	50	20	1023
1160–1180	10628	5224	5404	3897	540	51	21	1203
1180–1200	10275	5213	5062	3410	710	67	33	1058
1200–1220	3970	1991	1979	1408	246	20	7	417
1220–1240	1415	733	682	456	113	10	3	126
1240–1260	3443	1777	1666	1097	268	23	18	280
1260–1280	1773	895	878	560	155	10	1	196
1280–1300	4771	2432	2339	1514	356	35	15	466
1300–1320	2723	1398	1325	841	228	12	12	294
1320–1340	3133	1628	1505	984	265	24	4	268
1340–1360	5258	2685	2573	1664	436	40	4	472
1360–1380	10471	5298	5173	3344	872	43	18	959

1380–1400	7356	3692	3664	2263	618	51	10	798
1400–1410	4172	2135	2037	1250	401	39	5	372
1410–1420	2911	1505	1406	857	246	41	9	268
1420–1430	3540	1796	1744	1132	294	16	7	306
1430–1450	1393	716	677	415	128	15	0	129
1450–1500	209	117	92	33	39	4	0	18

В колонке «Условная дата» используется одноименная хронологическая рубрика каждой проанализированной грамоты, взятая из базы данных «Древнерусские берестяные грамоты» (gramoty.ru). В колонке «Букв» указано общее число букв в грамотах данного хронологического отрезка. В колонках «Всего V» и «Всего С» – общее число гласных и согласных соответственно в грамотах данного хронологического отрезка. В колонках «С», «СС» и «ССС» – общее число ограниченных гласными последовательностей из одной, двух и трех согласных соответственно в грамотах данного периода. Колонка «СССС» демонстрирует скопления из четырех согласных – как правило, это контракционные сокращения типа *гровна* (в т. ч. под титлом: *крѣтъ*). Колонка «VV» отражает общее число неприкрытых гласных (неприкрытых слогов) в грамотах данного периода.

Уточнение этих данных на очищенном от «шума» множестве текстов должно стать предметом отдельного исследования.

2.1.3. Обозначения в таблицах

Таблицы, иллюстрирующие материал каждой рубрики, начиная с § 2.3, устроены следующим образом. В колонке «**Исправление**» указывается один из типов исправления (§ 2.1.1). Если исправление ошибки было произведено, то в колонке «**Замысел**» указан его результат, а в колонке «**Изначальное написание**» – исходная форма. Если исправление произведено не было, то

колонка «Исправление» остается пустой, в колонке «Изначальное написание» отражается реальное написание словоформы, а в колонке «Замысел» – реконструкция той формы, которую, по нашему мнению, имел в виду автор. При описании пропусков и диттографий описку нагляднее было изобразить в одной колонке «Изначальное написание» и не перегружать таблицу введением колонки «Замысел». Если в словоформе допущено более одной ошибки, то ошибка, указанная в данной строке таблицы, подчеркивается. Для вставок (инсерций) нам представилось целесообразным отмечать позицию описки в слоговой структуре в колонке «Позиция»: граница слова здесь обозначена решеткой – #, согласная обозначается за С, гласная – за V (в этой и только в этой колонке подчеркивается ближайшая правильная буква, тождественная вставленной). Соседство с буквами определенной формы, возможно, увеличивает частотность некоторых классов описок. Наличие таких букв мы специально указываем в колонке «Триггер». Триггер ошибки слева обозначается как «L:», триггер справа – как «R:». Некоторые виды ошибок можно связывать с «явлениями конца строки». В таких случаях в колонке «Триггер» ставим помету «fin.». **Условная дата** – середина пересечения предпочтительного стратиграфического и внестратиграфического интервала датировки, округленная до пяти. Примеры (сначала исправленные, затем неисправленные) сортируются по условной дате. После заглавия каждой таблицы указывается **в скобках число исправленных и неисправленных написаний**. Например, запись «1+2» означает, что одна ошибка данного класса была исправлена, а две других остались не замечены автором. Неоднозначно читаемые буквы берутся в квадратные скобки – [], чистые конъектуры – в круглые – (), лишние буквы – в фигурные – {}, пропущенные – в угловые < >.

§ 2.2. Исправления орфографических ошибок

За пределами нашего сводного каталога ошибок нам удалось обнаружить лишь 14 исправлений, в которых и первоначальное, и исправленное написание, с точки зрения графических систем, употреблявшихся авторами грамот в тот

или иной период истории древненовгородского диалекта, не могут быть признаны ошибочными. Эти исправления, таким образом, отражают орфографическую рефлексию нескольких немногочисленных писцов, ср. [Зализняк 2002: 584].

При подаче примеров слева от стрелки ставится первоначальная словоформа, справа – результат исправления. Здесь и далее не отмечаются случаи грамматических и лексических правок, изменяющих одну словоформу на другую⁴⁹.

(1) **ѣо** → **бо҃го** (№ 944 [~1145]) [НГБ XII: 39; Зализняк 2004: 398]

(2) **павѣлова** → **павѣлова** (№ 227 [~1170])

(3) **воже** → **вожѣ** (№ 384 [~1175])

(4) **но** → **нѣ** (№ 652 [~1205])⁵⁰

(5) **доцере** → **доцерь** (№ 531 [~1210])⁵¹

(6) **в|зати** → **в°|зати** (№ 202 [~1250])⁵², **с нами** → **со нами** (№ 207 [~1250])

(7) **пѣд...** → **ї** (№ 144 [~1325]) [Зализняк 2004: 538].

(8) **берековске** → **берковске** (№ 701 [~1380])

⁴⁹ Как правило, замена одного слова на другое называется стилистической правкой, см., например, [Зализняк 2004: 271]: «Заметив ошибку, она вписала над строкой *нѣ*, но не ограничилась этим, а произвела также и стилистическую правку: добавила еще *при*, заменив таким образом *ходилѣ* на более точное по смыслу *приходилѣ*», аналогичные случаи см. [там же: 297, 422, 430, 487]. В иных случаях это исправление меняет построение фразы.

⁵⁰ Б. А. Успенский убедительно рассматривает этот пример как исправление написания, отражающего книжное произношение *ѣ* как [о], на стандартное книжное написание [Успенский 2002: 150]: перед нами, действительно, фрагмент богородичной молитвы, которая, несомненно пелась, а не читалась в соответствии с разговорным языком рубежа XII-XIII вв. Учитывая отсутствие в грамоте других примеров бытовой орфографии (что для данной эпохи уже редкость), перед нами несомненно орфографическая правка, осуществленная, вероятно, профессиональным писцом.

⁵¹ [Там же] Б. А. Успенский усматривает в том же ряду и правку *доцере* на *доцерь* в письме Анны Климате. Но Анна явно не владела книжной орфографией, в отличие от предыдущего писца, так что о причинах правки здесь можно только гадать.

⁵² Исправление связано с тем, что еще в сер. XIII в. перенос после согласной был крайне редким явлением [Schaeken 1995: 95 – 97]. У Онфима такой перенос отмечен в другой его грамоте (№ 203) в издании [НГБ V: 204] и последующих поправках [Зализняк 2004: 476] как *св|оѣму*, что отражает прорись грамоты. На современных фотографиях, однако, слабо различимое *о* явно читается в первой, а не во второй строке, так что в № 203 читать следует: *сво|ѣму*.

(9) ·ѣ· гривни → ·ѣ· гривнѣ; на Снань → на Снане; роубле → роубль⁵³ (№ 162 [~1425])

(10) Ѡ жени → {Ѡ жени} Ѡ женѣ (№ 931 [~1415])

(11) на Островескои → на Шстровескои (№ 928 [~1445])

Рассмотренные 14 исправлений (в 11 почерках) демонстрируют, что орфографическую рефлексия берестяные писцы проявляли весьма нечасто. Ясно, что каждое написание, признанное в этих 14 случаях недопустимым самими писцами, нельзя рассматривать как графическую ошибку.

3 из 14 случаев касаются правки *и* на *ѣ* или заменяющее последний *е*, 1 случай – замена в паре *е~ѣ*. Еще 4 случая касаются исправлений в паре *ь~е*, 1 случай в паре *ь~о*. 9 из 14 «орфографических исправлений», таким образом, приходится на пары букв, участвующие в «бытовых» графических смешениях или в ставшей к концу XIV в. также графически дублетной в значительной части почерков паре *ѣ~и*. Ясно, что всего таких смешений в берестяных грамотах многие сотни, и их количество не может идти ни в какое сопоставление с теми субституциями букв, которые мы признаем исправляемыми текстуальными аномалиями: каждый класс таких субституций содержит в лучшем случае несколько десятков примеров, значительная часть из которых исправлены. Еще 3 случая касаются вставки немой гласной. Их можно объяснять разными индивидуальными причинами или одной общей, но очевидно, что это также случаи орфографической вариативности в XII – XIV вв., и не имеет смысла рассматривать их как аномалии. Еще один случай касается замены в дублетной паре *ѡ~Ѡ*, два случая – в сокращенной под титлом и полной записи словоформы.

Все прочие исправления в корпусе берестяных грамотах, не меняющие лексическое и грамматическое значение словоформы, приходятся в точности на

⁵³ Как отметил В. Б. Крысько [1993: 140; 2007а: 102], *роубль*, переправленное из *роубле*, может быть, указывает на колебание в выборе окончания И. ед. жі-склонения.

те классы случаев, которые отмечались А. А. Зализняком как «ошибки», «описки» и их разновидности.

§ 2.3. Адскрипции или инсерции? Проблема классификации исправлений

2.3.1. Адскрипция – исправление или недоисправление?

Единственный класс исправлений, вызывающий множество проблем классификации ошибок, – это AD. Его впервые определил как один из «способов исправления» в одном ряду с вышеперечисленными А. А. Зализняк [1986: 111; пункт 3); подчеркивание наше – Д. К.]:

...Особенно важно учитывать последний случай, поскольку внешне такая запись выглядит как прямая ошибка, например, *двроръ* 520 вместо *дворъ* (вначале автор написал *дроръ*, с предвосхищением *р*, а затем вставил *в*, но *р* не зачеркнул). В данном примере из прориси порядок действий писавшего виден совершенно ясно (*в* меньше по размеру и стоит несколько выше строки); но в других случаях он может быть не очевиден.

В качестве иллюстрации важности такого анализа рассмотрим непонятное слово *моужсаъ*, стоящее в конце грамоты 509 ... Сперва автор написал *а отрокоу въдаите по коунъ оу моужа* ‘а отроку дайте по куне у (каждого) мужа’, но фраза показалась ему плохой (по-видимому, справедливо: такое управление законно лишь для фразы типа (‘пусть отрок получит по куне у мужа’). Тогда он ее стилистически улучшил: заменил *оу моужа* на *моужь* ‘(каждый) муж’. Для этого он зачеркнул предлог *оу* и приписал к *моужа* другое окончание *ъ*; но зачеркнуть *а* он при этом забыл или не счел нужным. Понятно, что этот пример служит также хорошим свидетельством того внимания, с которым новгородец относился к тексту посылаемого им берестяного письма.

В этом безусловно важном для правильной интерпретации любых «лишних» букв в древнерусских текстах пассаже присутствует некоторая недосказанность. Если зачеркнуть лишнюю букву *а* в последнем примере писец все-таки *забыл*, то ни о каком внимании к тексту письма пример свидетельствовать не может – перед нами «недоисправление» или «полуисправление», говорящее, напротив, о невнимательности писца. Если же считать, что писец *не счел нужным* зачеркивать лишнюю букву, то получится, что приписка справа к ошибочным буквам правильных букв есть «законный»

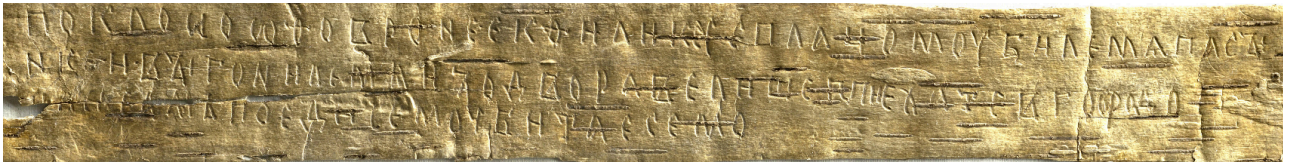
способ исправления ошибки. Но если бы дело обстояло так, то неясно, зачем писец грамоты № 509 стал тратить силы на зачеркивание лишнего *ou*? Если бы «адскрипция» к лишним буквам правильных букв была одним из допустимых «способов исправления» описок в грамотах, то пришлось бы абсолютно все лишние буквы (в том числе диттографированные) считать исправленными при помощи «адскрипции» к ним последующих букв, а всех писцов, старательно зачеркивавших и затиравших лишние буквы – счесть излишними педантами.

Логика А. А. Зализняка в вышеприведенном пассаже понятна: кажется, что если писец заметил собственную опisku и решил ее как-то исправить, то результат исправления должен быть тождествен замыслу автора. Но в действительности далеко не все исправления, проводимые авторами грамот, были успешно проведены с первого раза⁵⁴. Так, например, написание *го{о}рдо* 415, трактованное А. А. Зализняком [2004: 546] как простая неисправленная диттография гласной, как видно из расположения букв на фото, является правкой другой ошибки, осуществленной лишь со второй попытки, и притом не доведенной до конца: вначале Февронья, автор грамоты, написала *гордо*; заметив пропущенное *о*, она втиснула его, но не после *р*, а перед ним, и лишь затем втиснула еще одно *о* после *р*, не зачеркнув при этом лишнее:

Безусловно невозможно считать это диттографией, совпавшей со случайным колебанием межбуквенного интервала; стабильность последнего видна невооруженным глазом (*и в велише ми* левее в той же строке мы трактуем как такую же вставку пропущенной прикрытой гласной, удавшуюся с первого раза):

⁵⁴ См. в § 1.4 наблюдения О. В. Малковой: то же касается и исправлений в книжных памятниках.

Конечно, любые исправления могут свидетельствовать о «внимании, с которым новгородец [и, конечно, грамотный житель любого другого города – Д. К.] относился к тексту своего письма». Но примеры явно неудачных или осуществленных не с первого раза исправлений свидетельствуют скорее о том, что за непродолжительный период своего обучения отдельные писцы берестяных грамот не успевали в полной мере выработать у себя достаточный уровень «корректорского зрения».

Таким образом, адскрипции в дальнейших подсчетах должны учитываться дважды: как исправления соответствующей ошибки (напр. *поклонъ{n}* $\bar{w}$ трактуется нами ниже как замеченная автором диттография слога, от которого была написана только согласная) и как допущенная в процессе исправления новая ошибка – незачеркивание лишней буквы.

2.3.2. Адскрипция или инсерция

Если отбросить чистые диттографии (повторы только что написанных отрезков текста, как исправленные, так и неисправленные), то в корпусе берестяных грамот остается 25 примеров «лишних» букв.

Написано	Позиция вставки	Условная дата	№ грамоты
г{р}авриѧ	с{C}vc <u>с</u> v	~1150	503
ч{в}ѣтвьръть	с{C}vc <u>с</u> v	~1210	219
г{р}аврили	с{C}vc <u>с</u> v	~1280	1073
{пло} поклоно	{CCV}{ <u>с</u> vc <u>с</u> v}	~1355	99

д{в}овѣ	с{C}v <u>cv</u>	~1145	Ст. Р. 19
силв{н}а нова	сс{C}v <u>cv</u>	~1420	932
у сод{л}илке	с{C}v <u>ccv</u>	~1275	348
оу ладо{п}ги положиѣ	{C}cv <u>cv</u>	~1290	141
лиси ^А {н}ци никѣ	{C}cv <u>cv</u>	~1310	355
замолмо{в} сови	{C}cv <u>cv</u>	~1390	178
полѣ че{р}<тво>рта	{C}ccv <u>cv</u>	~1430	1122/1123
съди{ли}ла	cv{CV} <u>cv</u>	~1220	1088
бори{си}се	cv{CV} <u>cv</u>	~1220	1088
оуго мон{о}ѣ	cvс{V}v	~1415	931
иван{ав}ова	cvс{VC}v <u>cv</u>	~1420	932
со вѣшнхо ‘{но}ни...	cvс{CV}<с> <u>cv</u>	~1185	977
га{г}кова	<u>cv</u> {C}cv	~1375	528
оу поутѣшинѣ{н}ѣ	<u>cv</u> {C}v	~1155	Ст. Р. 22
поклонѣ{н} ѿ	<u>cv</u> {C}#	~1390	364
вѣ{в}з вѣстѣ	{C}с <u>cv</u>	~1390	466
іѣ{д}здити	{C}с <u>cv</u>	~1405	933
п{ѣ}огоста	с{C}vсv <u>cv</u>	~1355	102
а д ^в {р}орѣ	с{C}v <u>cv</u>	~1395	519/520

кть {в}иван ^{оу}	{C}v _{CV}	~1115	736
оу {с}зави ^{да}	—	~1180	228

Среди них выделяются три однородных примера вставок, в которых в слог типа CV вставляется вторая согласная (сонорная) последующего слога типа CCV (*Г{p}аври^а*, *ч{в}ьтвь^{ртъ}*, *Г{p}аври^{ли}*), два однородных примера вставок, где в слово вставляется слог, согласная которого тождественна согласной справа, а гласная – гласной слева (*Съди{ли}{ла}*, *Бори{си}{се}*) и два однородных примера вставок, где вторая согласная в слоге типа CCV вставляется перед первой (*бе{в}звѣ^{стѣ}*, *ю{д}зди^{ти}*; в таблице соответствующие строки выделены серым).

У всех прочих «лишних букв» сочетание позиции вставки в слове и позиций букв, провоцирующих вставку, совершенно уникально и, на первый взгляд, не поддается никакой систематизации. Однако есть возможность обойтись без введения в классификацию ошибок восемнадцати уникальных классов вставок. Оказывается, что подавляющее их большинство может быть описано как адскрипционные (т. е. не до конца проведенные) исправления более частотных классов ошибок.

2.3.3. Инсерция второй согласной следующего слога (0+3)

Рассматривать первые три вставки в качестве «адскрипционно исправленных» пропусков последовательности типа <VC> (***₂<ав>{p}ври^а*, ***₄<ьт>{в}твь^{ртъ}*, ***₂<ав>{p}аври^{ли}*), действительно, нельзя. Как увидим ниже (§ 2.7.12), пропуск <VC> это крайне редкая ошибка – всего 4 примера, не считая этих трех. Предполагать, что в целых трех случаях она исправлена крайне редким способом исправления, означало бы, что адскрипция чаще применяется писцами именно в тех случаях, когда они замечают за собой редкий пропуск <VC>, но реже используется при исправлении куда более

частотных пропусков (типа <CV>, с<V>, v<V>, с<C>, <C>с)⁵⁵. Поэтому эти три случая мы относим к особому, крайне редкому классу текстуальных аномалий – предвосхищающая вставка (**инсерция**) **второй согласной следующего слога**.

Трудность с этой текстуальной аномалией в том, что принципиально невозможно доказать, что это простые описки. Любое исправление этой «ошибки или описки», которое бы свидетельствовало о том, что писцы осознают такие написания как нежелательные (типа ****Граврили**, или ****Гаврили** с *а*, написанным поверх *р*), внешне было бы неотличимо от исправления пропуска <VC>. Так, единственное исправление (адскрипционное), которое можно было бы трактовать таким образом, – это вышеуказанное {пло} *поклоно* 99.

Если {пло} *поклоно* 99 – в чистом виде адскрипционное «недоисправление» пропуска <ок>, то оставшимся трем написаниям ничто не мешает приписывать фонетическую природу (так сказать, межслоговую регрессивную ассимиляцию инициалей по признаку наличия сонорного). Вряд ли случайно, что два из трех примеров приходятся на имена, начинающиеся с *Гавр-* (всего 11 употреблений в корпусе грамот), лишь один пример – на слово, начинающееся с *четв-* (60 употреблений), и ни одного примера, скажем, на слова начинающиеся на *добр-* (59 примеров), чья слоговая структура устроена так же. В актуальном прочтении предполагается, что оба имени затронула одинаковая описка [ВЯ 2016: 15], [Гиппиус, Сичинава 2021: 210]. Но в именах собственных неславянского происхождения вполне возможно ожидать и нерегулярные фонетические преобразования, результат одного из которых мог получить маргинальное распространение. Единственный аргумент «за случайную описку» привел Д. В. Сичинава [2023: 222]: в значительно более позднем источнике видим соседство «правильной» и «искаженной» формы: *а в наказной памети написано бѣтто Гаврила Вереѡкина, пишеш ты заочно и рѣкѣ прикладывашь не по Гравриловѣ веленью* [Грамотки 1969: 62, № 61].

⁵⁵ При описании ошибок с точки зрения их позиции в слоговой структуре большими буквами здесь и далее обозначаются буквы, затронутые ошибкой, малыми – не затронутые. Здесь и далее V – любая гласная (в т. ч. ѣ и ѡ в позднерусский период, диграфы оу и ѡ), С – любая согласная (в т. ч. двойная – цѣ, ѡѣ, ѡѡ).

Если на бересте будет обнаружен пример типа *Г^раврили* (исправление пропуска *p*), то станет окончательно ясно, что эти написания имеют фонетический характер. Если (что вероятнее) обнаружится пример типа *Граврили* (зачеркивание лишнего *p*), то он, по вышеуказанной причине, будет свидетельствовать только в пользу эрратологического характера пропусков <VC>, но решить вопрос о фонетическом характере примеров типа *Граврили* не сможет.

2.3.4. «Адскрипционно исправленные» лишние буквы

Единственный пример инсерции первой согласной второго слога справа – *п{с}огоста* 102 – исправлен [Зализняк 2004: 555]. Можно предполагать, что это исправление пропуска <ого>, но пропусков вида «прикрытая гласная + прикрытый слог» в берестяных грамотах больше не отмечено. В любом случае, здесь имеет место либо адскрипционное исправление типологически уникальной описки – пропуска вида <VCV> – либо другая типологически уникальная описка – предвосхищающая вставка вида *c{C}vcvCcv*.

Еще три случая можно было бы рассматривать как предвосхищающую инсерцию первой согласной следующего слога: *д{в}овѣ* Ст. Р. 19, *у сод{л}илке* 348, *силв{n}анова* 932. Однако, в отличие от примеров из § 2.3.3, все три случая неодинаковы с точки зрения позиции в слоге как предвосхищаемой согласной, так и места ее вставки: первый и второй примеры объединяются по положению вставки, но не по положению предвосхищаемой буквы; первый и третий – по положению предвосхищаемой буквы, но не по положению вставки; у первого и третьего различается и то, и другое. В отличие от предыдущего пункта, альтернативная трактовка всех трех случаев – куда более частотная ошибка: пропуск прикрытой гласной зафиксирован в 34 исправленных и 55 неисправленных случаях. Чтобы не создавать лишних классов ошибок, имеет смысл рассматривать эти три примера как адскрипционно исправленные «пропуски прикрытой гласной».

Как и в предыдущем пункте, рассматривать $\text{вѣ}\{\text{в}\}\text{з вѣстѣ}$ 466 и $\text{іє}\{\text{д}\}\text{здити}$ 933 как «адскрипционное» исправление пропуска $\langle \text{С} \rangle \text{cv}$ уже вполне допустимо (см. § 2.7.2): это тоже достаточно частотная описка (16 исправленных и 11 неисправленных случаев, не считая этих двух). Поэтому и эти два случая будут отнесены к соответствующей категории описок, исправленных «адскрипцией», чтобы не множить количество типов редких описок введением класса «Инсерция внутри слога типа CCV».

Еще четыре примера ($\text{замолмо}\{\text{в}\}|\text{сови}$ 178, $\text{оу ладо}\{\text{п}\}\text{ги положиє}$ 141, $\text{лиси}^{\text{А}}\{\text{н}\}\text{ци|никѣ}$ 355⁵⁶, $\text{полѣ че}\{\text{р}\}\langle \text{тво} \rangle \text{рта}$ 1122/1123) объясняются как адскрипционные исправления пропуска прикрытого слога – наиболее частотной описки в корпусе берестяных грамот (§ 2.7.10).

Примеры $\text{иван}\{\text{ав}\}\text{ова}$ 932, $\text{оуго|мон}\{\text{о}\}\text{ѣ}$ 931, $\text{бори}\{\text{си}\}\text{се}$ 1088, $\text{сѣди}\{\text{ли}\}\text{ла}$ 1088 – адскрипционные исправления реитерации ближайшей гласной (замеченной, когда уже была написана согласная следующего слога), см. § 2.8.3. Сюда же относится пример $\text{со вѣшн}\langle \text{и} \rangle \text{хо} \text{‘}\{\text{но}\}\text{ни(сшєлѣ єси)}$ 977, осложненный пропуском согласной *с*, надписанной позднее над строкой.

$\text{поклонѣ}\{\text{н}\}$ ѿ 364, $\text{гѣ}\{\text{г}\}\text{кова}$ 524, $\text{оу поуѣшинє}\{\text{н}\}\text{є}$ Ст. Р. 22 объясняются как адскрипционные исправления диттографии прикрытого слога (§ 2.5.2), замеченной автором тогда, когда была написана его согласная.

$\text{д}^{\text{в}}\{\text{р}\}\text{орѣ}$ 519/520 – адскрипционное исправление предвосхищения ближайшей согласной (§ 2.8.5); $\text{кѣ}\{\text{в}\}\text{иваноу}$ 736 – пропуска неприкрытой гласной (§ 2.7.8); $\text{оу}\{\text{с}\}\text{завида}$ 228 – либо непозиционного оглушения (§ 2.9.1), либо начатой диттографии гласной (§ 2.4.5).

Таким образом, есть специальные основания выделять в качестве особого класса вставок согласных только те три случая, когда после одиночной взрывной согласной вставляется сонорный исход биконсонантной инициали следующего слога. При этом допустимо предполагать, что в заимствованных

⁵⁶ Пример осложнен предвосхищением *и* после *ц* (вм. *в*).

именах на *Гаври-* это может быть не простая описка, а маргинально закрепившееся фонетическое искажение заимствованного имени.

§ 2.4. Диттографии гласной (20+10)⁵⁷

Попробуем проверить гипотезу А. И. Соболевского (§ 1.4) относительно связи ударений с удвоениями букв на письме статистически. Сразу скажем, что наличие исправлений как прикрытых, так и неприкрытых гласных безусловно свидетельствует о чисто механическом характере этой описки. Вопрос может стоять лишь о том, не проявляется ли у писцов бессознательно склонность к чуть более частому диттографированию ударных гласных в сравнении с диттографиями безударных.

2.4.1. К проблеме акцентной реконструкции

Прямые источники для установления ударения в русских словах в древнейший период (XI – пер. пол. XIV в.) отсутствуют. Как известно, наиболее ранние письменные памятники, используемые в реконструкции древнерусской акцентной системы – утраченный Чудовский Новый Завет (далее – *ЧНЗ*), датировка которого колеблется от 1355 г. до рубежа XIV – XV вв. [Лифшиц 2009: 277] и Троицкий список «Мерила Праведного» (далее – *МП*), большинством палеографов также относимый ко 2-й половине XIV в. [Милов 2009: 212, 224]. *ЧНЗ* открывает собой список акцентуированных⁵⁸ русских рукописей XIV – XVII вв., многие из которых послужили источниками для словаря «Древнерусское ударение» А. А. Зализняка [ДРУ: 43 – 81]. В свою очередь, *МП* – хронологический первый из памятников, хотя бы некоторые писцы которых достаточно регулярно противопоставляют фонемы /ɔ/ («открытое») и /ô/ («закрытое»), используя для последнего особую маркирующую графему (в случае с *МП* – w) [Зализняк 1978/2010: 538 – 539; 548 – 550], что также позволяет для значительной части словоформ, содержащих

⁵⁷ Настоящий параграф основан на публикации [Крылов 2027] (в печати).

⁵⁸ Т. е. таких, где место ударения обозначено одним из специальных диакритических символов (обычно оксией, варией или каморой).

одну из этих двух фонем, определить положение иктуса. После Петровской азбучной реформы [Живов 1986: 57 – 59, 64] регулярно акцентуируются в основном церковные книги и старообрядческие рукописи, представляющие немного новых данных по истории русского ударения, зато во 2-ой пол. 1730-х гг. Ломоносов и Тредиаковский создают русское силлабо-тоническое стихосложение – новый вспомогательный источник по исторической акцентологии, сейчас лежащий в основе акцентологического корпуса НКРЯ⁵⁹. Наконец, с 1801 г., когда был опубликован «Ручной дорожник» [Глушков 1801: 43 – 44, 55, 68, 78 – 79, 100 – 101], можно говорить о первых фиксациях диалектных ударений, которые на протяжении XIX в. становятся все более и более систематическими [Даль 1852: 30, 31, 35, 42; Колосов 1878: 135 – 138].

С другой стороны, внешнее сравнение с другими славянскими и с балтийскими языками позволяет с большим или меньшим успехом восстановить облик праславянской акцентной системы, по крайней мере для непроемных имен и их ближайших дериватов (во всяком случае, многие достижения Московской акцентологической школы в этом направлении признаются даже в критических по отношению к ней публикациях [Vermeer 2001: 132 – 133]⁶⁰). Таким образом, за какую бы точку отсчета ни принимать распад праславянского языка, между появлениями первых диалектных различий в праславянском и первыми фиксациями восточнославянских ударений на письме пролегал многовековая пропасть.

Но это, конечно, не означает, что древнерусское ударение до сер. XIV вв. может быть только предметом ненаучных спекуляций. Так, например, А. А. Зализняк аргументированно трактует примеры отпадения конечных гласных в берестяных грамотах (начиная со 2-й пол. XII в.) как свидетельства

⁵⁹ Значение последнего для древнерусской акцентологической реконструкции, впрочем, невелико. Изменения в русском ударении, происшедшие в последние 300 лет, действительно, могут быть прослежены по корпусу с большой уверенностью [Орехов, Савчук 2019: 75 – 78]. Однако к тем эволюционным тенденциям, которые можно обнаружить по памятникам XIV – XVII вв., корпус позволяет добавить лишь изменения, возникшие после 1730-х гг.

⁶⁰ Запланированный Владимиром Антоновичем Дыбо [2006: 3-4] масштабный (около 3 а. л.) ответ на эту критику, к сожалению, не был закончен (последний раз автор возвращался к нему в 2014 г.) и хранится ныне в его архиве (сообщение А. В. Дыбо).

их безударности: даже в тех трех примерах 2-ой пол. XIV в. (*взять* 578, *есь* 446, *поидь* 942, когда акцентологическая теория указывает на исходную окситонезу, материал грамот заставляет предположить сдвиг ударения на корень [Зализняк 2004: 68-69], характеризовавшее впоследствии определенные классы словоформ в западновеликорусских акцентуированных памятниках [Зализняк 1978/2010: 538 – 539]⁶¹. Но сам тот факт, что в разы более многочисленные случаи отпадения конечной гласной происходит как раз в тех словах, в которых правила указывают на исконную безударность окончания, и хронологическая близость примеров предполагаемой дефинализации ударения (начало которой, таким образом, можно приурочивать для Новгорода к середине XIV в.), сами по себе свидетельствуют об определенной предсказательной силе техники акцентных маркировок славянских корней, разработанной В. А. Дыбо [1981: 261 – 262] и переформулированной для древнерусского языка А. А. Зализняком [ДРУ: 27 – 34].

Проверка гипотезы о том, связано ли реконструируемое в словоформе место ударения с вероятностью диттографии гласного, требует формулировки так называемой нулевой гипотезы P_0 : вероятность диттографии ударной и безударной гласной одинакова, а наблюдаемая статистическая аномалия объясняется случайностью.

2.4.2. «Нечистые» случаи диттографии

Итак, рассмотрим все случаи диттографии гласных в корпусе новгородских берестяных грамот. Требуется пристального внимания отбор материала, поскольку именно от него зависят все дальнейшие статистические выкладки. Перечислим сначала под римскими цифрами все написания удвоенных гласных, которые по тем или иным причинам стоят особняком и учитываться не должны.

⁶¹ См. также *сьль* Ст. Р. № 6 и *крънь* 1110 [ВЯ 2019: 60] вместо ожидаемых *сьли* и *кръни* в двух грамотах XII в.: если это не описки, то перед нами случаи пока не изученной раннедревнерусской дефинализации ударения в императивах непроизводных глаголов а. п. *b* с корневым редуцированным либо прогрессивное межслоговое ассимиляционное воздействие редуцированных на *и*.

Во-первых, это три исправленных повтора гласных, в которых лишняя буква может объясняться не диттографией, а внешним сходством с соседней: субституции букв через внешне похожие буквы составляют самостоятельный класс описок.

- (i) $\text{еен} > \text{еи}$ 336 [~1125]
- (ii) $\text{оу савииа} > \text{оу савина}$ 689 [~1370]

Во-вторых, это пример, когда зачеркнута первая из двух букв, по версии издателей [НГБ XII: 98], составляющих диттографию:

- (iii) $\text{н}\{\text{и}\} \text{цѣлоуѣ тѣ}$ 999 [~1135]

В действительности эта буква, судя по фотографии на сайте gramoty.ru, не *и*, а написанная вместо него *н*. Таким образом, перед нами не диттография гласной, а все та же субституция похожих букв, но на этот раз без контекстной обусловленности.

В-третьих, это отрезок, в котором буква *т*, написанная поверх еще одного *о*, вероятнее всего, тоже исправляет не диттографию гласной буквы, а куда более частотную ошибку – пропуск слога *ти*:

- (iv) $\text{...Ѧзо ти олово...}$ 439 [~1205]

В-четвертых, это неоднозначно трактуемое написание:

- (v) $\text{кузма} \cdot \text{далъ} \cdot \text{ѣ} \cdot \text{и}\{\text{и}\} \cdot \text{ѣи} \cdot \text{своихъ} \cdot \text{с} \mid \cdot \text{ѣ} \cdot \text{а что} \cdot \text{григо...}$ 393 [~1385]

Здесь предположению о диттографии гласной *и* составляют альтернативу сразу две других интерпретации: одна из них, брошенное начало формы *и=своих*, уже указывалась А. А. Зализняком [НГБ XII: 235], другая состоит в том, что документ все-таки не целый (иными словами, на границах строк следует расставить многоточия, как и предлагалось издателями [НГБ VI: 96]) и буквы *ии* является продолжением утраченной словоформы⁶².

⁶² Заметим, что только решение А. В. Арциховского считать грамоту обрезанной по краям не поднимает многочисленные вопросы интерпретации предложенного А. А. Зализняком «единого текста»: странно

В-пятых, это написание, в котором повторенная буква **ѡ** читается не как отдельная гласная, а как предлог *<отъ>*:

(vi) **ѡ** поѡ | ѡ {ѡ} Перхурии 619 [~1385]

В-шестых, это два случая, когда первая буква явно вышла за рамки строки, чей внешний вид в итоге не удовлетворил писца (см. фотографии на сайте gramoty.ru):

(vii) **ѡ** половни|{и}ка 215 [~1260]

(viii) **ѡ**вои|{и}мьтъ 419 [~1295]

В-седьмых, наконец, это случай, когда первую из двух букв **ѡ**, на наш взгляд, вообще предпочтительно трактовать как одну из многочисленных трещин на бересте (см. фотографию на сайте gramoty.ru), не говоря уже о наличии альтернативной интерпретации отрезка как единой словоформы **кони** и союза **ѡ** [НГБ VI: 41-42]:

(ix) **кони ѡ** | {ѡ} сѣмѡна 353 [~1395]

В-восьмых, это случай, когда в двух **ѡ** подряд допустимо видеть не диттографию, а конец одной фразы и начало другой. Из двух **ѡ**, как полагает А.А. Зализняк, затерто первое [Зализняк 2004: 294], а на наш взгляд, меньший нажим имеет второе, но и его нет специальных оснований считать затертым:

(x) **жила ѡ** братомъ 487 [~1140]⁶³

Наконец, это рассмотренный выше (§ 2.3) пример, являющийся не диттографией, а неудачно исправленным пропуском буквы:

(xi) **в го{ѡ}родо** 415 [~1350]

выражение «70 и 12» вместо «82»; непонятно, в каком прагматическом контексте можно с меньшего числа неназванных единиц (20) дать значительно большее (82) или, тем более, представить эти числа единой суммой, разделенной на 70, 12 и 20.

⁶³ Учитывая обрыв длиной как минимум в одну строку после следующего *братомъ*, можно допускать, что перед нами уже следующая клауза, начинающаяся с союза *а*: *Аже бы ты добромъ жила, а братом...*

2.4.3. «Чистые» случаи диттографии

Перейдем теперь к рассмотрению «чистых» примеров, перечисляемых ниже под арабскими цифрами. Наша трактовка некоторых написаний отличается от принятой в актуальном прочтении грамот, поэтому также требует специальных оговорок, хотя в большинстве случаев и незначительно влияет на дальнейшие выкладки. В *съ{ъ} Гурьгъмь* 487 начиная с [НГБ IX: 172], буква между первым *ъ* и *г* принимается А. А. Зализняком за еще одно *г*. Однако она имеет значительно больший наклон, чем второе *г*, и стоит вплотную к нему – а в случае непреднамеренной диттографии буквы вторая буква всегда стоит на нормальном расстоянии от первой. Ввиду этих двух обстоятельств мы предпочитаем считать эту букву за недописанный (или частично затертый) диттографированный *ъ*. В *стръль* 1007 затёрт не *ъ* и не *ы*, как указано в издании [НГБ XII: 108], а недописанный *ѣ*, повторенный по ошибке (*ъ*, в т. ч. в составе *ы*, имеет в грамоте ярко выраженный наклон, а затертая буква вертикальна, причем ерем она быть не может, т. к. такая ошибка была бы типологически беспрецедентна). В *ослоушати* 779 перед *ш* зачеркнуто не необъяснимое *н* [НГБ XI: 17], а *о*, таким образом, писец начал повторять диграф *оу*, но вовремя спохватился. В *на Васииль* 355, на наш взгляд, нет оснований считать лишнее *и* ни зачеркнутым, ни затертым (штрихи, которые приняты в [НГБ XII: 230] за зачеркивание, допустимо считать случайными царапинами – на фотографии грамоты видны и другие подобные дефекты бересты). То же касается примера *пла{а}тѣце* 131, вопреки трактовке А. А. Зализняка [2004: 621]. Все прочие прочтения тождественны актуальному. Примеры отсортированы по условной дате.

Расставим в них ударения двумя способами. В первом столбце место и характер ударения словоформы определим исходя из акцентных маркировок входящих в нее морфем (в случаях с негипокористическими заимствованными именами – ударением в греческом источнике). Тем самым, первый столбец отразит сравнительно-историческую реконструкцию праславянского ударения в

исконной лексике и ударение заимствованных слов в языке-доноре, т. е. относительно надежно устанавливаемое положение ударения в период, предшествующий «берестяной эпохе». Во втором столбце определим положение ударения по древнейшей фиксации данного слова в доступных историко-акцентологических источниках, т. е. в период, во всех приведенных примерах следующий за рассматриваемым. Два ударения в одном слове во втором столбце могут означать как двойную акцентуацию в древнейшей фиксации, так и колеблющуюся акцентуацию в древнейших источниках словаря. Во втором столбце все ударения обозначены оксией, в первом столбце отражена реконструкция одной из трех праславянских интонаций – акута ("), нового акута (') и циркумфлекса (˘).

2.4.4. Диттография прикрытой (постконсонантной) гласной (8+9)

Место ударения (по «технике акцентных маркировок» словоформы)	Что написано (ударения – по древнейшей письменной фиксации)	На что исправлено	Тип исправлени я	Усл. дата	№ гр.
Гѣѡруѡс	сѣ{ъ} Гѣ́ръгъмь	сѣ Гѣръгъмь	SEMI+DEFR	~1140	487
стрѣ́л-ъ – ↓	ст_рѣ́{ѣ́}лъ	ст_рѣ́лъ	SEMI+DEFR	~1140	1007
сѣ-дорѡ́в-а – ↓ – (дв. ч.)	сторѡ́ва{а}	-	-	~1150	1009
про жив-ѡ́т-ъ – – → –	пр ѡ{ѡ} живѡ́то	-	-	~1155	944
ему́ ↓Min	ѣм8{8}	ѣм8	RE	~1170	731
по-кла́н-а-н-ѣ-е – ↓ ↓ → –	покла{а́}нѣ́ние	покланѣ́ние	CANC	~1180	379
о-слѣ́ш-а-ти – ↓ ↓↓	ѡслоу́[[ѡ]]шати	ѡслоушати	CANC	~1195	779

по-κλάιν-α-η-ς-ε — ↓ ↓ → —	πο{ο}κλάινά<ниε>	-	-	~1205	103
—	Γρι·{ί}шка·	-	-	~1290	141
Βασίλειος	Васи{ί}лѣ	-	-	~1310	355
Κολοτ-ί-λ-ѣ → — ↓	Κολοτι{ί}ли	-	-	~1345	1196
βάμъ	βα{ά}мъ	ВАМЪ	RE	~1355	41
ἴοϛ ↓ Min	ἴοϛ {ό}	-	-	~1355	92
Τερέντιος	Τε{ε}ρέτνιου	-	-	~1370	1097
πлат-ά-τѣ-σα — —Re ↓ ↓	πλα{α}тѣце	-	-	~1375	131
ῥερεβ-ς-α — — —	ῥερεβε{ε}	ЖЕРЕБЕΛ	RE	~1375	477
ἰελ-οβ-οϛ-ѣ — — ↓Re ↓	ἰελο{ό}βον	ἰεЛОВОН	RE	~1445	928

2.4.5. Диттография неприкрытой (начальной и поствокальной) гласной (2+1)

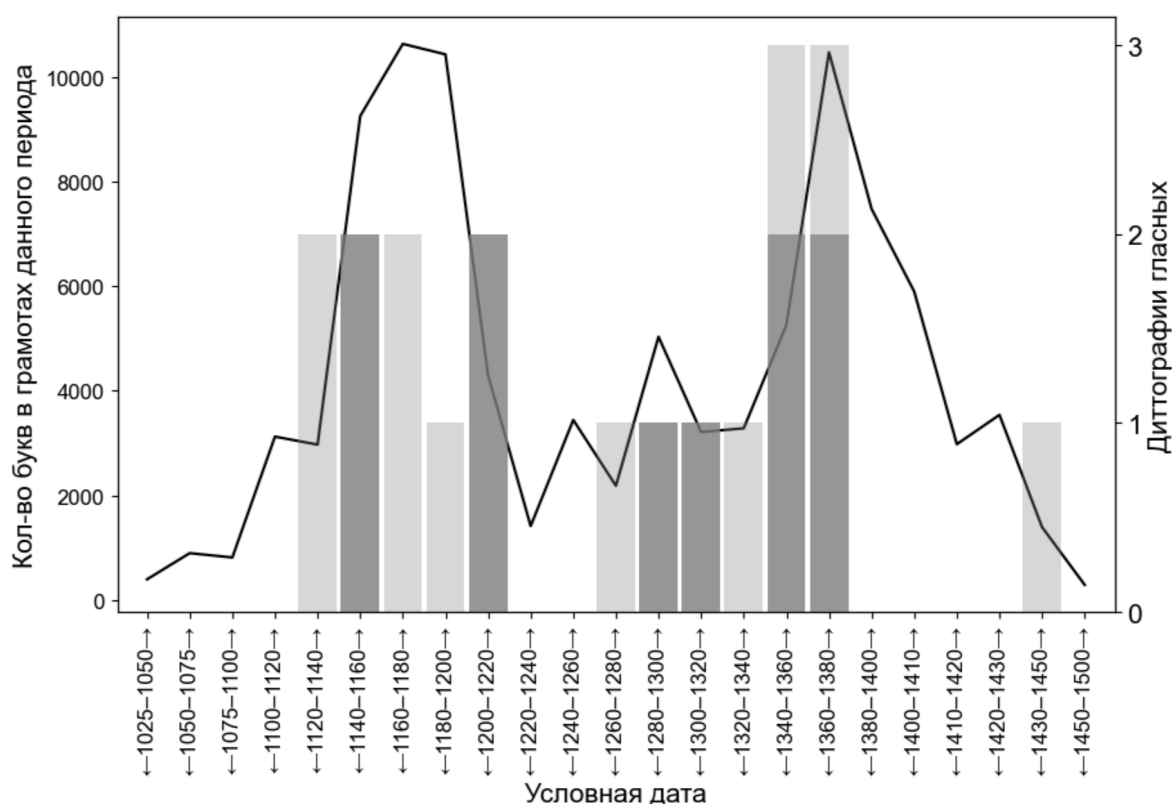
у грѣч-ин-а — →/↓ ↓ —	ϛ {8} грѣциѡα	-	-	~1210	935
Ἡλίας	и{и}λεέ	иЕЛЕЕ	RE	~1265	348
брат-ь-ею	брáтее{ε}	БРАТЕЕЮ	RE	~1330	289

Обращает на себя внимание тот факт, что неприкрытая гласная повторяется лишь трижды. Это, конечно, связано прежде всего с тем, что неприкрытые гласные и составляют лишь около 18,5 % всех гласных в берестяных грамотах⁶⁴, что близко к доли диттографированных (3:20 = 15%). Однако психолингвистический механизм повтора прикрытой и неприкрытой

⁶⁴ По сугубо предварительным данным автоматического подсчета (§ 2.1)

гласной может существенно различаться, и считать эти случаи надо отдельно⁶⁵. Материала по диттографиям неприкрытых гласных явно недостаточно, чтобы делать какие-то выводы о наличии или отсутствии их связи с ударением.

Удивляться неравномерному, на первый взгляд, хронологическому распределению ошибок также не стоит: в действительности оно явно коррелирует с хронологическим распределением объема материала в буквах (черным отмечена общая длина всех найденных за данный период грамот в буквах, светло-серым – количество диттографий гласных в данный период – исправленных и неисправленных, темно-серым – количество неисправленных диттографий гласных; количество букв в грамотах данного периода получено автоматически – в него входят буквы в конъектурах и цифры):

Отклонения от этого распределения можно считать случайностями.

⁶⁵ Так, в древней системе обучения чтению по складам все прикрытые гласные (в составе складов типа CV, CCV и т. д.) произносились трижды: сначала как названия букв, затем в составе образовавшегося с предыдущими согласными слога и затем еще раз в составе слова, тогда как неприкрытые лишь дважды – сразу как обозначаемый ими слог и затем в составе слова. Например, слово «сыи» читалось *слово-еры-сы* и *сыи* [Петрухин 2020: 109]. Вероятно, правила чтения по складам тем или иным образом конвертировались в правила внутреннего диктанта.

2.4.6. «Чистые» диттографии прикрытых гласных. Акцентологический комментарий

«Автономные» ударения изображаем вертикальной чертой ('), «автоматические» – горизонтальной (˘).

1. *съ Гурьгъмь*. [ДРУ: 869].
2. *стрѣль*. Грамота № 1007 уже отражает падение неконечных редуцированных (напр., ѿ *Сновида*), а падение конечных должно было происходить еще раньше [Зализняк 2004: 78 – 79], так что вопрос о месте ударения в данном случае не стоит – это односложное слово.
3. *съдорѡва*. Корень демонстрирует регулярный рефлекс «старого акута» во всех славянских языках [Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 12-13; Derksen 2007: 478], в частности, ударение на второй слог полногласного сочетания во всех источниках словаря Зализняка [ДРУ: 420], кроме единичного примера *здѡрово* из Колмогорского Лечебника 1665 г. (см. [там же: 71] о странностях акцентовок этой рукописи; начальное ударение в этом корне впервые засвидетельствовано в НКРЯ лишь в 1928 г.: «Ты здѡрово, мѡлая, утомленá...» – М. А. Светлов). Дialeктные примеры послекорневого ударения можно найти только в производных: *здоровѣть*, *-вѣц*, *-вѣцá*, *-вѣцкѣй*, *-вѣющѣй*, *-вѣна*, *-вѣтъся*, *-вѣца*, *-вѣщѣй*, *-влятъся*, *-вчáк*, *-вѣга*, *-вѣньскѣй*, *-вѣщѣй* [СРНГ XI: 233 – 235], но в большинстве своем они объясняются в рамках синхронного описания как слова с доминантными самоударными суффиксами экспрессивного характера [Зализняк 1985/2010: 65 – 67], так что не может идти и речи о том, чтобы на основании этого списка реконструировать какое-то другое ударение для первообразного слова.
4. Не вызывает сомнения безударность предлога *про* перед *животъ*: современная акцентовка последнего (по а. п. *b*) совпадает с реконструируемой праславянской.

5. и 10. *ему'*, *его'*. В ед. ч. личного местоимения 3 л. не наблюдается никаких отклонений от окситонезы ни в источниках словаря [ДРУ: 269], ни в поэзии XVIII – XX вв. из Акцентологического корпуса НКРЯ⁶⁶. Абсолютно преобладала окситонеза этой словоформы и в среднеболгарском⁶⁷, что исключает наличие какой-то иной, книжной произносительной нормы, которая могла бы повлиять на акцентовку этих форм.
6. *покла́нание*. Оба словарных примера существительного [ДРУ: 263], *покла́нѣніе* (РГБ, ф. 113, № 490, 1246 – 1543 г.) и *покла́нѣніе* (БАН, 34.4.32 – 1 четв. XVII в.), на первый взгляд, указывают на послекоренное ударение или, по крайней мере, на его древнюю вариацию с коренным. Но первообразный глагол *кла́няти(ся)* во всех памятниках относится к а. п. а [там же: 400], а промежуточное звено словообразовательной цепочки – *покланѣти(ся)* – в ЧНЗ регулярно выступает с ударением своего производящего: *покла́нѣти* 43а, *покла́нѣти*^с 43а, *покла́нѣ*^н (1 pl.) 43а и лишь в Острожской Библии 1581 г. и позднее ударение сдвигается на тематический гласный (как следствие, А. А. Зализняк, исходящий из «словообразовательной этиологии» древнейшего ударения, двойную фиксацию 1543 г. трактует как последнее и единственное свидетельство древнейшего ударения). Другие приставочные производные, правда, демонстрируют более ранний сдвиг ударения вправо: уже в ЧНЗ видим *прекла́нѣти*^с 31в, *укла́нѣтисѧ* 140в, *укла́нѣтесѧ* 107в. Таким образом, это первый случай, когда праславянское место ударения не совпадает с древнейшей надежной восточнославянской фиксацией, и выбрать из двух вариантов реконструкции на основании объективных критериев нельзя.

⁶⁶ Правда, новейший материал НКРЯ здесь может ввести в заблуждение неподготовленного пользователя. В какой-то момент Акцентологический корпус был массово пополнен произведениями современных поэтов-любителей с сайта Стихи.ру и размечен автоматически. В результате в корпусе фиксируется 2180 текстов (начиная с 2000 г.), якобы отражающих ударение *ѣму* (большая часть примеров на самом деле демонстрируют безударность местоимения, другая часть связана с несоблюдением «питомцами русского Парнаса» правил силлабо-тонического стихосложения и ошибками автоматической акцентной разметки).

⁶⁷ Отклонения от нее в Евангелии № 1139 Библиотеки Кирилла и Мефодия (кон. XIV в.) составляют явно ничтожный процент всех словоупотреблений [Носк 1992, II: 208 – 223] и должны быть признаны писцовыми ошибками.

7. *ослушати* [ДРУ: 329].
8. Предполагать возможность нена начального ударения в имени *Гришка* в конце XIII в., как кажется на первый взгляд, невозможно: в источниках словаря другие имена на *-шка* (*Алѣшка, Ива́шка, Мирóшка, Мíшка, Петру́шка, Тимóшка*) без каких-либо исключений демонстрируют ударение на слог перед суффиксом. Однако для суффикса *-ьк-* (явно тождественного в апеллятивах и антропонимах) А. А. Зализняк указывает маркировку «↓ (следы →)» в [Зализняк 1985/2010: 421]. Эти «следы →» как будто подтверждаются словами *дѣчькѧ* и *Елкѧ* (*Мѧлцовѧ*, имя русского посла в Ногайской Орде; РГАДА, 201-1-163 (Никоновская летопись) [1558~1570-е]) [ДРУ: 188, 813]. О том, какую акцентную характеристику должны получать усеченные основы гипокористик, специальных исследований нет, но допустимо предполагать, что безударному слогу производящего полного имени здесь по умолчанию соответствует безударный же слог производного. Таким образом, теоретического запрета на реконструкцию ударения *Гришкѧ* нет, и это второй случай, где теоретически реконструируемое раннее ударение может расходиться с древнейшей письменной фиксацией слова.
9. и (11). Ударение имен *Васíлий* и *Терѣнтий* совпадало с современным [ДРУ: 802, 857]. Правда, фиксируется оно в словаре лишь с середины XVI в., но совпадает с греческим источником.
10. *Колотíла*. Реконструировать можно только ударение в первообразном глаголе [ДРУ: 364], но никаких оснований предполагать его перенос в отглагольном имени нет.
11. *платѧтьсѧ*. Как бы ни было заманчиво поставить ударение на *а* (на фоне уже многочисленных повторов ударных гласных), источники словаря неумолимо свидетельствуют о том, что переход невозвратного коррелята данного глагола к начальному ударению произошел лишь в XVII в., а в древности он относился к а. п. с [ДРУ: 363]. Предполагать этот сдвиг уже в кон. XIV в. вряд ли возможно.

12. *ѡжеребѣа*. В древнерусских памятниках видим только *а. п. с*, начиная с 1580 г. [там же: 273].
13. *еловои* (Р. ед. жен.). Первообразное *ель* А. А. Зализняк относит к исходной *а. п. с* лишь предположительно [там же: 644]. Более уверен в такой реконструкции Р. Дерксен [Derksen 2007: 139]. Но с учетом минусовой маркировки суффикса *-ов-* реконструкция дает ударение *елово́й*, фиксируемое только в диалектах и только в виде субстантива со значением ‘растение *Adonis vernalis*’ [СРНГ VIII: 344]. Прилагательное же фиксируется только с ударением на втором слоге [ДРУ: 419], причем начиная с Лицевого летописного свода, отстоящего от датировки грамоты чуть менее чем на полтора века. Это, таким образом, третий случай, когда ударение на момент *post quem* не совпадает с ударением на момент *ante quem*.

2.4.7. Статистический анализ

Итак, получаем, что в абсолютно надежных случаях (когда реконструируемое по акцентным маркировкам ударение совпадает с древнейшим письменно зафиксированным и не находит колебаний в древнейших акцентуированных памятниках) есть семь диттографий ударных прикрытых гласных. В семи случаях, независимо от способа реконструкции ударения, диттографируется безударная гласная. В двух случаях ударность диттографированной гласной реконструируется на основании древнейших письменных свидетельств, но акцентные маркировки теоретически допускают (**Гришкá*) или прямо предписывают (**елово́и*) другое положение ударения. В одном случае (5) – напротив, первая фиксация двусмысленна (*поклáнáние*), зато акцентные маркировки предписывают ударение на той гласной, которая была диттографирована.

Таким образом, теоретически возможная пропорция диттографий ударных и безударных прикрытых гласных может быть 7:10 (если все три спорных случая трактовать как диттографии безударных), 8:9 (если только два),

9:8 (если только один) или 10:7 (если ноль). Нетрудно заметить, однако, что исследователя-«ультраскептика», который бы принял первую пропорцию, было бы легко уличить в непоследовательности: в примере XII в. (*покланѣние*) он ставит ударение по древнейшей фиксации, а не по «технике маркировок», реконструирующей более древнее ударение, зато в примерах XIII и XV в. (**Гришкѣ* и **еловѣи*) он предпочитает «технику маркировок», хотя они стоят ближе к эпохе акцентуированных памятников. Исследователь-«реконструктор», для которого чистая реконструкция имеет больший вес, чем поздние фиксации (иными словами, полагающего, что древненовгородский диалект XII – XV вв. в акцентологическом отношении ближе к праславянской реконструкции, чем к древнейшим великорусским акцентуированным памятникам), получит счет 8:9 – но хронологическое расстояние от распада праславянского до берестяных грамот (особенно поздних) гораздо больше, чем от эпохи берестяных грамот до эпохи акцентуированных памятников (последние, собственно говоря, пересекаются). Наиболее умеренный исследователь, доверяющий только недвусмысленным показаниям письменных памятников, пойдет по третьему пути, расставив ударения *покланѣние*, *Гришкѣ* и *елѣвой* и получит счет 9:8. Четвертый исследователь, «оптимист», взяв за правило, скажем, расставлять ударения в раннедревнерусских словоформах по акцентным маркировкам, а в позднедревнерусских – по древнейшим фиксациям, получит ударения *поклѣнѣние*, *Гришкѣ* и *елѣвои* и счет 10:7. Но, конечно, такого исследователя легко будет уличить в изобретении критерия *ad hoc* в попытке выдать желаемое за действительное.

Перед нами стандартная статистическая задача, которая может быть решена, если знать, в каком количественном соотношении находятся ударные и безударные гласные в текстах берестяных грамот.

Примерную оценку этого соотношения получим следующим образом. Выделим в корпусе берестяных грамот НКРЯ только целые документы, исключая категории «*varia*», «учебные тексты» (это, прежде всего, азбуки,

склады и цифровые ряды) и «фрагменты неопределенного содержания», что позволит обойти издательские конъектуры и быстро обнаружить те немногие «корпусные слова» (последовательности между издательскими пробелами), которые собственно словами не являются (брошенные писцами начала слов, цифры и отдельные буквы в азбуках). Этот подкорпус содержит 9106 «корпусных слов», включая 267 числительных, записанных цифрой, и 23 недописанных слова и отдельных букв, т. е. 8816 «нормальных» слов. Из них клитик⁶⁸ 2661, что дает 6155 акцентно самостоятельных словоформ. Именно столько в этом подкорпусе ударений («автономных» и «автоматических»). Гласных же букв в этом подкорпусе 20136 (автоматический подсчет по тому же множеству текстов, проводящийся специальной программой на языке Python). Получаем долю ударных гласных среди всех гласных: 30,567 %. Отсюда отношение доли безударных гласных (69,433 %) к доли ударных в среднестатистическом полностью сохранившемся тексте берестяной грамоты: ~2,27.

В корпусе берестяных грамот 47657 гласных, из которых 1305 приходятся на слова НКРЯ, имеющие пометы «ошибочно», «недописано», «фрагмент», «реконструкция», «членение неизвестно», «сомнительная лемма», «сомн. фонет. облик», «лишнее», «зачеркнуто», «цифра». Таким образом, исходя из числа в 46352 «надежных гласных» можно предполагать общее количество ударных гласных примерно в 14168, а безударных – 32184.

Теперь можно построить четыре теоретически возможные таблицы сопряженности 2х2, обеспеченные всеми необходимыми данными для расчета т. н. p-value – вероятности получить наблюдаемые значения при условии, что P_0 верна – с помощью т. н. «точного теста Фишера». Сам этот расчет мы намеренно опускаем, укажем лишь еще раз, что есть четыре теоретически

⁶⁸ Полный список энклитик и проклитик см. [Зализняк 1985/2010: 145-146]. В выбранном подкорпусе они имеют следующую абсолютную частотность. Энклитики: 1-2 л. презенса *быти* – 138, энклитические местоимения – 87, частица *ти* – 68, *же* – 55, *ли* – 25, частица и глагольная форма *бы* – 10, *бо* – 0 (sic!). Проклитики: *а* – 411, *у* – 295, *и* – 293, *къ* – 240, *отъ* – 219, *на* – 190, *въ* – 130, *не* – 111, *съ* – 83, *да* – 77, *по* – 44, *за* – 39, *ни* – 28, *до* – 28, *без* – 25, *о(бъ)* – 22, *про* – 14, *передъ* – 13, *из(ъ)* – 11, *при* – 4, *подъ* – 1, *надъ* – 0, *чересь* – 0.

возможные пары n:m («ультраскептическая» 7:10, «реконструкторская» 8:9, «умеренная» 9:8 и «оптимистическая» 10:7).

	Есть диттография	Нет диттографии	Всего
Ударные	n	~14168 – n	~14168
Безударные	m	~32184 – m	~32184
Всего	16	~46336	~46352

P-value в четырех наборах n и m равна соответственно 42.9 %, 18.5 %, 6.2% и 1.7 %. Первые три набора m и n дают результат выше порога стандартной статистической значимости (5%), что формально не позволяет отвергать нулевую гипотезу. И только «оптимистический» набор данных позволяет отвергать нулевую гипотезу.

2.4.8. Выводы

Как показано выше, тот факт, что неприкрытые гласные в берестяных грамотах крайне редко диттографируются, следует объяснять меньшей частотностью неприкрытых гласных по сравнению с прикрытыми. Однако в связи с особенностями внутреннего диктанта у писца, выучившегося читать «по складам», считать диттографии прикрытых и неприкрытых гласных надо по отдельности. Статистических выводов о связи диттографий неприкрытых гласных с ударением сделать нельзя.

Значение p-value в нашем расчете позволяет выдвинуть альтернативную гипотезу *«вероятность диттографии прикрытой ударной гласной в среднестатистическом тексте берестяной грамоты выше, чем вероятность диттографии безударной»* только с «оптимистическим» набором данных. Однако материал будущих находок берестяных грамот может значительно изменить наблюдаемую картину. Ясно, что если будет найдено, скажем, вдвое больше грамот, а существующая пропорция диттографированных ударных и

безударных сохранится, то данные «умеренного» исследователя окажутся тоже статистически значимыми. Тем не менее, пока этого не произошло, следует признать, что гипотеза А. И. Соболевского материалом берестяных грамотах окончательно не подтверждается, но и не отвергается.

§ 2.5. Прочие диттографии

Здесь и далее в таблицах используется понятие «триггер» ошибки (хотя, возможно, точнее было бы назвать его «катализатором»). Положение триггера условно обозначается «R:», если буква, провоцирующая ошибку, находится справа от ошибки, и «L:», если слева. Триггерами могут являться концы строк (обозначение: «fin.»), внешне похожая буква («simil.»), любая гласная («V»), любая согласная («C») или буква, тождественная ошибочной («id.»). Основной принцип нашей классификации описок и ошибок – место положения ошибки внутри слога. Исследование влияния триггеров на частотность описок и ошибок должно быть предметом отдельного исследования.

2.5.1. Диттография согласной (9+17)

Изначальное написание	Исправление	Условная дата	№ грамоты	Триггер
творитьс{с}ѡ	RE	~1140	1045	
вѣцѣра{ш}шенѣи	CANC	~1145	955	
грийв{в}ьнь	SEMI	~1150	630	R: simil.
к опар{р}ьни"и	CANC	~1290	587	R: simil.
зо в{в}ница	CANC	~1350	1109	
пр{р}ишли	CANC	~1360	365	

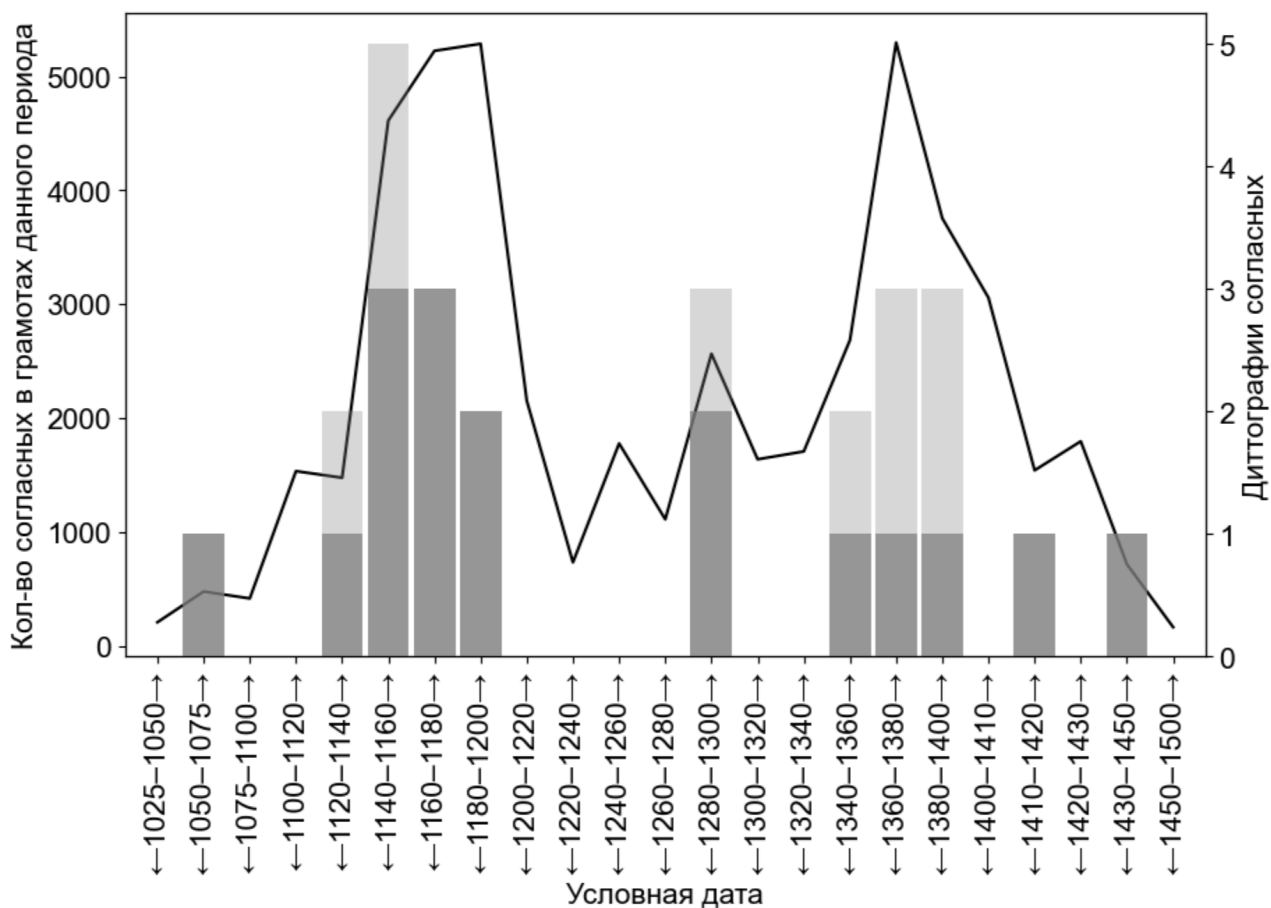
родн{н}ика	RE	~1370	1097	R: simil.
се{л}ла	CANC	~1390	1	R: simil.
грам мота	CANC	~1395	364	fin.
живот{т}ъкѣ		~1050	526	
вонемъш{ш}и		~1140	1045	
с{с}о женою		~1150	1004	
иван{н}а		~1150	1009	
в{в}о клѣти		~1150	854	
хоц{ц}ъ		~1165	731	
[кръ]ни {м}ми		~1175	732	
да{т} тъ		~1175	798	fin.
сър {р}ъцьвъ		~1180	721/647/683	fin.
раздр{р}уоши		~1185	977	
присл{л}а въши		~1290	141	R: simil.
л{л}8 днє		~1295	419	
п{п}олѣтора		~1345	1196	
плотни{ц} цикомо		~1360	690	fin.
ѡ{к}куну		~1390	257	
тол{к}ко		~1415	312	

п{п}озовници		~1435	307	
--------------	--	-------	-----	--

Ранее предполагались диттографии в *с{с}бродну* 314 [Зализняк 2004: 628], *съ Г{Г}юрьгьмь* 487 [там же: 294] (см. выше § 2.4). Исправление *се{л}ла* 1 в [Зализняк 2004: 649] не отмечено, в [НГБ I: 18] трактовано как зачеркнутое *м*.

Иванна 1009 трактуется в издании как «редкий вариант с копированием греческого двойного *vv* в имени Ἰωάννης (вариант *Иваннь* встречается, например, в послании Ивана Грозного Стефану Баторию)» [НГБ XII: 109]. По данным НКРЯ, ранее XVI в. этот вариант в русских источниках не фиксируется. Учитывая тот факт, что для древнецерковнославянских рукописей этот вариант также не засвидетельствован [SJS: 778 – 779], вряд ли стоит ожидать от автора делового берестяного письма XII в. непосредственное орфографическое влияние греческих рукописей, в связи с чем мы трактуем это как простую описку.

Распределение консонантных диттографий по хронологической шкале, как и в предыдущем пункте, не обнаруживает каких-то требующих объяснения аномалий (как и на предыдущем графике, светло-серые столбцы обозначают общее число диттографий, темно-серые – неисправленных). Впрочем, обнаруживается легкая тенденция к уменьшению их частотности со временем:

2.5.2. Диттография прикрытого графического слога (18 + 16)

Изначальное написание	Результат исправления	Тип испр.	Условная дата	№ грамоты	Триггер
коунѣ {н}...	коунѣ цѣто	RE	~1105	238	
оу дань{н}...	оу даньши	RE	~1125	336	
дань{н}...	даньша	RE	~1125	336	
ра{р}...	рагоуилови	RE	~1140	831	
а по {п}...	а по нѣгат[ѣ]	RE	~1145	168	
лѣ{л}...	лѣта	CANC	~1150	503	
къ їваноу {н}...	къ їваноу	DEFR	~1150	1000	fin.
оу поуѣшинѣ{н}ѣ		AD	~1155	Ст. Р. 22	

ме{м}...	МЕДОВЕНИКА	RE	~1160	833	
мо{м}...	МОЛИТВА	CANC	~1190	727	
сы{с}...	(с)ынδ	RE	~1310	1053	
·ḡ· де{д}...	·ḡ· деже	RE	~1315	320/337	
гѡ{г}...	ГЯКОВА	CANC	~1375	528	
въ {в}...	въ нѣмьцѣ	RE	~1375	44	
с о{с}...	с ошвина	RE	~1390	1	
вали{л}...	ВАЛИТА	CANC	~1390	130	
поклонѣ{н}		AD	~1390	364	
бѣ{б}...	бѣратѣи	RE	~1415	49	
хароти{ти}ю			~1135	831	fin.
гивѣ{вѣ}но			~1140	866	fin.
бжрѣ{рѣ}и			~1140	160	
ко {ко} деларю			~1200	443	fin.
тако{ко}			~1210	531	
косноти{ти}ни			~1220	1088	
съ братомо{мо}			~1220	1088	
ѡко{ко}			~1250	207	fin.
коу{коу}но			~1275	1064	
це{це}тверте			~1275	348	
при{при}кинѣ			~1300	929	fin.

реза{за}нѣ			~1315	320/337	
поло{ло}тъ			~1390	1	
пошли{ли}тѣ			~1395	1079	
перепѣсы{сы}{сы}вають			~1435	307	fin.
по{по}клонѣ			~1440	11	

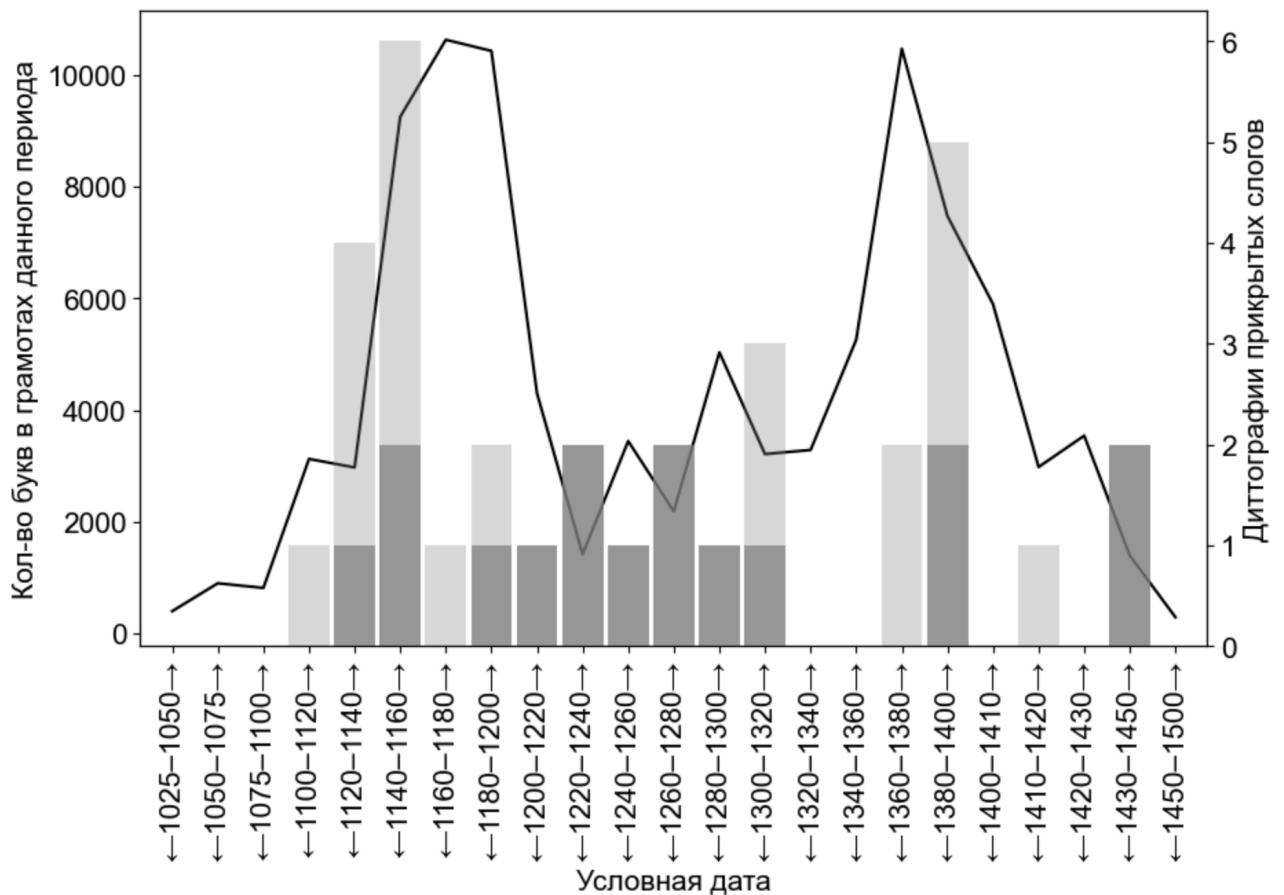
В «Древненовгородском диалекте» есть некоторая непоследовательность в принципах передачи текста: в одних случаях повтор слога при переносе ошибкой не называется, а в тексте – не выделяется фигурными скобками [Зализняк 2004: 287], в других случаях – перечисляется среди описок, но не выделяется [там же: 304], в третьих – перечисляется среди ошибок и выделяется [там же: 561]. То же касается передачи текста на сайте gramoty.ru и в НКРЯ. На наш взгляд, унифицировать эти принципы надо по образцу последнего примера: невозможно считать это явление сознательным графическим приемом в виду его крайней редкости на фоне переносов слогов без повторения. Явно повышенную частотность силлабических диттографий на границах строк следует связывать с ослаблением внимания писцов при переходе со строки на строку.

Специально отметим, что все исправления этой описки были совершены тогда, когда от слога была написана лишь согласная. Все эти исправления принципиально неотличимы от исправлений другой описки – реитерации согласной ближайшего слога (§ 2.8.6). Тем не менее, неисправленных слоговых диттографий оказывается примерно впятеро больше, чем неисправленных консонантных реитераций, в связи с чем все эти исправления мы относим к настоящей рубрике.

Особняком стоит пример *пошли{ли}тѣ* 1079: его включение в список диттографий прикрытого слога связано исключительно с нашим нежеланием создавать лишний класс уникальной описки – повтор {CV} внутри слога CCV.

Это чисто техническое решение ведет за собой признание в качестве отдельного, закрытого (!) слога букв *пош*, хотя, разумеется, в отрезке *пошли* слогораздел мог ставиться двумя способами.

Хронологическое распределение диттографий слогов говорит об их повышенной частотности в XIII – нач. XIV в. Если это не статистическая флуктуация, связанная с малым объемом материала в этот период, то нельзя исключать, что именно в эту эпоху прежняя система обучения письму перестала быть адекватна новой фонетической реальности (см. ниже § 2.5.4, ср. также § 2.7.1).

В особые классы выделим диттографии типа {VC} и диттографии целых слов.

2.5.3. Диттография «антислога» (1+2)

Изначальное написание	Исправление	Условная дата	№ грамоты
-----------------------	-------------	---------------	-----------

простола сых{ых}ъ	DEFR	1400	930
пив{ив}о		1370	689
нам{ам}ъ		1375	370

Важно обратить внимание на то, что подавляющее большинство диттографий размером менее, чем в одно слово, приходятся либо на отдельные буквы, либо на слоги, тогда как диттографий {VC} (далее – «антислогов») крайне мало. Укажем на несомненную связь этого факта с фундаментальными особенностями внутреннего диктанта писцов. Минимальными произносительными единицами языка являются слоги, соответствующие на письме графическим «складам», которые, в свою очередь, писцы *складывали* из отдельных букв. Письменная речь, таким образом, членилась именно на склады, а те – на буквы, тогда как последовательности типа VC во «втором членении» письменной речи не участвовали.

Все диттографии «антислогов» приходятся на весьма поздний период. Последний факт можно считать и чистой случайностью, связанной с недостатком материала. Однако некоторые другие закономерности хронологического распределения отдельных видов текстуальных аномалий заставляют предположить, что с течением времени менялась сама методика обучения детей письму, в результате чего некоторые классы текстуальных аномалий стали в принципе возможны или значительно увеличили свою частотность лишь с определенного периода (см. ниже).

2.5.4. Отступление. К реконструкции эволюции системы обучения

Здесь необходимо сделать отступление о том, какими нам представляются контуры эволюции системы обучения чтению и письму, каковыми они предстают в ту эпоху, от которой до нас не дошло дидактических и грамматических трактатов, но дошли лишь продукты системы начального этапа обучения грамоте (берестяные грамоты с азбуками, складами, цифрами), а

также косвенные источники (грамоты с нестандартной графической системой и наличием пунктуации).

Система (точнее, несколько близкородственных, но все же различных систем) обучения чтению по складам [Успенский 1970/1997] пришла на Русь, по-видимому, вместе с самой письменностью, в ту эпоху, когда все слоги в древнерусском языке были открытыми. Тем не менее, в XI в., как можно предполагать, за ней следовал этап обучения профессиональному каллиграфическому письму. А. А. Гиппиус указывал на тесную связь древнейших (XI – первая треть XII в.) берестяных грамот с новгородским клиром⁶⁹. Учитывая же, что обучение каллиграфии в скрипториях явно было более глубоким и продолжительным, чем элементарное обучение азбуке, складам и цифрам, можно предположить, что резкий рост как числа грамот, так и частотности некоторых типов ошибок в них, приходящийся примерно на вторую треть XII в., отражает в буквальном смысле профанацию процесса обучения письму, потерю монополии церковных скрипториев на распространение грамотности в это время и, как следствие, исчезновение этого дополнительного этапа обучения.

С перестройкой фонетической системы, вызванной падением редуцированных в течение XII в., традиционный механизм начального обучения грамоте (при котором вслед за азбукой шло обучение чтению и письму только открытых слогов) перестал быть адекватен языковой реальности. Реакцией на это несоответствие было, как нам представляется, пять, и возникли они не одновременно.

Первая из них, судя по всему, возникла уже во 2-ой пол. XII в. Несмотря на отсутствие специальной письменной маркировки ауслатных согласных, какая-то часть древнерусских учителей стихийно изобретала наиболее адекватный позднерусской фонотактике способ обучения детей письму, а

⁶⁹«Secular practical literacy in Rus' thus presents itself as a spontaneous by-product of the spread of Christian education, which itself was a prerogative of church institutions. It is therefore not surprising that a considerable portion of the birchbark documents dated to the eleventh century are, either by their contents or by their archaeological context, connected to the life of the Church» [Gippius 2012: 237].

именно – учила детей записывать закрытые слоги без снабжения их немymi гласными (типа упомянутого в предыдущем разделе *пош*). Единственным прямым подтверждением этой гипотезы может служить грамота Ст. Р. 10 (XII в., предпочтительно 2-я пол.) [Зализняк 2004: 447 – 448], где дважды или трижды не обозначен конечный редуцированный (*городищаньх, ополош, дворан?*): умение писать отдельные закрытые слоги (*ньх, лош, ран*) писец, вопреки орфографической традиции, явно сознательно распространил и на конечные слоги словоформы.

Другая реакция представляла собой возникновение «эффекта скандирования» [Зализняк 2004: 35], при котором новые консонантные сочетания, для которых в инвентаре выученных графических слогов не было соответствий, разбивались на два отдельных склада, первый из которых снабжался «немым» гласным. Таким образом, все графические слоги записываемых слов продолжали быть открытыми (подробно современный взгляд на генезис этого эффекта изложен в статье П. В. Петрухина [2020: 113 – 120]).

Третья реакция состояла в обучении искусственному объединению ауслота предыдущего слога и анлаута последующего в открытый графический «псевдослог» – такую технику письма можно видеть в наиболее поздней грамоте, имеющей интерпункцию между складами: **гри:в[нє], це:тве:рта** 707 [~1290]. По всей видимости, трудность произнесения этих искусственных слогов привела к увеличению частотности целого ряда ошибок (см. ниже).

Четвертая реакция, по-видимому, состояла в том, что с конца XII в. sporadически, а с начала XIV в., как раз тогда, когда исчезают грамоты с интерпункцией между слогами, часть учеников уже массово стали обучать записывать фонетические слова целиком. Иными словами, вслед за обучением по складам (открытым и «искусственно открытым» типа *вне, рта*), возник дополнительный этап обучения, задача которого была научить пишущего проводить конвертацию целого фонетического слова в буквенную последовательность «в уме», целой порцией последовательно идущих слогов, в

результате чего стало уже не так важно, на какие именно слоги эта последовательность делится во внутреннем диктанте. Ранее последней трети XIII в. есть всего одна грамота с двоеточиями между фонетическими словами: № 335 [~1170]. В кон. XIII в. двоеточие последовательно используется в этой функции в одном «блоке» грамот, написанных одним почерком [Зализняк 2004: В35, с. 507 – 510]. С XIV в. точка (интерпункт) между фонетическими словами употребляется во многих грамотах уже весьма регулярно: 138 [~1300], № 355 [~1310], № 445 [~1320], № 417 [~1330], № 489 [~1330], №140 [~1330], № 5 [~1340], № 370 [~1375], № 43 [~1390], № 314 [~1390], № 300 [~1435] и др.

С появлением в полууставе и скорописи массовых выносных согласных, заканчивающих слог, можно говорить о пятой реакции русского письма на позднедревнерусское слоговое членение, но в берестяных грамотах эта особенность практически не успела получить распространение: можно указать лишь чернильную грамоту № 496 [~1440], где, впрочем, под титлом элиминируется не только ъ, но и другие гласные буквы.

Как в точности обучались письму те авторы позднедревнерусских берестяных грамот, у которых нет ни скандирования, ни пунктуационного слога деления, можно только гадать. Каждая из представленных моделей предполагает свои сложности для обучающегося. При первой модели трудность состояла в том, чтобы освоить написания отдельных закрытых слогов, а затем аналогически распространить это умение уже на любые закрытые слоги (которых в языке многие тысячи, в отличие от нескольких сот раннедревнерусских «азбучных складов») [Петрухин 2020: 114]. При третьей модели трудность состояла в обособленном произнесении складов с нисходящей звучностью в анлауте (*рта, кса, нка* и т. д.). Видимо, эти трудности и привели к появлению таких типов ошибок, которые были практически невозможны в ранний период, когда звучащая речь членилась на открытые слоги, написание которых было доведено до автоматизма на раннем этапе обучения. При четвертой модели трудность состояла в мысленной конвертации большой порции фонем (фонетического слова) в последовательность графем.

Как мы увидим, пропуски отдельных букв (<V>, <C>) и отдельных складов (типа <CV>, <CCV> и т. д.) тоже случаются во много раз чаще, чем пропуски типа <VC>. Некоторые типы ошибок (такие, как перестановки новых сочетаний согласных, см. § 2.6.2, § 2.6.3) стали теоретически возможны только в позднерусском письме. Другие типы ошибок (такие, как пропуски неприкрытых гласных, см. § 2.7.8) резко увеличили свою частотность в позднерусский период.

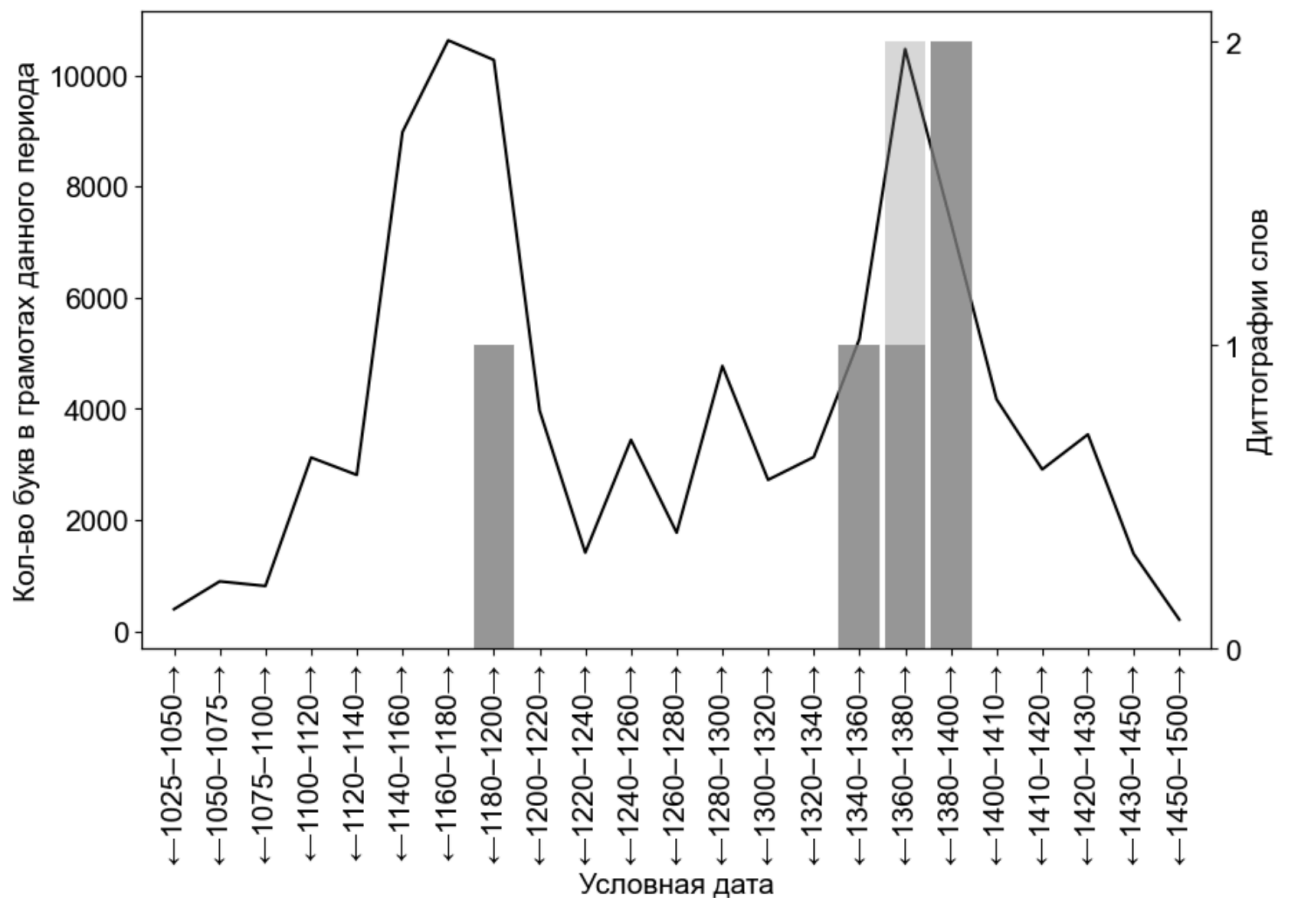
2.5.5. Диттография слова (1+5)

Изначальное написание	Результат исправления	Исправление	Условная дата	№ грамоты
сѣмо {с[ѣ]}...	сѣмо с [о]вд(о)р[и]	RE	1360	365
гласо : {гласо} :й:			1185	977
{вѣ ^{ли} лѣ} • велилѣ			1355	102
{и ѣ} и :ѣ: вѣло			1375	278
ω {ω} Перхурии			1385	619
б ^ъ {б ^ъ }			1390	1

Пример из 619 грамоты, конечно, стоит особняком: с одной стороны, предлог *отъ* является проклитикой, а не фонетически самостоятельным словом, но причислять его к диттографиям гласных тоже было бы некорректно. Фактически последний класс представляет собой диттографии слов длиной более чем в одну фонему, которые, однако, могут быть записаны одной графемой.

В отличие от диттографий антислогов, встречающихся только в конце XIV в., диттография слов один раз встретилась и в XII в. В обоих случаях материала слишком мало, чтобы делать уверенные статистические выводы,

однако вновь нельзя не обратить внимания на определенную корреляцию между хронологическим распределением междусловной интерпункции и диттографиями слов (см. выше § 2.5.4 о «четвертой модели» обучения) .

2.5.6. Дистантный повтор второстепенного члена предложения (0+5)

В отличие от повторов только что написанных слов (диттографий), дистантные повторы второстепенных членов предложения не исправлены ни разу и потому не могут быть однозначно отнесены к опискам. Конечно, отсутствие исправлений можно объяснять и тем, что при дистантном расположении повторение слова не так хорошо заметно. Но нельзя исключать, что эти написания могут отражать и какие-то особенности повторов в живой речи.

Дистантный повтор дополнения (0+2)

Написано	Условная дата	№ грамоты
----------	---------------	-----------

ЗА МЪНОЮ ТВОРИШИ {ЗА МЪНОЮ} ОСМЬ КОУНЬ И ГРИВНА	~1105	238
ОВЕСА ПАТЬ НА ДЕСА ДЕЖЕКЪ {ОВЬСА}	~1410	413

Дистантный повтор определения (0+1)

Написано	Условная дата	№ грамоты
МОЕГО МОСКОТЪА {МОЕГО}	~1410	413

Дистантный повтор обстоятельства (0+2)

Написано	Условная дата	№ грамоты
БОУДИ СЕМО КО ПЕТРОВОУ ДЕ НИ СЪ ИКОУНАМИ {СЕМО}	~1185	558
АЖЬ ДОЛГО ВЪДЕ {ДОЛГО} МЕДЛАТИ	~1310	771

§ 2.6. Перестановки

В актуальном прочтении отмечаются как ошибки в основном перестановки согласных в исконной лексике. Таких случаев 14.

Написано	Вместо	Усл. дата	№ грамоты
свѣхъ сѣхъ	всѣхъ сѣхъ	~1065	906
уомилоседри[с]ѧ	уомилосерди[с]ѧ	~1250	765
гринво	гривно	~1275	395
ко поктѣ	ко поткѣ	~1310	750

ч[є]вте[р]откѣ	четвероткѣ	~1340 ⁷⁰	492
смєдри	смерди	~1355	99
пролива юста	пролива ютса	~1355	317
макти	матки	~1360	1102
кланѣсме	кланѣмсе	~1370	406
нмого	много	~1385	391
новгороцд...	новгородц...	~1390	281
ѡцтина	ѡтцина	1396 ⁷¹	248/249
т ковѣ	к товѣ	~1425	243
жри	ржи	~1440	299

А. А. Зализняк сомневался, включать ли в число описок перестановки в личных именах неславянского происхождения [ср. Зализняк 2004: 90]. Сейчас их полный список выглядит так: **Ольскынъ** 548 [~1180], **[оу кѣпр]є[лѧ]н[о]** 649/650 [~1210], **олескадрова** 102 [~1355], **маскима** 290, 177, 253 [~1340 – ~1370], **теретнию** 1097 [~1370], **олоскадру** 528 [~1375], **ѡлескадра** Ст. Р. 46 [~1390], **на ргигоры** 162 [~1425].

⁷⁰ Стратиграфическая датировка грамоты – «середина – вторая половина XIV в.» [НГБ VII: 85]. Внестратиграфической даты грамота не получила [Зализняк 2000]. Открытая петля Ъ дает датировку до 1340-х гг. Таким образом, пересечение археологической и палеографической датировок грамоты приходится примерно на 1340 г.

⁷¹ Нам неясны причины недоверия А. А. Зализняка к отождествлению событий, описываемых в грамоте, с известием Новгородской первой летописи под 1396 г. [Зализняк 1995: 526 = Зализняк 2004: 623], на которое указал А. В. Арциховский [НГБ VII: 72] и против которого А. А. Зализняк поначалу не возражал [НГБ VIII: 197]. Летопись называет нападавших на Кюлолакшский и Кирьяжский погосты *нѣмцами*, но в летописи, согласно А. А. Зализняку, «немцами именуются шведы», тогда как берестяные грамоты 248 и 249 «шведов прямо не упоминают». В переводе же А. А. Зализняка, фраза «*приѡбѣжени ѡсмы · с ѡнемчкѡй · половинѣ*» имеет вид: «нам нанесен ущерб [людьми] из немецкой (т. е. шведской) половины [Карелии]». На наш взгляд, в растождествлении двух нападений *немцев* и *немецкой стороны* на два тождественных погоста А. А. Зализняк проявил исторический гиперскептицизм, и грамота № 248 может быть весьма точно датирована 1396 г. Впрочем, описывает ли грамота № 249 те же самые события, – вопрос открытый.

За исключением стоящего особняком последнего случая, все эти перестановки касаются сочетаний согласных, первая из которых имеет бóльшую звучность, чем вторая (*кс*, *рп*, *нт*), и потому невозможных внутри раннедревнерусского (и позднепраславянского) слога (заметим отчетливое преобладание этих метатез в позднедревнерусский период). Не вызывает сомнений фонетический характер этой метатезы в именах *Маскимъ* и *Олеска(ндръ)*. Более того, все три *Маскима* – это самоназвания неревского боярина Максима Онцифоровича в адресных формулах написанных им самим (или, менее вероятно, его личным писарем) грамот⁷².

Нет ли, однако, возможности предполагать фонетический характер этой метатезы также и вне ономастического подмножества примеров (ср. [Васильев 1907: 245; Колесов 2008: 251 – 252])?

Здесь особняком стоит единственный раннедревнерусский пример *сѣхъ стѣхъ* 906, который, вероятно, можно объяснять влиянием последующего слова *с(вѣ)т(ы)хъ*. Все остальные перестановки соседних согласных появляются в позднедревнерусский период. 13 из этих 14 случаев (кроме *ч[e]вте[p]откъ* 492), точно так же, как и в «ономастическом подмножестве» перестановок, касаются сочетаний согласных, невозможных внутри раннедревнерусского слога (*вс*, *рд*, *вн*, *тк*, *рд*, *тс*, *тк*, *мс*, *мн*, *дц*, *тц*, *кт*, *рж*). Однако, в отличие от несомненно лексикализовавшихся *Маским*- и *Олеск*-, 8 из 13 этих пар согласных (кроме подчеркнутых) при перестановке дают столь же невозможное внутри раннедревнерусского слога сочетание.

Итак, обнаруживается важная фонетическая закономерность слоговой структуры слов, в которых происходит перестановка соседних согласных, в связи с чем имеет смысл сделать классификацию иной: а) фонетически обусловленные метатезы консонантного кластера нисходящей звучности, приводящие к фонотактически допустимому в раннедревненовгородском слогу

⁷² Впрочем, вопрос о том, имел ли место этот механизм фонетической метатезы *кс* в именах уже на русской почве, или имена типа *Алескандръ* были принесены на Русь из южнославянских протографов наряду с этимологически правильными, решить не так просто. Единичные примеры *Алескадрьскъ* в Македонском апостоле XII в., *свѣтаго Алески* в сербском Шишатовском Апостоле XIV в. [SJS, I: 25], как нам кажется, тут ничего не доказывают, вопреки мнению Е. В. Запольских [2023: 153]: они могли никак не затронуть русскую традицию.

(«слогообразующие консонантные метатезы»); б) графические инверсии (или фонетические метатезы?) консонантного кластера, приводящие к столь же невозможному в раннедревненовгородском слогу («перестановки согласных, не меняющие слогоделения⁷³»); в) инверсии консонантного кластера восходящей звучности («слоγοразрушающие консонантные инверсии»).

В явном виде возможные в старославянском языке внутрислоговые консонантные сочетания приведены Г. Г. Лантом [Lunt 2001: 34]. В идеализированном ранне-др.-новг. диалекте, каким он предстает по некнижным памятникам, список таких сочетаний, конечно, значительно короче (например, сочетание *вр*, возможное в ст.-сл. в неполногласных сочетаниях типа *врѣма* и сочетаниях редуцированного с плавным типа *врѣж* в ранне-др.-новг. было невозможно ввиду вост.-слав. полногласия – *верема* и второго полногласия – *врѣж*), но точный вид списка допустимых в ранне-др. новг. консонантных сочетаний должен стать предметом отдельного исследования. В нашем случае все «перестановки, не меняющие слогоделения» касаются сочетаний, невозможных ни в ст.-сл., ни в ранне-др.-новг., за исключением *жри* в м. *ржи*: к сочетанию *жр* применимо все то же, что мы сказали о *вр*.

Стоит теперь указать на полное отсутствие достоверных примеров исправления писцами этой текстуальной аномалии. Недостоверные примеры мы отнесли к значительно более частотной описке – пропуску первой из двух согласных (см. § 2.7.2): *гри[н]вно* 550 [~1190] (испр.: CANC: н), *по<п>ровади* 705 [~1210] (испр.: RE: р), *сърь<в>ра* 222 [~1210] (испр.: RE: р), *:г̃: <г>ривьнѣ* 722 [~1215] (испр.: CANC: р), *вѣ{в}з вѣстѣ* 466 [~1390] (испр.: AD: в), *ѣ{д}здити* 933 [~1405] (испр.: AD: д). Все эти случаи, кроме первого, предпочтительно относить к разряду исправленных пропусков, а не начатых

⁷³ Как пишет М. Б. Попов [2014: 124], применительно к современному русскому языку и другим языкам, «где слоговые границы никак не связаны со смысловыми», «несмотря на многочисленные исследования и на существование множества теорий слога и слогоделения, по большому счету, слоговые границы устанавливаются на основе интуитивных представлений носителей языка (в лучшем случае) или исследователей (в худшем)». К позднерусскому языку, пожалуй, это применимо еще в большей степени, чем к современному русскому – и тем не менее, мы считаем возможным здесь и далее использовать понятие «восходящей» и «нисходящей» звучности фонем, определяемых на основе возможных и невозможных в «идеализированном старославянском» консонантных сочетаний (см. ниже).

инверсий, еще и потому, что в противном случае они представляли бы собой крайне редкую (как мы только что видели, встреченную лишь дважды во всем корпусе грамот) перестановку двух согласных, соседство которых допускалось внутри раннедревнерусского слога.

Отсутствие достоверных случаев исправления «слоγοразрушающих инверсий», очевидно, надо объяснять исключительной редкостью самой этой описки. В том, что это описка (*ргигорьи, чевтертокъ*), нет никаких оснований сомневаться (учитывая тот факт, что перестановки постоянно отмечаются как несомненные описки у людей без речевых отклонений в психологической литературе [Калягин 2025], было бы странно, если бы таких описок совсем не было у древнерусских писцов).

Реальность фонетического механизма «слоγοобразующих» метатез, напротив, надежно зафиксирована как самим корпусом берестяных грамот (невозможно представить, чтобы Максим Онцифорович трижды допустил одну и ту же описку в своем имени), так и диалектным материалом, ср. приведенный Л. Л. Васильевым пример *незля* [СРНГ, XXI: 50]. Хотя для исконной лексики наличие этого фонетического механизма в древненовгородском диалекте еще не доказано, можно считать высоковероятным, что такие оговорки характеризовали отдельные идиолекты и микродиалекты (как минимум Новгородской земли), а закреплялись результаты этих метатез в качестве допустимых именно в христианских именах собственных, лишенных в русском языке этимологической опоры.

Что же касается промежуточного случая, перестановок, не меняющих слоγοделения, то указанные Л. Л. Васильевым диалектные примеры тоже фиксируются: *невры* [СРНГ, XX: 361], *неврый* [СРНГ, XV: 311], однако фонетическую реальность этого механизма в древненовгородском диалекте XIII – XV в. еще только предстоит доказать будущими находками. Если обнаружится две таких перестановки в одном почерке, то фонетический статус метатез в этом классе можно будет считать доказанным (по крайней мере для какой-то части писцов). Если паче чаяния обнаружатся случаи исправления этих

перестановок, можно будет уверенно утверждать, что какая-то часть писцов осознавала их как нежелательные. Конечно, с фонетической точки зрения кажется контринтуитивным объединять в один класс такие разные случаи как *жри* (последовательность *жр* возможна в старославянском, напр., *жръти*, но не в ранне-др.-новг.) и *новгороцѣ*... (*цѣ* невозможно в исконной лексике и в современном русском), однако более простого критерия классификации, чем фонотактическая допустимость сочетаний согласных в раннедревненовгородском диалекте до и после перестановки букв, мы не смогли придумать.

2.6.1. «Слогоразрушающая» консонантная инверсия (0+2)

Написано	Вместо	Усл. дата	№ грамоты
ч[є]вѣ[р]откѣ	четвероткѣ	~1340	492
на ргигорѣи	на григорѣи	~1425	162

2.6.2. Перестановка согласных, не меняющая слогоделения (0+8)

Написано	Вместо	Усл. дата	№ грамоты
ко покѣѣ	ко потѣѣ	~1310	750
макти	матки	~1360	1102
тѣ{є}ретнию	терентию	~1370	1097
нмого	много	~1385	391
новгороцѣ...	новгородцѣ...	~1390	281
ѡцѣина	ѡтѣина	1396	248/249
т ковѣѣ	к тобѣѣ	~1425	243

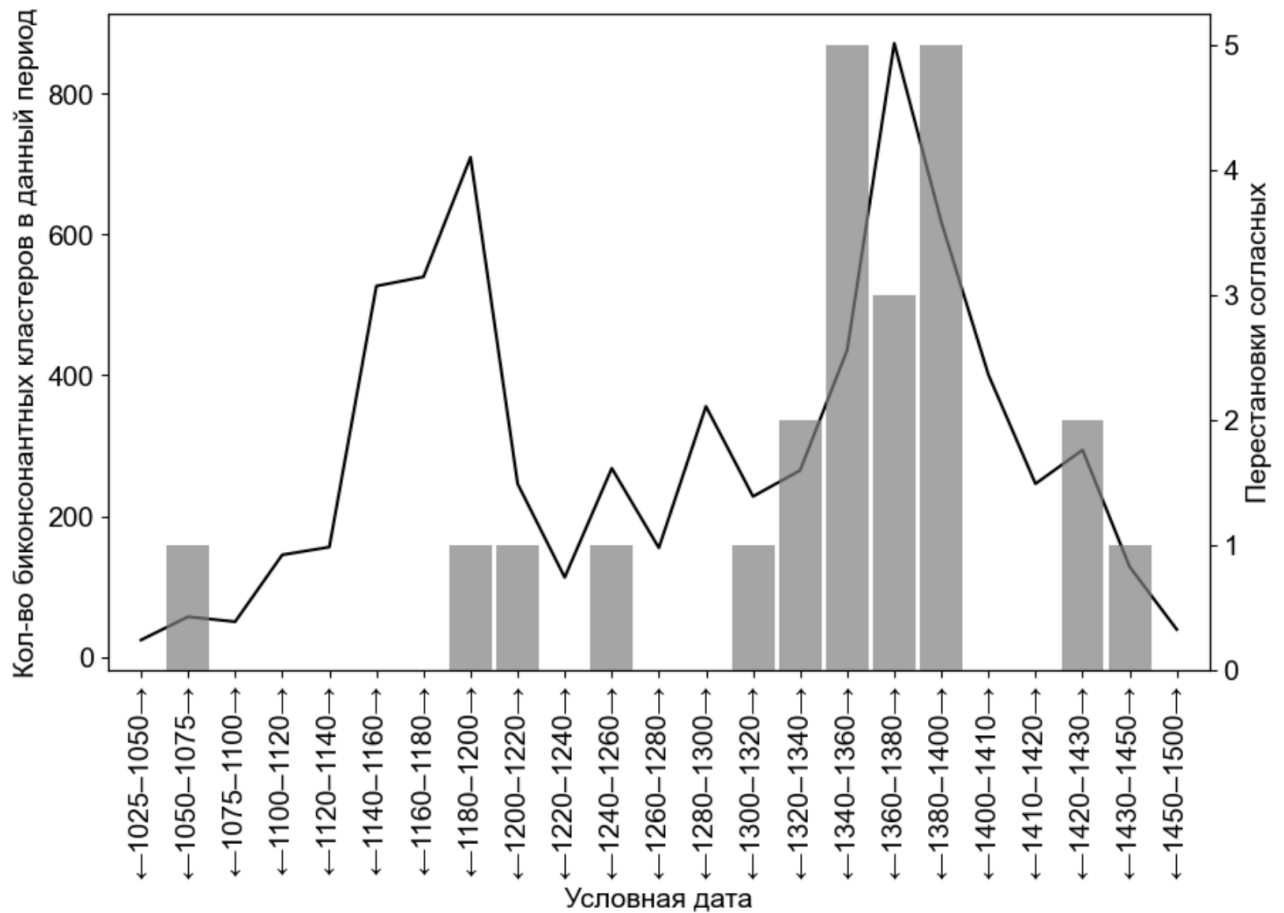
жри	ржи	~1440	299
-----	-----	-------	-----

2.6.3. «Слогообразующая» консонантная метатеза (0+13)

Написано	Вместо	Усл. дата	№ грамоты
свѣхъ сѣхъ	всѣхъ сѣхъ	~1065	906
Ольскынъ	Ольксынъ	~1180	548
[оу кѣпр]є[лѣ]н[о]	[оу кѣрп]є[лѣ]н[о]	~1210	649/650
уомилоседри[с]ѣ	уомилосерди[с]ѣ	~1250	765
маскима	максима	~1340	290
маскима	максима	~1355	177
олескадрова	олександрова	~1355	102
смедри	смерди	~1355	99
пролива юста	пролива ютса	~1355	317
кланѣсме	кланѣмсе	~1370	406
олоскадру	олоксадру	~1375	528
маскима	максима	~1385	253
олѣскадра	олѣксадра	~1390	Ст. Р. 46

Было бы ошибкой думать, что почти полное отсутствие перестановок согласных в ранний период связано с небольшим количеством стечений согласных до падения редуцированных. Судя по всему, подавляющее большинство поздне-др.-рус. биконсонантных кластеров представляют собой

старые, не изменившиеся с праславянской эпохи сочетания типа *ск, зд, бр* и т. п., которые перестановок не вызывали:

2.6.4. Инверсия двух соседних согласных в сокращении (0+2)

Написано	Замысел	Условная дата	№ грамоты
гринво	гривно	~1275	395
сгто	сѣго	~1395	1077

Очевидно, несмотря на отсутствие исправленных перестановок в сокращениях, приписывать этим формам фонетический статус невозможно.

§ 2.7. Пропуски

Единственная проблема классификации пропусков относится к тем (не очень, впрочем, многочисленным) случаям, когда в грамоте, отражающей

непоследовательное падение редуцированных, пропускается согласная в позиции перед невыраженным слабым редуцированным: такие случаи можно трактовать и как пропуск согласной, и как пропуск слога, содержащего редуцированный. Мы относились к этим примерам без всякой последовательности: механическое причисление их только к одной из двух рубрик могло бы только создать ложное впечатление увеличения частотности описки в данной рубрике в период примерно с сер. XII до сер. XIV в., и, напротив, уменьшения ее частотности в той рубрике, к которой она также подходит.

2.7.1. Пропуск одиночной согласной (24+5)⁷⁴

Изначальное написание	Исправление	Усл. дата	№ грамоты	Триггер
(ко отъ)ць<в>и	INTER	1140	1005a	L:simil.
вѣде <г>ъ...	INTER	1150	851	
кѣпи<л>а	SUB + SUPER	1150	1009	R: simil.
под[ъ](п)р[од]а<л>а	INTER	1150	1009	
напы<т>аи	INTER	1150	1009	
тои<л>иричи	INTER	1160	810	
<с>ѣдь	INTER	1165	731	R:simil.
<т>амо	RE	1170	227	
<т>иро (вати)	RE	1170	227	R: simil.?
въ<з>ѣми	INTER	1175	987	L: simil.

⁷⁴ Этот раздел частично входит в нашу публикацию [Крылов 2026: 126 – 127].

де<с>ѡте	SUPER	1175	686	L: simil.
<к>о товь	SUPER	1190	152	
лони <н>аделеѡ	SUPER	1210	705	L: simil.
к опарьни<н>и	SUPER	1290	587	L+R: simil.
коро<б>ию	SUPER	1305	192/191	
да<н>илки	SUPER	1375	186	R: simil.
ѡ<с>ифа	SUPER	1390	129	L: simil.
ѡ<з>ъ	RE	1390	536	R: simil.
ѡрмо<л>ѣ	RE	1395	1077	
горо<д>ѣ	INTER	1395	519/520	
печаљу<т>ѡѡ	INTER	1400	962	
ѡ<с>и	RE	1410	413	L: simil.
фо<м>ѣ	SUPER	1415	122	
сменови<м>ъ	SUPER	1445	928	
нога<т>и		1210	219	R: simil.?
ни и<н>ого		1250	765	L: simil.
терпи<л>а		1275	348	R: simil.
пода<т>и		1300	463	R: simil.?

коро<б>ьл		1355	568	R: simil.
-----------	--	------	-----	-----------

А. А. Зализняк также отмечал возможность пропуска <с> в *лосо<с>и* 186, заметив, что написание может быть интерпретировано и как пропуск слога *се* в *лососеи* [Зализняк 2004: 618]. Пропуск прикрытого слога – ошибка почти в двенадцать раз более частотная, чем пропуск одиночной согласной (59 неисправленных примеров против 5). Поэтому безусловно предпочтительнее видеть в этом примере именно пропуск слога, а не одиночной согласной.

Пример *ни и<н>ого* 765 стоит особняком: написав букву *и*, имеющую общие конструктивные элементы с *н* (две вертикали), автор ошибочно принимает ее за уже написанную *н*.

Стоит отметить и написание предыдущего <*ни матла*> в той же грамоте: и исправлено из все того же *н*, второй *л* — из *а*, а вместо *л* написано *а*. То есть у автора возникали проблемы с выбором из графем, имеющих общие конструктивные элементы, и особую трудность представляло их соседство друг с другом.

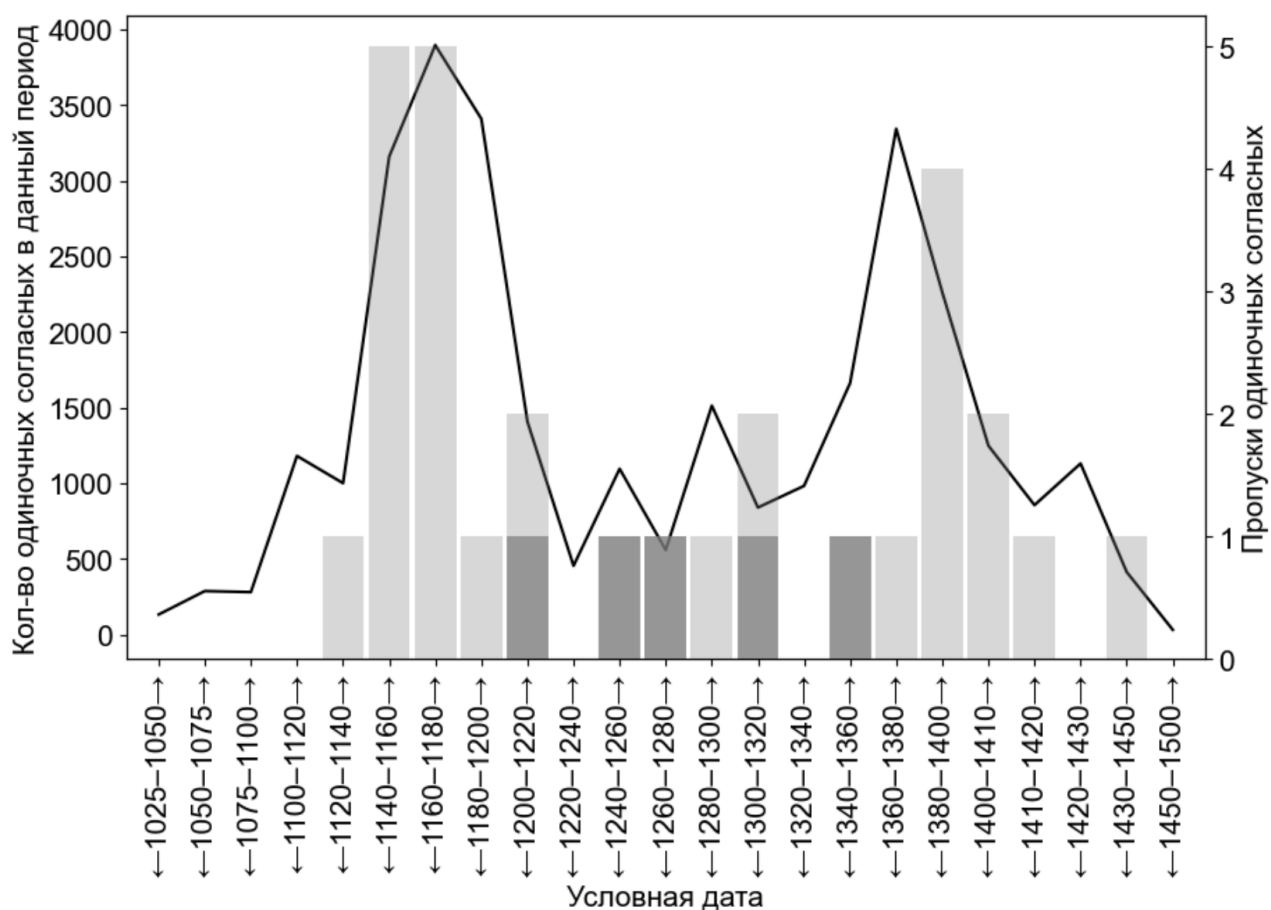
В примерах *коро<б>ьл* 568 и *Терпи<л>а* 463, наоборот, пропускается согласная не после похожей на нее гласной, а перед ней. Выведя необходимые конструктивные элементы (*л*, *ь*) правильной буквы, автор по ошибке либо дополняет их до предвосхищаемой гласной (получая *л* вместо *л*), либо переходит к следующей букве, так как написанные элементы уже составляют предвосхищаемую букву (давая *ь* вместо *б*).

Наконец, в примерах 2 и 4 пропускается **т** перед **и**. Ниже (§ 5.4) будет показано, что такой же точно пропуск — единственный пропуск одиночной согласной в Бычковско-Синайской Псалтири (**поуи** вместо **поути**). Не исключено, причина этого пропуска та же, что и в примерах 3 и 5: ошибка происходит оттого, что, написав вертикаль, с которой начинается как **т**, так и **и**, автор мысленно переключается на предвосхищаемый **и**, и автоматически выводит остальные его конструктивные элементы, а не элементы нужного **т**. О неочевидном для современного человека сходстве этих букв см. также § 2.8.1.

Иными словами, пропуск согласной не замечается автором только тогда, когда по соседству есть «триггер» пропуска — буква, имеющая в числе конструктивных элементов общие с пропускаемой (попросту: похожая буква). При этом в число «похожих букв» допустимо включать также пару **т~и**. Если это так, то надежных случаев контекстно не обусловленного пропуска интервокальной согласной, не замеченного автором, в корпусе берестяных грамот попросту нет. Контекстно обусловленных и не исправленных — всего 5. Среди исправленных 24 пропусков 12 также имеют по соседству «триггер».

Почти 83% ошибок этого класса исправлены. Из сколько-нибудь крупных классов ошибок этот оказывается самым «заметным» для авторов.

Значимых отклонений от ожидаемого хронологического распределения исправленных случаев этой описки не наблюдается. Зато все неисправленные пропуски согласных приходятся на грамоты XIII — сер. XIV в., эпохи, не слишком богатой на грамоты. Возможно, это связано с описанной нами выше (§ 2.5.4) перестройкой прежней системы обучения под новую фонетическую реальность именно в этот период.

2.7.2. Пропуск первой согласной из двух соседних (37+11)

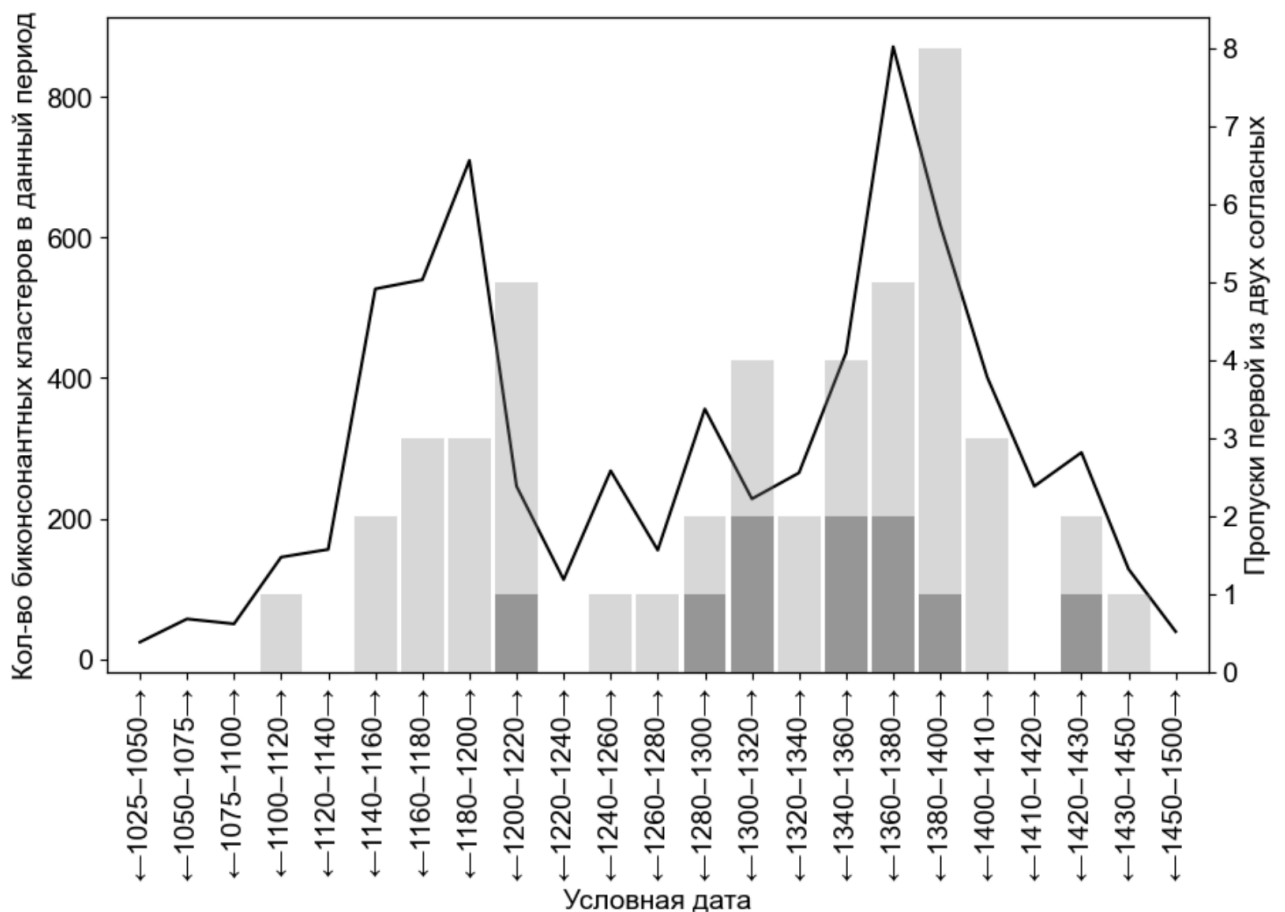
Изначальное написание	Исправление	Условная дата	№ грамоты
ѣ<с>тѣ	RE	~1110	1047
оу <п>расъла	INTER	~1145	Ст. Р. 35
<г>ривенъ	CANC	~1150	1045
ѣсѣ <с>лышали	INTER	1156–1160	870
<т>воего	INTER	~1160	731
<д>ни	SEMI+RE	~1160	731
...хо <с>{но}ни...	SUPER	~1185	977

<х>лъбъ	SUPER	~1185	983
гри <в>но	CANC	~1190	550
чвътвъ<р>тъ	INTER	~1210	219
по<п>рова ди	RE	~1210	705
сьрь<б>ра	RE	~1210	222
:ĩ: <г>ривънѣ	CANC	~1215	722
доми<т>рѣ	SUPER	~1250	202
по<к>ла нѣние	RE	~1260	139
до<б>ръ	SUPER	~1290	69
све<з>ли	SUPER	~1310	357
<г>ривны	INTER	~1310	1068
...тъ <в>злѣ	SUPER	~1320	1118
ма<т>дню	INTER	~1325	146
<в>ложн	SUPER	~1350	414
<п>ро чицѣкъ	SUPER	~1355	358
а <с> ве...	SUPER	~1360	254
<п>росоле	SUPER	~1375	280
ѡіе<з>де	SUPER	~1375	370
ве{в}з вѣстѣ	AD	~1390	466

з до<л>гомъ	SUPER	~1390	Ст. Р. 39
<р>жи	INTER	~1395	1077
ку<з>модемъганьско<го>	INTER	~1395	1077
коробъ ^{1а} <р>жи	INTER	~1395	1077
ко<ро>вѣи <р>жи	INTER	~1395	1077
по<с>лухъ	SUPER	~1395	519/520
оль<к>со[і]	SUPER	~1400	23
іє{д}здити	AD	~1405	933
по <р>ховѣ	INTER	~1405	540
до<б>ро	SUPER	~1425	19
вє<р>хъ	INTER	~1445	928
вое<с>лавомо		~1210	531
и<з> мьрт<в>ы ихъ		~1295	419
<к> сидору		~1300	463
ма<т>д.и ю		~1300	463
во<з>вѣса		~1350	414
о<н>цидоруо		~1355	99
<р>жи		~1360	254
тере<н>тиа		~1360	1097

вє<р>ши		~1380	253
д <с> хариѡнова		~1390	1
кре<с>теѡне		~1425	352

Здесь замечательно, что неисправленные пропуски первой из двух согласных опять встречаются не ранее XIII в., причем в 6 случаях из 11 касаются согласных, закрывающих слог (<к>си, <т>ѡи, <н>ѡи, <р>жи, <н>ти, <р>ши). Здесь мы вновь вынуждены предполагать, что основные трудности с правописанием первой согласной биконсонантного кластера возникали из-за неприспособленности существующей системы обучения чтению и письму к новой фонотактической реальности. В грамотах же XI в. пропусков нет вообще:

Отметим, что какие-то из надписанных над строкой букв в этом классе согласных в поздний период могут быть уже не ошибками, а предвестниками

новой орфографической установки на надстрочную запись ауслаутных согласных. Впрочем, количество таких случаев, судя по плавности полученного графика, было очень невелико.

Также отметим, что пример $\bar{w} <в>хого$ 463 мы, вопреки А. А. Зализняку, не трактуем как «упрощение групп согласных» [Зализняк 2004: 89 – 90]: оно не имеет никаких прямых аналогов (при «гавликовской» интерпретации правила падения редуцированных в этом примере должен быть стык двух, а не трех согласных: [ото вхого]). Все прочие примеры таких упрощений касаются ряда трех и более согласных или, в лучшем случае, стыка одиночной согласной и аффрикаты (см. § 2.7.4). Грамота № 463 содержит громадное количество ошибок, среди которых два других пропуска первой из двух согласных (см. выше), и именно «эрратологическая» трактовка здесь предпочтительнее.

2.7.3. Пропуск второй согласной из двух соседних (29+13)

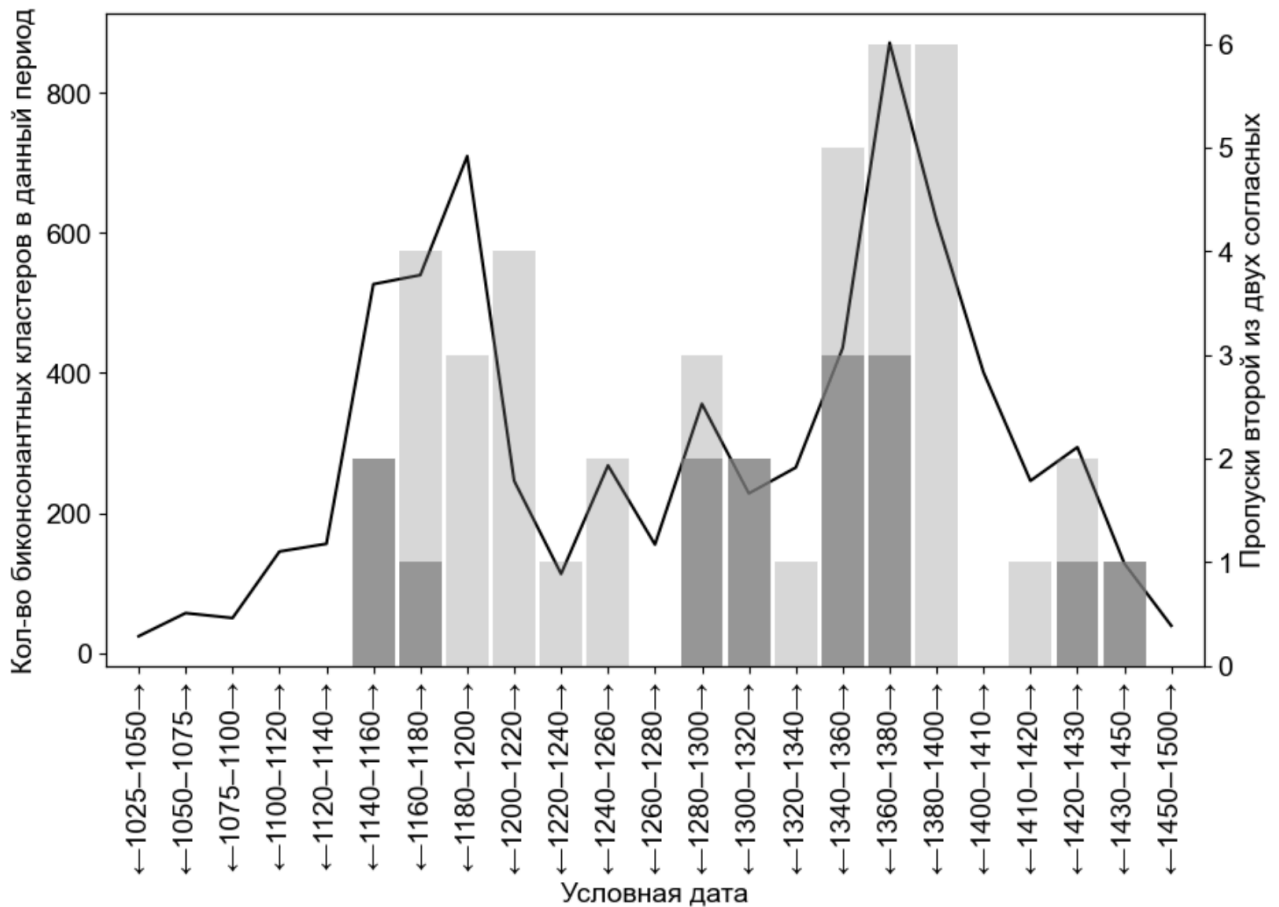
Написано	Исправление	Усл. дата	№ грамоты	Триггер
оу мьс<т>ока	INTER	~1145	630	
т<р>ьть	INTER	~1170	170	R: simil.
без <д>овоу	SUPER	~1175	686	
п<р>одалъ	RE	~1175	732	
нас<т>асиа	RE	~1185	542	
п<л>отъ	RE	~1190	115	
домац<к>а	RE	~1190	657	
то с<л>ово	RE	~1210	531	
слово <во> <u>з</u> < <u>в</u> >ело	RE	~1210	531	

п<р>осила	RE	~1210	531	
с<л>ышю	INTER	~1210	705	
во<з>ми	SUPER	~1230	404	
Он<д>има	SUPER	~1250	199	
сєрєб<р>а	INTER	~1250	221	
до уг<л>єца	RE	~1290	69	
с п<л>ємєнє'мъ	SUPER	~1330	417	
д<н>и	SUPER	~1345	490	
к дилик<с>у	INTER	~1350	415	
ѡв<с>а	SUPER	~1360	271	
выж<л>ѡ	SUPER	~1370	948	R: simil.
погив<л>и	SUPER	~1375	370	
пок<л>онъ	SUPER	~1385	Ст. Р. 40	
м<н>ого	SUPER	~1385	Ст. Р. 40	
т<р>и	INTER	~1390	1	
д<в>оіє	SUPER	~1390	532	
кѹ<з>модемьѡнско ^{го}	INTER	~1395	1077	
ієр<м>олѣ	SUPER	~1395	1077	
сєр ^е б<р>а	SUPER	~1420	373	

руб<л>ь	RE	~1430	Ст. Р. 2	
шьс<т>ь		~1145	630	
без <в>ьрьковьска		~1150	630	R: simil.
шьс<т>ь		~1150	630	
г<р>ивьна		~1170	1057	L: simil.
п<р>осто		~1290	411	L: simil.
ныне[ш]<н>[их](о)		~1290	482	R: simil.
лон<щ>ихъ		~1300	463	
при[ш]<л>и		~1310	1053	
иг<н>ата		~1345	1196	
пок<л>оно		~1355	177	
пош<л>и		~1355	177	
костан<т>ина		~1420	932	
ес<м>и		~1450	962	

Легкие отличия от предыдущего пункта здесь наблюдаются: несмотря на практически одинаковую частотность неисправленных пропусков первой и второй согласных биконсонантного кластера (11 против 12), неисправленных пропусков первой согласной значительно больше: 37 против 28. Кроме того, неисправленные пропуски второй согласной, пусть и всего три раза и в двух почерках, но встречаются в раннедревнерусский период. Тем не менее, и здесь наблюдается определенная тенденция: в наиболее ранних грамотах (до сер. XII в.), соответствующих, по нашей мысли, «каллиграфической» модели обучения

(§ 2.5.4), пропусков второй согласной из двух соседних нет вообще:

2.7.4. Пропуск первой согласной из трех соседних (0+8)

А. А. Зализняк рассматривает множество различных утрат в скоплениях согласных под общей рубрикой «упрощения внутри консонантных сочетаний» [Зализняк 2004: 89 – 90]. Сюда входят написания *ц* (*ч*) на месте старых **чьс*, **тьс*, **дьс* (в т. ч. из **дес* в числительных), **тьч*, а также особо стоящих **чът* и **чьст* [там же], демонстрирующие образование вторичных аффрикат и устранение конечного согласного в консонантном кластере с участием аффрикаты. Сюда же относятся *ск* из **стьск*, **щьск* (утраты начала в кластере из четырех согласных «N-образного» контура звучности), *ск* из **жьск*, **шьск* (утраты шипящего перед свистящим), *сц* из **стьц*, *зб* из **стьб* (утрата срединного взрывного перед взрывным той же звучности или затвором аффрикаты) *шк* из **жьск* (утрата свистящего после шипящего). Общее во всех этих упрощениях только то, что последние члены первоначальных сочетаний

представляют собой шумные согласные, а результирующее сочетание нарушает принцип восходящей звучности. Особо, но несомненно в этом же ряду стоит рассматривать [с'н'] из **стьн*, *зн* из **здьн* (утраты взрывного перед гомоганным носовым) [там же]: формально принцип восходящей звучности эти примеры не нарушают, но аллофоны зубных взрывных перед /н/ оказываются эквивалентны носовой смычке на стыке исконных сочетаний *сн*, *зн*.

Что же касается примера *Быко<в>щинъ* 477 [там же], то утратившийся первый член сочетания – не шумный, а сонорный. Кроме того, в той же грамоте есть и *Быковѣщи[н]у*, так что «фонетичность» утраты *в* должна быть поставлена под вопрос и рассмотрена в ряду других потенциально ошибочных пропусков первой согласной из трех (здесь, вопреки общему правилу, мы трактуем *щ* как двойную согласную).

Они отчетливо распадаются на две группы. В первой группе представлены пропуски первой согласной внутри единого слога с восходящей звучностью, во второй – пропуски сонорных перед двумя согласными следующего слога.

Пропуск первой из трех соседних согласных внутри слога (0+6)

Написано	Исправление	Условная дата	№ грамоты
нѣ<з>дрѣка		~1145	954
се<с>троу		~1210	531
се<с>тра		~1210	531
сь<с>троу		~1210	531
сь<с>троу		~1210	531
<з> братомь		~1375	528

О примерах из № 954 и 531 см. [Гиппиус, Сичинава 2021: 212, 227]: предполагается, что в *Нѣдрька* 954 происходит то же редкое фонетическое изменение, что в *сѣтра* 531. На наш взгляд, следует отдать должное полной уникальности последнего случая в истории русского языка: настойчивость, с которой Анна, автор грамоты № 531, четырежды пишет это слово без второго *с*, позволяет даже предположить, что опиской для нее было единственное правильное написание *сестроу*. Наличие верхнелужицкой типологической параллели [Зализняк 2004: 418], действительно, демонстрирует саму возможность фонетической утраты начального согласного в *стр*, не засвидетельствованной, однако, в русской письменности сколько-нибудь широко. Но группа примеров в берестяных грамотах крайне невелика, так что отсутствие исправлений в ней может объясняться случайностью. Трудно представить, чтобы случайные пропуски первой согласной из трех, составляющих слог восходящей звучности, были бы вообще невозможны. Поэтому альтернативу существующей трактовке форм грамоты № 531 составляет предположение об «устойчивой описке» Анны. Анна, по-видимому, была обучена писать только открытые слоги (с чем связано отсутствие явных примеров пропусков слабых еров⁷⁵), тогда как в сочетании *стр*, в связи с возникновением в живом языке закрытых слогов, слогораздел мог проходить уже как минимум в двух местах (до и после *с*). При слогоделении [се-стру] конвертация фонемной последовательности в буквенную проходила успешно, что зафиксировано единственной правильной формой. При слогоделении [сес-тру], [сес-тра] для финали первого слога у Анны просто не оказывалось адекватного соответствия в графическом инвентаре. Конечно, объяснение это не может быть верифицируемо, но оно позволяет не множить число уникальных для истории русского языка фонетических изменений.

Во второй группе мы не рассматриваем древнейшие преобразования имени *Константин*: *Къснаѣтинъ* и его производные (№№ 915, 241, 1139, 397, 531, 1088, 411 – XI-XIII вв.), *Костантинъ* (554, 932, 465), *Костлантинъ*

⁷⁵ Особые позиции: *с ызветомо*, *браце* < **тъч*.

(519/520): все три варианта засвидетельствованы уже в *Supr* и других южнославянских памятниках [CCC: 289; SJS, II: 45 – 46] и на древнерусскую почву пришли уже в готовом виде, а первый из них, в сущности, и не представляет собой бесследную утрату *н*⁷⁶. То же касается *Кодратъ* 1100 [~1365] [SJS, I: 44] и его производного *Кодраца* 318 [~1350]. Однако на первый взгляд совершенно аналогичный пропуск *н* перед *д* в *Андреи* в пражском старославянском словаре фиксируется только однажды, в сербском Апостоле Гильфердинга XIV в. [SJS, I: 42]. В Македонском апостоле XII в. находятся формы *Алескадра*, *Алескадрьскъ* [SJS, I: 25], но из них русские формы (см. ниже) не выводятся. Единственная фиксация *Алексадръ* – только все в том же Апостоле Гильфердинга⁷⁷. Таким образом, только для имен *Олексадръ/Олескадръ* и *Андреи* можно предполагать утрату *н* уже на русской почве (без сомнения, фонетического характера).

**Пропуск сонорной финали слога перед двумя согласными в
заимствованных именах, вероятно, произошедший на русской почве (0+5)**

Написано	Исправление	Условная дата	№ грамоты
оув о<н>дриѣва		~1345	1196
ѡлѣска<н>дра		~1360	Ст. Р. 46
ѡ<н>дрѣа		~1375	276
олоска<н>дру		~1375	528
ѡлѣкъса<н>дра		1416–1421	963

**Пропуск сонорной финали слога перед двумя согласными в прочих случаях
(0+2)**

⁷⁶ Второе *н* претерпело «поглощение» предшествующим *а* с образованием носового *а*, происшедшем еще на южнославянской почве. *сн* < *нст* – утрата не носового, а срединного *т* после метатезы (*сн* < **стн* < *нст*), так что в нижеследующей таблице этот вариант и его производные также не учтены.

⁷⁷ Нельзя даже исключать возможность видеть в этой ономастической закономерности сербской рукописи след «первого восточнославянского влияния» (см. библиографию вопроса, например, в [Турилов 2012: 22 – 23]).

Написано	Исправление	Условная дата	№ грамоты
зашело<н>скои		~1395	519/520
быко<в>шинѣ		~1375	477

Моисей, автор грамоты № 519/520, был склонен к пропуску второй согласной в сочетании *нск* (см. ниже), при чем *н* сохранялась, поэтому единственный пример пропуска *н*, безусловно, проще всего трактовать как опisku, наряду с вышеперечисленными пропусками первой согласной из трех внутри слога.

Итак, имеется 7 пропусков первой из трех согласных, которые мы, независимо от слоговой структуры консонантного сочетания, трактуем как описки; 5 пропусков *н* перед двумя согласными, отражающих фонетическую адаптацию заимствованных имен *Александр* и *Андрей* в русском языке (менее вероятно — заимствование этих форм непосредственно из южнославянских источников) и 6 пропусков *н* перед двумя согласными в именах *Костантин* и *Кодрат*, безусловно заимствованных в такой форме из южнославянских источников.

Построение графика для первых семи пропусков дало бы искаженную картину за счет грамоты Анны.

2.7.5. Пропуск второй согласной из трех соседних (6+5)

Написано	Исправление	Усл. дата	№ грамоты	Триггер
пос<т>рьчьтъ	SUPER	~1140	831	
ис<п>равить	SUPER	~1250	61	
ѡм<в>росѣи	SUPER	~1365	570	
роз<г>рѣвилѣ	SUPER	~1375	252	R: simil.

сес<т>ри	SUPER	~1385	Ст. Р. 40	
вышков<с>кии	SUPER	~1395	519/520	
[ис]<п>равить		~1250	61	R: simil.
вѣрков<с>ка		~1275	Ст. Р. 52	
засосен<с>күю		~1395	519/520	
сосен<с>кии		~1395	519/520	
зашолон<с>күю		~1395	519/520	

Со случаями пропуска второй согласной из трех разобраться куда проще. Судя по обилию исправлений (как в тех случаях, когда три согласных относятся к одному слогу, так и в тех случаях, когда первый из них – сонорный), все это – не более чем описки, хотя случай Моисея и показывает, что такая описка тоже может быть устойчивой. Реконструкция психологического механизма для объяснения этой устойчивости представляется излишней: сохранение *с* представлено и в вышеприведенном *зашело<н>скои*, и в исправлении *вышков^скии*, и в «скандирующей» форме *сосенескую*, и в правильной форме *илин|скимъ*. Но нельзя не отметить, что, за исключением последнего случая (на переносе), Моисей ни разу не справился с написанием последовательности трех согласных, не прибегая ни к скандированию, ни к выносным буквам, ни к пропуску одной согласной из трех. По-видимому, Моисей был одним из последних авторов, кого учили записывать «искусственные склады» с двумя согласными типа *нк* (см. § 2.5.4), но не научили записывать склады с тремя согласными подряд.

Отметим тот факт, что неисправленные пропуски второй из трех согласных не встречаются ранее середины XIII в., а общее число пропусков явно демонстрирует их увеличение в позднерусский период (за счет, конечно, одной грамоты Моисея).

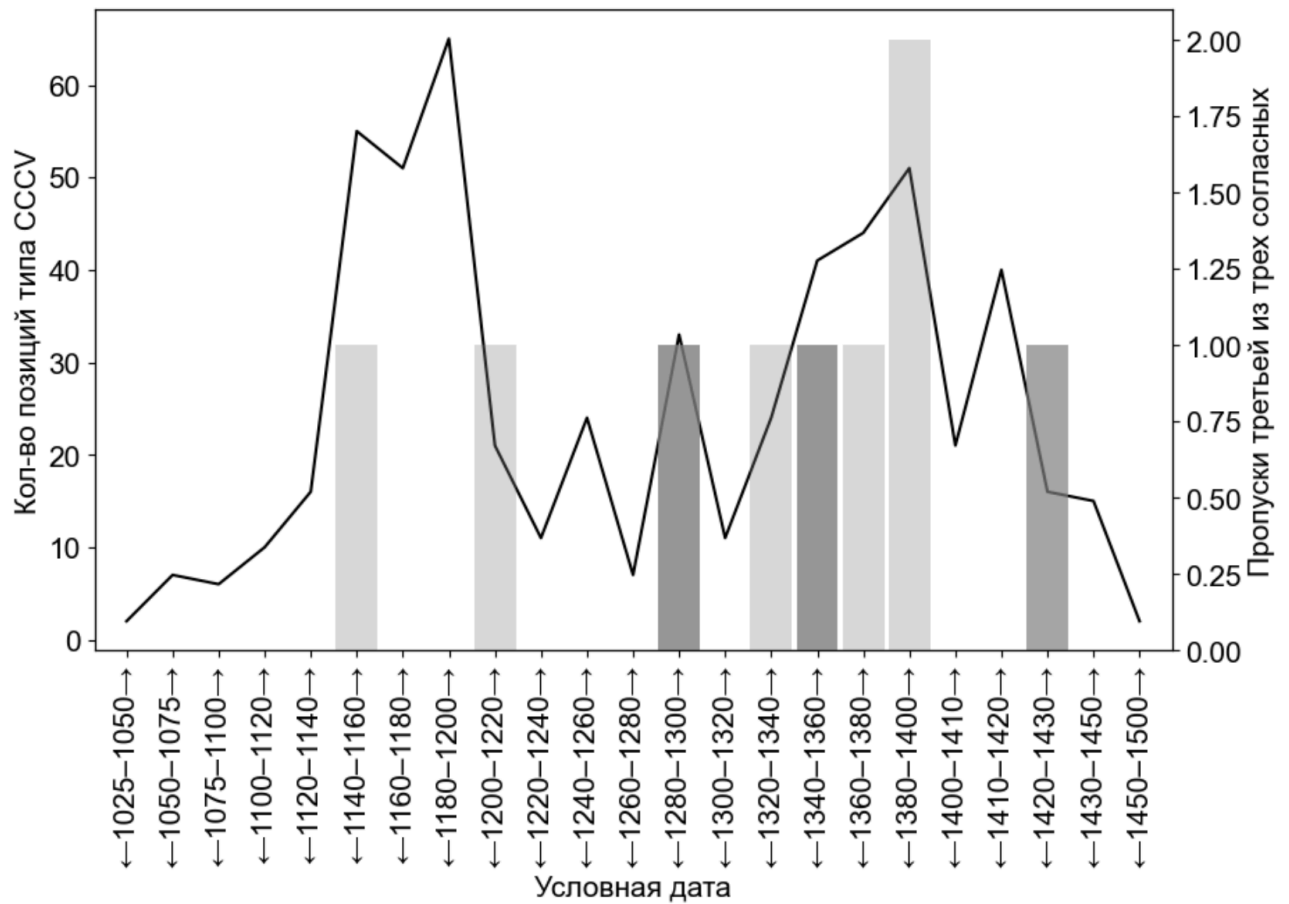
2.7.6. Пропуск третьей согласной из трех соседних (6+3)

Изначальное написание	Исправление	Условная дата	№ грамоты
ст<ρ>ѣ{ѣ}лъ	SUB	~1140	1007
сест<ρ>оу	INTER	~1210	705
с п<л>емень·мъ	SUPER	~1330	417
вѣ{іе}ст<к>а	SUPER	~1375	1132
потк<л>ѣтѣ	SUPER	~1390	363
на ст<ρ>упини	SUPER	~1395	519/520
и<з> мьрт<в>ѣ ихъ		~1295	419
ѡлѣѣсанд<ρ>у		~1350	1131
сест<ρ>и		~1430	1132/1133

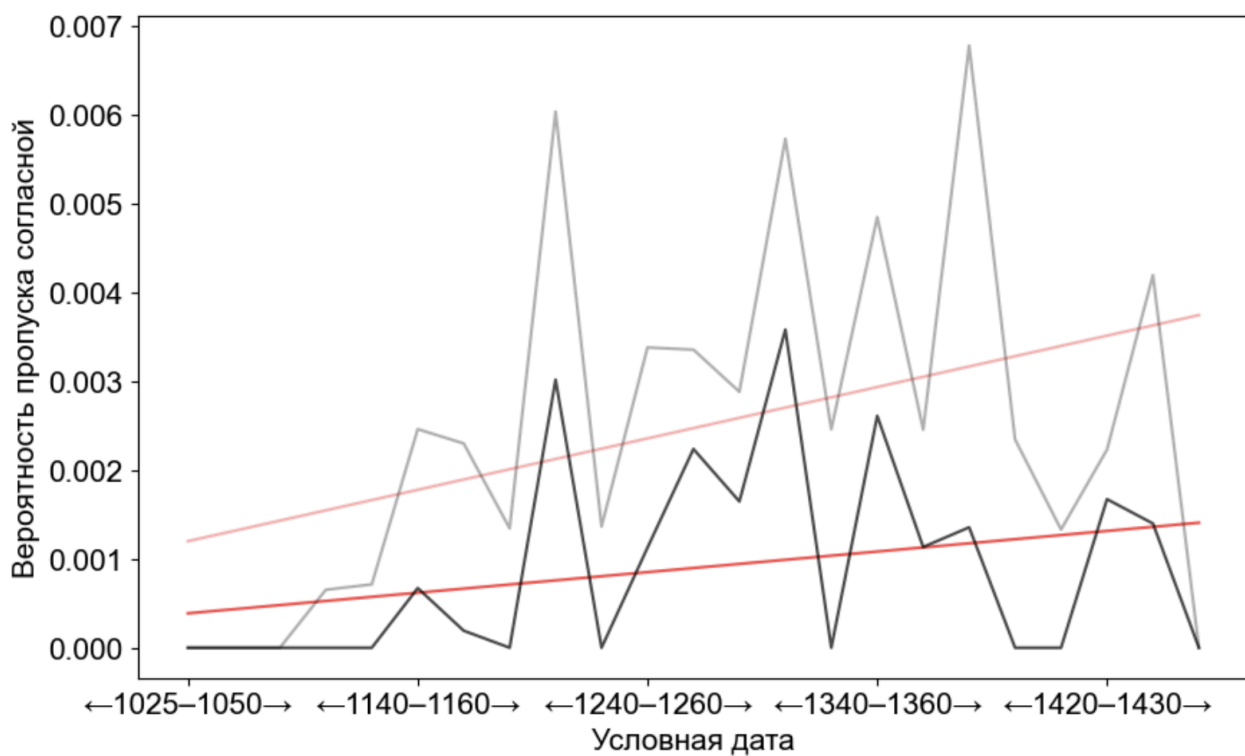
Эти пропуски не требуют комментариев: обилие исправлений однозначно свидетельствует о том, что это описки, не имеющие фонетического статуса.

Наблюдается определенная тенденция: пропуски первой из трех согласных никогда не исправляются, пропуски второй из трех исправляются более, чем в половине случаев (54,5%), пропуски третьей из трех – в $\frac{2}{3}$ случаев.

Отметим отсутствие неисправленных пропусков в поздний период и общее увеличение частотности этой описки со временем, которое уже нельзя объяснить устойчивостью этой описки в каком-то одном почерке.

В заключение раздела о пропусках согласных приведем попытку изобразить общую долю пропущенных согласных от всех согласных в материале данного периода. График показывает, с одной стороны, резкие колебания доли пропусков, вызванные недостатком материала. С другой стороны, общую тенденцию к увеличению частотности пропусков согласных в XIII – XIV вв. он демонстрирует весьма наглядно (черным цветом показана доля неисправленных пропусков согласных, серым – всех пропусков согласных, прямые – тренды того и другого графика).

2.7.7. Пропуск прикрытой гласной (34+55)

Изначальное написание	Исправление	Усл. дата	№ грамоты	Триггер
в<ъ>з[ати]	SUPER	~1040	247	
слов<ѡ>то	INTER	~1110	1049	
м<ѣ>ри	RE	~1135	999	
д{в}овѣ	AD	~1145	Ст. Р. 19	
г<ю>ровицю	CANC	~1150	1045	
ѣм<ѣ>	SUPER	~1160	731	
пр<о>да(лѣ)	SUPER	~1175	1105	
госпож<ѣ> ка	RE	~1180	682	
погрѣв<ѣ>	INTER	~1190	296	

ПОТ<О>СНИСА	SUPER	~1190	657	
П<О>ПО	SUPER	~1190	727	
СТВ<О>РА	INTER	~1190	788	
ЕС<Ъ>МЪ	SUPER	~1190	Торж. 2	
КОУН<О> ПО	SUPER	~1200	437	
П<О>ВОИ	SUPER	~1200	717	
Г<О>СПОДИНЕ	RE	~1210	531	
ПР<Ъ>ЕХАВО	RE	~1210	531	R:V
Н<Е>ГА НЕ	SUPER	~1230	600	
С<О> НАМИ	SUPER	~1250	207	
ТЪ Ж<Е>	SUPER	~1260	220	fin.
У СОД{Л}ИЛКЕ	AD	~1275	348	
П<О>СЛИ	CANC	~1285	615	
ВЕЛИШЕ М<И> ЕХАТЕ	INTER	~1350	415	R:V
М <О>ЕНИ	RE	~1360	497	R:V
Д<А> БЪ ЕСИ	SUPER	~1375	528	
ПР<О> НОСИТСА	SUPER	~1390	538	fin.
ТОМ<Ъ>	SUPER	~1390	538	

[к]<о> [ωс](под) и	INTER	~1395	362	
оу коудр<и> нихъ	SUPER	~1395	1077	fin.
ч<а>до	SUPER	~1400	125	R: simil.
за мен<е>	SUPER	~1400	25	
силв{н}а нова	AD	~1420	932	
творат<ь>са	SUB	~1430	307	
печатад<е> смѣ	SUPER	~1430	307	R: simil.
цел<оу>ю		~1110	1061	R:V
ръзан<ъ>		~1130	892	
ото н<и>хо		~1135	831	L: simil.
д<о>бромь		~1140	487	
възд<а>и		~1150	1045	R:V
вевъриц<ь>		~1150	1045	
п<о> сорокоу		~1160	810	R: simil.
отъ борицк<а/ѣ>		~1165	1144	
чърмъниц<ь>нъ		~1170	381	
ѣдоуц<и>		~1170	227	L: simil.
гривн<а>		~1170	1020	
дор<о>го		~1175	Ст. Р. 11	

привъз<ъ>но		~1185	1024	
варъв<а>ре		~1190	657	
н<а> нивоше		~1190	788	
п<о>поне		~1195	601	
дроуг<о>мо		~1195	601	
золотн<и>ко		~1200	1072	L: simil.
богош<ѣ>		~1210	114	
пр<и>ехала		~1210	531	R: V
стын<о> оу мене		~1210	705	R: V
аръштъвиц<а>		~1210	219	
код<ъ> цо		~1250	61	
пока<о>но		~1290	148	
д<о> оуглеца		~1295	69	R: V
дъв<и>ць		~1295	916	
пока<о>но		~1300	65	
ц<е>теверты		~1325	45	
дар<ъ>		~1330	59	
пол<о>жено		~1350	414	
юг<о>		~1350	318	

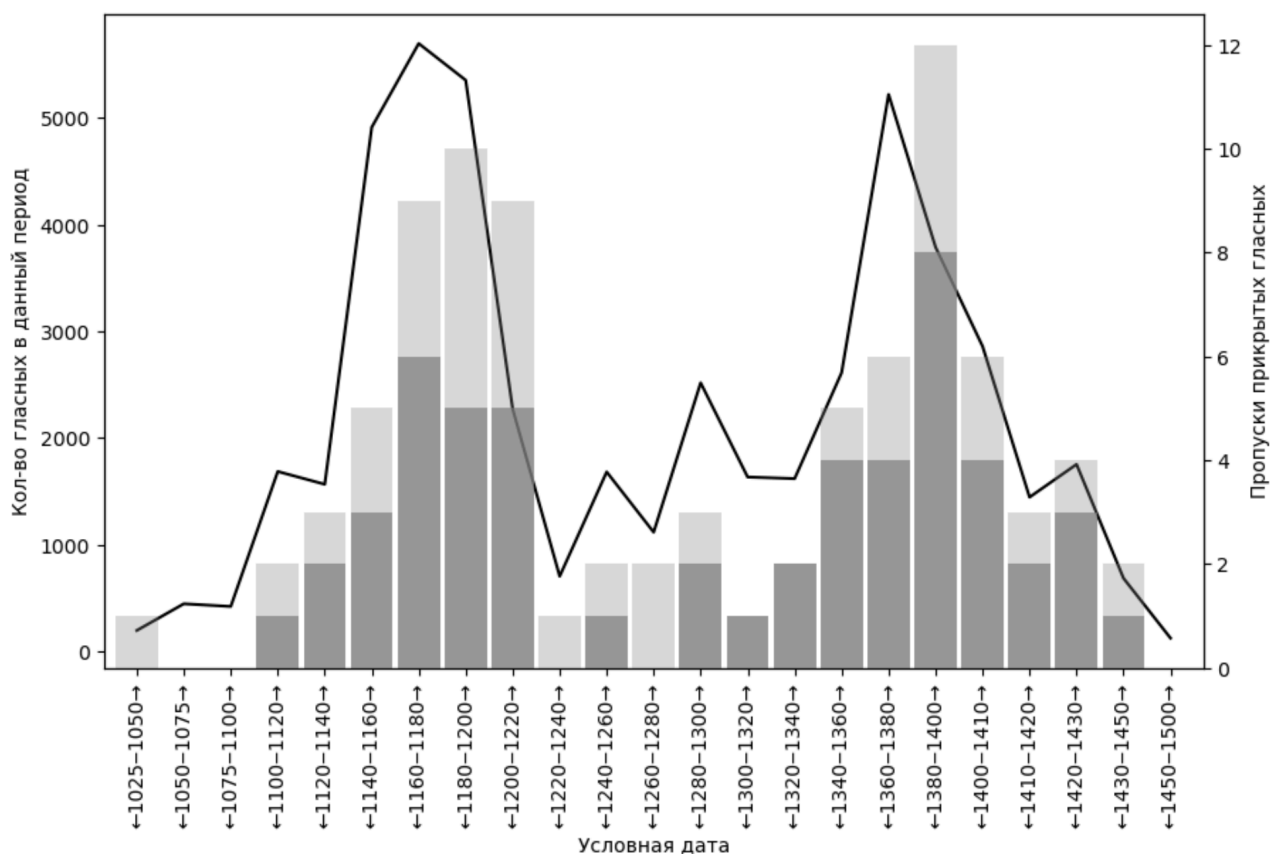
вер<е>ше		~1355	102	
юм <у>		~1355	354	fin.
ѿ всих<ъ>		~1360	273	
м<у>ра вгици		~1360	273	
покуш<а>ти		~1370	702	
сид<о>ру		~1375	276	
поѡрав<ъ>		~1380	698/699	L: simil.
ѡлеѣ<а>ндрѹ		~1390	314	
Ѧсподин<е>		~1390	135	
вѣл<ы/ѣ>		~1390	179	
п<о>клонъ		~1390	339/341	
в<ъ> зми		~1395	1075	
кон<ъ>		~1395	521	
вам<ъ>		~1395	1094	
[хрест]<е>ѡни		~1400	311	R:V
панфил<а>		~1400	173	L: simil.
ѡспод<и>на		~1405	310	R: simil.
н<а>мъ		~1405	933	R.: simil.?

Д<а> Ѡ рѣжи ⁷⁸		~1415	122	
сѣр<ѣ>в<р>а		~1420	373	
кон<ѣ>въ		~1425	374	
полтин<а> на		~1425	162	
[н]а [них]<ъ>		~1425	374	
ѡсм<и>на		~1435	299	R: simil.

Тип ошибки в *цте|вереты* 45 в актуальном прочтении [Зализняк 2004: 539] определяется как перестановка *т* и *е*, что, судя по всему, неверно: единственная перестановка гласной и предыдущей согласной в корпусе берестяных грамот – *Прошик* 1196 (грамота не включена в материал исследования [ВЯ 2025:]), а перестановок гласной и последующей согласной нет вовсе. Между тем, в грамоте ярко выражен «эффект скандирования», объясняющий появление *е* между *т* и *в*. Отсутствие же *е* слева от *т* в таком случае оказывается обычным пропуском первой гласной.

Распределение этой несомненной описки во времени практически идеально соответствует ожиданиям: ни роста, ни падения ее частотности со временем не наблюдается. Небольшое смещение графика ошибок вправо относительно графика распределения материала во 2-ой пол. XII и рубеже XIV – XV вв. обусловлено учетом внестратиграфических оценок в датировках грамот (график распределения материала использует условные датировки, привязанные к стратиграфической дате).

⁷⁸ Чтение П. В. Петрухина [2024: 14 – 16].

2.7.8. Пропуск неприкрытой гласной (19+41)

Изначальное написание	Исправление	Усл. дата	№ грамоты	Триггер
въ звижень<е>	SUPER	~1060	913	
петра <и> пѣа	SUB	~1075	906	
къ {в}иванѡу	AD	~1115	736	
по одино<и> на дѣсѣть	SUPER	~1185	998	J
коуѣ <а> оу жидене	SUPER	~1190	Ст. Р. 32	R:V
прода<и> аже	SUPER	~1255	709	J, R:V,
у <и>лѣе	INTER	~1275	348	
<ѡ> стра ...	RE	~1295	419	

ѿ <ѳ>сифа	SUPER	~1310	142	R: simil.
хотѧ <и> не	SUPER	~1350	317	R: simil.
поганѧ<и> а	SUPER	~1350	317	R: V
и <ѳ>крадони	SUPER	~1375	370	
коупи <а> дитьмо	INTER	~1375	687	R: simil.
оуцѣти <а> кони	INTER	~1375	687	
да<и>	SUPER	~1390	363	J, fin.
коробѧ<ѧ>	SUPER	~1395	1077	
велико <и> страшно	SUPER	~1405	930	
мо<ѳ>хѧ	INTER	~1405	693	
и <ѧ>зѧ давалѧ	INTER	~1450	962	
<оу> онѧковица		~1145	630	R: simil.
покланѧни<ѳ> ѿ		~1150	825	R: V
сво<и>мѧ		~1165	724	
которѧ<и> ма		~1175	748	J
извета<и> емоу		~1210	531	J, R: V
покланѧни<ѳ> ѿ		~1250	1017	R: V
прода<и> а		~1255	706	J, R: V
поди<ѳ>те		~1290	141	

прода<і> : али		~1300	65	J, R: V
пере<и>ми		~1300	463	
мое<и> п--		~1310	1053	J,R: simil.
<и>съ хроустаю		~1330	500	
по ^ъ коровъ<и> соли		~1350	568	
кълъм (єн)[ѣ]цкѣ<и>		~1350	580	
да<и> бого		~1360	497	
пере цинѣ<и> ц[т]о		~1365	286	J, R:simil.
тво<и>ский		~1365	1099	
кѣницю <у> вѣлъѣказа		~1370	2	
в[о]<и>ской		~1370	254	J
со врати<є>ю		~1370	276	R: V
на ѿнане<є>		~1370	162	
посзовно<ю/и>		~1370	385	J
кланѣ<ю>сѣ		~1370	283	
попещалу<и>сѣ		~1375	283	J
сто<и>тъ		~1375	370	R: simil.?
да<и> · намъ		~1375	370	J
сво<и>мо		~1380	698/699	

<и>ВАНОВ(ъ)		~1380	1168	
с тобо<ю/и> спишемо		~1390	257	J
ИГНАТЬ<ю>вѹ		~1390	135	
слу ша<и>тѣ		~1390	259/265	J, R:simil.
моѹ<и> аже		~1390	363	J
коровѣ<и> ржи		~1395	1077	J
поль тре ть<и> ржи		~1415	161	J
<и>стора		~1425	374	
григорь<и> 'д'		~1425	162	
юръ<ѹ>вицѹ		~1435	301	
ѿвѣ<ю>тсѣ		~1435	307	
парфе<и>		~1435	307	J
сво<ѹ>и ѿподе		~1450	962	
денга <ѹ> ивана		~1475	495	

Словато 1049, трактованное в издании как недописанное *Словато*<ю> [НГБ XII: 149], допустимо рассматривать как правильный вокатив после начинающего фразу союза (или междометия?) *а*: *а Словато крьни ми...* 'А ты, Словята, купи мне...'. ср. в *КЛ* (цит. по НКРЯ, пунктуация – наша): «*а се, брате, стрѹи мои градеть на ма. а, брате, доспѣваи, какоже володимиръ доспѣваетъ*» (136в:23); «*снѹ, се оуже въ старости есмь. а радовъ вси(х) не могу радити. а, снѹ, даю тобѣ, якоже бра(т) твои держаль и радиль, такоже и*

тобѣ даю» (169б:22); «*а великого ꙗздоу нѣтоуть. а, брате, кланяю ти са»* (227г:33); «*а намъ оуже нелзѣ не dospѣинымъ быти. а, брате, подоумаемъ в земли своѣи»* (234а:13); «*а нынѣ безъ его доумы хотимъ миритиса. а, брате, повѣдаю ти. сего ти мира zde не оулюбить братъ мои Рюрикъ»* (240в:7). См. также экстратекст *Мин XIII* (январь), 8 об.: *а браѣ черѣства коврига нѣ ицимѣ юѣ части испѣлѣснѣвела* [Крысько 2019: 16], где начальное *а* определенно выступает в роли междометия. В связи с этими параллелями, в вышеприведенной таблице этот пример не рассматривается.

Отметим, что список этот обладает принципиальной неполнотой. В научной традиции лингвистического описания берестяных грамот, заложенной А. А. Зализняком, написания одной буквы вместо двух тождественных соседних принято рассматривать как сознательные орфографические приемы, ср., например: «В *ароханело* одиночное *е* вместо двойного (ср. *анеело*) носит характер упрощенного написания» [Зализняк 2004: 522], «В [*у П*]/*ерхури* одиночное *и* заменяет двойное» [там же: 581] и т. д. Разумеется, в какой-то части случаев это должны быть простые описки. Тем не менее, нам было важно показать, какова «нижняя» оценка количества ошибок в берестяных грамотах. То же касается и других случаев на стыке гласных, для которых в актуальном прочтении предполагается возможность фонетического стяжения, например: «В *подите* либо просто пропущено *е* (т. е. имелось в виду *подиете* = <*подѣють*>), либо отражено стяжение [ѣје] в [ѣ] (т. е. *подите* = <*подѣть*>), ср. сев.-в.-русс. [знѣт], [знат] ‘знает’ и т. п.» [Зализняк 2004: 493]. Точный подсчет вероятности той и другой интерпретации должен стать предметом отдельного исследования: ясно, что в каком-то числе случаев формы, выглядящие как стяженные, в действительности представляют собой описку.

Особую проблему для А. А. Зализняка составляет так называемое «необозначение» или «невывражение» [j] на письме [там же: 71]. Как мы видели (§ 1.5.3), эта проблема в науке обсуждается издавна. Как видно из представленного материала, и [j] действительно пропускается писцами достаточно часто (возможно, чаще, чем обычные неприкрытые гласные), однако

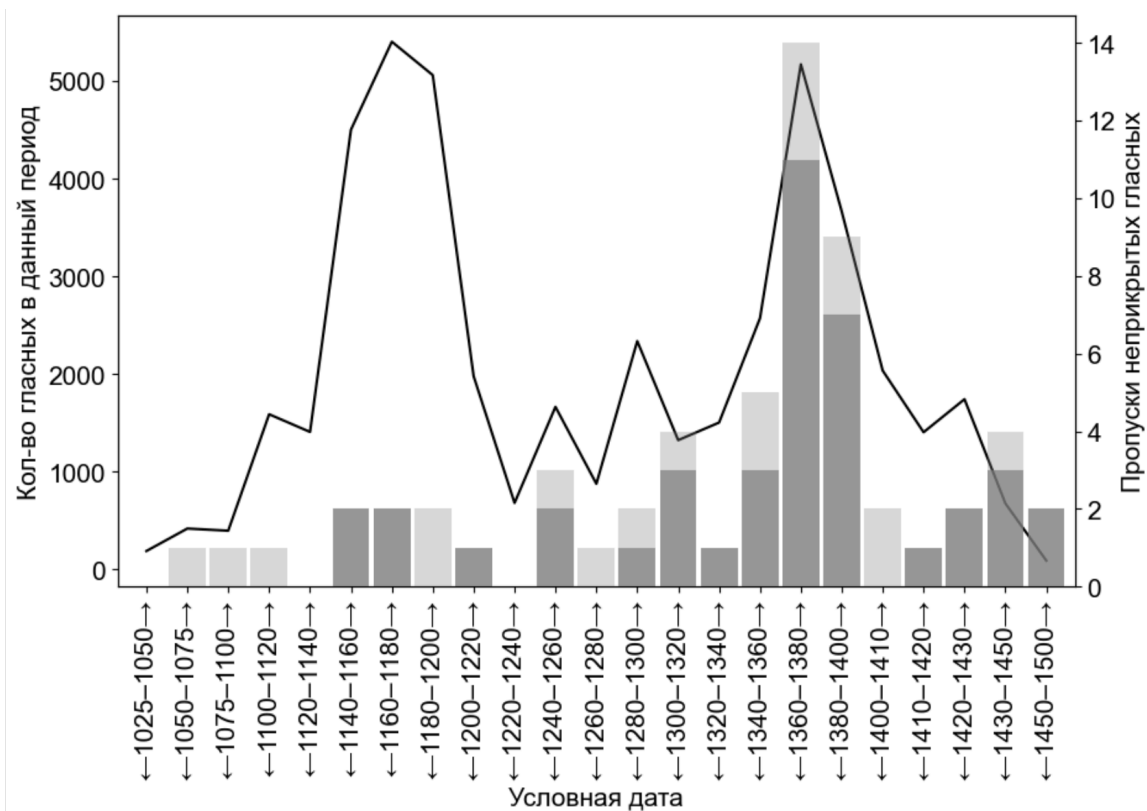
случаи исправления этой описки (*по одино<и> на дьсать* 998, *продаи* 709, *даи* 363) говорят о том, что писцами она вполне осознавалась в качестве таковой.

В берестяных грамотах пропуск буквы для [j] после гласной последовательно не выражен ни разу. Как указал нам С. М. Михеев (личное сообщение), в одном новгородском граффито он все-таки может присутствовать: это молитва Домашки Мыслятинича в Новгородском Софийском соборе, датируемая 1144 – 1199 гг. и начинающаяся так: **сѣты** **Михала** **прости ѿда** [Медынцева 1978: № 210, с. 152-153, 288]. С ней в литературе сопоставляется молитва Михалы в Рождественском соборе Антониева монастыря (XV в.) **пом[и](л)у раба Михалу** [Гиппиус, Зализняк 2004: № 3, с. 775 – 777; Гиппиус, Михеев 2019: № 4, с. 81]. Однако *Михал-* < *Михаил-* – несомненно, нерегулярное фонетическое изменение, затрагивающее прежде всего библейские имена на *-иль* и их производные (ср. *Рагоулови* 427, *Нафаналом* РГБ, Ф. 113 № 659, л. 255 об., *Измалко*, *Манулко* (НКРЯ) и т. д.). Орфограмма **сѣты**, скорее всего, позаимствована автором софийской надписи у двух соседних с ней [Медынцева 1978: № 208-209, с. 152], в которых, в свою очередь, отражает нередкое в древнецерковнославянской письменности стяжение **ѣи>ѣ**, в некоторых старославянских памятниках даже доминирующее [Кривко 2015: 59]. **ѿда** в надписи Домашки тоже, вероятно, отражает императив *отѣда<жь>* (от *отѣдати*) с пропуском последнего слога, в той же молитвенной формуле тех же двух соседних надписей, а не **ѿда<и>* (от *отѣдати* с необозначением [j]). Таким образом, как бы ни было соблазнительно заподозрить Домашку и Михала в последовательном проведении исключительно редкого орфографического приема, в действительности «необозначение на письме» реально произносимого [j] в этих двух надписях сводится к изолированной форме *помилу* надписи Михалы, которую допустимо считать механической опиской, и, возможно, *сѣты* в надписи Домашки, представлявшей собой книжную орфограмму. Эффект регулярного (до 30 % позиций) необозначения [j] характерен для иностранцев, делающих

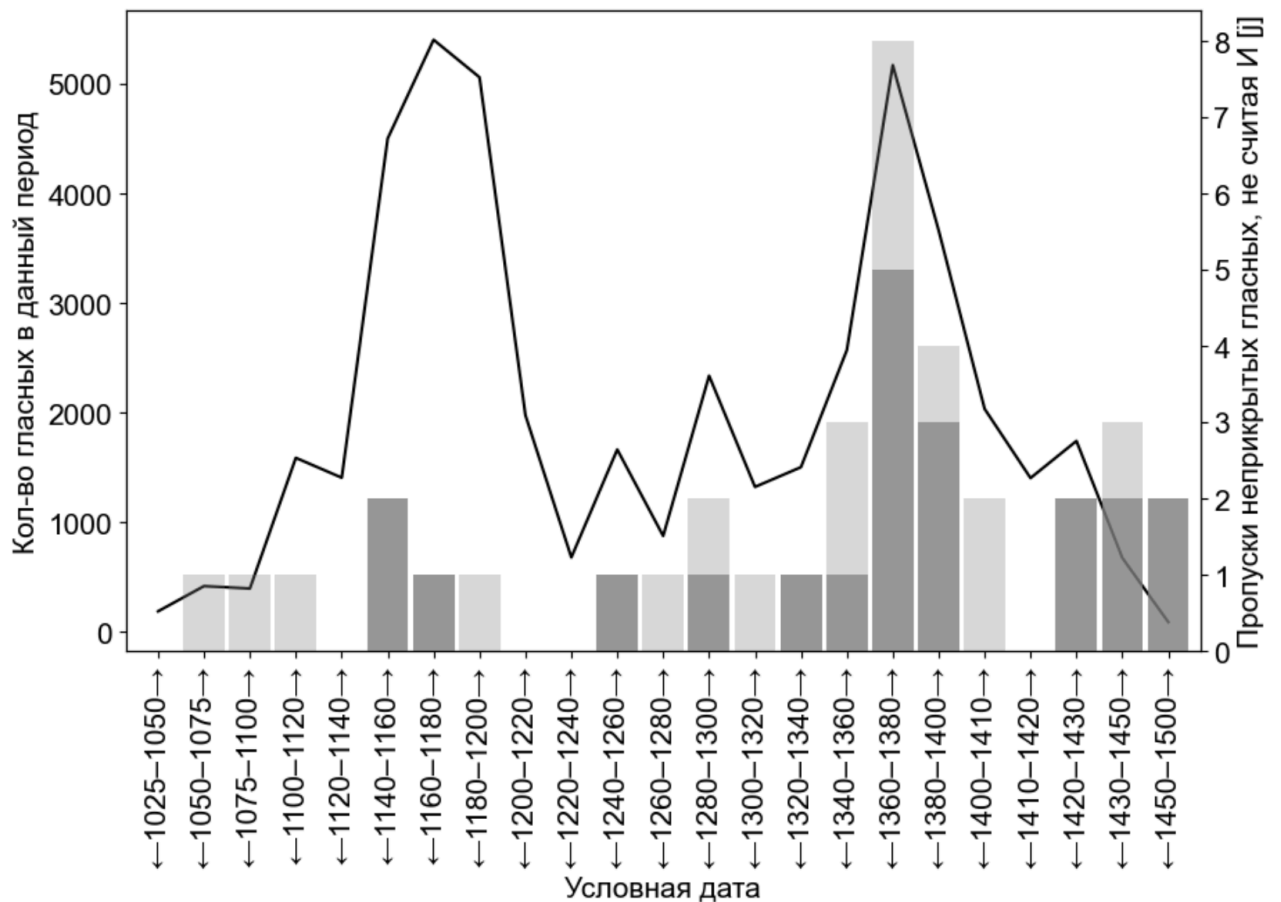
список с правильного древнерусского текста (см. §§ 6.5 – 6.8). Такие написания в русских рукописях принципиально не отличаются от пропусков других неприкрытых гласных.

При сравнении с прикрытыми гласными кажется, что пропуск неприкрытых – почти на треть более редкая описка (34+55 против 20+42 исправленных и неисправленных случаев соответственно). На самом деле все ровно наоборот. Как мы уже указывали (§ 2.1.2, § 2.4), прикрытые гласные примерно впятеро частотнее неприкрытых (искажения статистики, связанные с автоматизированным подсчетом, вряд ли могут здесь дать слишком большую погрешность). Вероятность появления неисправленного пропуска прикрытой гласной в корпусе берестяных грамот примерно $55/40466 = 0,136\%$, тогда как для неприкрытой – $42/9887 = 0,426\%$, т. е. более чем втрое выше.

Абсолютно иной характер носит и хронологическое распределение пропусков неприкрытых гласных:

С наличием в подсчетах пропусков *и* (или *і*) в значении [j] это никак не связано. Такой же характер будет носить график и при исключении этих особых случаев:

Эта хронологическая эволюция пропусков неприкрытых гласных свидетельствует о каком-то фонетическом процессе, начавшемся, по-видимому, где-то в середине XIV в. Но о каком именно? Из материала определенно видно, что в подавляющем большинстве случаев речь идет о пропусках букв, соответствующих гласным переднего ряда, которые в позициях после гласных должны были читаться как [ja], [je], [jo], [ju], [ji] (о стяжениях на стыке нейотированных гласных см. [Зализняк 2004: 71, 74] – их мы выше не учитываем в числе потенциальных описок). Едва ли можно предполагать стяжение двух соседних гласных в одну до того, как утратился [j] между ними. Образовавшиеся после этого «новые дифтонги» типа [aü], [ei], [oi], [ai], [ie], [ae] и т. п. не имели прямого соответствия в графической системе: для того, чтобы записать их традиционно (*ау, аю, еи, ои, аи, аи, ие, ае, ае* и т. д.) требовалось либо знакомство с их книжным написанием, либо высокий уровень фонетической рефлексии, позволявший провести слоговую границу между двумя звукотипами внутри единого отрезка вокации. Поэтому, как нам

представляется, утраты неприкрытой гласной на письме не обязательно трактовать как их утраты в живом произношении: скорее речь идет об обозначении образовавшихся после утраты интервокального [j] фонетических дифтонгов по их первому компоненту. Дальнейшая эволюция этого изменения в северных и восточных русских диалектах известна: $[V_1V_2] > [\bar{V}_1] > [V_1]$ (по говорам видны все ее этапы, см. [ДАРЯ, II: №№ 87 – 93]). Однако трудно представить, чтобы уже в примере, скажем, *подите* 141 [~1290] был отражен уже конечный этап этого развития [Зализняк 2004: 493], тогда как второй этап, который должен был бы выразиться в удвоенном написании, никак в берестяных грамотах не засвидетельствован (все возможные удвоения гласных см. §§ 2.4.2 – 2.4.5).

В каждом конкретном случае, начиная примерно со 2-ой пол. XIV в., невозможно сказать, что представляет собой написание: бессознательный пропуск, сознательную попытку передать фонетический дифтонг, преобразованный из него долгий монофтонг или сократившийся монофтонг. До этого времени, по-видимому, все пропуски проще считать простыми описками. После этого времени, по-видимому, стоит выбирать между первыми двумя вариантами, отдавая все же предпочтение первому. В § 3.1 мы отнесем этот разряд описок к «двояко трактуемым».

2.7.9. Пропуск второго элемента диграфа *ou* (0+3)

Специально отметим, что нечастые пропуски второго элемента другого диграфа, *ы*, рассматриваются А. А. Зализняком [1986: 110, 2004: 34] в числе графических «смещений», т. е. проявлений графической системы писцов. Хотя в части случаев это должны быть простые описки, вполне аналогичные разбираемым ниже пропускам *у* в *ou*, мы не будем искусственно увеличивать за их счет количество ошибок в нашем сводном каталоге, поскольку наша задача в том, чтобы дать нижнюю границу числа описок в корпусе грамот. В почерке же блока 19+122+129 эти замены *ы* на *ѣ* действительно регулярны.

Написано	Исправление	Условная дата	№ грамоты
о<у> : ньжька		~1150	630
ємо<у>		~1210	531
ко<у>не		~1275	1064

О примерах *коровоу* 531, *гозѣ* 330, *без дво* 1, *оу кодри|нихъ* 1077, *влодила* 129 см. ниже.

Пропуски второго элемента диграфа *оу* обычно рассматриваются как стандартные графические ошибки (описки), которым не стоит придавать фонетическое значение [Кривко 2015: 33, Голыщенко 1982: 22 – 23]. И действительно, один пример исправления этой описки в берестяных грамотах, возможно, имеется: *слышо* > *слышоу* 705 (хотя образование лигатуры как способ исправления в корпусе берестяных грамот уникально, *слышоу* и *потешоу* в той же грамоте говорят о том, что именно *шоу* для писца было стандартной орфограммой, а лигатура *шю* – вынужденный способ исправить пропуск *у*, когда справа от *о* уже была написана следующая буква). Впрочем, далее идет слово *боленоу*, так что можно рассматривать изначальное написание и как предвосхищение гласной следующего слога, ввиду чего пример отнесен к категории «двойко трактуемых» (§ 2.11).

Дважды встретившийся пропуск *у* в *оу* (*ємо*, *коровоу*) 531 на первый взгляд тоже нет возможности рассматривать иначе, как еще одну «устойчивую описку» Анны (см. выше § 2.7.4). Применимо «эпратологическое» объяснение и к примерам о<у> *Ньжька* 630, ко<у>не 1064.

Однако все /у/ в грамоте № 1 переданы через монограф *у* независимо от позиции в слоге (суммарно 19 случаев, из них 18 после согласной), поэтому предполагать случайный пропуск второго элемента диграфа в *без дво* невозможно.

То же касается *гозѣ* 330 в. *гѣзѣ* (под ударением! [ДРУ: 179]), см. [Гиппиус, Сичинава 2021: 199 – 200].

В почерке Есифа, написавшего три достаточно объемные грамоты [Зализняк 2004: 643-646], представлено 19 монографов *у*, но ни одного диграфа *оу*, так что видеть в *блѣдила* 129 простой пропуск второго элемента диграфа также невозможно.

В грамоте № 1077 после согласных регулярно (5/5 раз) пишется монограф *у*, так что маловероятно, что именно в слове *Водринихъ* (древнее ударение неясно) писец решил использовать диграф и ошибся.

Эти четыре случая никак не объяснимы и соседством со слогами, содержащими *о*. Поэтому не просто допустимо, а необходимо трактовать бóльшую их часть как нейтрализацию *о* и *у* в отдельных словах в отдельных идиолектах (в первых двух случаях – под ударением, во вторых двух случаях – возможно, без ударения). Нейтрализацию безударных *у* и *о* представить себе достаточно просто, ср. *лоунѣ* 88 [ДРУ: 287]⁷⁹, *жалуби* 301 с обратной заменой. Случаи же изменения */у/* в */о/* под ударением полностью аналогичны установленному А. А. Зализняком фонетическому происхождению совр. груб. *жопы* из **жуны* [Зализняк 2013: 36–40].

В. Л. Янин и А. В. Арциховский невинно переводили слово *коровою* 531 ‘коровой’ [НГБ VII: 134], хотя и привели важнейшую параллель *корвиѣ снѣ* (в издании ошибочно: *корвин сынѣ* [там же: 132]) из подписи к инициалу М из Фроловской Псалтири (РНБ, Ф. п. I. 2, л. 275 об.). А. А. Зализняк интерпретирует написание *ко-* в грамоте как «недописку вместо *коу-*» [НГБ VIII: 213]. «Стопроцентную надежность» этой «конъектуры» отмечает А. А. Гиппиус, приводя в параллель тождественное представленному в грамоте парное оскорбление в русских былинах [НГБ XII: 249]. Однако необходимости в конъектуре, как мы видим, нет. Трудно представить, чтобы в обоих

⁷⁹ Вопреки прориси, [НГБ XII: 202] и [Гиппиус, Сичинава 2021: 194], на фото видны лишь естественные морщинки на бересте: исправление *лоуни* на *лони* не имело места.

древнерусских словоупотреблениях этого общенного корня писцы допустили одну и ту же, нечастую, как видим, ошибку.

Таким образом, внешне похожие 9 написаний должны быть разделены на четыре заведомые писцовые ошибки и пять предположительно отражающих фонетическое явление – понижение подъема [y]:

2.7.9.1. Понижение подъема /y/ (0+5)

Написано	Исправление	Условная дата	№ грамоты
к о ровою		~1210	531
г о зѣ		~1290	330
бѣз дво		~1390	1
оу кодр"нихъ		~1395	1077
бл о дила		~1400	129

Как независимо заметили И. Ю. Анкудинов, И. Б. Иткин и С. М. Михеев (личные сообщения), три из пяти берестяных примеров этой замены обнаруживаются в корнях из семантической сферы «телесного низа» (-курв-, -блуд-, -гуз-), что, наряду с установленной А. А. Зализняком этимологией четвертого корня из этой же сферы, может отражать ранее не описанный древнерусский эвфемистический механизм. В этой связи заметим, *без дво* может быть объяснено как недописка незасвидетельствованной на бересте, но исторически правильной формы *без дво<ю>*, а *о* в *оу Кодр"нихъ* – как некая не вписывающаяся в нашу классификацию «недореитерация» диграфа *оу* предшествующего слога. Но даже если это два случайных смещения на письме артикуляторно близких звуков, «эвфемистическая» тенденция, прослеживаемая на остальных трех примерах, вряд ли может быть простой случайностью.

2.7.10. Пропуск прикрытого слога (58+60)

Изначальное написание	Исправление	Усл. дата	№ грамоты	Триггер
къ мѣнѣ <нѣ> ходилъ	SUPER	~1105	752	L: CV
задѣ<ла>	SUPER	~1105	752	
отъ <къ>снѣтина	SUPER	~1110	1139	L: V
<на> та	SUB: C	~1130	421	
дѣвѣ <дѣ>же	SUPER: C	~1130	863	
<къ> вѣлѣдѣноу	CANC	~1130	891	
по<пы>таї	SUPER	~1145	846	
въ<да>ї	SUPER	~1145	846	
цѣтыри <коу>не	RE	~1150	Ст. Р. 22	
<не> во[дад]ѣт[ь]	SUPER	~1160	812	
гри<въ>н[ѣ]	RE	~1170	1057	
...ица <на> три	INTER	~1170	665	L: V
лю<бо> коунь	CANC	~1175	Ст. Р. 11	
па<кы> ли	INTER: C	~1175	Ст. Р. 11	
ко <ми>лославъ	SUPER: C	~1185	979	
по<ло> гривене	SUPER	~1190	663	

мне <не> ехать	SUB + SUPER	~1205	439	L: V
азо <ти> олово	RE	~1205	439	
гри<вн>ты О...	RE	~1200	1072	
и<мо> потешоу	SUPER	~1210	705	
пороу<коу> на	RE	~1210	531	L: V
господи<не> брате	RE	~1210	531	
ива<на>	SUPER	~1210	223	L: V
заха<ри>и	SUPER	~1255	709	R: V?
везю<те>	SUPER	~1285	775	
оу ладо{п}ги положила	SEMI+AD	~1290	141	
<до>бы (ти)	SUPER	~1290	411	
<се>лила	SUPER	~1310	138	
лиси ^А {н}ци ник ^Б ⁸⁰	SUPER+AD	~1310	355	
пороу<ки>	SUPER	~1330	59	
<по>каи теса	SUPER	~1355	317	
<ку>пилъ	SUPER	~1355	354	
ве<ли>ла	SUPER	~1355	102	R: C

⁸⁰ Ошибочное *н* автор исправил, написав *д*. Следующее *ци* отражает предвосхищение гласной слога *ни*. В итоге получилась трудноопознаваемая форма *Лиси^д{н}ци|ник^б*. Ср. в [Зализняк 2004: 755] трактовка, предполагающая констелляцию более редких описок – повтора слога и перестановки.

<ко>рѡбѣ ѡ	SUPER	~1360	136	
ѡдино<мо>	SUPER	~1375	272	L: V
на<мѣ>	SUPER	~1375	1132	
по<зѣ>ма	SUPER	~1390	1	
<ко>ндра	RE	~1390	532	
<ши>х...	RE	~1390	364	
<по>пецелилеса	SUPER	~1390	167	R: C
замолмо <со>ви	AD	~1390	178	L: V
ѡ <на> то	SUPER	~1395	519/520	L: V
ѡже не бѣ<дѣ>тъ	SUPER	~1395	519/520	R: V?
ѡ <ва>силаѣ	RE	~1395	359	L: V
ка<ко> ѡсма	RE	~1395	359	L: C?
то <мо>	SUPER	~1395	359	L: V
ѡ<сма> гѣ	RE	~1395	361	
оу <ко>ница	SUPER	~1395	1077	
ко<ро>би	SUPER?	~1395	1077	L:V
кузMODEМЬЯНСКО<го>	SUPER?	~1395	1077	L:V
горка<ми>	SUPER	~1400	521	
ѡ<сма>	SUPER	~1425	154	

и<но>	SUPER	~1425	19	
живо<то>	SUPER	~1430	466	L: V
полъ че{р}<тво>рта ⁸¹	AD	~1430	1122/1123	
<ва>шь	CANC	~1435	307	
на ѡстро<ве>скои	RE	~1445	928	
Ѡ{Ѡ}тошли<те>	RE	~1450	962	
присъ<ли>те		~1110	424	
св<о>бо <де>нь		~1130	421	fin.
:г: <гри>вне		~1130	631	L: C
сто<ро>ва		~1150	1000	L: V
Ѡ дѡ<ка>		~1150	855	L: V
Ѡкоу<пи>въ		~1170	510	
пе<ре>ставивъше		~1170	1020	L: V
въскрьсъ <съ>мъртию		~1180	1022	CV
[а]на<ста>сиѡ ⁸²		~1185	508a	R: C
привъ<зь>на		~1185	1024	L: V
въ <шь>сти		~1185	1032	L: V

⁸¹ В предварительной публикации [ВЯ 2021: 68] *р* в *че{р}творта* трактуется как зачеркнутое. На наш взгляд, никаких следов зачеркивания нет – это адскрипционное «недоисправление».

⁸² Лигатуры *ти* по фото не просматривается. Если бы она была, это бы означало редчайшую ошибку (пропуск «антислога» *ас*). Перед нами, скорее всего, простой пропуск слога *ста*.

КАСИѦ<НЕ>		~1190	663	
ЗА ДЕДРО<МО>		~1190	Торж. 5	L: V
:Г: <КА>ПИ ⁸³		~1205	439	
ПОКЛО<НО> КО		~1210	531	L: V
<КО> КОСНАТИН ОУ		~1210	531	CV
СЛОВО <ВО>ЗВЕЛО		~1210	531	CV
СЪ<РЪ>БРА		~1210	531	L: V
РАБА <БО>ЖЕѦ		~1225	715	L: R?
СЛОВО <ВО>ПЛОЩЕНО		~1250	331	CV
ЦЕ<ТВЕ>РТЕ		~1275	348	L: V
ПРИЕХАВО <ВО>ЗМЕТЕ		~1285	775	CV
ГРИШКИ<НЕ>		~1290	141	L: Simil.
К<Ъ> ЈЕВА<НУ>		~1300	1163	
НИ<НИ>ШНИИ		~1300	463	CV
ПЕ<РЕ>ДЪ		~1305	142	L: V
СО(О)<ЦИ>(Ц)Ю		~1310	1053	R: C
СО МИЛОНЕГО<МО>		~1315	320/337	L: V

⁸³ А. А. Зализняк [2004: 436] пропуски слога после цифры рассматривает как «особый тип сокращения». Вряд ли это так: пропуски слогов просто очень частотны, и неудивительно, что иногда они приходятся на позицию после цифр.

ПА<ТЬ> ЗОВНИЧЕ		~1325	1109	
ПОЛЪ<ТО>РА		~1330	500	L: V
ТЕЛА<ТИ>НЪ		~1330	500	
КО <ТО>[БИ]		~1345	490	L: V
ПОКЛО<НО>		~1350	414	L: V
ГНѢ<ВЪ>		~1355	317	
А <НЪ>НЪ СА		~1355	284	R: C
КО<РО>БИ		~1370	689	L: V
А НА МЕ<НЕ> СА		~1370	1098	L: V
ЛОСО<СЕ>И		~1375	186	L: C?
ПО<КЛО>НЪ		~1375	340	
ГО<СПО>ДИНУ ⁸⁴		~1375	1132	L: V
СКОТНИКА<МЪ>		~1375	1169	
ПОКЛО<НО>		~1385	Ст. Р. 46	L: V
<РА>БЪ		~1390	42	
ПЕ<РЕ>ДЪ		~1390	142	L: V
ЖЕ<РЕ>БЕИ		~1390	257	L: V
СВОЮ ЧА<СТЪ> ДАЛЪ		~1390	270	

⁸⁴ Ср. [ВЯ 2021: 84]

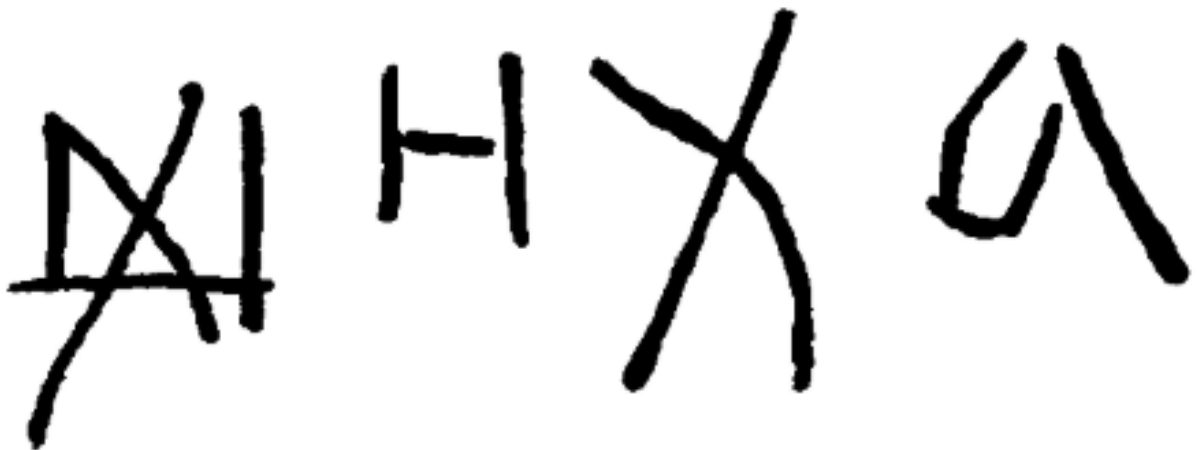
бѣ<сть>		~1390	339/341	
кондрата <та>ко		~1390	532	CV
покло<но>		~1400	359	L: V
неви<ди>маго		~1400	930	L: V
ѡлексеѣ<мъ>		~1405	310	
оу [н]и<хъ>		~1405	1137	
і <ны>нѣ		~1405	1137	
<че> ломъ		1416–1421	963	
новъго<ро>цкому		1416–1421	963	L: V
ка<ко>		~1420	373	L: C?
фи <ли>пе		~1425	154	L: V
руку<пи>сан"уєѡ		~1435	307	
ва<шь>		~1435	301	
дворѡ<ни>н[ъ] ⁸⁵		~1440	12	R: C

Хронологическая близость примеров *не<ре>дъ* 1170 и *не<ре>дъ* 142, *бу<де>ше* 277 и *бу<де>ть* 1097, а *не хо<че>шь* 1126 позволяет считать их аллегрными формами произношения, возникшими в XIV в., и не перечислять их среди пропусков слогов.

А. В. Арциховский [НГБ VI: 59-61] безусловно ошибочно читал прозвище Смена, автора грамоты № 364, как *Миха* (Род. п.). А. А. Зализняк вначале колебался между прочтениями *Циха* и *Ниха* [НГБ VIII: 204], постепенно

⁸⁵ Конечную букву можно читать и как ъ [НГБ XII: 197], и как ь.

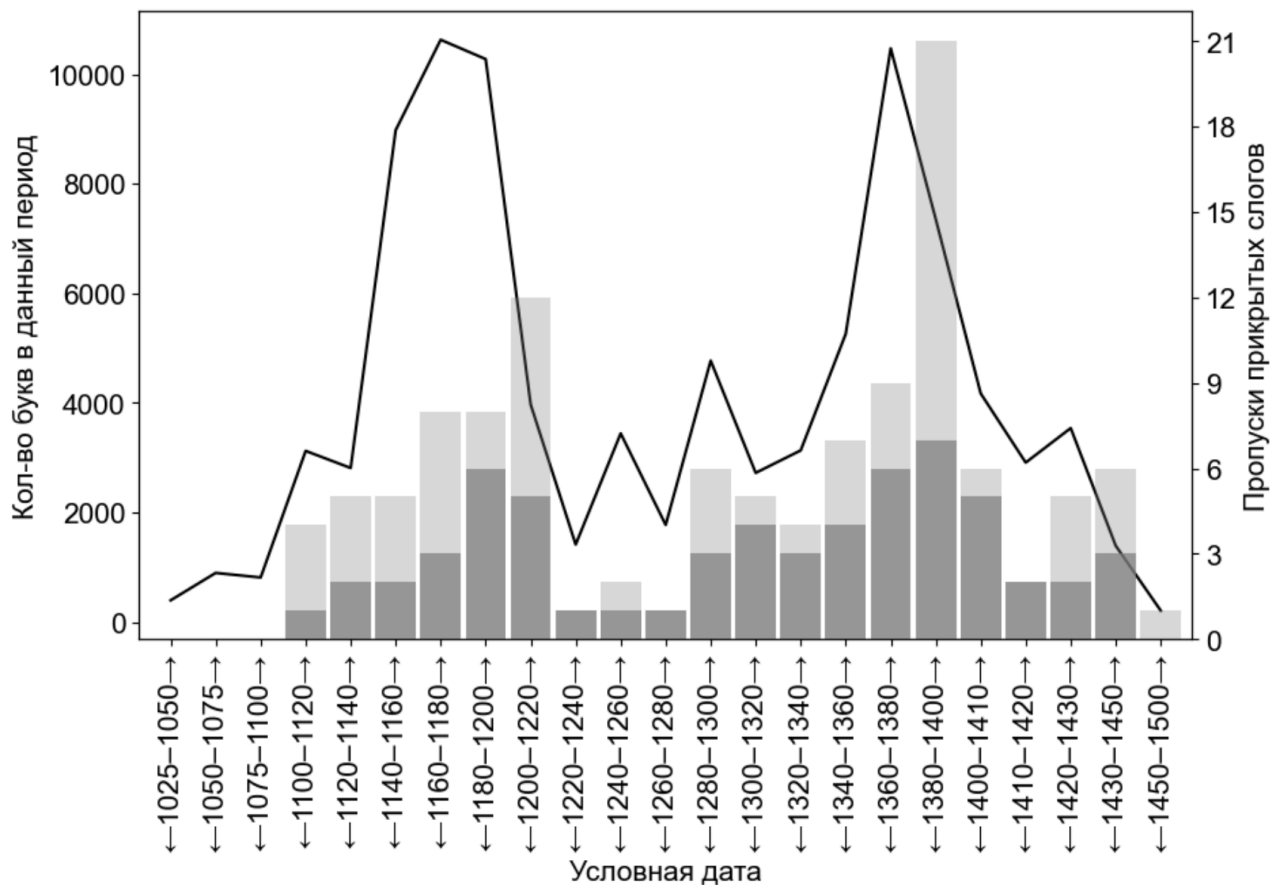
склоняясь к первому варианту [Зализняк 1995: 508; Зализняк 2004: 606]. Наконец было решено, что «никакой другой буквой, кроме *ц* (написанного поверх *х*), первая буква быть не может», а первое *х* изначально предвосхищало второе [НГБ XII: 231]. В действительности *ц* имеет в грамоте значительно меньшую ширину и длинный спускающийся под строку хвост. Единственная буква в почерке Смена, которая подходит по форме и ширине – это *ш* (без средней вертикали, проведению которой, вероятно, мешали штрихи уже написанной буквы *х*, или же автор считал, что они эту вертикаль легально субституируют). Таким образом, прозвище Смена было *Шихъ* (см. неоднократно встречающиеся деревни *Шихово* [НПК указ.: 233] при отсутствии ***Чихова*, ***Цихова* и **Нихова*). Что касается механизма ошибки, то предвосхищение (антиципационная субституция) согласной – крайне редкая ошибка, которая пока встретилась в берестяных грамотах лишь трижды (*соцксоса* вм. *соцклосо* 211, *дроръ* вм. *дворъ* 519/520 и *Милосави* вм. *Милослави* 966), всякий раз затрагивая вторую согласную биконсонантного кластера, а не начальную одиночную согласную. Так что ошибку следует трактовать как пропуск первого слога *Ши*, который замечен автором, успевшим написать *х* из слога последующего:

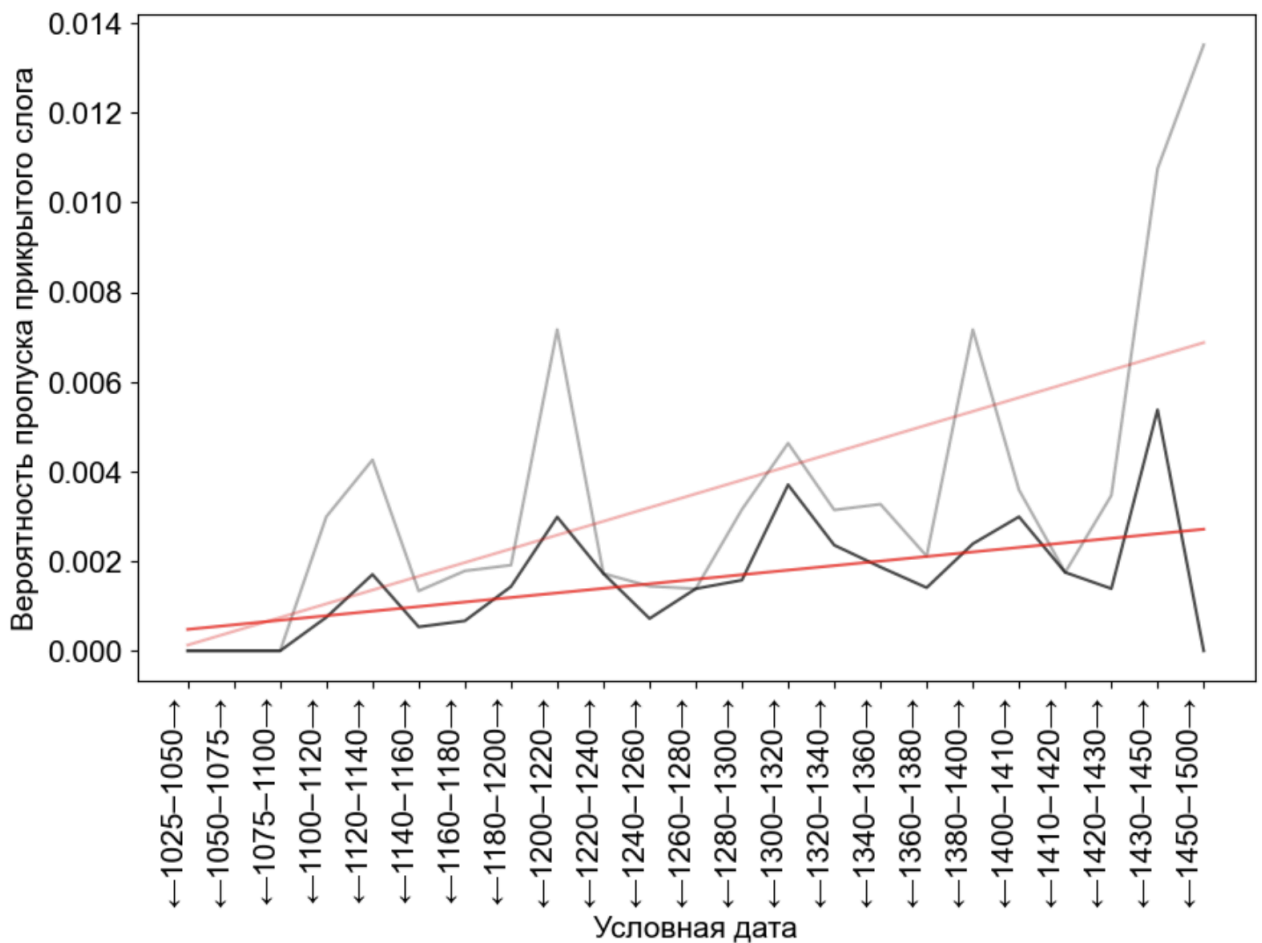
Вопреки [НГБ XII: 232], никакого исправления в *ка тому би* 373 в грамоте нет, что видно и по фотографии лицевой стороны, и по фотографии подложки. См. новую трактовку [Иткин 2026: 82 – 83].

Очевидно, на вероятность пропуска прикрытого слога существенно влияет наличие непосредственно слева гласной, графически тождественной пропускаемой (триггер «L: V» в правой колонке таблицы), а также наличие непосредственно справа от пропускаемого слога согласной, тождественной первой согласной пропускаемого слога (триггер «R: C»). В сравнительно редких случаях, когда два одинаковых слога должны стоять по соседству (триггер «CV»), также случается заметная часть пропусков одного из них. Напротив, тождественная согласная в слоге слева («L: C?») и тождественная гласная в слоге справа («R: V?») стоят не чаще, чем ожидается при случайном распределении материала, и явно не участвуют в «катализе» слоговых пропусков.

Это давно известный факт «микроаглографии», на который обращал внимание еще А. И. Соболевский в своей классификации писцовых ошибок (§ 1.4.2). Однако не менее важен тот факт, который А. И. Соболевский проигнорировал: значительное число пропусков слогов происходят без какого бы то ни было контекстного триггера.

Для грамот XI в. не зарегистрировано ни одного пропуска. Некоторое увеличение числа пропусков слогов видно с конца XIII в. – времени, когда, как мы предполагаем, происходит переход от «послогового» письма к «пословному». Рост частотности неисправленных пропусков слогов со временем, несмотря на значительные статистические флуктуации, вполне отчетлив. Но еще ярче этот тренд наблюдается на множестве всех пропусков (прямые – линии тренда):

2.7.11. Пропуск слога после консонантной финали предыдущего (4+2)

Изначальное написание	Исправление	Условная дата	№ грамоты
на кнѣжоѣс<то>рови	SUPER	~1320	324
гос<по>динѣ	RE	~1355	102

вшаш<кѣ>и	RE	~1395	519/520
а д ^в {р}орѣ	SUPER+AD	~1395	519/520
ук<ра>лѣдетъ	?	~1110	957
клуц<ни>ка		~1375	370
посад<ни>коу		~1390	339/341

Особо здесь, конечно, стоит форма *уклѣдетъ*, которую А. А. Зализняк читал как безошибочно записанный презенс незасвидетельствованного глагола **уколости* ‘заколдовать / испортить’ [НГБ XII: 60 – 62], а А. А. Гиппиус, на основании двух типологически сходных проклятий именно будущим похитителям (а не заклинателям) «оберегаемого» надписью предмета, предположил, что и *уклѣдетъ* должно быть прочитано как необычное совмещение форм *ук<ра>лѣ* и *ук<ра>детъ* в магическом тексте, ориентированном на действие сразу из перспективы пишущего и на момент после совершения кражи [Гиппиус, Сичинава 2021: 227; Гиппиус, Кабатов, Кабатова 2015: 184 – 185]. Нам трудно выбрать из обоих остроумных прочтений более предпочтительное, но при принятии чтения А. А. Гиппиуса, приходится либо смириться с тем, что наша реконструкция эволюции систем обучения (§ 2.5.4) противоречит этому единичному факту, либо искусственно сдвигать датировку грамоты на ту эпоху, когда начинающих писцов стали обучать писать закрытые слоги (в нашей теории – не ранее 2-й пол. XII в.). Если же вернуться к прочтению А. А. Зализняка, то все пропуски типа <CV> после С укладываются в XIV в. и идеально согласуются с нашей моделью, при которой заканчивать графические склады на согласные писцы научились не сразу.

2.7.12. Прочие пропуски

Пропуск «антислога» (1+3)

Написано	Исправление	Условная дата	№ грамоты
{пло} поклоно	AD	~1355	99
ѿ [л]юдъслав<а к>ъ хотѣноу		~1065	912
гр<иг>оръи		~1390	Ст. Р. 39
оу д<ав>ыда		~1395	1077

Как и следовало ожидать, пропуски «антислогов» встречаются чрезвычайно редко, не обладая произносительным единством. Вновь видим, что, за исключением одного раннедревнерусского случая, все примеры приходится на 2-ю пол. XIV в.

Пропуск слова под титлом (1+0)

Написано	Исправление	Условная дата	№ грамоты
<хѣ>	RE	~1295	419

В стихире на стиховне «Страстию твоею, Христе, от страстии свободихомся...» (л. 5 об. берестяной «книги» № 419), согласно изданию, писец исправил *Хѣ* на *ѿ* [НГБ VII: 26 – 27] (что было бы как минимум странно), а в «Древненовгородском диалекте» о существовании букв *Хѣ* не упоминается вовсе [Зализняк 2004: 524]. Наиболее простой из теоретически возможных вариантов реконструкции правки предполагает один пропуск. Автор вначале пропустил *Хѣ* и написал *ѿ стра...* после слова *твоею*. Заметив пропуск слова, он написал *Хѣ* поверх предлога *ѿ*, а *ѿ*, в свою очередь, поверх *ст*. Лишние буквы *ра* писец, по-видимому, затер, и написал *страстии* уже с новой строки. Таким образом, текст фразы следует передавать так: *Страстию | твоею Хѣ ѿ | страстии | свободихо|моса*.

Пропуск двух складов подряд (4+1)

Написано	Исправление	Усл. дата	№ грамоты	Триггер
----------	-------------	-----------	-----------	---------

по полу ц[ε]<твьрь>тѣ	SUPER?	~1145	176	
Гемъ<лика> исколика	CANC	~1175	1059	
ви<дає>ши	SUPER	~1330	59	
мо<імо>	SUPER	~1370	622	
по{о}кланѣ<ниє>		~1210	103	

Пропуски целых двух слогов подряд, как видим, присутствуют во все эпохи, но в подавляющем большинстве случаев исправляются авторами.

Как можно заключить из представленного материала, проводить подсчеты всех пропусков вместе нецелесообразно. Некоторые пропуски примерно с равной вероятностью встречаются в любой период (пропуски прикрытых гласных, пропуски двух слогов подряд). Другие – распределены равномерно, но без исправления встречаются только с сер. XII в. (пропуски второй из двух согласных), только в XIII – 1-ой пол. XIV в. (пропуски одиночных согласных), только с начала XIII в. (пропуски первой из двух согласных), только с середины XIII в. (пропуски второй из трех согласных), только с конца XIII в. (пропуски третьей из трех согласных).

§ 2.8. Исправляемые субституции (замены)

2.8.1. Визуально-ассимилятивная субституция (13+19)

Изначальное написание	Замысел	Испр.	Усл. дата	№ грамоты	Триггер
то єє...	то єси ты	RE	~1125	336	L: id.
н...	и цѣлоуѣ тѣ	CANC	~1140	999	R: simil.

ВОДАН	ВОДАН	RE	~1140	879	
БИАН	БИАН	RE	~1150	855	
ОУ НЕСОДНЦЕВЕЕ	ОУ НЕСОДИЦЕВЕЕ	RE	~1150	Ст. Р. 22	
ЪТЛЪ	БЪЛЪ	RE	~1165	724	R: simil.
НОП...	НАПИШИ	CANC	~1180	549	
ТЕРЕ	ТЕБЕ	RE	~1210	705	
НИ МАТДА	НИ МАТЛА	RE	~1250	765	R: simil.
Ъ ТЕРЕНЬТЕА	Ъ ТЕРЕНЬТЕА	CANC	~1370	1098	
РОДННКА	РОДНИКА	RE	~1370	1097	L: id.
ТО В...	ТО БѢ	SEMI	~1425	243	
ТРИЦА ...	ТРИЦА ...	RE	~1430	Ст. Р. 2	
ВРРЪВАРѢ	ВАРЪВАРѢ		~1060	913	R: id.
ДАН	ДАН		~1170	723	L: id.
ВЕРЕЦЬ	ВЕРЕШЬ		~1170	1020	
ДАБРОЖИРА	ДОБРОЖИРА		~1180	228	
БРКОВРСКЪ	БРКОВЬСКЪ		~1185	983	
ВРКШЬ	ВЪКШЬ		~1185	1034	
ГРИВЬНИ	ГРИВЬНИ		~1210	219	R: id.

ВОДОМОЛА	ВОДОМОЛА		~1250	56	R: id.
УОМИЛОСЕДРИ[Є]Ѧ	УОМИЛОСЕДРИ[С]Ѧ		~1250	765	
МАКЕЕ	МАКСЕ		~1300	929	R: id.
ДЕСАИКА	ДЕСАТКА		~1300	463	
ЮШЕ	ЮЩЕ		~1320	972	
МИХАНЛА	МИХАИЛА		~1370	1097	
НИ ЧИМЬ	НИ ЧИМЬ		~1375	477	L: id.
КЛАНАДОСА	КЛАНАЮСА		~1375	528	
Д·ЇЮ	Д·ШЮ		~1395	520	
...[К]ИНЕ	...[К]ИНЕ		~1400	250	R: id.
СНЬТ	СНЬК		~1430	1122	
ВАШЬ ⁸⁶	ВАШЬК		~1435	307	

Пример *Тараснинимъ* вм. *Тарасинимъ* 519/520 из подсчетов должен быть исключен, поскольку в свете находки *и к неси|фу · и к нюрню* 1079 стала ясна возможность чисто фонетического перехода [j] > [н'] после согласных [ВЯ 2017: 13 – 14].

Особо стоят грамоты № 463 и № 528. В первой, согласно А. А. Зализняку, представлена «редкая особенность: *a* (после согласной) → *Ѧ/a* (5/3)» [Зализняк 2004: 529], трактуемая, таким образом, как уникальный «графический эффект» [там же: 22]). Во второй смешение *a* и *Ѧ* является частью более общей тенденции к неразличению твердых и мягких согласных (помимо *продале*,

⁸⁶ В грамоте нет других примеров смешения *ѧ* и *Ѧ* [Зализняк 2004: 678].

продава, кланаоса также *Олоскадру, Стопанѧ*⁸⁷, возможно, также *сиры*, ср., однако, [там же: 304]) и, видимо, поэтому среди графических эффектов эта особенность не перечислена. Судя по всему, грамота № 463 демонстрирует, что отдельные писцы берестяных грамот обучались грамоте в столь сжатые сроки, что не вполне усваивали различительные черты в отдельных парах визуально схожих графем. Еще более яркий пример тому – не включенная в наш материал грамота № 1196, где буквы *и* и *н*, согласно предварительной публикации, «отчасти утрачивают и взаимное визуальное противопоставление» [ВЯ 2025: 25].

Трудно рассматривать в общем ряду исправление *дубравьнѧ* > *дубровьнѧ* 526: оно может отражать древнее фонетическое варьирование в корне [ЭССЯ 5: 93 – 94; НКРЯ].

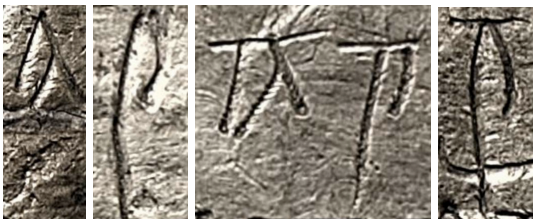
Вопрос о том, какие буквы считать достаточно похожими для того, чтобы их смешение попадало в настоящую рубрику, разумеется, не может быть решен достаточно объективно. Ясно, что в абсолютном большинстве почерков общие конструктивные элементы имеют пары букв *и* и *н*, *ш* и *щ*, *с* и *ѣ*, *ѧ* и *ѧ*, *в* и *ѡ*, *ѣ* и *ѡ*, *ѧ* и *ѧ*, *ѡ* и *ѡ*. Взаимные мены этих букв и составляют бóльшую часть примеров в вышеприведенной таблице.

Что касается букв *р* и *ѡ*, *р* и *ѡ*, *р* и *ѧ*, *ѡ* и *ѧ*, *т* и *и*, то здесь внешнее сходство куда менее очевидно. Тем не менее, пример *вркъшъ* 1034 из «блока Якима» [НГБ XII: 5, 17], писца, совершавшего все мыслимые геометрические преобразования над несимметричными буквами (прежде всего, отражения от горизонтальной и вертикальной осей, см. особенно № 977), позволяет и пару графем *р* ~ *ѡ* считать похожими, пусть для современного грамотного человека это и кажется почти невозможным.

Уникальна субституция *ѧ* через *р* в *Врръваръ* 913. Можно было бы назвать ее предвосхищением, но во всех остальных случаях предвосхищаемая гласная меняет гласную, а согласная – согласную. Можно назвать это соединением двух

⁸⁷ См. подробнее § 2.9.2.

ошибок в одном месте (дигитографии согласной и пропуска гласной), но именно для XI в., когда, как мы видели, всех типов ошибок значительно меньше, чем в последующие века, это стечение редких событий было бы особенно маловероятно. Наконец, можно выделить особый класс ошибки «замена гласной на согласную следующего слога», но это было бы равносильно предположению «эпратологического гапакса». Однако причиной практически всех замен, не являющихся реитерациями и антиципациями, является именно смешение похожих букв. В этом почерке *p* иногда, как и *a*, имеет засечку сверху и, иногда, схожую форму раскрытой петли:

Замена *a* на *o* в *напиши* 549 (конечно, не свидетельствующая об аканье, т. к. вряд ли бы свое живое произношение автор стал бы исправлять, ср. немногочисленные исключения в § 2.2), возможно, как-то спровоцирована предыдущим *ноу*, однако трактовать это написание как банальную дигитографию слога не получается: после второго *но* было написано *n*, а не *y*. Между тем петли от *a* и *o* в почерке, хоть и не тождественны, но похожи:

Другой пример, написание, наоборот *a* вм. *o* в *оу Даброжира* 228 также не может свидетельствовать об аканье. Здесь *o* и петля от *a* практически идентичны, и замена должна быть поставлена в ряд визуальных:

Исправление **в** из **р** в *оу тебе* 705 также необъяснимо, если не прибегать к предположению о визуальном сходстве этих графем для писца, хотя ничего общего, кроме наличия вертикали (разной длины) и петли (разной формы), у них нет. Тем не менее, наши представления о том, какие пары букв способны смешиваться по визуальному сходству, не обязаны совпадать с реальностью, зафиксированной древними текстами. Выше (§ 2.7.1) мы отмечали, что три из пяти неисправленных пропусков одиночных согласных приходятся на несомненно визуально схожие буквы (**а**~**л**, **б**~**ь**, **н**~**и**). Два других пропуска – **т** перед **и** в *пода*<*т*>*и* и *нога*<*т*>*и*. Вероятно, именно неочевидной для нас схожестью для писцов не столько визуальных обликов букв, сколько доведенных до автоматизма движений руки при их написании объясняется и замена **т** на **и** в *деслика* 463.

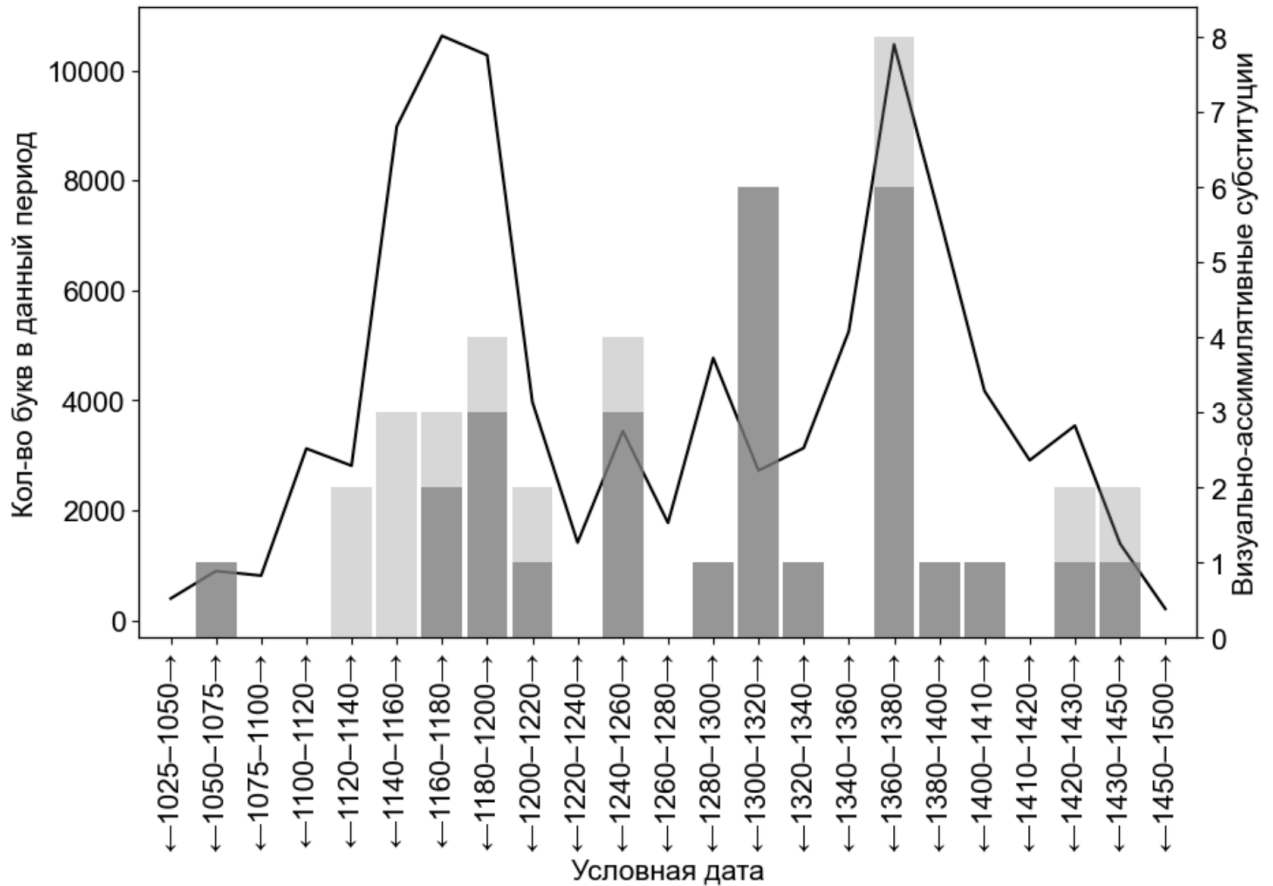
Вряд ли последнее – простая случайность, связанная с высокой частотностью самих этих букв. Еще бóльшую частотность в таком случае должны были бы иметь пропуски *р*, *т* или *н* перед *о* или их взаимные мены, ср. автоматический подсчет частотности графем в корпусе берестяных грамот:

'*о* не в составе *оу*': 10128, '*и*': 8044, '*а*': 7751, '*е*': 6162, '*н*': 5657, '*т*': 4758, '*р*': 4533, '*с*': 4421, '*в*': 4306, '*л*': 4013, '*к*': 3662, '*м*': 3153, '*б*': 3149, '*д*': 3046, '*ъ*': 2996, '*у* не в составе *оу*': 1538, '*п*': 2723, '*ж*': 1909, '*з*': 1825, '*тв*': 1774, '*б*': 1772, '*оу*': 1453, '*з*': 1342, '*жс*': 1106, '*ц*': 1043, '*ш*': 806, '*ю*': 803, '*х*': 741, '*ы* и *ы*': 826, '*в*': 496, '*ж*': 473, '*ч*': 449, '□': 420, '*и* с любым количеством точек': 400, '*ф*': 204, '*о*': 178, '*в*': 178, '*ш*': 118, '*ж*': 126, '□': 135, '*о*': 114, '*а*': 85, '*з*, *с* и *з*': 65, '*е*': 26, '*у* перечеркнутое': 7, '*з*': 5, '*ш*': 4, '*ж*': 3, '*ч*': 2.

Однако никаких смещений *о* и *т*, *о* и *р*, *о* и *н*, *о* и *в* и т. д. и пропусков этих согласных перед *о* не наблюдается. Следовательно, необходимо предполагать особую связь именно пары *и* и *т*.

Визуально-ассимилятивную субституцию можно назвать устойчивой опиской лишь применительно к грамоте № 765.

Хронологическое распределение этой описки имеет несколько повышенную частотность в начале XIV в.

Если же включить в подсчеты 5 примеров грамоты № 463 и 3 примера грамоты № 528, график начнет демонстрировать мнимое увеличение частотности этой описки со временем. В действительности при сглаживании графика (перераспределении материала anomalно высоких столбцов в соседние anomalно низкие) значительного изменения частотности ошибки со временем наблюдаться не будет. По-видимому, пока слишком мало материала, чтобы делать уверенные статистические выводы о неравномерности хронологического распределения этой описки.

2.8.2 Предвосхищения гласных

2.8.2.1. Предвосхищение ближайшей гласной (15+32)

Из ассимиляций гласных последующим гласным А. А. Зализняк упоминает только соответствующие замены *ь* на *ѣ* в *въхъ* > *въхѣ* и наоборот [Зализняк 2004: 54 – 55], причисляя сюда также *възьмѣ* из *възьмѣ* 246. Как следует из перечисления в том же ряду *възалѣ* 915, для А. А. Зализняка суть этой ассимиляции состояла в уподоблении редуцированного любому последующему гласному по признаку ряда. Между тем, цитируемый [там же] А. А. Шахматов [1915: 66] ссылается на статью А. И. Соболевского [1893], где это явление ограничивается только уподоблением одного редуцированного другому. Годом спустя, однако, А. И. Соболевский выступил с новой статьей «Из истории русского языка» [Соболевский 1894/2006: 188 – 190], в которой поставил это явление в более широкий контекст ассимиляций любых гласных последующим. Наиболее бесспорные примеры этого явления, закрепившиеся в современном русском литературном языке, ограничены четырьмя исконными лексемами: *теперь*, *ребенок*, *сидиши* (также *сидить*, откуда *сидѣть*), *дитина* (откуда *дитя*). Нетрудно видеть, что все эти субституции совершаются в предударном слоге (как, кстати, и в укр. *багат*, *гаряч*, *гаразд*, *мизиний*, приводимых Соболевским), ср. в «Лекциях» о том же явлении: «по-видимому, всегда более слабый [первый – Д. К.] гласный бывает без ударения» [Соболевский 1907/ 2004: 91]. Впрочем, примеры *тонкий* (<**тън-ѣк*-), *медл* (<**мѣд-ѣл*-) [там же] и рус. диал. *откѣль* [Соболевский 1894/2006: 189] демонстрирует возможность аналогичного развития и под ударением, будь то «автономным» или «автоматическим» [ДРУ: 346, 429, 438], однако, судя по всему, материал этого изменения в заимствованиях также убеждает в том, что чаще это фонетическое изменение должно происходить в предударных слогах: *татратѣ*, *Гарасимѣ*, *Ганадеи*, *Маланѣ* [Соболевский 1907/ 2004: 92], но *Савастьян*. В упомянутых трудах А. И. Соболевского можно найти и другие подобные примеры из памятников.

Если бы этот фонетический механизм действовал в древненовгородском диалекте на более широкий круг лексем, это должно было бы проявиться в повышенной частотности уподоблений гласного последующему гласному в предударной позиции в неисправленных написаниях. Если рассмотреть примеры с условной датой до середины XIII в., слабый «сигнал» этого фонетического механизма как будто пробивается через «шум» простых описок: из 18 примеров ассимиляций гласных последующему 8 находятся как раз в предударной позиции (место ударения обозначаем в колонке «Замысел»):

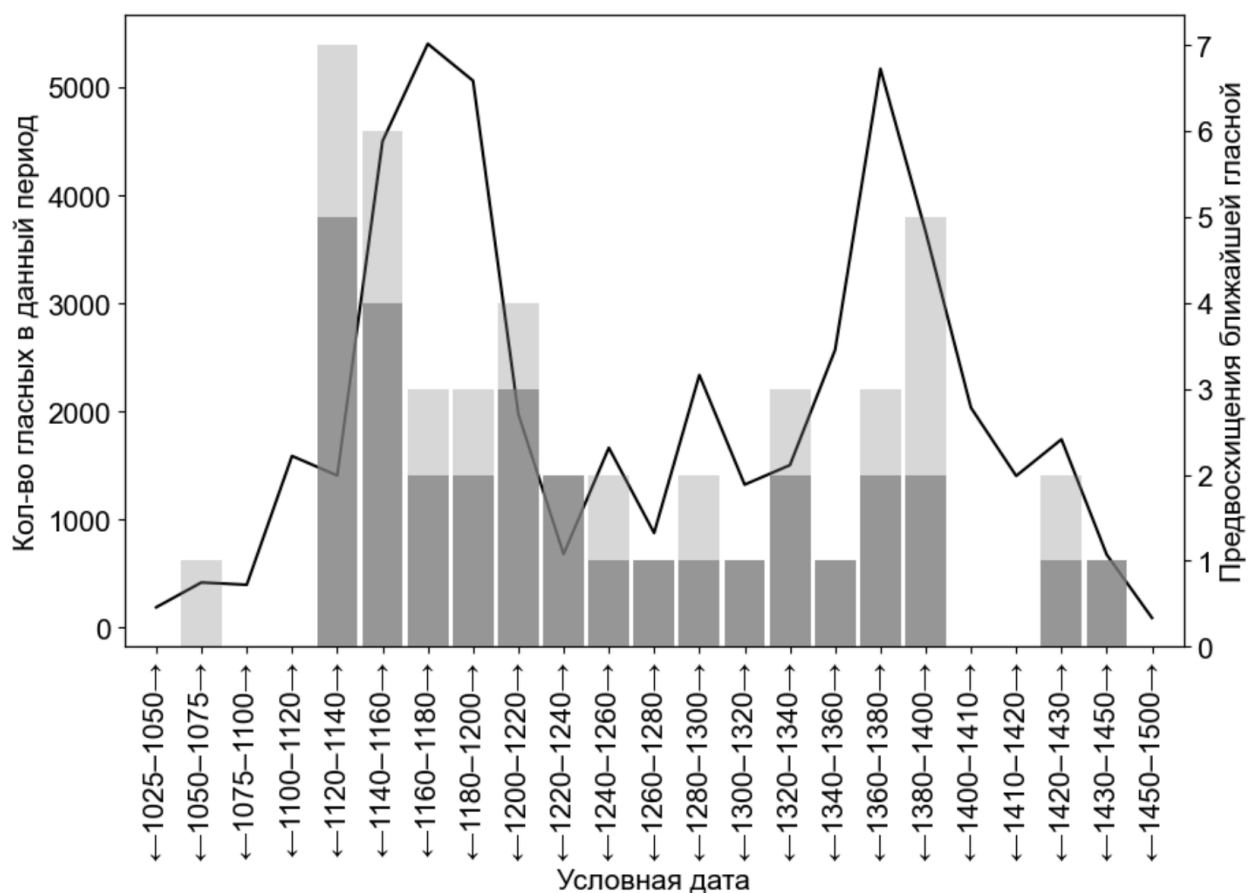
Изначальное написание	Замысел	Исправление	Условная дата	№ грамоты
ити	дті́	RE	~1050	527
8 микеле	8 микѣ́ле	RE	~1125	Ст. Р. 5
а цого ти	а це́го ти	RE	~1140	839
гривьне везу	гривьнѣ́ везу	RE	~1145	Ст. Р. 6
а сами ти	а са́мь ти	CANC	~1150	1012
гюриги	гюрь́ги	RE	~1180	508
ширина	шю́рина	RE	~1190	82
вехе	во́хе	RE	~1200	437
ни придала	не́ придала́	RE	~1250	765
коуна на	коу́н ^ы на	RE	~1330	389
оув ыванава	оув ыва́нова	RE	~1375	539

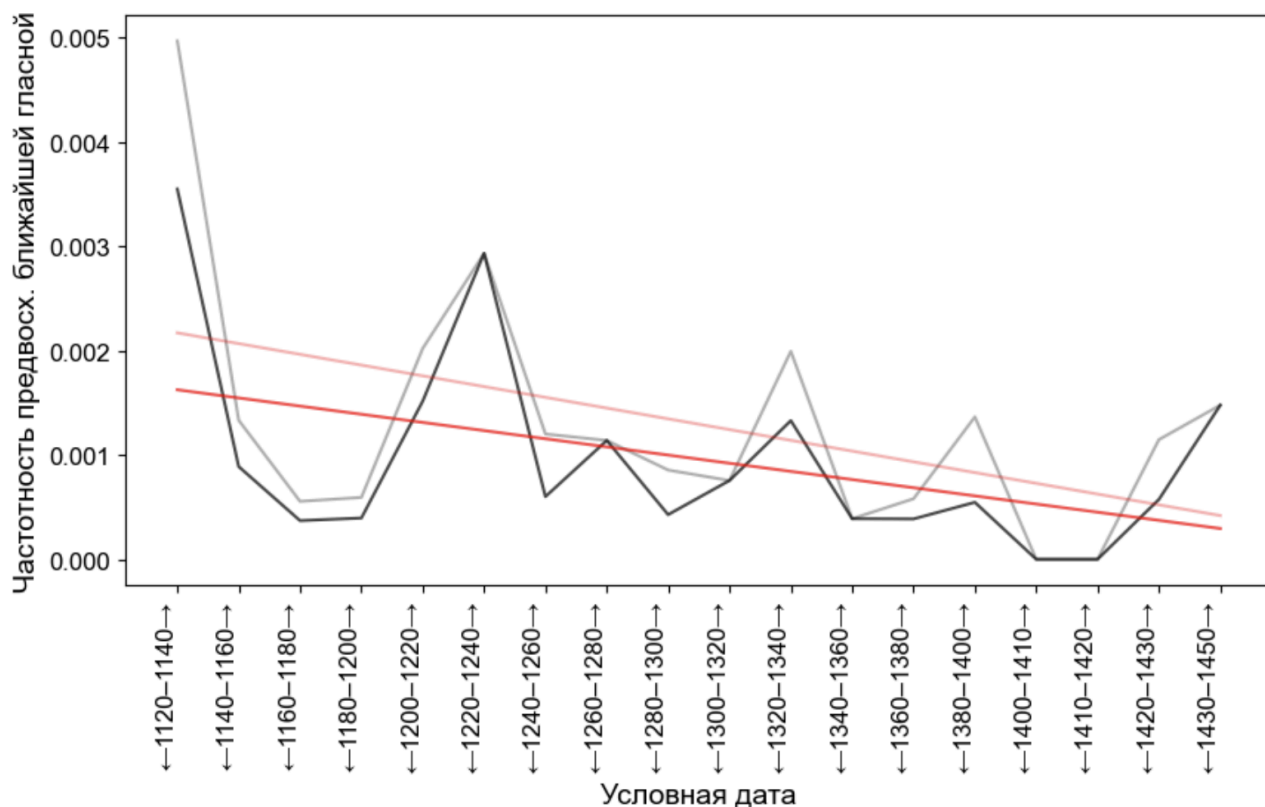
а на лѣ...	а на лѹнѣнѣ	CANC	~1385	314
ажу бѹдешь	ажѣ вѹдешь	RE	~1390	363
рукопасаниѣ	рукописѣниѣ	RE	~1395	1077
короб оцка ікра да торпица	короб оцка ікри да торпица	CANC + INTER	~1425	1148
соуноу	сѹноу		~1130	421
паки ли	пакы лі		~1130	421
прадан	прѣдан		~1130	900
роубоу	рѣбоу		~1135	831
[ч]истило	[ч]ѣстіло		~1135	831
равѣтѣ	рѣвѣтѣ		~1140	743
вѣсъ	вѣсъ		~1150	503
ногоутоу	ногѣтоу		~1150	630
отѣгѣци...	отѣгѣци...		~1150	839
дѣвѣте	дѣвѣте		~1180	228
вѣделѣ	вѣдѣлѣ		~1180	1031
ѿ папа	ѿ попѣ		~1185	87
ваноукоу	ванѣкоу		~1185	87

грицьнѣ	грицѣ́нѣ		~1200	546
на доубоу	на довоу́		~1210	219
възи митѣ	възѣ́ мѣтъ		~1210	219
соно	сѣ́но		~1210	705
не сережере	на сереже́ре		~1220	1088
меке	моке́<и>		~1220	1088
резонѣ	ре́зано		~1260	215
у хоцу у сына	у хѣ́ца у сына		~1275	348
вавоцо	ва́вицо		~1290	596
срамѣтѣ	сра́мотѣ		~1300	916
маруку	ма́ръку		~1320	501
с племенѣмѣ	с племе́неѣмѣ		~1330	417
лосѣсѣ	лосѣ́сѣ		~1355	92
миѣсимѣ	маѣ́имѣ		~1375	370
моѣмо<у> ко	моѣму́ ко		~1375	133
ѡтѣцѣ	ѡтѣ́цѣ		~1390	339/341
кромиски	кромески		~1395	519/520
ѡпо[д]ене	ѡпо[д]ѣ́не		~1425	1155
цоломи вию	цоло́мѣ вию́		~1435	301

Однако, как показывают статистические расчеты (которые мы опускаем, поскольку они полностью аналогичны проведенным в § 2.4.7), все это – не более чем случайность. Предударных гласных, как мы показали, должно быть около трети от общего числа. Вероятность, с которой наблюдаемые для раннего периода данные могли получиться случайно, равна $\sim 20,7\%$, что значительно выше стандартного порога статистической значимости. Таким образом, все примеры предвосхищений гласных в берестяных грамотах не должны получать фонетического истолкования, как это и можно было бы предполагать, учитывая количество неисправленных ошибок этого рода.

Вновь обратим внимание на полное отсутствие неисправленных предвосхищений в ранний период, в который, как нам представляется (§ 2.5.4), основная масса пишущих длительно обучалась каллиграфическому письму в скрипториях. Если исключить рубрики до 1120-х гг. («каллиграфический» период) и после 1450-х (от которого почти не дошло берестяных грамот), станет вполне ощутимым уменьшение числа предвосхищений со временем:

С чем связано это снижение частотности, сказать трудно.

Написание *ь* вместо *и* в *Грицьнъ* 546 [Зализняк 2004: 408] нельзя объяснить ни внешней схожестью букв *ь* и *и* (§ 2.8.1), ни соседним контекстом (§ 2.8.2 – 2.8.3). Можно было бы предполагать единственный в корпусе берестяных грамот случай перестановки гласных соседних слогов (ср. *Зивадъ* в м. *Завидъ* в граффито Софии Константинопольской [Артамонов, Гиппиус 2025: 39-40]). В последнем примере эта инверсия затрагивает исконно славянское имя *и*, конечно, не может получать фонетическую интерпретацию. Для *Грицьнъ*, вероятно, тоже не следует искать специального лингвистического объяснения: Д. В. Сичинава, показав, что последняя буква – *ь*, а не *ъ*, убедительно предположил, что это стандартное предвосхищение гласной [Сичинава 2023: 546].

Сюда же можно было бы отнести *кланаоса* 528, однако автор грамоты регулярно демонстрирует нарушение корреляции по твердости-мягкости *и* – более конкретно – взаимные мены *а* и *ѧ* (см. § 2.9.3).

О форме *по* *:i:* *розоно* 215 см. ниже. Ее есть основания включать в настоящую рубрику в качестве особого случая – двойного предвосхищения ближайшей гласной.

2.8.2.2. **Предвосхищение второй гласной справа (0+2?)

Изначальное написание	Замысел	Исправление	Условная дата	№ грамоты
по <i>:i:</i> <i>розоно</i>	по <i>:i:</i> <i>резано</i>		1255	215
воликомо	великомо		1360	2

Оба примера предвосхищения второй гласной справа ненадежны. Альтернативное объяснение первому из них в том, что в слоге *ро* реитеруется гласная предлога *по* – по-видимому, ударного [ДРУ: 20, 679 – 680] начального гласного предшествующего фонетического слова (впрочем, эта альтернатива также не подкреплена никакими другими примерами). Другая альтернативная трактовка подразумевает, что второе *о* (бесспорно возникшее как предвосхищение конечного), в свою очередь, вызывает первое предвосхищение, и в примере соединены два последовательных предвосхищения ближайшей гласной (ср. ниже § 2.8.3, где мы трактуем пример *руку<ни>сануеа* 307 как реитерацию второй гласной слева, а не третьей и не четвертой). В любом случае, этот пример следует отделить от всех прочих.

Второй пример, *воликомо* 2, может быть более простой опiskой – пропуском слога: *во* <ве>*ликомо*. Однако в той же грамоте три других локатива последовательно употребляются без предлога [Зализняк 2004: 620; НГБ IX: 124 – 125], что, впрочем, не мешает предполагать здесь синтаксическую вариативность.

Таким образом, надежных предвосхищений второго и более гласного справа в берестяных грамотах не фиксируется, и тем не менее, учесть эти примеры как некоторые ошибки не вполне ясной этиологии необходимо, в связи

с чем в § 3.1 мы со всей условностью относим эти примеры к предвосхищениям второй гласной справа.

2.8.3. Реитерации гласных

2.8.3.1. Реитерация ближайшей гласной (31+22)

Изначальное написание	Замысел	Исправление	Условная дата	№ грамоты
коуноу	коунъ	RE	~1050	526
нѣжатѣкъны	нѣжатѣкины	RE	~1065	Ст. Р. 13
·в(· но)[г]ѣта	·в(· но)[г]ѣтѣ	CANC	~1145	Ст. Р. 16
ожо	оже	RE	~1170	105
въльль	въльли	RE	~1175	672
цереѣ	цереню	RE	~1180	624
євѣѣѣ	євѣѣѣ	RE	~1185	506
-ѣѣѣѣ	-ѣѣѣѣ	CANC+ INTER	~1185	541
...ѣѣ {но}ни...	...ѣѣ снѣ	AD	~1185	977
ствѣѣѣ	ствѣѣѣѣ	RE	~1190	788
посо ѣѣ	посо ѣѣѣ	RE	~1210	705
сѣѣѣ{ли}ѣѣ	сѣѣѣѣѣ	AD	~1220	1088
ѣѣѣ{си}сѣѣ	ѣѣѣѣѣ	AD	~1220	1088

полутура	полутора	RE	~1250	Ст. Р. 52
борославѸ	бориславѸ	RE	~1285	390
а оу пѧѧ	а оу пѧти	RE	~1305	322
мнѣ брѣне	мнѣ брѣне	RE	~1310	750
на жѣле зехе	на жѣле зехо	RE	~1310	750
не плата	не пѧѧ	RE	~1355	99
харатону	харѣтону	RE	~1370	366
шлю трѣтьюю	шлю третьюю	RE	~1370	1098
сѣдѣт[и]	сѣдит[и]	CANC	~1375	477
ни чими	ни чимѣ	RE	~1375	477
берковско	берковске	RE	~1380	701
росокладенею	росокладеную	CANC	~1395	698/699
шижнѧнѧ	шижнѧнѣ	RE	~1395	361
позѧбѧ	позѧбѧ	RE	~1395	361
николо	николѣ	RE	~1395	519/520
оуго моно	оуго монѣ	AD	~1415	931
грамото	грамота	RE	~1430	302
ѿ потрове	ѿ петрове	RE	~1450	962
бого	бога		~1130	881

нѣны	нѣнь		~1140	1002
тоудорове блѣз[о] ке	тоудорове близ[о] ке		~1140	632
цѣтьри	цѣтьри		~1150	630
то ти товозо	то ти повозо		~1150	1006
арамирѣ	аромирѣ		~1180	548
[ж г]ородошо	[ж г]ородоше		~1200	194
арѣшѣвиц	арѣшьвица		~1210	219
коснѣти{ти}ни	коснатине		~1220	1088
коснѣти{ти}ни	коснатине		~1220	1088
грѣно по насилѣвъ	грѣно на насилѣвъ		~1285	761
по ·й· куну	по ·й· кунѣ		~1285	775
(по)мози рибѣ	(по)мози рабѣ		~1295	329
лукерии кѣ макти	лукерии къ макти		~1350	1102
на стефана	на стефанѣ		~1355	92
мра вгици	мра вгицѣ		~1360	273
ко горигори жи	ко горигори же		~1360	497
авиници	авиница		~1375	278
·ѣ: кунци	·ѣ: кунциѣ		~1375	278

(ру)куписание	(ру)кописание		~1435	307
рукусан" {уе} ѡ	рукописаниѡ		~1435	307
подоваалъ	подавалъ		~1450	962

Вопреки [Зализняк 2004: 613], в *Харѣтону* 366 в ѣ переправлен из *а*, а не из *о*.

За исключением В. В. Колесова [2008: 256], который считал достойным фонетического внимания «любые ошибки, произведенными в границах слога», никто не высказывал идею о том, что этот тип ошибки чем-нибудь показателен. Большая часть реитераций гласных исправляется писцами, несмотря на то, что у отдельных писцов такая описка встретилась более одного раза: таковы грамоты №№ 278, 307, 361, 477, 750, 962, 1088.

В последнем случае перед нами автор единственной берестяной грамоты, который, по предположению издателей, «страдал некоторым видом дисграфии» [ВЯ 2017: 20]: он, допустив эту ошибку четыре раза, дважды, видимо, попробовал ее исправить, не зачеркивая лишние буквы, что привело к еще более монструозным написаниям *Съди{ли}ла*, *Бори{си}се*. Еще один автор пока неизданной и не включенной в наш материал грамоты № 1242⁸⁸ проявил, по-видимому, такую же особенность, сделав пять ошибок этого рода в коротком тексте:

*ѡтъ Немира къ Павелу. по|сьле⁸⁹ ѡбетенѣкъ въ <бѣ>рѣ|зѣ. не меѣе же са
осло[у]|шѣтѣ*

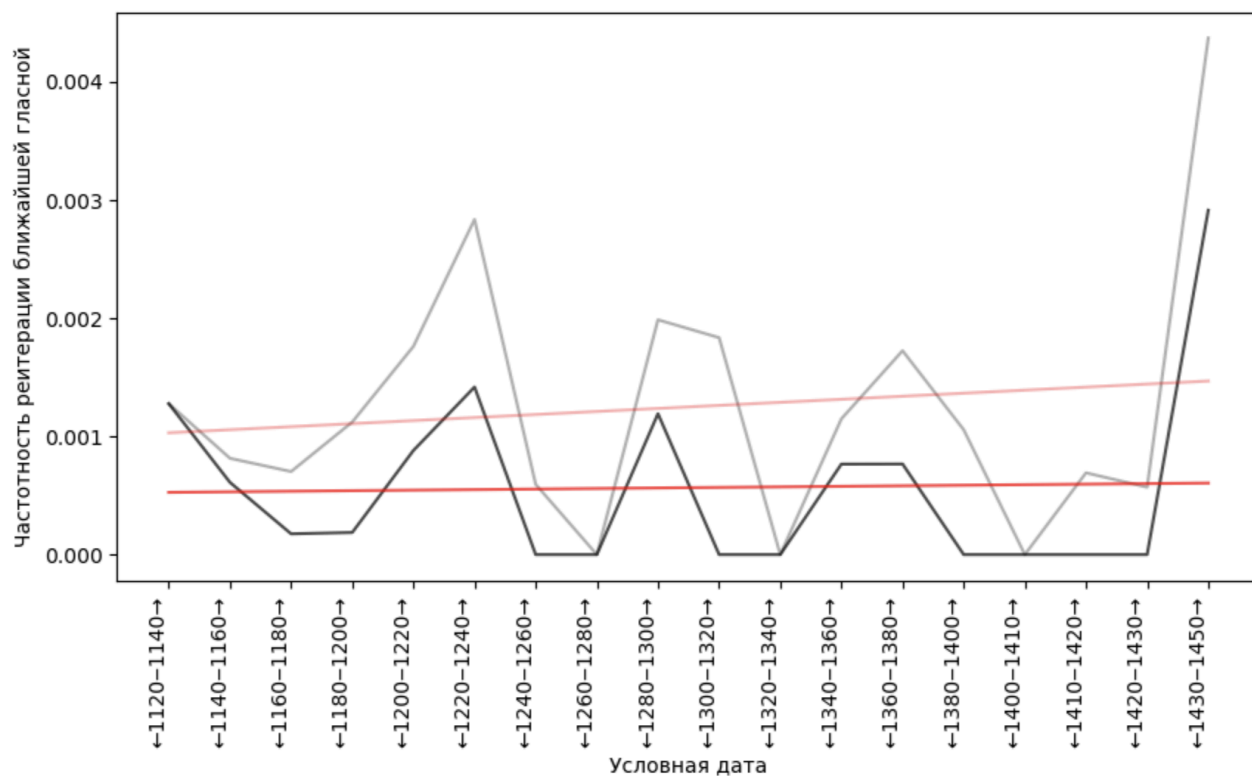
‘От Немира к Павлу. Пошли пристава. Не смей послушаться’.

В отличие от автора грамоты № 1088, этот автор ни разу не попытался исправить свою ошибку. Вряд ли возможно оценивать и этого автора иначе как дисграфика.

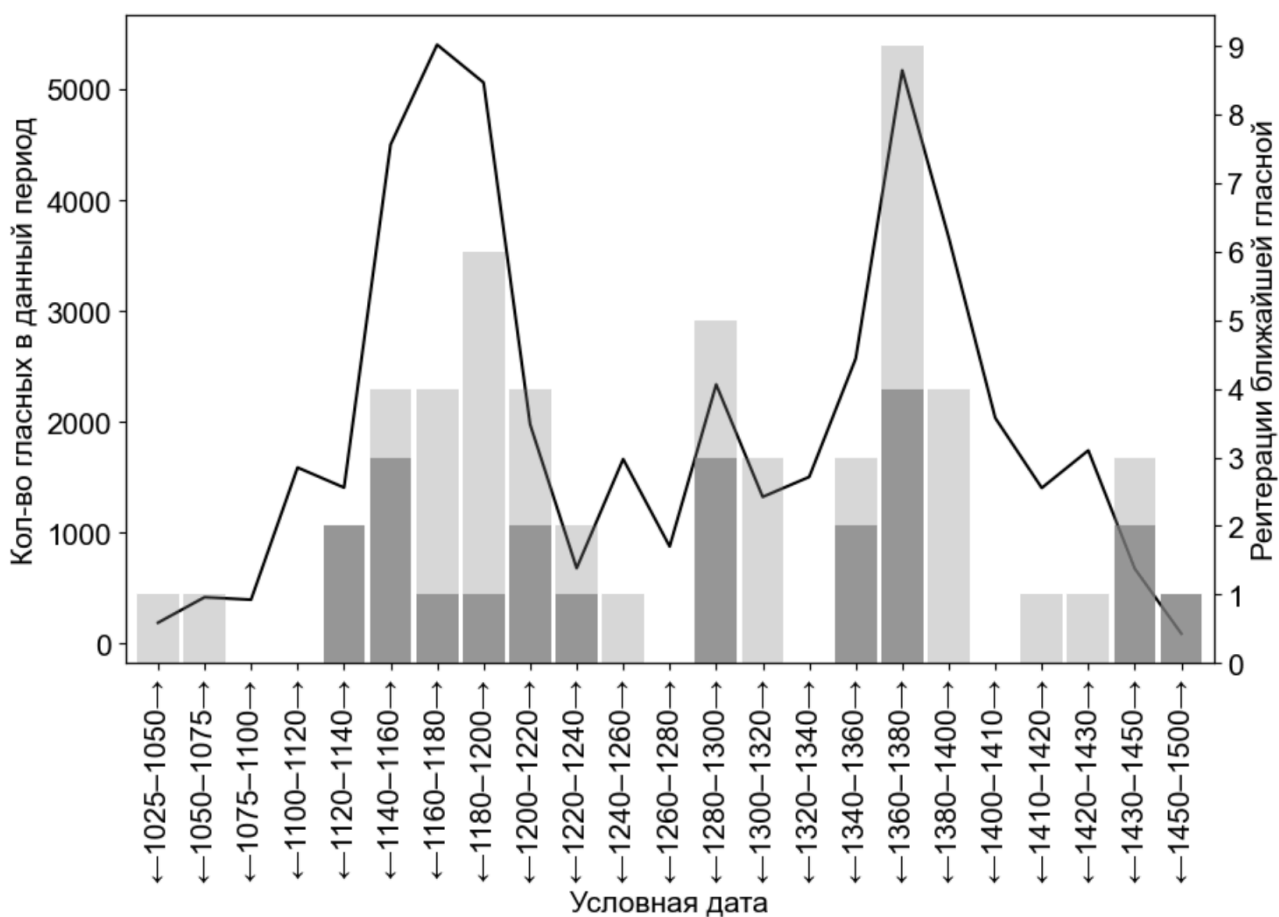
⁸⁸ Сообщено А. А. Гиппиусом.

⁸⁹ Здесь предполагать ошибку (вм. *посъли*) необязательно, см. *не с[ѣ]ль* Ст. Р. 6, *крѣнь* 1110 [ВЯ 2023: 60], .

Хронологическое распределение вокалических реитераций (если исключить «каллиграфический» период и 2-ую пол. XV в.) демонстрирует отсутствие какой-либо связи частотности этой ошибки с временным интервалом:

В то же время, важно отметить, что эта ошибка так же редко фиксируется в «каллиграфический» период (XI – нач. XII в.), как и все прочие (есть только два ее примера, и те исправлены):

2.8.3.2. Реитерация второй гласной слева (2+2)

Изначальное написание	Замысел	Исправление	Условная дата	№ грамоты
рукусан{ѹѣ}ѡ	рукописаниѡ	SUPER	1435	307
оу съ:да:на :ѣ: кѣѡ	оу съ:да:на :ѣ: кѣѡ	RE	1130	Ст. Р. 36
ѡ ѡѡѡ	ѡ ѡѡѡ		1320	501
рукопѣсаниѡ	рукопѣсаниѡ		1435	307

В отличие от предвосхищения второй гласной справа, реальность психологического механизма реитерации второй гласной слева фиксируется почти абсолютно надежно. Можно было трактовать пример *ѡ ѡѡѡ* 501 как реитерацию ближайшего гласного звука, а не второй слева гласной буквы, но

введение фонетического, а не графического принципа в классификацию чрезвычайно бы ее усложнило: примеры типа *на Стефана* вм. *на Стефанъ* пришлось бы трактовать не как одну ошибку (реитерацию ближайшей гласной), а как две (реитерацию гласной и ошибку в обозначении мягкости согласной). Практически все существующие примеры гораздо проще разделять на группы именно по буквенному принципу.

Можно было бы называть пример *рукопѣсаниа* 307 вообще не опиской, а проявлением второго южнославянского влияния, но оно, за исключением нескольких рукописей Лисицкого монастыря, было чуждо даже новгородской книжности вплоть до конца 1420-х гг. [Турилов 2022: 190 – 191], и крайне маловероятно, чтобы эта особенность успела отразиться в неумело написанной крестьянской челобитной (адресованной вдове и несовершеннолетним детям умершего между 1421 и 1423 г. [Янин 1981: 20] боярина Михаила Юрьевича).

Пример из старорусской грамоты трудно трактовать как грамматическую ошибку: ошибки во флексиях, которые не попадали бы в одну из рубрик настоящей классификации, в берестяных грамотах если и присутствуют, то всегда исправляются авторами.

Наконец, третье (!) *у* в форме *руку<ни>сан"{}ye}A* 307 можно было бы назвать повтором третьей или даже четвертой гласной слева (поскольку в идеальной записи словоформы единственное этимологическое *у* стоит в четвертом слева слоге от буквы *н*), но, судя по всему, «отсчет» слогов для классификации описок надо вести не от ближайшей «правильной» буквы, а от ближайшей написанной – в противном случае оказалось бы, что реитерация четвертой гласной слева совершается чаще, чем реитерация третьей. Подобное техническое решение было бы контринтуитивно.

2.8.4. Подстановка гласной обоих соседних слогов (5+9)

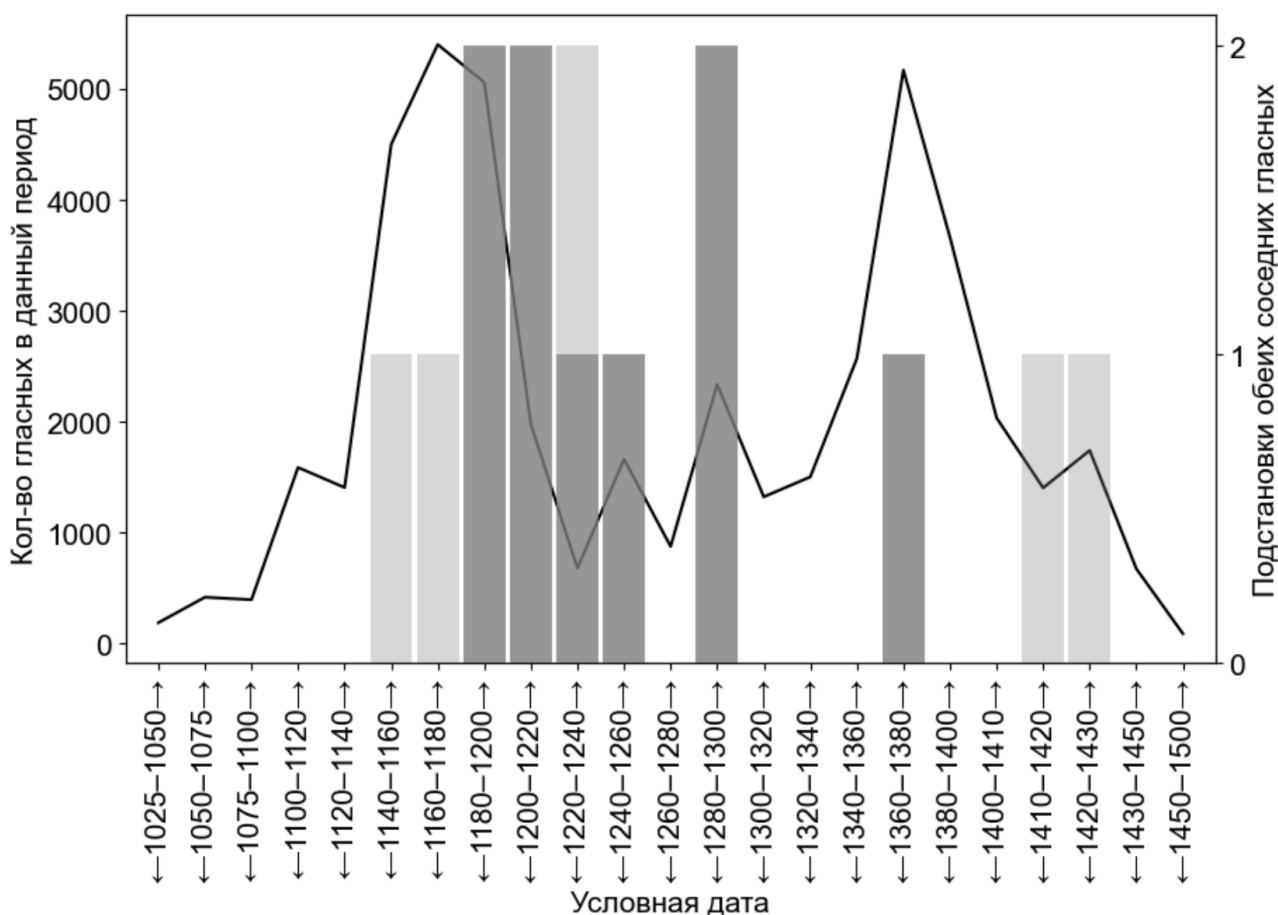
Изначальное написание	Замысел	Исправление	Условная дата	№ грамоты
а то то дова	а то ти дова	RE	~1160	812
о жо то	о же то	RE	~1170	105
избиви	избави	RE	~1225	715
иван{ав}ова	иванова	AD	~1420	932
пара (бка)	паро (бка)	RE	~1430	402
за та а ны нь	за та а ны нь		~1180	231
мацаха	мацеха		~1200	1091
одоное	одиное		~1210	222
роудавещене	роудавещине		~1210	713
д.едере	д.едоре		~1220	1088
гривини	гривъни		~1250	966
на баране	на боране		~1285	761
кандратоу ⁹⁰	канѣдратоу		~1285	1073
ни лидиѣ	ни л(ю/о)диѣ		~1375	131

Эти примеры представляют собой не что иное, как «пересечение» реитерации и антиципации гласной. Трудно сказать, насколько мало в берестяных грамотах позиций для этой ошибки, но ясно, что на порядок

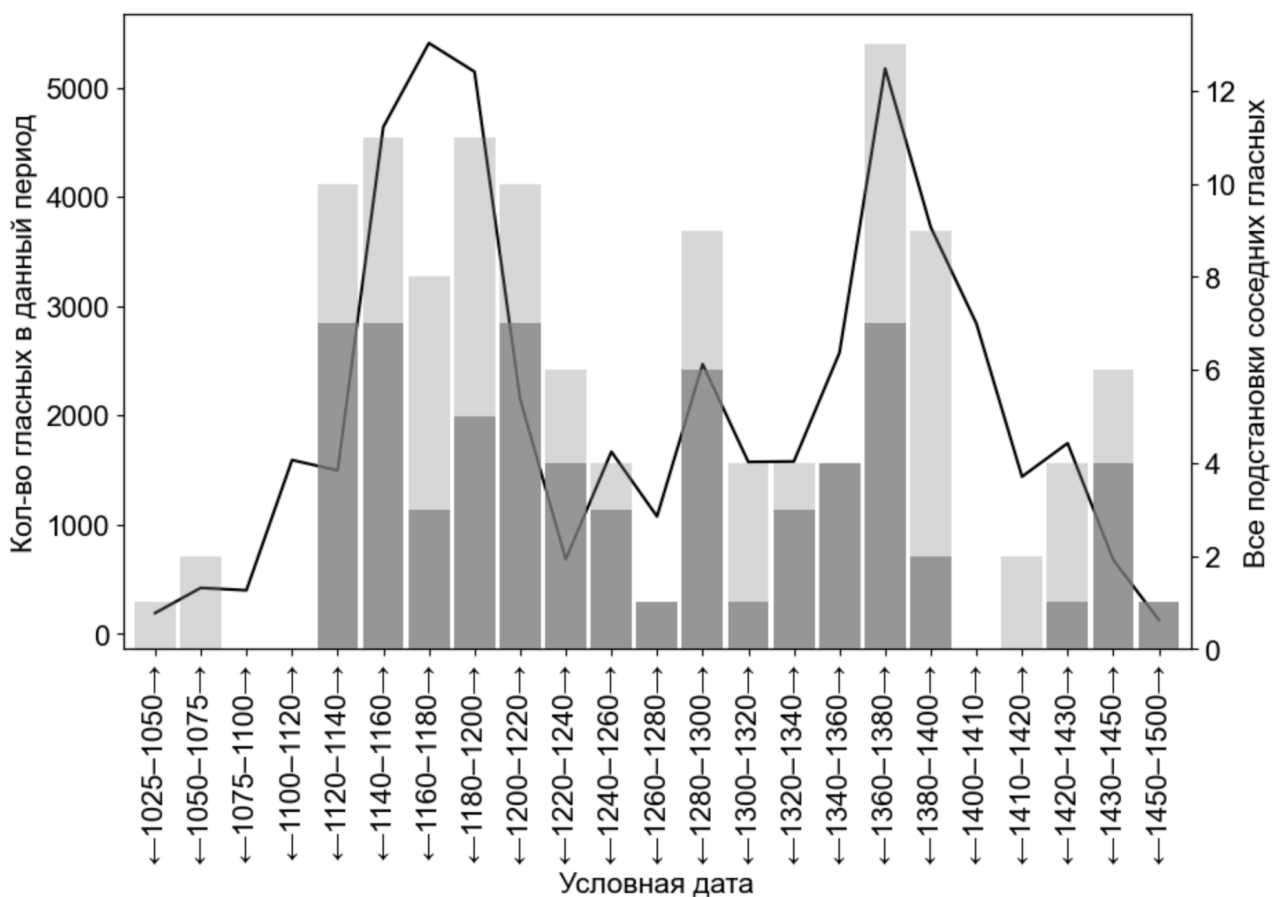
⁹⁰ Первое а мы трактуем как фонетическое преобразование в заимствованном имени.

меньше, чем для реитерации и антиципации по отдельности. Судя по всему, в таких позициях функции вероятности обнаружить подстановку гласной слева и гласной справа суммируются.

График хронологического распределения этой описки малоинформативен:

Более показателен график, суммирующий все подстановки гласных из двух соседних слогов (реитерации и предвосхищения). Он вновь демонстрирует факт, который трудно назвать случайностью: материал грамот древнейшего периода вообще не содержит неисправленных описок этого рода, тогда как в последующие периоды колеблется примерно в соответствии с количеством материала за данный период.

2.8.5. Предвосхищения согласных

Предвосхищение ближайшей согласной (3+1)

Изначальное написание	Замысел	Исправление	Условная дата	№ грамоты
соцксоса	соцклосо	RE	1260	211
дроръ	дворъ	INTER	1395	519/520
св...	слова	CANC	1395	757
милосвави	милослави		1130	966

Вторая буква имени *С-епане* 831, прочитанная А. А. Зализняком как предвосхищенная *п*, имеет значительно большую ширину и значительно меньшую высоту, чем все прочие *п* в грамоте Кузьмы. Следует видеть в этой

букве ожидаемое *т* с большими засечками, чья вертикаль была слабо прочерчена из-за трудности письма по внешней стороне бересты. Таким образом, ошибки это место не содержит.

Исправленные примеры предвосхищений согласных можно было бы интерпретировать как исправления пропусков вида <CV> после согласной. Однако эти <CV> во всех трех приведенных примерах не являются ни фонетическими, ни графическими слогами, слогораздел явно проходит левее. Вполне надежных примеров неисправленных пропусков таких <CV> в берестяных грамотах нет.

Контекстных субституций согласных, как видим, в разы меньше субституций гласных. Построение графика на таком материале бессмысленно.

Предвосхищение начальной согласной второго слога справа (1+1)

Изначальное написание	Замысел	Исправление	Условная дата	№ грамоты
туопити то	куопити то	RE	1190	943
росле рѣ[ц]и	после рѣ[ц]и		1300	929

Оба примера предвосхищения согласной второго слога справа можно интерпретировать и как предвосхищения начальной согласной следующего слова. Примеров столь мало, что трудно и выбирать между двумя этими трактовками, и тем более говорить о каком-то распределении этой описки во времени.

2.8.6. Реитерация согласной

Реитерация согласной ближайшего слога (1+3)

Изначальное написание	Замысел	Исправление	Условная дата	№ грамоты

своѡ...	своѡму	CANC	1390	Ст. Р. 40
тоушоуѡвѡвѡ	тоушоуѡвѡвѡ		1210	219
дѣдми	дѣтми		1395	519
г рубри	г рубли		1425	1171

Небольшое число исправленных примеров этой описки объясняется тем, что в подавляющем большинстве случаев ее исправление ничем не отличимо от исправления значительно более частотной описки – диттографии прикрытого графического слога, в связи с чем все такие исправления мы отнесли именно к этой рубрике (§ 2.5.2). Однако пример *своѡму* Ст. Р. 40 трактовать как повтор слога нельзя, т. к. *во* не является ни фонетическим, ни графическим слогом.

Пример *дѣдми* мы решили отнести к этой рубрике, а не к непозиционным озвончениям согласных, поскольку все остальные непозиционные озвончения относятся к раннедревнерусскому периоду (см. § 2.9.1).

Пример *рубри* 1171 не может быть с уверенностью отнесен к менам плавных. Единственный надежный пример такой мены см. § 2.10.

Реитерация согласной второго слева слога (2+0)

Изначальное написание	Замысел	Исправление	Условная дата	№ грамоты
цѣрнѣцѣ	цѣрнѣхѣ	CANC	1210	718
измолотиво тривѣ	измолотиво кривѣ	RE	1305	196

§ 2.9. Неисправляемые субституции (фонетические ошибки?)

Последние два крупных класса замен – непозиционные взаимные мены согласных по глухости-звонкости и твердости-мягкости. За исключением пяти ненадежных случаев исправления непозиционного оглушения (см. ниже), все примеры этих субституций остались не исправлены. Это действительно позволяет отделять перечисленные в § 2.9.1 и § 2.9.2 классы ошибок в особую категорию «фонетических ошибок». Неясно, какую их часть следует оценивать как «правильные» с точки зрения графической системы писца: если автор в процессе обучения письму не освоил противопоставление букв *л* и *а*, то, согласно А. А. Зализняку, смещения этих букв должны рассматриваться как часть его графической системы. Поэтому в § 3.1 мы будем проводить отдельные подсчеты с учетом «фонетических ошибок» и без них.

2.9.1. Непозиционные озвончения и оглушения согласных

На долгом веку накланяешься и падогу (посоху).

Даль

Наиболее подробно история исследования этого явления изложена в диссертации И. В. Бегунц [2007: 210 – 214]. Л. Л. Васильев [1907: 247], как мы видели (§ 1.4.3), парадоксально называл эти примеры «описками, обязанными своим возникновением фонетике писавшего, но не отражающими ее». Б. А. Ларин [1959: 47 – 48] видел в этих примерах (обнаруженных им в иностранных записях русской речи) отражение финно-угорского субстрата. В. В. Колесов [1963] связал это явление с фонологической перестройкой, произошедшей в результате падения редуцированных. Наконец, Л. Л. Касаткин и Р. Ф. Касаткина (Пауфошима) попытались обосновать существование в севернорусских говорах (или их части) фонологической оппозиции «напряженность-ненапряженность», а не «глухость-звонкость» [Касаткин, Касаткина 1992, Касаткин 1999: 240 – 245] – это объяснение для материала берестяных грамот впервые предложила М. А. Бобрик [2014: 197 – 198].

Ни одно из предложенных объяснений не может объяснить всей совокупности имеющихся фактов письменной истории.

С объяснением В. В. Колесова согласиться трудно ввиду прямого противоречия между прекрасно собранным им материалом древних рукописей и диалектных данных, с одной стороны, и той теорией, которая призвана этот материал объяснить, с другой. Теория В. В. Колесова опирается на то, что «указанное смешение происходит в рукописях с конца XII века и теряется где-то в XVII веке» [Колесов 1963: 104]. Это не так: указанные им же самим примеры из Пандектов Антиоха XI в. [там же] выводятся за скобки и объявляются просто «странными». Кроме того, можно указать (см. ниже) две берестяные грамоты кон. XI в., написанные одним почерком (№ 905 и № 908), где это смешение уже надежно фиксируется. Трудно согласиться и с тем, что это явление «теряется где-то в XVII в.» ввиду приводимых [там же: 104 – 105] многочисленных диалектных записей XIX – XX вв. Лингвистические описания деловой письменности XVII в. (опубликованные, конечно, только спустя почти полстолетия после статьи В.В. Колесова) показывают, что это явление в указанное время не «теряется», а, напротив, расцветает [Галинская 2002: 36-37, 109, 131, 163, 190], [Бегунц 2007: 205 – 209], [Лопухина 2011: 197 – 199].

Еще меньшей объяснительной силой применительно к показаниям берестяных грамот обладает и теория Л. Л. и Р. Ф. Касаткиных. Несмотря на некоторые экспериментально-фонетические данные, подкреплявшие теорию об иной иерархии дифференциальных признаков фонем у отдельных севернорусских информантов [Князев 1991] (ср. вопросы к этой теории в [Князев 2006: 190 – 196]), в свое время мы явно поспешили применить ее к материалу берестяных грамот [Крылов 2023: 147 – 149], и необходимо провести здесь работу над ошибками. Предположим, в самом деле, что, как утверждал Л.Л. Касаткин, в сочетании двух согласных первый получает позиционную напряженность, второй – ненапряженность [Касаткин 1999: 236 – 239], а в прочих случаях напряженный соответствует глухому и ненапряженный – звонкому, и это противопоставление унаследовано севернорусскими диалектами

от праславянского или даже праиндоевропейского. В таком случае в древненовгородских памятниках (в особенности в берестяных грамотах, наиболее свободных от традиционной орфографии) это должно было бы проявиться в громадном количестве форм типа *посдави* 907, где в сочетании согласных первый – «позиционно напряженный», а второй – «позиционно ненапряженный», но одиночные согласные никак не должны были быть затронуты нейтрализацией этого противопоставления. В действительности, большинство приводимых ниже примеров непозиционных мен приходятся именно на одиночные согласные, а в стечениях двух шумных *посдави* 907 – вообще единственный пример, которым можно было бы в чистом виде иллюстрировать теорию Касаткиных. Стандартных же примеров (будь то *ставити* или *избавити*, где соседние шумные не различаются на письме ни по «напряженности-ненапряженности», ни по «глухости-звонкости»), очевидно, и в берестяных грамотах, и тем более в книжных памятниках – тысячи и тысячи, тогда как ожидаемых в соответствии с теорией Касаткиных примеров типа *посдави* практически нет (ср., однако, ниже правку *спродну* на *сбродну* 314).

Таким образом, выбирать приходится между двумя наиболее простыми объяснениями: «субстратным» (кратко изложенным Б. А. Лариным) и «эрратологическим» (выдвинутым еще Л. Л. Васильевым).

Однако нельзя согласиться с тем, что явления эти фиксируются только в северных рукописях: они встречаются и в смоленских памятниках XVII в. [Галинская 2002: 190], и в первом почерке Бычkovско-Синайской Псалтири (кон. XI – нач. XII в.), бесспорно принадлежащем южной зоне раннедревнерусского диалектного континуума [Кривко 2015: 45 – 47]: *обрадѣтѣся* (л. 31) [там же: 32]; единичные примеры этого рода обнаруживаются и в старославянских рукописях: *отъ работы въ своботѣ* (ἀπὸ δουλείας εἰς ἐλευθερίαν) (*Supr.* 235v:15), *нѣготорѣи* (*Supr.* 128r: 11, *г* исправлено на *к!*), *издрѣсѣишю* вм. *истрѣсѣишю* (*PsSin*, Ps. 135:15) [Milténov 2018]. Сошлемся здесь и на наш опыт общения с тремя коллегами-лингвистами, ни в коей мере не обязанными своим происхождением Русскому Северу и тем не

менее замечавшими за собой подобные описки и опечатки, и с учителем московской средней школы, сообщившем нам о таких описках у школьников 5 класса, отнюдь не являющихся носителями говоров с финно-угорским субстратом: *бугет*, *метведя*, *преньчит* ('бренчит'). Уже из этого следует, что любые древние почерки, в которых подобные «непозиционные мены» встретились только один раз, ни в коей мере не демонстрируют этими примерами свою диалектную принадлежность: скорее их следует объяснять банальной ошибкой внутреннего диктанта (например, при проговаривании текста шепотом). Даже три-четыре примера подобных мен на рукопись в несколько сот листов вполне могут быть объяснены устойчивостью этой ошибки у данного писца, отражающей не его диалектную систему, а нейтрализацию глухих и звонких в сильных позициях при проговаривании записываемого текста шепотом.

Впрочем, тот факт, что В. В. Колесов собрал больше примеров в северных рукописях, чем все прочие исследователи — в южных, конечно, нельзя сбрасывать со счетов. Но объясняться он может и тем, что из южного ареала до нас дошло значительно меньше рукописей, и еще меньшее их число полноценно описаны лингвистически. Относительно многочисленные примеры из берестяных грамот (см. ниже) тем более не решают вопроса о сравнительной частотности этих примеров на Севере и на Юге: севернорусские берестяные грамоты (включая псковские) составляют более 97% всего фонда берестяных грамот, и неудивительно, что из 19 описанных ниже примеров все происходят из Новгорода. Вопрос о том, действительно ли на севере Руси эти ошибки частотнее, чем на юге, за отсутствием статистического исследования этого вопроса, трудно признать окончательно решенным. Если бóльшая частотность подобных примеров в северных рукописях подтвердится такими исследованиями, влияние прибалтийско-финского субстрата можно будет считать доказанным.

В почерках, для которых этот род ошибки отмечен единожды, предполагать влияние финно-угорского субстрата незачем. Для четырех

почерков кратких текстов, где это явление фиксируется более одного раза (грамоты № 614, 905+908, 1192 и граффито дьяка Путилы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря), неприменимо уже предположение о простом нагромождении случайных описок. Однако, как мы покажем в § 6.1, и для этих четырех писцов неславянское происхождение ничем не доказано, и допустимо объяснять эти феномены расстройствами фонематического слуха писцов.

2.9.1.1. Непозиционное озвончение согласной (0+5)

Написание	Стандартная запись	Исправление	Условная дата	№ грамоты
тѣшадѣ	тѣшатѣ		~1080	905
посдави	постави		~1080	908
лоугѣ	лоукѣ		~1150	1192
гюрьѡ[к]ѡ	кюрьѡ[к]ѡ		~1150	1192
овѣдогии	овѣдокии		~1150	1192

Необходимо отметить факт, на который пока не обращалось внимания в научной литературе: непозиционные оглушения и озвончения в берестяных грамотах находятся в дополнительном хронологическом распределении. Озвончения встречаются не позднее начала XIII в.

Что касается оглушений, то надежные их примеры встречаются не ранее 2-ой пол. XIII в. Это «дополнительное распределение» отчасти напоминает распределение форм типа *сторов-* и *здоров-* в берестяных грамотах и в двух почерках Синодального списка Новгородской первой летописи [Зализняк 2004: 85], однако, по сути противоположен ему: *сторов-* надежно фиксируется до конца XII в. и в первом почерке летописи (в известиях до 1234 г.), тогда как

здоров- – в грамотах с кон. XIII в. и во втором почерке летописи (в известиях после 1234 г.). Но стоит ли вообще связывать эти факты?

Поскольку материал книжных памятников, собранных В. В. Колесовым (и дополненный впоследствии В. Б. Крысько [1998: 88] и Д. В. Сичиновой [Гиппиус, Сичинава 2021: 183]), не дает ничего похожего на подобное «дополнительное хронологическое распределение» непозиционных оглушений и озвончений, необходимо найти какое-то объяснение этому факту, не опирающееся на системные фонологические преобразования в древнерусском языке в целом или даже в северном его наречии, а позволяющее понять, почему среди книжных писцов эта ошибка возникает редко и непоследовательно, а у писцов, получивших только «начальное» образование – проявляет себя как свидетельство какой-то смены фонетических тенденций.

На наш взгляд, объяснение это может состоять в следующем. Ошибки в обозначении глухости-звонкости возникают при шепотном диктанте. В ранний период писцы, учившиеся в скрипториях более продолжительное время, знали о том, что при проговаривании текста шепотом на письме могут выходить ошибки в обозначении звонких согласных, и потому на месте проговариваемых шепотом глухих могут оказываться как глухие, так и звонкие. Появление на письме звонких там, где должны оказаться глухие, объясняется механизмом гиперкоррекции, свидетельствующем о попытках графико-орфографического самоконтроля. В более же поздний период писцы берестяных грамот, диктовавшие себе текст шепотом, бесхитростно писали буквы, соответствовавшие тем согласным, какие они при этом реально произносили.

Предложенное объяснение, разумеется, не сбрасывает со счетов ни «субстратную» гипотезу, ни – в особенности для почерков блока 905+908, грамоты № 1192 и грамоты № 614 (см. ниже) – гипотезу о некотором расстройстве фонематического слуха, которую мы изложим в § 6.1. Оно скорее призвано показать, что единого объяснения для всех случаев непозиционной смены глухих и звонких искать, возможно, не стоит.

2.9.1.2. Непозиционное оглушение согласной (З?+9)

Написание	Стандартная запись	Исправление	Усл. дата	№ грамоты
[к л]оу[покеи]	глоу б океи	RE?	~1285	614
[к л]оу[докеи]	глоу б океи	RE?	~1285	614
до ф...	до вожанъ	RE?	~1350	1164
доброко с течи х о	доброгостечи х о		~1285	614
свопо д ь	свобо д ь		~1285	614
селоко в е	село г ов е		~1285	614
вос м и	воз м и		~1330	59
вса л о	вза л о		~1330	445
е с тьч ⁹¹	е з дьц ⁹¹		~1375	1169
лоне ⁹¹ ско к о	лоне ⁹¹ ско г о		~1390	482
ни н ешне к о	ни н ешне г о		~1390	482
се р ьки ю	се р ьги ю		~1425	1148
г о рот[ъ]неи	г о род[ъ]неи		~1435	307

Два примера исправленных написаний в грамоте № 614 (прочтение А. А. Гиппиуса [НГБ XII: 252 – 253]) не вполне надежны, поскольку читаются только по обрывкам букв и не дают, в отличие от большинства прочих перечисленных в грамоте топонимов [НГБ X: 116], однозначной локализации. Пример из грамоты № 1164 может трактоваться как исправление непозиционного

⁹¹ Впрочем, И. Б. Иткин и А. В. Птенцова независимо предложили считать этот пример обобщением парадигмы по основе косвенных падежей (*естца, естцу* и т. д.).

оглушения лишь гипотетически (ср. трактовку этой ошибки в издании [ВЯ 2024: 11]).

Отметим, однако, в этой связи не доведенное до конца исправление *спродну* на *сбродну* 314 [~1390]. А. А. Зализняк [НГБ VIII: 202, Зализняк 2004: 628] рассматривает описку как «лишнее *с*». Следует сказать, что после этого *с* в грамоте зачеркнуто *п*. Тем самым, автор изначально задумывал написание *спродну*, написал справа от *сп* правильное *сбродну*, но из двух лишних букв зачеркнул только *п*. Если видеть здесь прогрессивную ассимиляцию по глухости-звонкости, то написание оказалось бы самым поздним ее примером, по крайней мере, для корпуса берестяных грамот [Зализняк 2004: 84 – 86], а исправление – редким отражением на письме колебания писца между двумя фонетическими вариантами. Возможно, следует видеть в изначальном написании ошибку в обозначении звонкости кластера [зб], спровоцированную проговариванием текста шепотом. В таком случае, это единственный исправленный пример, который, хотя и произведен на стыке согласных, исторически различавшихся по глухости-звонкости, а не в одиночном согласном (т. е. может представлять пример как раз исправления *позиционного* оглушения), все же может свидетельствовать о том, что писцы берестяных грамот могли такую ошибку исправлять, хотя и с трудом.

Еще один особый пример, *оу {C}Завида* 228, см. в § 2.11.

Указанный же выше пример исправления непозиционного озвончения в *Supr* дает основания полагать, что часть этих написаний в берестяных грамотах – тоже простые ошибки, которые могли осознаваться писцами в качестве таковых.

Гипотеза финно-угорского происхождения тех писцов, у которых такая ошибка устойчива, не объясняет, почему в этих текстах не встречается ошибок на других языковых уровнях, характерных для речи иностранцев (§ 6.6, 6.8). Более «мягкая» гипотеза о финно-угорском субстрате носителей

провинциальных новгородских диалектов, как мы уже говорили, имеет альтернативу в виде предположения о расстройстве фонематического слуха у отдельных носителей русских диалектов (§ 6.1).

2.9.2. Непозиционные смягчения и отвердения согласных

Данное заглавие рубрики нужно понимать совершенно условно. Возможно, точнее было бы назвать ее и «смешением гласных букв, обеспечивающих отражение на письме позднерусской фонологической оппозиции предшествующих согласных по твердости-мягкости».

Уместно будет разделить примеры на три группы: 1) смешения в парах *ы~и*, *у~ю*, смешения которых никоим образом невозможно относить к визуально-ассимилятивным субституциям; 2) смешения в парах *а~ѧ* и *ѡ~ѣ*, в которых, напротив, визуальное сходство очевидно и для которых принципиально невозможно сказать, фактор ли внешнего сходства вызывает смешение или тождество обозначаемой гласной фонемы; 3) смешения в паре *о~е*.

О последнем случае нужно сказать отдельно. Вообще говоря, в позиции перед твердой согласной и на конце слова смешения в паре *о~е* принципиально ничем не отличимы от смешений в парах *а~ѧ*, так как противопоставляют предшествующие согласные по твердости-мягкости, соответствуя одной и той же гласной фонеме, и также могут быть названы визуально (или, скорее, моторно-кинетически) схожими, поскольку практически во всех почерках начинаются с одного и того же дугообразного дукта (ср. наши замечания в § 2.8.1 о парах визуально схожих графем). Однако для существующей традиции лингвистического описания берестяных грамот всякое появление *о* на месте *е* в этой позиции есть правильное отражение на письме фонетического перехода *е > 'о* [Зализняк 2004: 69 – 70]. Контрпримеры (*о* вм. *е* перед мягкими) *воликомо* и *на хомолу* [там же] трактуются как предвосхищение и реитерация *о*

соответственно, и у нас нет достаточных оснований пересматривать эту точку зрения⁹².

Таким образом, здесь будут рассмотрены только случаи 1) и 2). Все случаи 1), как видим, не исправлены, что говорит о том, что подобные нарушения или вообще не осознавались допустившими их писцами как описки, либо осознавались в качестве таковых настолько редко, что ни одного случая исправления до нас, ввиду скудости материала, не дошло.

2.9.2.1. Субституции *ы>и, у>ю* (0+12)

Написание	Стандартная запись	Условная дата	№ грамоты
ризыи	рыжьи	1140	160
не везюте	не везуте	1285	775
синъ (мъ)	сынъмъ	1350	580
сирѣ ⁹³	сыры	1375	528
ко бил[ъ]ке	кобылъке	1390	42
би	бы	1390	167
ѡвсанѣми	ѡвсаными	1405	540
отсилкѣ	отсылкѣ	1415	471
ѡсподиню	ѡсподину	1435	301

⁹² Нам все же трудно избежать соблазна трактовать первое *e* в *хедыле* 131 и *Волхевъци* в грамоте Варлаама Хутынского именно как простые описки, вполне аналогичные многочисленным примерам смещений *a~я*, ср. [Зализняк 2004: 76], не предполагая странный фонетический переход *хо* в *хе* на основании единственного лексикализованного примера *херугвь* (ср. толкование 'то же, что 2. *херувим*' (!) [СРНГ 50: 113]), и тем самым заодно объяснить единой причиной все замены *e* на *о* после парных, включая хрестоматийные *нобомъ* и *норму* 10). Однако это непомерно увеличивало бы число ошибок в берестяных грамотах, без предположения о которых существующая лингвистическая традиция вполне обходится.

⁹³ Ср., однако, [Зализняк 2004: 804].

с <u>и</u> ню	с <u>ы</u> ну	1435	301
си <u>н</u> ю	сы <u>н</u> у	1435	301
ц <u>о</u> би	ц <u>о</u> бы	1435	301

2.9.2.2. Субституции $и > ы$, $ю > у$ (0+3)

Написание	Стандартная запись	Условная дата	№ грамоты
ко <u>н</u> оу	ко <u>н</u> ю	1195	609
х <u>е</u> д <u>ы</u> л <u>е</u>	х <u>о</u> ди <u>л</u> е	1375	131
т <u>ѣ</u> ст <u>у</u>	т <u>ѣ</u> ст <u>ю</u>	1395	519/520

Обращает на себя внимание, на первый взгляд, противоестественное преобладание непозиционного смягчения над непозиционным отвердением. Однако искать для пары $ы \sim и$ специального фонетического объяснения, на наш взгляд, не стоит: как мы видели (§ 2.8.1), $и$ почти на порядок более частотная графема, чем $ы$ (8044 к 826 употреблениям в материале), и вполне естественно, что именно она оказывается нейтральным членом оппозиции в почерках, где такое смешение зафиксировано. Преобладание же графем $у$, $оу$, $ж$, « $у$ перечеркнутое», над $ю$, $ьж$ тоже довольно ощутимо (1538+1453+126+7=3124 употребления против 803+3=806), однако $ю$ на $у$ заменяется 2 раза, а $у$ на $ю$ – 3. Дело в том, что две из этих трех замен приходятся на один почерк (№ 301) с устойчивой опиской этого рода, так что статистическая аномалия объясняется случайностью.

2.9.2.3. Субституции $а > Ѧ$, $ѡ > ѡ$ (0+14)

Написание	Стандартная запись	Условная дата	№ грамоты
ко <u>нѡ</u> стѡ	кѡ <u>нѡ</u> стѡ	~1170	723

посѣлѣа	посѣлааа	~1180	682
посѣлааа	посѣлаааа	~1180	682
гривень	гривенъ	~1210	219
дѣдора	дѣдора	~1300	463
десѣнка	десѣтка	~1300	463
посѣдници	посѣдничѣи	~1300	463
подѣи	подѣти	~1300	463
кунаѣи	кунаѣи	~1300	463
продѣле	продѣле	~1375	528
клѣнаѣосѣ	клѣнаѣюсѣ	~1375	528
продѣва	продѣвалъ	~1375	528
ѡвсѣ	ѡвсѣ	~1395	1077
половина	половина	~1435	301

Как мы отметили выше, в этих случаях принципиально невозможно определить, является ли смешение двух букв фонетической или графической ошибкой. Здесь ошибки в обозначении твердости-мягкости одновременно являются визуально-ассимилятивными. Вероятно, этим надо объяснять случаи исправления: *ни мѣтаѣ* > *ни мѣтѣ* 765 (как раз в почерке, постоянно смешивающем визуально близкие графемы, и, тем не менее, часто исправляющем эту опisku), *сѣтѣе* > *сѣтѣе* 705.

Примеры *поклѣнѣние* 657, *клѣнаѣмѣсѣ* 696, *клѣнаѣюсѣ* 775, *клѣ|наѣмѣсѣ* 41 мы и вовсе отнесли к двояко трактуемым заменам (§ 2.11). Фактически они

трояко трактуемые: помимо визуального сходства графем и обеспечения ими бинарной фонологической оппозиции, в этих четырех случаях дополнительно вмешивается фактор предвосхищения (первые три примера) и реитерации гласной (последний пример).

2.9.2.4. Субституции $\Delta > a$, $\text{ь} > \text{ь}$ (4+13)

Написание	Стандартная запись	Исправление	Условная дата	№ грамоты
кты Δ нина	кты Δ нина Δ	RE	~1110	885
сватее	св Δ тее	RE	~1210	705
ни м Δ та Δ	ни м Δ та Δ	RE	~1250	765
въз Δ лъ	въз Δ лъ		~1100	109
д Δ ла	д Δ ла Δ		~1140	743
има	им Δ		~1150	734
хомела	х Δ мела Δ		~1250	706
хомела	х Δ мела Δ		~1250	709
та	т Δ		~1275	1061
бес пати	бес п Δ ти		~1280	758
з ати	з Δ ти		~1360	497
кл Δ ндос Δ	кл Δ н Δ юс Δ		~1375	528
нарадиль	нар Δ диль		~1380	618
овс Δ ними	овс Δ ны Δ ми		~1405	540

ДУБАЛНИ	ДУБАЛНИ		~1405	540
иґнат ь'а	иґнат ь'а		~1440	298

§ 2.10. Прочие субституции

Текстуальные аномалии, не попадающие ни в одну из приведенных рубрик, крайне немногочисленны и всякий раз требуют индивидуального объяснения.

2.10.1. Подстановки гласных (0+4)

Написание	Стандартная запись	Исправление	Условная дата	№ грамоты
воспрашеети	воспрашееть	RE	~1265	68

Исправление *и* на *ь* в *воспрашееть* 68 необъяснимо: по соседству нет ни той, ни другой гласной, которая могла бы спровоцировать эту субституцию. Единственным выходом из ситуации представляется иное словоделение: *воспрашее ти*, где первое слово – презенс без *-ть*, а второе – частица *ти*, которая при отпадении конечной безударной гласной имела вид *ть* (ср. *нетоуть* 322, *а мнть ть* 1066). Исправление, таким образом, отражает колебание писца между двумя фонетическими вариантами (§ 2.2).

Написание	Стандартная запись	Условная дата	№ грамоты
полъ питѣ грвнѣ	полъ пѣтѣ грвнѣ	~1115	1050

Справедливо отмечая необычность *питть* 1050, издание грамоты гласит: «Если только это не простая ошибка, то можно предположить, что *пѣтть* дало *петть* (ср. *промышлеи* из *промышлаи* в № 1031) и в этом *петть* мы наблюдаем нехарактерный для берестяных грамот единичный случай смешения *е* и *и*». Простой ошибкой это написание быть не может: в соседних слогах нет *и*,

которое могло бы заменить ожидаемое *ѧ*. На наш взгляд, в предположении о переходе /ѧ/ > /е/ перед мягкой согласной нет необходимости: случай смешения *и* после согласной с любой буквой, кроме *ѣ*, особенно в грамоте начала XII в., в любом случае будет единичным и требовать специального объяснения, и предположение о смешении (неясно, фонетическом или графическом) *и* и *е* в данном случае ничем не лучше предположения о смешении *и* и *ѧ*. Объяснения здесь может быть, на наш взгляд, три: либо это уникальный сверхпрогрессивный идиолект с переходом *ѧ*>*и* в неясных (за отсутствием других примеров) фонетических условиях; либо перед нами уникальный случай фонетического (а не графического) предвосхищения гласной окончания, которое в соответствии с традицией записано как *ѣ*, но звучало уже неотличимо *и* (сложность последней гипотезы в том, что все остальные /ѣ/ в грамоте переданы этимологически правильно⁹⁴); наконец, это может быть уникальным примером реитерации гласной третьего слева слога (и второго слева слова): перед *полѣ питѣ* находится словоформа *възьми* (ср. ниже о *хрѣстьѧну* 307).

Написание	Стандартная запись	Условная дата	№ грамоты
ѡслюши	ѡслѣши	~1190	462

Грамота № 462 содержит один из наиболее цитируемых в богослужении стихов Псалтири (Пс.101:2=142:1), несомненно, знакомый на слух любому взрослому прихожанину древнерусского храма. Б. А. Успенский [1988/1997: 154 – 155] приводит примеры исправления *ОІ* на *ѢІ* в *Мин 1095* и *Мин 1097*, в ряду примеров исправленных проявлений бытовой графики. По-видимому, аналогичное написание **ѡслѣши*, оставшееся в какой-то богослужебной книге неисправленным, было неверно воспринято как содержащее зеркальное начертание буквы *ю* – *ѡ*, вероятно, человеком, только начинавшим учиться

⁹⁴ Другая сложность могла бы состоять в том, что самые ранние примеры смешения /ѣ/ и /и/ в берестяных грамотах имеют широкую датировку 1-ой пол. XII в. или 2-ой четвертью XII в. [НГБ XII: 276 – 277], но не 1-ой четверти XII в. В действительности еще более ранние примеры перехода /ѣ/ > /и/ находятся в точно датированном новгородском памятнике – *Мин 1096* [Соболевский 1907/2004: 35]: *лицемирѣствоваѣ* 68, *претѣрьпилѣ ѡси* 125, *невидѣния* 165.

грамоте. Тем самым, уникальность этой ошибки объясняется тем, что она импрессивная, а не экспрессивная (см. § 1.1)

Написание	Стандартная запись	Условная дата	№ грамоты
хрѣстьѡну	хрѣстьѡнѣ	~1435	307

Эту уникальную замену невозможно объяснить ни ближайшим графическим соседством, ни даже, пожалуй, гипотезой об иностранном происхождении писца (как увидим в § 6.6, § 6.8, иностранцы, пишущие по-древнерусски, как правило, заменяют косвенные падежи именительным, но не любую букву любой другой). По всей видимости, единственное объяснение состоит здесь в реитерации гласной у, стоявшей 6 (!) слогов назад после согласной н, причем тоже вследствие реитерации (см. § 2.8.3): *рукѡсан" {уе} ѡ а хрѣстьѡну*.

2.10.2. Мена плавных (1+0)

Написание	На что исправлено	Исправление	Усл. д.	№ грамоты
с оѡлѡмовими	с о ^А д ^Р лѡмовими	SUPER	~1310	191/192

Единственный пример мены плавных в корпусе берестяных грамот приходится на заимствованное имя и неожиданно исправляется автором. Исправления фонетически равновозможных вариантов, как мы видели (§ 2.2), вещь довольно редкая, а заимствованные имена, конечно, особенно подвержены закреплению фонетических преобразований в качестве нормативных. Может быть, мы имеем здесь дело не с фонетическим явлением, а с «визуально-ассимилятивной субституцией» букв (как мы видели в § 2.8.1, многие буквы, которые для современного грамотного человека, кажется, спутать невозможно, представляли определенные трудности для древних писцов). Буквы л и р в почерке писца, кажется, из общего имеют только треугольную верхнюю часть.

§ 2.11. Прочие двойко или тройко трактуемые субституции (8+9)

Написано	Возможные типы ошибки ⁹⁵	Исправление	Условная дата	№ грамоты
ЖАБЛАДНЪ	Reiter. V1? Subst. Simil.? Subst. Palat. > Vel.?	RE	1156–1160	885
ЗА ТА	Reiter. V1? Subst. Simil.? Subst. Palat. > Vel.?	RE	~1170	81
ОУ {с}ЗАВИДА	Subst. Son. > Surd.? Dittogr. CV?	AD? SEMI+AD?	~1180	228
СЛЫШО<У> БОЛЕНОУ	Omiss. oU? Anticip. V1? Subst. Simil.?	LIG: ю	~1210	705
А КНАЖЕ	Reiter. V1? Subst. Simil.? Subst. Palat. > Vel.?	RE: ѡ	~1265	1153
КААНАКСА	Anticip. V1? Subst. Vel. > Palat.?	RE	~1285	775
Ъ ЛАХА	Reiter. V1? Subst. Simil.? Subst. Vel. > Palat.?	DEFR	~1285	615
ГА{Г}КОВА	Dittogr. CV? Subst. Surd. > Son.?	AD	~1375	528

⁹⁵ Расшифровку сокращений см. в Главе 3.

попо повѣс туть	Anticip.+Reiter. V1? Subst. BO?	RE: попъ	~1450	962
пецалоуѣ	Subst. Palat. > Vel.? Omiss. vV?		~1180	717
поклананіе	Anticip. V1? Subst. Vel. > Palat.?		~1185	657
двѣрьдо	Anticip. C2? Subst. Surd. > Son.?		~1195	1083
трасавиче	Anticip. V1? Subst. Palat. > Vel.?		~1230	715
кла наіемѣ	Reiter. V1? Subst. Palat.>Vel.?		~1355	41
риби	Anticip. V1? Subst. Vel.>Palat.?		~1355	99
риби	Anticip. V1? Subst. Vel.>Palat.?		~1370	406
кланіемѣ	Anticip. V1? Subst. Vel.>Palat.?		~1380	696

Пример *оу {C}Завида* 228 (на который указал нам М. А. Соколов и который не нашел отражения ни в издании, ни в актуальном прочтении) может быть исправлением непозиционного оглушения, но штрих, выглядящий как *с*, может быть и левой частью *о* из недописанного диттографированного диграфа *оу*.

Пример *двѣрьдо* 1083 может быть предвосхищением согласной второго справа слога (§ 2.8.5) или непозиционным озвончением (§ 2.9.1)

Пример $z\{z\}кова$ 528 (прочитанный в издании как $z\{c\}кова$ с необъяснимой вставкой c , зачеркнутой автором [Зализняк 2004: 578]) можно трактовать либо как уникальный случай адскрипционного исправления непозиционного озвончения, либо как адскрипционное исправление слоговой диттографии.

Пример $\bar{w} ла\{ха\}ха$ 615 – тот редкий случай, когда на фотографии отчетливо видно, что лишние буквы писец старательно затирает. Ошибочное $л$ на месте $а$ могло возникнуть и как реитерация, и как визуально-ассимилятивная субституция, и как непозиционное смягчение.

Примеры двояко трактуемых ошибок можно, по-видимому, значительно умножить за счет неоднозначно трактуемых форм. Однако наша задача, как мы сказали, в том, чтобы составить по возможности исчерпывающую классификацию однозначно трактуемых описок и ошибок и дать нижнюю оценку их частотности в корпусе берестяных грамот. Как мы покажем в следующей главе, даже этой консервативной оценки, основанной, за редкими, специально оговоренными в настоящей главе исключениями, на том массиве ошибок, которые отмечены в качестве таковых в актуальном прочтении (и, заметим, в ряде случаев (§ 2.6.3) мы, напротив переводили), достаточно, чтобы утверждать: ошибки и описки в берестяных грамотах значительно более частотны, чем в пергаменных рукописях.

ГЛАВА 3. Сравнительная статистика описок в берестяных грамотах и пергаменных рукописях

§ 3.1. Статистика ошибок в берестяных грамотах

Приведем обобщающую таблицу на основании составленного в предыдущей главе каталога ошибок и описок. В графе «Ошибка» указывается сокращенное обозначение типа описки, которое мы далее используем в Приложениях 1 и 2.

Нефонетические ошибки длиной менее, чем в одно слово (описки)

Испр.	Неиспр.	Сумма	% испр.	Ошибка	Сокращенное обозначение
0	3	3	0,00	2.3.1. Инсерция второй согласной ближайшего справа слога	Insert. C1_2
0	1	1	0,00	2.3.2. Инсерция первой согласной второго справа слога	Insert. C2_1
8	9	17	47,06	2.4.4. Диттография прикрытой гласной	Dittogr. cV
2	1	3	66,67	2.4.5. Диттография неприкрытой гласной	Dittogr. vV
9	17	26	34,62	2.5.1. Диттография согласной	Dittogr. Cv
18	16	34	52,94	2.5.2. Диттография прикрытого слога	Dittogr. CV
1	2	3	33,33	2.5.3. Диттография «антислога»	Dittogr. VC
0	2	2	0,00	2.6.1. «Слогоразрушающая» консонантная инверсия	Invers. ST
0	2	2	0,00	2.6.5. Инверсия двух соседних согласных в сокращении	Invers. CC_abbr
24	5	29	82,76	2.7.1. Пропуск одиночной согласной	Omiss. C
37	11	48	77,08	2.7.2. Пропуск первой согласной из двух соседних	Omiss. Cc
29	13	42	69,05	2.7.3. Пропуск второй согласной из двух соседних	Omiss. cC
0	8	8	0,00	2.7.4. Пропуск первой согласной из трех соседних	Omiss. Ccc
6	5	11	54,55	2.7.5. Пропуск второй согласной из трех соседних	Omiss. cCc
6	3	9	66,67	2.7.6. Пропуск третьей согласной из трех соседних	Omiss. ccC
34	55	89	38,20	2.7.7. Пропуск прикрытой гласной	Omiss. cV
0	3	3	0,00	2.7.9. Пропуск второго элемента диграфа ou	Omiss. oU
58	60	118	49,15	2.7.10. Пропуск прикрытого слога	Omiss. CV

4	2	6	66,67	2.7.11. Пропуск слога после финали предыдущего	Omiss. cCV
1	3	4	25,00	2.7.12.1. Пропуск «антислога»	Omiss. VC
4	1	5	80,00	2.7.12.2. Пропуск двух слогов подряд	Omiss. 2CV
13	19	32	40,63	2.8.1. Визуально-ассимилятивная субституция	Subst. Simil.
15	32	47	31,91	2.8.2.1. Предвосхищение ближайшей гласной	Anticip. V1
0	2	2	0,00	2.8.2.2. Предвосхищение второй гласной справа	Anticip. V2
31	22	53	58,49	2.8.3.1. Реитерация ближайшей гласной	Reiter. V1
2	2	4	50,00	2.8.3.2. Реитерация гласной второго слева слога	Reiter. V2
5	9	14	35,71	2.8.4. Подстановка гласной из обоих соседних слогов	Anicip. + Reiter. V1
3	1	4	75,00	2.8.5.1. Предвосхищение ближайшей согласной	Anticip. C1
1	1	2	50,00	2.8.5.2. Предвосхищение согласной второго справа слога	Anticip. C2
1	3	4	25,00	2.8.6.1. Реитерация ближайшей согласной	Reiter. C1
2	0	2	100,00	2.8.6.2. Реитерация согласной второго слева слога	Reiter. C2
314	313	627	50,08	Всего	

Фонетические ошибки

Испр.	Не испр.	Сумма	% испр.	Ошибка	Сокращенное обозначение
0	14	14	0,00	2.9.1. Непозиционные мены глухих и звонких	Subst. Son./Surd.
0	15	15	0,00	2.9.2. Непозиционные мены <i>и~ы, у~ю.</i>	Subst. Palat./Vel.
1	0	1	100,00	2.10.2. Мена плавных	Subst. liquidarum
1	29	30	3,33	Всего	

Двойко и тройко трактуемые ошибки

Испр.	Не испр.	Сумма	% испр.	Ошибка	Сокращенное обозначение
0	8	8	0,00	2.6.2. Перестановка согласных, не меняющая слоговое деления	Invers. TT
19	41	60	31,67	2.7.8. Пропуск неприкрытой гласной	Omiss. vV
4	27	31	12,90	2.9.2. Взаимные мены <i>a~л</i> , <i>ь~ь</i>	Subst. Simil.? Subst. Palat./Vel.?
8	9	17	47,06	2.11. Прочие двойко и тройко трактуемые субституции	?
31	85	116	26,72	Всего	

Ошибки длиной в слово

Испр.	Не испр.	Сумма	% испр.	Ошибка	Сокращенное обозначение
1	5	6	16,67	2.5.5. Диттография слова	Dittogr. lectionis
0	5	5	0,00	2.5.6. Дистантный повтор второстепенного члена предложения	Dist. repet.
1	0	1	100,00	2.7.12.2. Пропуск слова	Omiss. lectionis
2	10	12	16,67	Всего	

Также напомним (§ 2.3), что еще 22 случая адскрипционных исправлений, как мы показали, скорее следует считать недоисправленными буквами – иначе говоря, прибавлять к вышеприведенному числу ошибок еще 22. Однако поскольку А. А. Зализняк сомневался, не являются ли адскрипции допустимым для некоторых писцов способом исправления, мы, стремясь дать нижнюю оценку числа описок и ошибок в берестяных грамотах, в дальнейшем сравнении эти случаи не учитываем.

§ 3.2. Описки в пергаменных грамотах в сравнении с берестяными

Настало время сравнить полученные данные с другими памятниками древнерусской письменности. Напомним, А. А. Зализняк утверждал, что «Описки и иные не обусловленные фонетикой ошибки представлены в подавляющем большинстве берестяных грамот редко – не чаще, чем, например, в пергаменных грамотах» [Зализняк 1986: 111].

Здесь нужно оговориться, что, как мы покажем в Главе 6, не все дошедшие до нас новгородские (по месту составления исходного текста) пергаменные грамоты написаны новгородцами: некоторая часть дипломатических документов кон. XIV – XV вв. дошла до нас в списках, которые составляли одни ганзейские города для других. Ганзейские писцы не владели русским языком как родным и делали намного больше ошибок, чем русские (см. § 6.8), – даже несколько чаще, чем среднестатистические авторы берестяных грамот, в полном соответствии с тезисом А. А. Зализняка.

Но совершенно иную картину дают новгородские грамоты, заведомо написанные русскими писцами (и которых, разумеется, абсолютное большинство). Вообще говоря, из новгородских грамот дипломатического характера до 1388 г. до нас тоже, кажется, не дошло ни одной, написанной иностранцем (см. там же), однако, к сожалению, вполне удовлетворительного лингвистического издания этих документов, в котором можно было бы вполне доверять указаниям на писцовые ошибки, до сих пор нет (ср. отмеченные нами неточности в издании [ГВНП 2025: № 24] в § 6.8). Поэтому в качестве образца для сравнения мы взяли прежде всего грамоты XIII – XV в., касающиеся отношения Новгорода с русскими князьями, изданные А. А. Шахматовым [1886]⁹⁶. Из 20 грамот, вошедших в издание, мы рассматриваем первые 18, поскольку грамота № 19 сильно фрагментирована и читается значительно менее надежно прочих [там же: 274 – 277], а грамота № 20 (договор с Иваном III 1471 г.) относится к более позднему времени, чем берестяные грамоты, и писана на

⁹⁶ Сопоставление берестяных грамот с более поздними, но менее «элитарными» Двинскими грамотами должно быть предметом отдельного рассмотрения.

бумаге зрелым полууставом с массой выносных букв – с существенно иным типом письма материал берестяных грамот сравнивать некорректно.

В первых 18 грамотах нам не удалось найти ни одной писцовой ошибки, которую бы А. А. Шахматов проигнорировал и, разумеется, ни одной указанной в примечаниях А. А. Шахматова ошибки, которая отсутствовала бы в рукописи. Все грамоты проверены нами по фотографиям.

Крайне скупой материал писцовых ошибок этих восемнадцати текстов помещен в Приложение 1 настоящей работы. Туда же добавлены данные многократно издававшейся Мстиславовой грамоты 1130 г. [ГВНП 2025: № 77] и еще двух пергаменных [там же: № 98, № 106], не издававшиеся А. А. Шахматовым, но изученных нами по фотографиям. По нашим подсчетам, суммарно в этом небольшом по числу писцов, но довольно внушительном по объему корпусе текстов находится 43 неисправленных писцовых ошибки на 8727 слов (т. е. около 4,92 ошибок на 1000 слов). В берестяных грамотах, рассмотренных нами, этот показатель выше более чем в 2,75 раза (если брать только достоверно «нефонетические ошибки» длиной менее, чем в слово): объем материала 22954 слова, а описок в нем 313 (т. е. около 13,6 описок на 1000 словоформ). Если же добавить к этому 29 ошибок, которые мы определяем как «фонетические», и 85, которые мы определяем как «двояко и трояко трактуемые» то показатель этот станет равен около 18,6 ошибок на 1000 словоформ, что больше показателя берестяных грамот уже в 3,78 раза (заметим, что как ошибки для пергаменных грамот мы указываем случаи пропуска титла – в берестяных же грамотах мы даже не считали такие случаи за ошибки, потому что едва ли не большинство писцов обходятся без титла в сокращениях). Добавим к этому, что количество «слов» в берестяных грамотах мы берем из НКРЯ, где под словами понимаются в том числе оборванные и неинтерпретируемые словоформы, тогда как в пергаменной выборке текстов сильно поврежденный текст только один [Шахматов 1886: № 14; ГВНП 2025: № 92].

Оценку, данную А. А. Зализняком уровню безошибочности берестяных грамот на фоне пергаменных, таким образом, необходимо существенно скорректировать. Действительно, есть множество берестяных грамот, написанных без единой описки (или таких, в которых все описки были исправлены). Но отчасти это связано с тем, что фрагментированные берестяные грамоты (составляющие около $\frac{3}{4}$ корпуса) столь малы по объему надежно читаемых фраз, что ошибки, которые в них действительно присутствовали, с надежностью не обнаруживаются на дошедших до нас фрагментах. Отчасти это связано с тем, что берестяные грамоты просто слишком коротки, чтобы сделали в них достаточно большое количество описок. Но даже существующий материал позволяет уверенно говорить: из всех пергаменных грамот по насыщенности описками могут быть сравнимы с берестяными лишь немногие тексты, которые атрибутируются ганзейским переписчикам.

§ 3.3. Описки в Архивском списке «Пчелы» в сравнении с берестяными грамотами

Не менее существенной корректировки требует схожий тезис А. А. Зализняка: «берестяные грамоты, за исключением совсем немногих, написаны тщательно, описки встречаются в них не чаще, чем в рядовых памятниках книжной письменности» [Зализняк 2004: 23]. Рядовые памятники книжной письменности – прежде всего Евангелия и Псалтири – еще нуждаются в проверке этого тезиса, но укажем, что даже беглого взгляда на длину (точнее, краткость) полных перечней описок книжных памятников, составленных Г. А. Мольковым и Р. Н. Кривко (см. § 1.6), достаточно, чтобы в нем усомниться. Однако, чтобы делать точные статистические выводы, еще предстоит получить количественную оценку длины (в словах) краткого апракоса и Псалтири. Интересно будет сопоставить эти данные и с эрратологическим материалом сентябрьского Пролога, собранным О. П. Шевчук.

Пока же укажем на отнюдь не рядовую рукопись, в которой число ошибок и описок по крайней мере сопоставимо с берестяными грамотами: это

Архивский список «Пчелы» кон. XIV – XV в. (РГАДА, ф. 181 № 370)⁹⁷. «Пчела» – не всегда внятный древнерусский перевод византийского флорилегия – текст «закрытой» рукописной традиции, русские переписчики которого почти наверняка не могли сравнивать имевшийся у них антиграф с другими списками и тем более с греческим оригиналом. Написанный не слишком аккуратным писцом Архивский список, вероятно, аккумулировал в себе ошибочные чтения нескольких предыдущих переписчиков и неудачные попытки исправления этих ошибочных чтений. На страницах издания [Пчела, I] можно обнаружить, по нашим подсчетам, 905 словоформ, отмеченных издателями словом *так*. Другой список «Пчелы», изданный В. А. Семеновым [1893], внесен в НКРЯ и содержит 45064 словоформы. На первый взгляд, это дает даже немного бóльшую частотность ошибок, чем в средней берестяной грамоте (ок. 21 ошибки на 1000 словоформ). Однако если брать не все формы, отмеченные в издании словом *так*, и исключить из подсчетов 212 написаний, ошибочных с точки зрения книжной графической системы, но допустимых в бытовой⁹⁸, то остается уже всего 693 «настоящих ошибки» (включая, разумеется, ошибки, перенесенные из антиграфа). Это дает уже частотность в 15,4 ошибки на 1000 словоформ, т. е. уже несколько меньше, чем в берестяных грамотах (при суммировании всех типов ошибок, перечисленных в § 3.1). Если же брать не все ошибки, а только такие, которые подходят под выделенные в § 3.1 классы «экспрессивных» (§ 1.1.) ошибок (а именно такие классы, обнаруженные на материале берестяных грамот, стоит по умолчанию считать ошибками внутреннего диктанта копииста, а не «импрессивными» ошибками прочтения оригинала), то их в Архивском списке остается уже всего 434. Именно эти 434 случая описок мы перечислили в Приложении 2 к настоящей работе. Частотность «экспрессивных» ошибок в Архивском списке, таким образом, равна $434/45064 = 0,00963$, или 9,63 экспрессивные ошибки на 1000 словоформ, т. е. почти в два раза меньше, чем в

⁹⁷ За возможность использовать электронную версию подготовленного к изданию текста списка сердечно благодарим А. А. Пичхадзе.

⁹⁸ По нашим подсчетам, 93 из отмеченных в издании знаком *так* форм просто представляют собой «бытовые» замены в парах ъ–о, ъ–е (что, с точки зрения «книжной» графики XV века, – безусловно, ошибки), 29 смещений в паре ы ~ ъ, 9 примеров неуместной внутрисловной пунктуации, 37 ошибок в использовании титла, 44 смещения ѿ и ѿ. Этот материал не приводится в Приложении 2.

среднестатистической берестяной грамоте. Но, конечно, с каким именно подмножеством ошибок «Пчелы» сравнение здесь наиболее корректно, – вопрос отдельного исследования.

Таким образом, по насыщенности ошибками берестяные тексты, как оказывается, лежат где-то между одним из наиболее испорченных переписчиками древнерусских книжных памятников и иностранными списками с древнерусских дипломатических актов (§ 6.8).

§ 3.4. Выводы

Необходимо, отдавая должное тому неоценимому вкладу, который труды А. А. Зализняка внесли в понимание текстов на бересте и его лингвистическим описаниям, перевернувшим наши представления об истории и предыстории древненовгородского диалекта, все же критически отнестись к высказанному им тезису о сравнительно низкой частотности ошибок в грамотах. Для А. А. Зализняка это было не просто вскользь высказанное мнение, а устойчивое предубеждение, возникшее, как мы видели (§ 1.7.4), на волне массовых (и, разумеется, чрезвычайно успешных) пересмотров предполагавших ошибку чтений А. В. Арциховского. Таких чтений действительно было около двух десятков. Но настоящих писцовых ошибок, частотность которых А. А. Зализняк не счел нужным точно оценивать, в берестяных грамотах было несколько сотен, и с учетом общего объема написанных на бересте текстов это число действительно очень и очень велико. Оно, вопреки Р. И. Аванесову (§ 1.7.2), вовсе не столь велико, чтобы признать древненовгородскую фонетику труднопостижимой, но достаточно велико, чтобы всякий раз, читая новый текст берестяной грамоты, быть готовым к тому, что в нем можно встретить ошибку.

Между тем, как видно из многих беглых замечаний А. А. Зализняка, это предубеждение влияло и на саму методику чтения берестяных грамот. Так, в [НГБ IX: 233] «версия о простой описке» в «темном» участке текста называется «самым дешевым и самым неубедительным способом решения трудных вопросов». Однако, как видно из нашего обзора, частотность некоторых описок

в берестяных грамот гораздо выше, чем частотность иногда предполагаемых при чтении грамот «редких языковых явлений».

Презумпция безошибочности текста как минимум дважды заставила А. А. Зализняка вводить в русскую историческую лексикографию гапаксы, которые, тем не менее, не приводили к ясному пониманию описываемой текстом ситуации. Два примера того нереализованного интерпретационного потенциала, который может иметь предположение об ошибке в таком «трудном месте», будут продемонстрированы в следующей главе.

ГЛАВА 4. Предположение об ошибке как ресурс интерпретации берестяных грамот

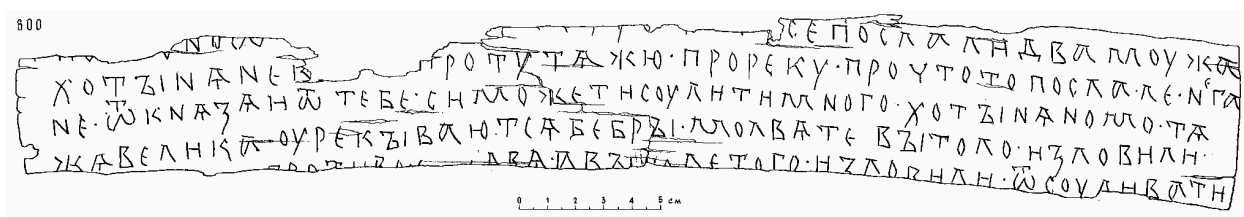
§ 4.1. Грамота № 600⁹⁹

Слово *вытоль*, бывшее на протяжении последних сорока с лишним лет камнем преткновения для славянской и финно-угорской этимологии, известно из единственного источника – новгородской берестяной грамоты № 600. Ее текст и перевод были впервые опубликованы и прокомментированы в 1986 г. В. Л. Яниным и А. А. Зализняком в VIII томе «Новгородских грамот на бересте» [НГБ VIII: 60–62, 215]:

По(кл)оно ѿ ... Се послали два моужа хотыняне к ... про ту тяжю, про реку, про что то послале Негане ѿ княза и ѿ тебе. Симо же ти соулити много. Хотыняномо тажа велика. Оурекуываются бобры. Молвате: вытоло изловили... противоу (мо)лва. А вытоле того изловили. Ёсоу[л]ивати...

‘Поклон от ... Хотыняне послали двух человек к князю (? к тебе?) относительно тяжбы о реке, по поводу которой Неган посылал от имени князя и от тебя. Они будут давать тебе много посулов. Хотынянам тяжба трудна. Обещают бобровые шкуры. Говорят, что бродягу изловили; другие же утверждают обратное. А бродягу того изловили...’

Там же была опубликована и прорись грамоты:

Перевести *вытоль* как ‘бродяга’ предложил Е. А. Хелимский, чей разбор прибалтийско-финского языкового материала берестяных грамот был включен в то же издание. Ученый связал его с рядом фонетически близких прибалтийско-финских слов типа фин. *vetelys* ‘праздношатающийся’ [Хелимский 1986: 600]. Позднее А. А. Зализняк, видимо, сознавая, что трактовка Е. А. Хелимского плохо согласуется с остальным содержанием грамоты (связать поимку бродяги с тяжбой по поводу реки действительно

⁹⁹ Настоящий раздел с незначительными корректировками повторяет публикацию [Крылов, Гиппиус 2026].

трудно), предположил, что *вытоль* — «неизвестное название какого-то промыслового речного животного (ср., в частности, слова *выдра*, *выхухоль*)» [Зализняк 1995: 385–386]. Там же приведен новый перевод грамоты, который сейчас принят как основной на сайте *gramoty.ru* и в НКРЯ:

‘Поклон от ... [к] ... Вот хотыняне послали двух мужей к [тебе (?)] по поводу той тяжбы о реке, из-за которой Неган посылал [человека] от имени князя и от твоего. Эти [хотыняне] будут сулить тебе много: для хотынян это важная тяжба. Обещают [платить] бобрами. Говорят, что «вытол» (или: «вытола») выловили; ... говорят иначе. А «вытол» — его [действительно] выловили. Отсуливать ...’

В смысловом отношении эта версия, безусловно, выигрывает: заявляя, что «вытол» полностью выловлен, хотыняне обязуются платить бобровыми шкурами. Однако и ее невозможно признать удовлетворительной — как ввиду слабости сравнения с двумя инокоренными словами, так и из-за необходимости предполагать существование обитающего в реке пушного зверя, ценностью меха превосходящего бобра¹⁰⁰.

А. Л. Шилов, не приняв версию А. А. Зализняка, стал развивать гипотезу Е. А. Хелимского, подкрепляя ее примерами заимствований из указанного последним лексического гнезда в севернорусские говоры — например, вологодск. *ватла* ‘бездельник’ [Шилов 2002: 148–149]¹⁰¹. Но нельзя не сказать, что все указанные А. Л. Шиловым заимствования содержат в первом слоге *ва-* или *ве-* на месте ожидаемого *вы-*.

Й. Лааксо, не обратившая внимания на новую гипотезу А. А. Зализняка (зато проведшая тщательный разбор фонетических и морфологических изъянов

¹⁰⁰ Неудовлетворенность А. А. Зализняка обеими трактовками ощущается в научно-популярной лекции 2012 года «Новгородская Русь по берестяным грамотам»: «... до сих пор остается неизвестным, что такое *вытол*»:

<https://rutube.ru/video/564032faca67c1c1cf914e6bc821aa3/?t=396&r=plwd> [Интернет-ссылка. Дата обращения 25.08.2025]. Далее там же А. А. Зализняк упоминает, что в свое время были объявлены конкурсы: «...один — кто лучше поймет, что такое *вытол*, второй конкурс — кто лучше нарисует *вытола*... Тем не менее, мы даже не знаем, *вытол* — это человек, животное или неодушевленный предмет».

¹⁰¹ Аргументом в пользу отказа от версии А. А. Зализняка для А. Л. Шилова служит то, что «речь ведь идет о ком-то в единственном числе. Вряд ли поимка одной выдры или крохотной выхухоли могла заслуживать отдельного (двукратного притом) упоминания» [Там же]. Между тем А. А. Зализняк прямо пишет: «...слово *вытоль* в этом случае должно рассматриваться как собирательное» [Зализняк 2004: 471; разрядка наша. — Д. К., А. Г.].

версии Е. А. Хелимского), предложила считать *Вытоль* древнеэстонским антропонимом, сопоставляя слово с именем предводителя южных эстов Wottele, зафиксированным «Ливонской хроникой» под 1217 г. [Laakso 2005: 224]. Эта версия сталкивается с грамматическими трудностями уже на русской почве¹⁰². Впрочем, как замечает и сама исследовательница, проблему понимания текста ее гипотеза также не снимает:

«Im Kontext der Birkenrindenschrift Nr. 600 bleiben die Bedeutung und Identität des Vytol unklar: Ziemlich sicher ist nur, dass mit diesem Wort ein Mann <...> bezeichnet wird, der irgendwie relevant für den im Brief erwähnten, irgendeinen Fluss (und Fisch- oder Biberfang?) betreffenden Rechtsstreit ist» [Там же: 225–226]¹⁰³.

Не предложивший своей версии Я. Саарикиви был, однако, наиболее взвешен, оценив существующие теории как спекулятивные (в частности, вслед за Й. Лааксо, финский исследователь скептически отнесся к сопоставлениям Е. А. Хелимского из-за крайне редкого соответствия фин. *e* – рус. *ы*) [Saarikivi 2007: 198, 238].

В исторические словари русского языка *вытоль* не вошел. Третий том «Словаря русского языка XI–XVII вв.» вышел до находки грамоты, а первая и пока единственная тетрадь «Дополнений» содержит только слова на А и Б. Не найдем мы загадочного слова и в Словаре древнерусского языка, так как редакцией словаря было принято решение не принимать во внимание лексику источников, снабженных лемматизированными указателями слов и форм [СДРЯ XI: 703]. Между тем не получивший однозначного истолкования гапакс успел попасть на страницы «Русского этимологического словаря» [РЭС 9: 203]

¹⁰² В первом словоупотреблении, *вытоло*, всеми исследователями предполагается окончание В. ед. -ъ, записанное по «бытовой орфографии» как -о. Для аккузатива личного имени это написание было бы весьма редким и при этом самым поздним примером В. ед. на -ъ у одиночного антропонима (оба засвидетельствованных примера этого архаизма происходят из грамот первой половины XII в. – *Хотьжъръ* 900, *Славомиръ* 1050, причем первый случай может объясняться ошибочным повтором *ъ* из предыдущих двух слогов).

¹⁰³ В свою очередь, в новой статье А. Л. Шилов раскритиковал [Шилов 2010: 50] гипотезу Й. Лааксо так: «Текст грамоты отчетливо [как именно? – Д. К., А. Г.] указывает не на имя, а на социальную сущность персонажа – “бродяга”».

и в такие «параакадемические» лексикографические ресурсы, как англоязычный Викисловарь¹⁰⁴.

Адекватной интерпретации соответствующих фрагментов текста, как нам кажется, до сих пор препятствовали две неверные посылки, из которых все исследователи исходили, хотя прямо их и не обсуждали. А именно, предполагалось, что:

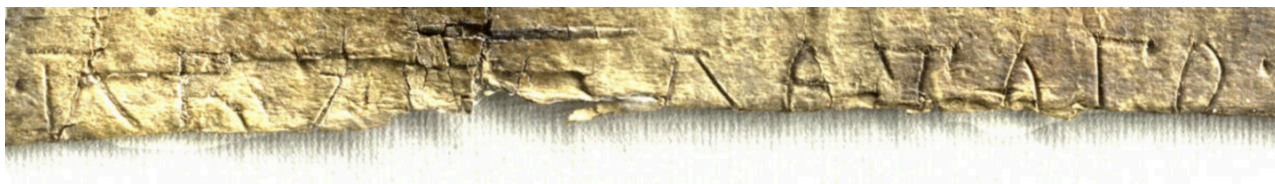
14. одно и то же слово употреблено в грамоте дважды, в Вин. ед. в предпоследней строке и в Им. ед. в последней строке;

15. автор не допустил ни одной описки.

В двух изданиях монографии А. А. Зализняка «Древненовгородский диалект» [Зализняк 1995: 385–386; Зализняк 2004: 471–472] текст и комментарий приводятся с некоторыми изменениями по сравнению с первой публикацией. Наиболее существенное для нас, хотя и не бросающееся в глаза отличие от первоначальной версии касается принципа передачи букв в последней строке:

----- [противоу] (мо)лѡа · а въ[то]лѣ того · изловили · ѿсоу[л]ивати

В [Янин, Зализняк 1986], как мы видели, фраза *а вытоле того изловили* передана без всяких условных обозначений, предупреждающих о сложностях с идентификацией букв. Между тем, как видно на фотографии грамоты, опубликованной на сайте gramoty.ru¹⁰⁵, буквы между *ы* и *е* определяются неоднозначно:

¹⁰⁴ <https://en.wiktionary.org/wiki/%D0%B2%EA%99%91%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%B5> [Интернет-ресурс. Дата обращения: 28.08.2025]. Иллюстрирует *вытоль* также статью «Нарах legomenon» в англоязычной Википедии:

https://en.wikipedia.org/wiki/Narax_legomenon?ysclid=mg9r5tonmi333727556#Slavic [Интернет-ресурс. Дата обращения: 02.10.2025].

¹⁰⁵ <https://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/600/> [Интернет-ресурс. Дата обращения: 26.08.2025].

Прочтение их как *тол* опирается на первую из названных выше посылок — за ним стоит уверенность в том, что здесь записано то же загадочное слово, которое читается и строкой выше. Не предвешая вопроса об идентификации этих букв и словоделении, фрагмент следовало бы передать следующим образом: *а вы---этого изловили*.

Что же касается отрезка *вытоло* строкой выше, то, коль скоро высказанные до сих пор предположения не привели к его убедительной интерпретации, мы вправе допустить, что это место содержит какую-то ошибку. Наиболее частотный тип механической описки в берестяных грамотах — пропуск графического слога¹⁰⁶. Если предположить, что после *ло* был пропущен один графический слог, то фразу можно попытаться иначе разделить на слова: *а вы то ло<_> изловили*. Поиск в Панхроническом корпусе НКРЯ выражения «*ло** + **ловити*» позволяет однозначно восстановить, какой именно слог в этом случае был пропущен¹⁰⁷:

Соколники же царевы вся сіа слышаху, и *ловивше ловь* лебедей, и идоша во Орду ко царю Ногою, и звавшие къ Ногою Олга, и не поиде. [Никоновская летопись (1176–1362 гг.) (1526–1530)]

...кто претерпѣлъ не проклати впечаливъшаго; видѣлъ ли еси дѣдво тенето простерто, и *ловь оуловленъ* и *ловца* стояща, и всѣ(х) велащихъ... [Пчела (XI–XIII вв.)]¹⁰⁸

А сынове великого князя, князь Иванъ да князь Юрьи, ухоронишася в томъ же манастирѣ: а они кровопийцы, якоже нѣкоторый сладкы *ловь уловивше*, отидоша, а о сихъ небрегоша, ниже пытаху о них. [Повесть об ослеплении Василия II (1450–1452)]

пріиде же и Давыдъ съ нимъ, яко нѣкаковъ *ловь уловивъ*. [Никоновская летопись (859–1176 гг.) (1526–1530)]¹⁰⁹

¹⁰⁶ В § 2.7.10 можно найти 59 не исправленных автором пропуска прикрытых графических слогов в берестяных грамотах (в том числе пропуски отрезков, соответствующих бывшему слогу со слабым редуцированным (типа написаний *покло* вместо *поклонъ*). Из колонки «Триггер» видно, что чаще всего эти пропуски случаются в тех случаях, когда слева от пропускаемого слога стоит слог с графически (не обязательно фонетически) идентичным гласным.

¹⁰⁷ При словоделениях *вы толо...* или *вытоло...* приходится предполагать далее присутствие какой-то формы глагола *толочи* или производных от него слов, что не дает в контексте грамоты никакого смысла. Прочие варианты словоделения предполагают более одной ошибки.

¹⁰⁸ В публикации мы повторили здесь ошибку текста «Пчелы» в НКРЯ: вместо *велащихъ* в корпусе ошибок *ловащихъ*, ср. правильный текст в издании: [Семенов 1893: 380].

¹⁰⁹ Отметим характерное разночтение для этого места в полных списках Повести временных лет: *оуловъ оуловивъ* в Лаврентьевском списке, в остальных — *звѣрь оулови(лъ)*.

Онъ же, сотворивъ, яко **ловъ** нѣ(к)ый **уловиъ** сладокъ, вкупѣ со убійцы воскликну...

[Иван Тимофеев. Временник (1610–1617)]

Левъ **ловѣтъ ловъ**, а грѣси дѣлающѣхъ неправду. [Нравоученія отъ Священнаго писанія по алфавиту избраная (1710–1717)]¹¹⁰

Несомненное наличие *figura etymologica* **ловъ** (у)ловити в живом древнерусском языке XIII в. подтверждается, помимо чуть более поздних примеров из оригинальных текстов, также и примером из древнерусского [Пчела, I: 30–38] перевода «Пчелы»: в греческом оригинале последовательности **ловъ уловень** соответствует разнокоренное словосочетание *τὸ θήραμα ἐναπειλημένον* [Пчела, I: 380, 12; II: 165, 352]. К списку переводных примеров той же конструкции можно добавить контекст из Жития Марии Египетской по Чудовскому сборнику XIV в., л. 67а [СДРЯ, IV: 422]: *гладаше на десно и на шюю яко ловець хытръ. кде бы оуловиль ловъ сладокъ* – в оригинале выделенному сочетанию соответствует *τὸ γλυκύτατον ζωγρήσειε θήραμα* [PG, 87, III: 3724].

Но если иметь при себе прямое дополнение **ловъ** мог и бесприставочный глагол *ловити*, и его производное *уловити*, то ничто не мешает предполагать такую возможность и для других его приставочных производных, в частности для *изловити*.

Итак, вместо *вытоло* мы предлагаем читать личное местоимение 2 л. мн. ч. *вы*, указательное местоимение *тъ* В. ед. муж., записанное по представленной в нашей грамоте «бытовой орфографии» как *то*, и слово **ловъ** с пропущенным вторым слогом¹¹¹. Предложение *а вытоло изловили*, таким

¹¹⁰ Начиная с XV в. фиксируются также выражения *ловею ловити*, *ловлями ловити* и, наконец, *ловлю ловити* (см. НКРЯ).

¹¹¹ Предполагая описку, мы все-таки не вполне сбрасываем со счетов и другую возможную версию: отсутствие <въ> на письме может отражать фонетическое преобразование [ow] > [o] в закрытом слоге, аналогичное установленному А. А. Зализняком переходу [ol] > [o] в этой позиции [Зализняк 2019; Сичинава 2020: 298–301]. Фонетическая, а не «эзратологическая» природа последнего стала ясна после находки грамоты № 1102, где слово *потина* записано без *л* дважды. Однако материал, свидетельствующий о возможности перехода [ow]>[o] по-прежнему представлен единичными в рамках данного почерка примерами, которые можно трактовать как описки: **бъко**<в>**цинѣ** 477, **ѡ** | <в>**хого** 463, **цере**<в>**ковицаха** (вм. -хъ) 1198 (пока не опубликованная грамота из раскопок 2024 г.). В любом случае, предполагаемая ошибка оказывается во много раз более частотной, чем возможное фонетически мотивированное написание.

образом, из неопределенно-личного превращается в определенно-личное, с эмфазой личного местоимения: *вы то ло<во> изловили* ‘Это вы выловили тех [бобров]!’ (букв. ‘тот улов’)¹¹².

Высказанное предположение может быть принято только при наличии параллельного объяснения для второго контекста, в котором до сих пор предполагалась форма И. ед. загадочной лексемы. Такое решение нашел А. А. Гиппиус: вместо *А вытоле, того изловили* он предложил читать *А вы [бол]е того изловили* ‘А вы еще больше выловили’, трактуя эти слова как ответную речь второй из тяжущихся сторон.

В пользу этого прочтения говорит ряд обстоятельств. Во-первых, как показало дополнительное обследование оригинала грамоты, места между *ы* и *о* недостаточно для того, чтобы вместить букву *т*¹¹³. Между тем *б* в грамоте имеет меньшую ширину и вполне могло здесь располагаться (от него видна и хорошо читаемая засечка).

Во-вторых, слова *противу молва* наилучшим образом интерпретируются именно как способ введения ответной реплики. Ср. в первой редакции Жития Михаила Клопского — новгородского памятника, известного своей близостью к разговорной речи:

И князь, услышавъ голосъ его, да посмотриѣ въ очи и позна его. Да молви ему: «А се Михайло, Максимовъ сынъ». И онъ *противъ молви* князю: «Богъ знаетъ!» И Феодосий

¹¹² Отметим использование слова *ловъ* в значении ‘улов, результат охоты и рыбалки’ в берестяных грамотах 131, 481, 1140. В первых двух из них А. А. Зализняк переводил *ловъ* как ‘лов’ [Зализняк 2004: 496, 621], в третьей — А. А. Гиппиус — как ‘охота’ [Гиппиус 2022: 14]. Уточнение (‘улов’) предложено Д. В. Сичиновой [2023: 215].

¹¹³ Верх буквы *о* почти не виден на лицевой стороне грамоты, но, судя по следам на обороте, перед *л* может быть только *о*, *е* или *с*, см. рис. 3.

игумень ему молвит: «Чему, сынко, имени своего намъ не скажешь?» И онъ *противъ молвит*: «Бог знаетъ!»¹¹⁴

Предлагаемая реконструкция проходит также проверку поиском по регулярным выражениям в древнерусском и старорусском подкорпусах НКРЯ. Остаткам видимых букв (если предполагать, что и ответная реплика начинается с отдельных слов *а вы*)¹¹⁵ соответствует регулярное выражение «.[оѣѣѣс][адла][ѣѣ]т[оѣ]г[оѣ]»¹¹⁶. Если предполагать для нее один словораздел, то не составляет труда перебрать все варианты его расположения, и только один из этих вариантов даст ненулевой результат поиска¹¹⁷. Следующий запрос (рис. 4) находит 20 примеров коллокации *боле того* в Древнерусском и 59 – в Старорусском корпусе¹¹⁸:

The image shows a search interface with two input fields. The first field, labeled 'Слово 1', contains the regular expression `.[оѣѣѣс][адла][ѣѣ]`. The second field, labeled 'Слово 2', contains `т[оѣ]г[оѣ]`. Both fields have a title 'Словоформа с рег. выражениями' and icons for help and search.

Таким образом, *вы боле* – не только наиболее подходящая по смыслу альтернатива чтению *вытоле*, но и чисто статистически наиболее вероятная, если не сказать — единственная.

Новая трактовка двух фрагментов позволяет иначе интерпретировать и сочетание *оурекуваются бобры*, до сих пор переводившееся как ‘обещают [платить] бобрами’. «Словарь русского языка XI–XVII вв.» фиксирует глагол

¹¹⁴ Заметим, что на запрос «против* + молв*» Панхронический корпус никаких других примеров не выдает.

¹¹⁵ Аналогичная процедура поиска затем производится без этого предположения. В этом случае на начальном этапе отделяется только союз *а*. Оказывается, что коллокаций, подходящих под регулярное выражение «вы.[оѣѣѣс][адла][ѣѣ]т[оѣ]г[оѣ]» без словораздела после «вы», не находится ни одной.

¹¹⁶ Точка в этом выражении соответствует любому символу. Каждая пара квадратных скобок соответствует одному из символов, перечисленных внутри нее. Например, второй символ (см. сноску 14) может быть *о*, *е* или *с*, но так как в грамоте *о* может заменять *ѣ*, а *е* — *ѣ* или *ѣ*, то искать необходимо шаблон, учитывающий возможность появления каждого из этих символов. Конечно, следует учитывать, что при указанном условии поиска потеряются, например, такие вхождения коллокации *боле того*, которые в оригинальном тексте записаны нестандартно (например, *боли таво*).

¹¹⁷ Для большего числа словоразделов при любых вариантах их расположения результат поиска также нулевой.

¹¹⁸ Помимо этого, уже в текстах конца XVII – начала XVIII в. находим одну коллокацию «велѣ того» и три (все три – в «Завещании» И. Т. Посошкова) – «деле, того». Очевидно, что ни та, ни другая для заполнения лакуны не подходят.

urekati в значении ‘обвинять’, представленном в разговорнике Т. Фенне: *Otzum ty menæ vreakaies, ty mnæ ne dall. Worumb vorwitestutt my du heffst idt my nichtt gegeuen.* [СлРЯ XI – XVII, 32: 291]. Опираясь на этот пример, *урекиватися* нужно понимать в контексте грамоты как взаимно-возвратный глагол, означающий ‘обвинять друг друга’: ‘в [ловле] бобров они обвиняют друг друга’. Заметим, что бобры выступают в этом контексте не как новое, а как данное: сочетания *ту тажю* и *<ть ловъ>* отсылают к известной адресату тяжбе, предметом которой является именно ловля бобров, и к тому «поличному», с которым, вероятно, ранее застигли кого-то из хотынян.

В свете сделанных поправок общая ситуация грамоты выглядит следующей. Отправка хотынянами двух мужей в Новгород была вызвана обвинением их в незаконной ловле бобров, исходившим от князя и адресата грамоты (согласно В. Л. Янину, им мог быть посадник). Автор доводит до сведения адресата, что хотыняне, оправдываясь, возлагают ответственность за «тот улов» друг на друга, в связи с чем их посланцы (видимо, представляющие две конкурирующие группы местного населения) будут делать соответствующие посулы. Письмо заканчивалось рекомендацией, как следует реагировать на эти посулы.

В такой интерпретации грамота отражает типичный для своего времени конфликт, не осложненный никакими привходящими обстоятельствами. Промысел бобра как самого ценного речного зверя был прерогативой собственников соответствующих угодий, осуществлявшейся при помощи специально назначаемых бобровников. Предметом тяжбы стало, по-видимому, нарушение этой прерогативы со стороны местного населения¹¹⁹.

¹¹⁹ Упоминание двух групп хотынян, препирающихся из-за незаконного лова, находит объяснение в предположении В. Л. Янина о вероятной локализации упоминаемой в грамоте местности: «В Новгородской земле было немало деревень с таким корнем, однако особое внимание обращает на себя деревня Хотино (на современных картах – Хотыня): это две одноименные и рядом друг с другом расположенные деревни [Разрядка наша. – Д. К., А. Г.] на реке Хотынке, левом притоке Мшаги, впадающей в Шелонь. Эта деревня находилась в Фроловском погосте, вся территория которого тяготела к реке Хотынке, отчего все жители указанного погоста могли называться «хотынянами» [Янин, Зализняк 1986: 62].

§ 4.2. Грамота № 141¹²⁰

В монографии А. А. Зализняка «Древненовгородский диалект» [Зализняк 1995: 404–405; Зализняк 2004: 493–494] текст грамоты № 141 интерпретируется как документ об отдаче вещей на хранение перед отъездом на Мовозеро, ср. такую же интерпретацию со ссылкой на Псковскую судную грамоту в [Черепнин 1969: 361–362]. Ранее грамоту понимали как описание ломбардной операции, заклада [НГБ IV: 17–19; Кафенгауз 1960: 173; Faccani 1995: 162; Янин 1998: 171, 350; также Малькова 2012: 34].

Определенные дискуссии в исследовательской литературе шли об идентификации словоформы *са подите* [Жуковская 1959: 52–53, Янин 1986: 229] и грамматического статуса *присл{л}авъши* [Мещерский 1962/1995: 137], но в [Попр.-VIII: 193] и [Зализняк 1995: 405] эти проблемы были убедительно решены А. А. Зализняком.

Актуальная версия текста и перевода грамоты представлена в обоих изданиях «Древненовгородского диалекта» следующим образом:

+ оу сидора • оу тадоуѣ • оу ладопги • по|
 ложиле гри•{и}шка • с костою ^{а во товолахѣ} а гришки ко|
 жюхѣ • свита сороцица • шапка • а ко|
 стина свита • сороцица • а товоли кости|
 ни • а сапоги костини • а дроуги:и : гришки•|
 ни : а цто са подите на мовозери присл{л}а|
 въши възмете

‘У Сидора, Тадуя и Ладопги (другой вариант: у Сидора-Тадуя, по прозвищу Ладопга) положил Гришка с Костой в сумках [вещи]: Гришкины — шуба, свита, рубашка, шапка, Костины — свита, рубашка; а [сами] сумки Костины; да [еще] сапоги Костины, а другие Гришкины. А если что случится на Мовозере, приславши [за вещами], возьмет [их] (или: возьмете)’ [Зализняк 2004: 493].

¹²⁰ Настоящий параграф основан на публикации [Крылов, Соколов 2026].

Как мы покажем в настоящем параграфе, в тексте грамоты, предложенном в издании, «поселились» сразу два ономастических фантома, заслонявших от исследователей отраженную в тексте ситуацию. «Изгнав» эти привидения из текста, можно определиться и с переводом последнего слова.

1. Фантом антропонимический

А. А. Зализняк [Зализняк 2004: 494, 616] считал *Ладонга* антропонимом и осторожно сравнивал с диалектным *ло́дьба* ‘разновидность сига’ (ср. прозвище *Ладога* 50, которое Зализняк вслед за В. И. Далем связывает с *лодога~лудога~ладога* ‘сиг’). Но конкретная цепочка фонетических и словообразовательных изменений, позволяющая связать эти слова, не вполне ясна.

А. Л. Шилов предложил три другие финно-угорские этимологии, каждая из которых требует предположения о пропуске гласного между *n* и *g*:

“На прибалтийско-финской почве компонент *Ладон-* можно сопоставить с *latu*, *ladu* ‘лыжня’ и многими другими лексемами. Компонент же *-нга* (искаженный при написании грамоты?) заманчиво сопоставить с частотными в древних прибалтийско-финских именах *poika*, *poiku*, *poiga*, *poig*, *poeig* ‘сын’. Впрочем, этот компонент может восходить и к приб.-фин. *rohja* ‘угол, край залива’, тогда имя — *nomina regionalia*. Не исключено и саамское происхождение антропонима, ср. саам. *ladd-* с целым рядом значений, в том числе — ‘финский’; ср. также саамские имена *Ladda(sh)* и *Puke*” [Шилов 2010: 44].

Заметим, что следов подобных имен (**Латупога*, **Ладонегга* и т. д.) в русской топонимике и именослове найти не удастся, равно как и следов предполагавшегося А. А. Зализняком имени **Ладонга*.

На тот факт, что последовательность *-ng-* противоречит прибалтийско-финской фонотактике, обращал внимание и Я. Саарикиви [Saarikivi 2007: 233–234]. Финский исследователь предположил, что написание является опiskой (“misspelling”). Сопоставляя антропоним с финскими именами *Latukka* и *Latikka*, он, однако, справедливо отмечает: «in this case the Russian word final *-ga* (pro *-ka*), would be somewhat unexpected».

Следует заметить, что необычная буквенная последовательность *пг* противоречит не только прибалтийско-финской, но и славянской фонотактике. В древненовгородском диалекте сочетания парного глухого и парного звонкого согласного образовались лишь после падения слабых редуцированных и постепенно подверглись фронтальной ассимиляции, регрессивной (*здоровъ* < *сьдоровъ*) или прогрессивной (только в ранний период и для ограниченного круга лексем типа *сторовъ* < *сьдоровъ*). Соседство же парной глухой и парной звонкой согласной буквы не на стыке морфем представлено в корпусе берестяных грамот лишь однажды¹²¹: в грамоте № 908 2-ой пол. XI в. словоформа <*постави*> написана как *ПОСДАВИ*. Тем же почерком, что и № 908, написана грамота № 905, где вместо ожидаемого личного имени *Тъшатъ* видим *Тъшадъ*. Таким образом, автор этих двух грамот смешивал парные по глухости-звонкости согласные, чего мы в грамоте № 141 не наблюдаем. Но даже если предположить, что стандартный позднерусский облик сомнительной словоформы должен был выглядеть как **Ладонка* или **Ладобга*, никаких следов такого имени в русской антропонимике и топонимике также не удастся найти.

Обратим внимание и на палеографическую странность этого места: отсутствие засечек у буквы *п* в слове *ладопги*. Практически все буквы *а, г, и, к, л, н, п, т, ѡ* в грамоте имеют ярко выраженные нижние засечки (которых суммарно оказывается около ста)¹²². Исключения составляют три буквы *т* (в первом слове *костини*, в словах *товоли* и *цто*). Единичные буквы, низ которых приходится на берестяную «чечевичку», — не в счет. Это говорит о том, что буква *п* в *ладопги* была недописана, о чем также косвенно свидетельствует ее слегка укороченная правая ножка.

¹²¹ На стыке морфем первая согласная иногда отражает традиционное написание морфемы вопреки уже случившемуся падению редуцированных: *Ньсдь* 1029/980 [1180–1200], *сде* 68 [1240–1260], *табѣ* 213 [1240–1260], *сбери* 253 [1360–1380], *сбродну* 314 [1380–1400] и др. Возможно, они свидетельствуют о том, что ассимиляция по глухости-звонкости согласных, стоявших по разные стороны от слабого редуцированного, случилась вовсе не одновременно после падения редуцированных, как предполагал А. И. Соболевский [Соболевский 1907/2004: 103 – 105].

¹²² Прорись грамоты многих засечек не отражает. Необходимо обращаться к фотографиям на сайте “Древнерусские берестяные грамоты”: <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/141/> (Дата обращения: 02.02.2025).

Объяснить совокупность этих фактов можно единственным образом: перед нами адскрипционное исправление начатой по ошибке буквы **п** путем приписки справа правильной **г**. Перед нами хорошо знакомый Р.=Д.=М. ед. ч. слова *Ладоба*, где конечный слог *-gi* (из ранне-др.-новг. *-gъ*) перед последующим **положилѣ** был изначально пропущен.

Каков же в грамоте референт имени *Ладоба*? Указания на некоторые примеры, где *Ладоба* употреблено в качестве личного имени [Зализняк 2004: 616], остаются в силе, так что и в нашей грамоте *Ладоба* может выступать как антропоним. Однако теперь появляется конкурирующая версия, состоящая в том, что перед нами название города¹²³. Следовательно, *оу ладо{п}ги* можно перевести также как ‘в [городе] Ладобе’¹²⁴ либо ‘у [города] Ладоби’. Второй вариант менее предпочтителен в свете прагматики текста: от документа об отдаче вещей на хранение ожидается более точная локализация хранителей, ведь адресаты грамоты должны быть способны этих хранителей найти.

2. Фантом географический

Почти полное единодушие исследователей наблюдается в вычленении топонима *Мовозеро* в конце грамоты (**а цто сѧ подите на мовозери присл{л}а|въши възмете**, где **сѧ подите** = <*сѧ подѣють*> ‘случится’). Только Р. Факкани, пересказывая содержание грамоты, ставит после этого слова знак вопроса: “In partenza da Novgorod (per il Movozero?), Griška e Kosta lasciano in deposito presso (l’usuraio?) Sidor diversi loro capi di vestiario” [Faccani 1995: 162]. Нельзя исключать, что издательское словоделение было спровоцировано визуальным обликом этой последовательности букв, как бы ограниченной с двух сторон «пробелами».

¹²³ По НПК [3: 958, 960] известна также река Ладоба (по-видимому, тождественная современной Ладожке). Однако прагматический контекст грамоты практически исключает возможность того, что в ней имеется в виду маленькая речка, на которой стоит одноименный город. Как название Ладожского озера, судя по текстам, присутствующим в НКРЯ, *Ладоба* впервые упоминается лишь в 1711 году. Следовательно, если *Ладоба* выступает в грамоте как топоним, то иметься в виду может только город.

¹²⁴ В этом случае в написании *оу* можно видеть просто отражение билабиального [w], а в *Ладоби* — местный падеж. Но нельзя исключать, что перед нами правильное употребление предлога *у* с родительным падежом для обозначения положения внутри замкнутого пространства [СлРЯ XI–XVII, 30: 303, 3-е значение].

Но лимноним *Мовозеро*, также как и антропоним *Ладога*, не известен из других источников и также не имеет этимологии, что заставляет задуматься о возможных альтернативах этому чтению.

Наиболее похожее название, предполагающее простую описку (пропуск второй согласной биконсонантного кластера), – это Мов<ж>озеро Пудожского района Карелии. Однако М. А. Соколов указал на решение, не предполагающее вообще никакой описки: словоделение *а что сѧ подите намо в озери* устраняет спорный топоним и дает вполне удовлетворительный смысл: ‘а если что случится с нами в озере, [вы], прислав [за вещами], возьмете [их]’. Такому словоделению идеально соответствует управление глагола *подѣ*тисѧ дательным падежом (ср. примеры в [СлРЯ XI–XVII, 15: 258]).

Соединение двух поправок позволило А. А. Гиппиусу¹²⁵ предложить следующую реконструкцию отраженной в грамоте ситуации. Упоминаемое в конце грамоты озеро есть не что иное, как Ладожское озеро, куда отправляются на ловлю рыбаки Гришка и Коста, оставляя одежду на хранение у Сидора-Тадую (или у Сидора и Тадую) в городе Ладоге.

Тот факт, что автор грамоты № 141 был склонен не только к редупликации букв (*гри{и}шка, присл{л}авъши*), но и к пропуску конечных слогов (**Ладѡ<gi> n... → Ладѡ{n}gi положили*), дает основание сделать корректировку и для актуального грамматического анализа грамоты.

Словоформа *гришки* в конце второй строки рассматривалась А. А. Зализняком как единственный среди берестяных грамот надежный пример употребления родительного падежа принадлежности у существительного вне особых условий [Зализняк 2004: 158–159]. Такими особыми условиями являются, с одной стороны, случаи, когда посессор выражен отчеством или субстантивированным прилагательным типа *тысячскыи* (для них в языке притяжательные прилагательные отсутствовали), с другой — случаи, когда посессор выражен словосочетанием (здесь употребление родительного

¹²⁵ Устное сообщение.

принадлежности допустимо, чтобы избежать нагромождения притяжательных прилагательных) [там же]. При этом, как показала С. Я. Макарова [1954: 16–17], это касается не только словосочетаний, но и ряда однородных существительных¹²⁶.

Надо отметить, что гипокористические личные имена *а*-склонения типа *Гришка* являются той категорией существительных, у которых «адъективный» способ выражения притяжательности вытесняется «генитивным» медленнее всего [Борковский, Кузнецов 1963: 425; Булаховский 1958: 321; Кустова 2018: 63–65], отчетливо преобладая даже в современном узусе. В Древнерусском и Эпиграфическом корпусах НКРЯ среди непереводных текстов случаев употребления родительного принадлежности для этой категории существительных (не осложненных определением, не являющихся приложением и не имеющих при себе однородных членов) не находится ни одного.

Между тем, ничто не мешает предположить, что и здесь мы имеем дело с пропуском конечного слога в нормальном притяжательном прилагательном *Гришкине* или *Гришкини*¹²⁷. Еще раз заметим, что пропуск слога сам по себе является чрезвычайно распространенным явлением (см. § 2.7.10), и предполагать здесь именно его предпочтительнее, чем видеть в *гришки* не засвидетельствованный для древнерусского языка XI–XIV вв. грамматический феномен.

¹²⁶ Во всех таких примерах XI–XIV вв. (не только указанных С. Я. Макаровой, но и найденных нами в НКРЯ) эти два существительных на самом деле представляют собой пару святых с эллипсисом прилагательного *святую* Род. п. дв. ч., вызывающего постановку всего словосочетания в родительный падеж (например, *црѣкы <святую> Бориса и Глѣба*).

¹²⁷ *Гришкине* — если оно было согласовано с первым существительным из однородного ряда *кожюхе, свита, сороцица, шапка*. *Гришкини* — если оно стояло во множественном числе. Судя по дальнейшему *Костина свита, сороцица*, автор грамоты предпочитал первую конструкцию. С другой стороны, как видно из собранного материала (§ 2.7.10.), пропуск слога в очень значительной части случаев вызывается тождеством гласной с предыдущим слогом, что говорит в пользу второго варианта.

ГЛАВА 5. Эрратология и текстология: статистика ошибок как инструмент критики текста¹²⁸

В настоящей главе будет продемонстрировано, что знание частотности ошибок может быть полезно для текстологического исследования рукописей закрытой (или почти закрытой) рукописной традиции. Обычно считается, что общие для двух списков механические описки не могут свидетельствовать об их общем происхождении, так как два писца могут сделать их независимо. Это мнение безусловно ошибочно: как будет показано в настоящей главе, если предполагаемая общая механическая описка двух списков достаточно низкочастотна, она позволяет с полной уверенностью утверждать, что два писца перенесли ее из общего текстологического архетипа.

§ 5.1. Проблема текстологии ПВЛ и метод «общих ошибок»

Вначале приведем для удобства дальнейшего изложения две текстологические стеммы А. А. Гиппиуса [Gippius 2014, р. 346, р. 364], демонстрирующие две его версии соотношения вариантов Начальной летописи¹²⁹.

¹²⁸ Настоящая глава основана на публикации [Крылов 2026].

¹²⁹ НачСв – Начальный свод 1093 – 1095 гг.;

СвМс – Свод Мстислава Владимировича;

ВлСв – Владычный Свод;

ПВЛ – оригинал первой (по А. А. Шахматову) редакции ПВЛ, ок. 1113 г.

S – Сильвестровская (вторая по Шахматову) редакция ПВЛ, ок. 1116 г.;

*ИХ – оригинал третьей (по Шахматову) редакции ПВЛ, ок. 1118 г., отразившейся в Ипатьевском (И) и Хлебниковском (Х) списках;

Н1ст – Новгородская I летопись старшего извода в единственном Синодальном списке;

Н1мл – Новгородская I летопись младшего извода, представленная Комиссионным (К) и Академическим (Ак) списками;

НСС – Новгородско-Софийский Свод, представленный Новгородской Карамзинской (НК), Новгородской IV (Н4) и Софийской I (С1) летописями;

СвАБ – Свод Андрея Боголюбского 1160-х гг., продолженный записями до 1185 г.

Св1185 – Владимирский Свод 1185 г., к которому восходят Лаврентьевская (Л) и Троицкая (Т) летописи, а также северо-восточный источник (РА₁) архетипа Радзивилловского (Р) и Московско-Академического (А) списков (РА₂).

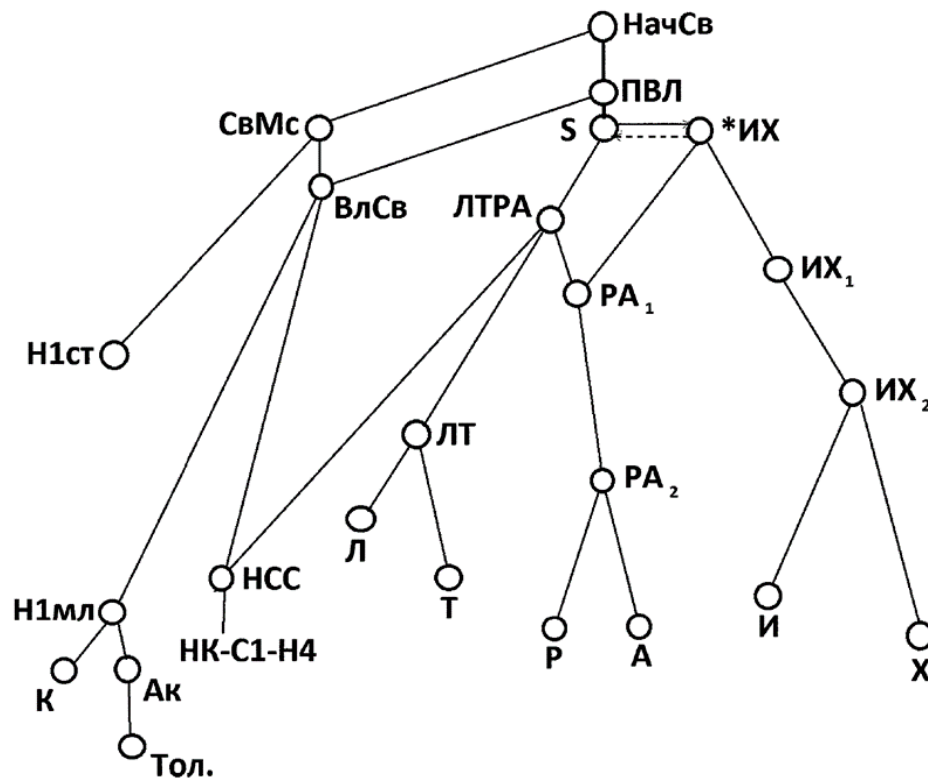

Рис. 1. Стемма 2002 г.

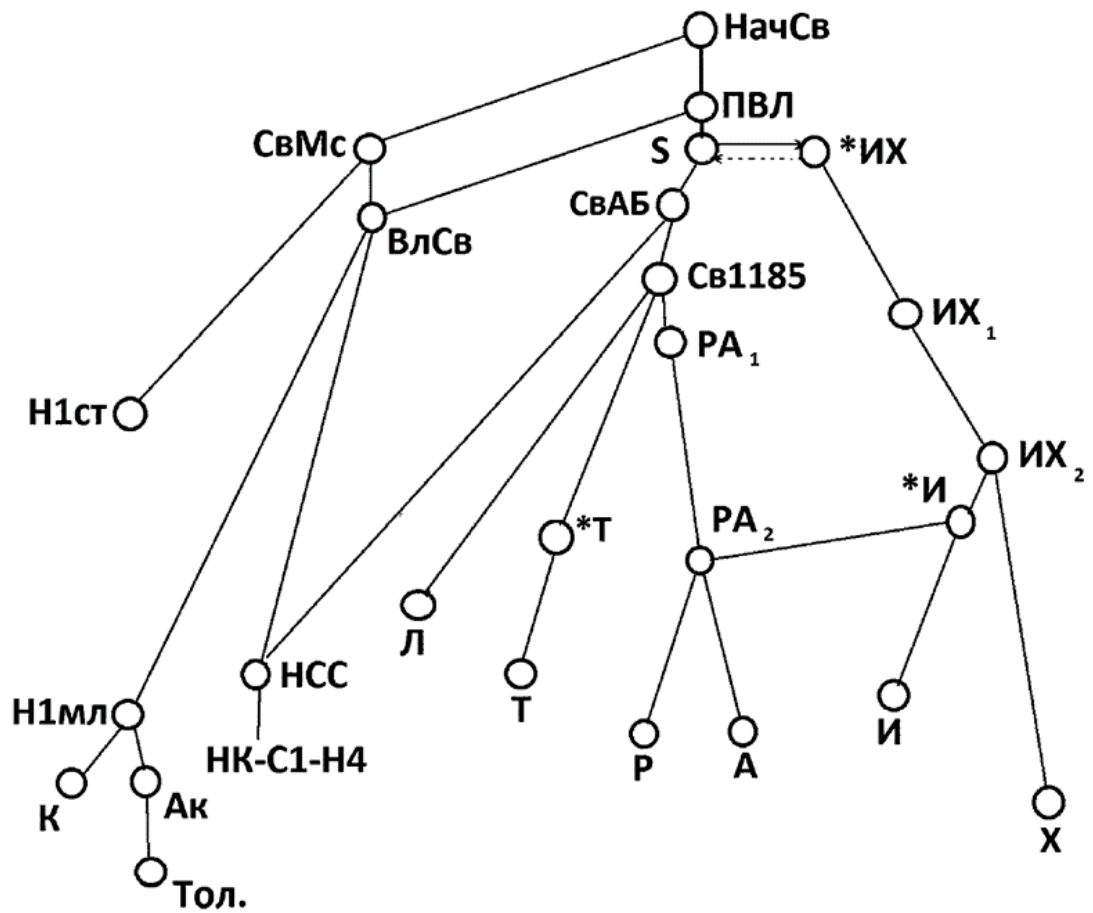

Рис. 2. Стемма 2014 г.

Первая версия изложена в рецензии на труд Л. Мюллера [Гиппиус 2002]. В этой рецензии было впервые¹³⁰ обосновано наличие в *РА контаминации северо-восточного летописания с южнорусским на участке ПВЛ¹³¹. Под таким южнорусским источником *РА естественнее всего было понимать протограф И и Х, поскольку строилась эта гипотеза на разночтениях вида Л(Т)≠ИХ=РА, где Л и/или Т содержат явно первичное чтение¹³². Модификация этой стеммы была сделана в ходе полемики с Д. Островски по поводу критики текста ПВЛ, где А. А. Гиппиус принял две поправки к своей изначальной схеме. Во-первых, вслед за С. М. Михеевым [2011: 20 – 26] он стал считать, что НСС восходит не к самому Св1185, а к его непосредственному антиграфу, СвАБ. Во-вторых, в работе Т. Л. Вилкул [Вилкул 2004: 177 – 179] указано 14 разночтений вида Л(Т)=Х≠И=РА, где первичное (по мнению Т. Л. Вилкул) чтение содержат Л(Т) и Х, а И, Р и А содержат общее вторичное. Этот список разночтений призван доказать, что южнорусский источник РА был протографом И, но не Х¹³³. Однако А. М. Введенский [Введенский 2022] предлагает вернуться к прежней схеме А. А. Гиппиуса, объясняя все эти разночтения иными способами: исправлением в Х искаженного чтения *ИХ по дополнительному источнику; независимой языковой модернизацией в И и РА; первичностью, а не вторичностью чтения РАИ и т. д.

¹³⁰ Похожий, хотя и иначе сформулированный тезис о том, что Р и И имеют общий источник, более поздний, чем оригинал ПВЛ, на самом деле был высказан еще А. А. Шахматовым [Шахматов 1938, с. 62-64] и был поддержан приверженцами «шахматовской школы», М. Д. Приселковым, Д. С. Лихачевым и др. Однако в среде критиков Шахматова (С. А. Бугославский, Л. Мюллер, Д. Островски и т. д.) на него должного внимания не обратили, поскольку сам характер этой контаминации (влияние на И т. н. «Владимирского Полихрона XIV в.», использующего родительский по отношению к РА Владимирский свод начала XIII в.) вполне справедливо рассматривался ими в числе прочих гипотетических контаминаций между гипотетическими же летописными сводами, скорее сконструированными, чем реконструированными Шахматовым. Списки общих чтений, приводимые Шахматовым в защиту «Радзивилловской контаминации» (равно как и иных контаминационных гипотез), изобилуют примерами ничего не доказывающих языковых вариантов и явно *первичных* общих чтений. Текстологическая идея К. Лахмана о том, что в пользу общего происхождения группы списков говорят именно общие *ошибки*, была А. А. Шахматову, к сожалению, чужда. И при безусловной полезности этих перечней для будущих текстологов, самостоятельной задачей современной летописной критики текста является вычленение из этих длинных перечней таких разночтений, которые действительно не могли бы в двух списках появиться независимо.

¹³¹ В настоящее время единственным исследователем, упорно отстаивающим совершенно иную стемму, с контаминациями Н1мл->*ЛТ и *ЛТРА->Х, остается Д. Островски [Ostrowski 2022]. На наш взгляд, его аргументация слишком уязвима, чтобы подробно разбирать ее здесь.

¹³² Необходимо отметить, что независимо от А. А. Гиппиуса к той же идее вплотную подошел А. В. Назаренко, также рецензировавший «перевод-реконструкцию ПВЛ» Л. Мюллера [Назаренко 2002, с. 131 – 132], но, указав на случаи общих вторичных чтений РА и ИХ, воздержался от постулирования своей стеммы.

¹³³ Такая гипотеза одновременно объясняет и все разночтения вида Л(Т)≠ИХ=РА.

Казалось бы, статья А. М. Введенского возвращает нас к классическому неразрешенному (и в общем случае, возможно, неразрешимому) вопросу критики текста: какие общие ошибки свидетельствуют об общем происхождении списков, а какие могли появиться в двух списках независимо.

Однако среди 14 разночтений, указанных Т. Л. Вилкул и иначе объясняемых А. М. Введенским, есть одно, относительно частотности предполагаемой ошибки в котором все-таки уже можно кое-что утверждать положительно. Это разночтение **Колгини** (РАИ) — **Комагини** (ТХ+НСС)¹³⁴. Первично здесь чтение *Комагини* (греч. *Κομμαγινή*), подтверждаемое Хроникой Георгия Амартола [De Boor 1909 I: 55, Истрин 1920: 59, 591]. Вторичный же вариант, согласно А. М. Введенскому, появился так:

«Механизм ошибки весьма прозрачен – пропуск *м* и прочтение *а* как *л*, чтобы избежать зияния. В древнерусском языке нет слов с начальным *коа*, а буквы *а* и *л* часто смешиваются при переписывании. В данном случае прочтение *а* как *л* было в значительной мере спровоцировано невозможностью сочетания гласных *оа*. Правильное же название летописец просто не мог восстановить при отсутствии буквы *м*, т. к. вряд ли разбирался в названиях этих племен» [Введенский 2022: 136].

В настоящей главе будет показано: вероятность того, что именно такая ошибка (да еще и одинаковым образом неверно исправленная) была сделана в двух списках ПВЛ (протографа РА, с одной стороны, и И, с другой стороны), крайне мала. В конце будет рассмотрено еще два разночтения из рассматриваемых четырнадцати, трактовка которых А. М. Введенским, на наш взгляд, неубедительна.

§ 5.2. Пропуски одиночных согласных в берестяных грамотах

Выше мы показали (§ 2.7.1), что пропуски одиночных согласных в абсолютном большинстве случаев исправляются авторами берестяных грамот. Неисправленных пропусков (см. там же) всего 5.

Однако это означает только то, что такие пропуски не должны часто появляться в оригинальных текстах, каковыми являются подавляющее

¹³⁴ В Л это слово пропущено, вероятно, по гаплографии: *Коулиш Комагини* [PVL 1, 10].

большинство берестяных грамот (исключение – тексты церковного и литературного характера). Быть может, при копировании механизм появления ошибок другой, и пропуски одиночных согласных все-таки встречаются чаще?

§ 5.3. Пропуски одиночных согласных в старославянских памятниках

Полных сводов ошибок для какого-либо класса средневековых славянских рукописей пока не существует. Однако в работе Я. Милтенова [Miltenov 2018: 169], собирающей (пусть и неполно) ошибки старославянских рукописей, приведены следующие случаи пропуска одиночных согласных в начале слова (глаголица переводится в кириллицу, ссылки и словоформы даются как в статье, при необходимости непосредственно в сноске указывается лист рукописи):

авилонѣ — вавилонѣ (*EuchSin*, f. 13r: 14)¹³⁵

авилоньскѣ — вавилоньскѣ (*PsSin*, Ps 136:1)¹³⁶

одобьнѣ — подобьнѣ (*Supr*, 258.3)¹³⁷

оустыни — поустыни (*Assem*, Io 1:23)¹³⁸

Последние два примера нерелевантны (см. сноски). Что касается первых двух, то их можно было бы трактовать чисто фонетически (см. сноски), однако звательце над неприкрытым гласным в первом примере показывает, что «пропуск» здесь вполне сознательный: после падения редуцированного происходит переразложение фонетической последовательности [w-awiloně] и лексикализация топонима *Авилонѣ*. Похожий пример из народных списков «Сна Богородицы» *во городе во Флиеме* (с делением на слова!) [Мороз 2015, с. 374] может объясняться аналогичным образом: переразложение отрезка [w-ifli(j)emě] с последующим переходом начального *И* в *О* по модели *Ирина* > *Орина*¹³⁹ и,

¹³⁵ В рукописи — *въ авилонѣ*. Я. Милтенов, на наш взгляд, напрасно лемматизирует эти примеры. Окончание, конечно, в данном случае не так важно, как игнорирование левого контекста. В идиолекте писца произошло падение редуцированных, и после упрощения /ww/ в /w/ за правильным написанием **въ Вавилонѣ* и ошибочным *въ Авилонѣ* стояла одинаковая фонетическая последовательность.

¹³⁶ Без лемматизации и с левым контекстом — *на рѣцѣ Авилоньстѣ*.

¹³⁷ Искомое место попросту утрачено [*Supr*, f. 129v]. Текст лакуны, однако, надежно восстанавливается и без предположения об ошибке: *да по мѣ[д](рост)и вашей сждите въ правдѣ по плѣт(и н)одобьнымъ вамъ*.

¹³⁸ Этот пример тоже неубедителен, поскольку пергамен Ассеманиева евангелия в этом месте [*Assem*, f. 2v, 7] столь испорчен, что даже удовлетворительное факсимиле с сайта Ватиканской библиотеки не позволяет надежно установить, был ли тут пропуск буквы и какой именно. Хочется надеяться, что какие-то более совершенные методы сканирования прольют свет на этот отрезок в будущем. На наш взгляд, места в испорченной строке совершенно достаточно для заполнения лакун на отрезке *въпнѣ|шт(ѣ)го в(ѣ н)стѣ|(и)ні*:

¹³⁹ Переход этот, конечно, мы предполагаем не у автора списка, а у его далекого «фольклорного предка».

наконец, реинтерпретацией *о* как части предложения. Несколько иное объяснение написанию *во Флиеме* приводят А. А. Гиппиус и С. А. Лащук [Гиппиус, Лащук 2021, с. 72], видя в промежуточном звене фольклорной традиции утрату начального слога *Ви*. Как бы то ни было, подпись *ОѠ...* к изображению Рождества Христова на Васильевских вратах Троицкого собора в Александрове, изготовленных в Новгороде в 1335-1336 г., авторы статьи убедительно интерпретируют как частично скрытый обрамлением врат текст *ОѠ(леемъ)* [там же]. Эти примеры показывают возможность лексикализации «просторечного» варианта *Авилонъ* и его производного *Авилоньскъ*, которые, конечно, типологически обособлены от предполагаемого «простого пропуска буквы» в *Комагини*¹⁴⁰.

Можно было бы подумать, что в памятниках старославянского канона вовсе нет пропусков одиночных согласных, но М. А. Соколов сообщил нам об одном таком пропуске:

прѡивѣж – прѡтивѣж (*PsSin MS 2/N. f. 31b26*)

Объяснить этот пропуск в глаголице несколько легче, чем его повышенную частотность в кириллице: и *·*, и *·(·)* в древнейших глаголических почерках различаются только наличием/отсутствием нижней половины буквы и несомненно начинали писаться с тождественных дуктов (движений руки).

Таким образом, пока обнаружен лишь один пример пропуска одиночных согласных в старославянских памятниках.

§ 5.4. Пропуски одиночных согласных в древнерусских церковнославянских памятниках

Из описаний памятников церковнославянского языка русского извода отдельного внимания заслуживают такие, в которых автор эксплицитно приводит полный перечень содержащихся в них ошибок. Как мы видели (§ 1.4), наиболее раннее исследование, где такой перечень был бы заявлен по крайней

¹⁴⁰ Еще более точную аналогию утрате начального *В*- в урбанониме на *Ва*- любезно сообщил нам И. Б. Иткин: фамилии *Аршавин* и *Аршавский* происходят от *Аршава* (Варшава) – формы, которая еще в XIX в. была употребительна «повсюду в России» [Крушевский 1879: 116; Унбегаун 1989: 106].

мере для пропусков, является статья О. В. Малковой, посвященная как раз «эпграфическому» анализу Галицкого Евангелия 1266 – 1301 гг. (*ЕвГ*). Из перечня ошибок, обнаруженных О. В. Малковой, мы выявляем только два пропуска одиночных согласных, оба из них исправлены [Малкова 1979, с. 112 – 114]:

днии ꙗхъ (испр. на: днии ꙗхъ), 52б

зиота (испр. на: зиота), 70в

Обращает на себя внимание как левый, так и правый контекст первого пропуска: уже отмеченное нами (§ 2.7.1) неочевидное графическое влияние и на т дополняется более заметным у данного писца палеографическим сходством т и последующего ꙗ с высокой перекладиной.

О. В. Малкова добавляет к этому еще один пример «пропуска», слово *Ююпта* (стлб. 159а), но это, конечно, не ошибка, а отражение южнорусской фонетики, где фрикативное *z* перед гласным переднего ряда вряд ли было отличимо от [j].

В кандидатской диссертации Г. А. Молькова, представляющей собой полное лингвистическое и палеографическое описание Милятина Евангелия XII в.¹⁴¹ (*МЕ*), приведен полный перечень описок и ошибок этой рукописи (единый для всех пяти почерков). Однако ни в одном из этих почерков нет ни одного (!) пропуска одиночных согласных, будь то исправленного или нет. Все пропуски – либо целые фразы, либо отдельные слова, либо слоги, либо гласные, либо согласные в кластере. [Мольков 2014: 47 – 53].

Особенно впечатляет эта статистика на фоне приблизительной длины текста. Как можно подсчитать из кодикологического описания [Мольков 2014: 19], всего в *МЕ* 260 столбцов по 23 строки, 182 столбца по 24 строки, 177 столбцов по 25 строк и 19 столбцов по 26 строк. Это дает 15267 строк, несколько из которых, правда, не заполнены (14 в стлб. 9а, 7 в стлб. 121б, некоторые заполнены не полностью). К тому же, почерк к концу рукописи

¹⁴¹ Так датирует памятник сам Г. А. Мольков [2014, с. 244].

становится более убористым [там же]. И все же это позволяет оценить длину текста приблизительно в 200 тыс. букв (в начале рукописи в строке около 12 букв, ближе к концу – около 14). Согласных, таким образом, около 100 тыс.,¹⁴² из них одиночных должно быть не менее 70 тыс.¹⁴³

Имеется также полный список ошибок в описании Бычовско-Синайской псалтири, выполненном Р. Н. Кривко. Пропусков одиночной согласной ожидаемо нет в третьем почерке, которым написано немногим менее 4 листов [Кривко 2015, с. 103], однако оказывается, что нет их и во втором почерке, которым написано почти две трети Псалтири [там же, с. 97]. Что касается первого почерка, которым написано около 42 листов (порядка 10 тыс. словоформ), то там приводятся лишь два пропуска:

поуи (вм.: поути)¹⁴⁴

подвижастасѧ 17 (вм.: подвижастасѧ)¹⁴⁵

Последний пример, как видно из нового скана рукописи с сайта Библиотеки Конгресса США, в действительности не является ошибкой. Следует читать: *подвижастасѧ*. Первый же пример примыкает к двум пропускам *т* перед *и*, известным нам по корпусу берестяных грамот.

Таким образом, в трех достаточно объемных древних памятниках древнерусского извода церковнославянского языка, для которых составлены полные каталоги ошибок, есть всего-навсего один пропуск одиночной согласной, не исправленный автором.

¹⁴² Как видно из нашего подсчета (§ 2.1.2), гласных в грамотах нашего корпуса 46716 (ок. 49.5% всех букв), а согласных 47747 (50.5 %). Может показаться, что доля гласных в *МЕ* должна быть существенно выше за счет более архаичного состояния редуцированных, чем в среднем по берестяным грамотам. В грамотах, датируемых до 1160 г., ближе стоящих к *МЕ* по состоянию редуцированных, гласных почти ровно половина (8510 против 8512 согласных). Как видно, изменение доли гласных в зависимости от состояния редуцированных не очень значительно.

¹⁴³ Одиночных согласных среди всех согласных в раннедревнерусских грамотах чуть больше 70%. Между соседними хронологическими рубриками она претерпевает значительные флуктуации из-за небольшого объема материала, но при объединении материала в более крупные разделы, предложенные А. А. Зализняком, – А, Б1 и Б2 [Зализняк 2004: 58 – 59],

¹⁴⁴ *Psalt. Sin. Cyr. Slav.* 6/N: f. 8r (Пс. 16:4):

¹⁴⁵ *Psalt. Sin. Cyr. Slav.* 6/0: f. 8r (Пс. 37:17):

§ 5.5. Формула вероятности независимо сделанных ошибок

Вышеприведенной статистики из церковнославянских памятников может показаться достаточно, чтобы утверждать невозможность независимо сделанного механического пропуска в одном и том же месте в двух списках ПВЛ. Однако при переписке таких текстов как Псалтирь и Евангелие, несомненно, часто использовалось более одного антиграфа, да и знакомство с текстом на слух, вероятно, могло препятствовать появлению редких типов механических ошибок. Может быть, для ПВЛ пропуски одиночных согласных должны быть по частотности ближе к текстам берестяных грамот? Можно сказать, конечно, что все обнаруженные пропуски во всех рассмотренных памятниках письменности объясняются контекстным соседством с гласной, начинающейся с тождественного дукта. Но ведь буквы *м* и *а* хотя бы в части почерков должны начинаться с одной и той же диагональной линии — почему бы не предположить, что этот пропуск (не такой уж невозможный в берестяных грамотах) случился дважды в двух списках ПВЛ? Можно ли как-то оценить вероятность появления общей ошибки известной частотности в тексте известной длины?

Попробуем это сделать. Обозначим за p_1 и p_2 вероятности совершения данной механической ошибки в данной графической позиции писцами 1 и 2. Вероятность того, что два обыкновенных писца, переписывающих один текст независимо, совершат данную ошибку в одном и том же конкретном месте, — $p_1 * p_2$ (по формуле вероятности независимых событий). Следовательно, $(1 - p_1 * p_2)$ — вероятность того, что одно и то же место будет у обоих переписчиков написано правильно. Если в тексте известной длины есть n графических позиций, где такая ошибка может быть совершена (будем для простоты считать, что вероятность совершения ошибки в одном месте не влияет на вероятность ее совершения в других местах), то $(1 - p_1 * p_2)^n$ — вероятность того, что данный текст будет переписан двумя писцами без единой общей ошибки известного рода (опять по формуле вероятности независимых событий). Таким образом, $1 - (1 -$

$p_1 * p_2)^n$ – вероятность того, что при переписке одного текста двумя писцами хотя бы в одном месте они совершат одинаковую ошибку.

Ясно, что если бы хотя бы один из рассматриваемых списков ПВЛ переписывал бы столь же внимательный книжник, что и писцы Милятина Евангелия или пресвитер Георгий (писец *ЕвГ*), то вероятность эта была бы нулевой. Близкой к нулю она была бы и в случае первого писца Бычковско-Синайской Псалтири. Однако предположим, что оба книжника ошибались бы столь же часто, как среднестатистический автор берестяных грамот. На практике это означает упрощение формулы до $1 - (1 - p^2)^n$, где p – вероятность пропуска одиночной согласной среднестатистическим автором берестяной грамоты, а n – количество одиночных согласных в исследуемом нами тексте.

Выше показано (§ 2.1), что в берестяных грамотах около 31174 одиночных согласных. Однако для надежности возьмем только очищенный корпус словоформ, не содержащих издательских конъектур. В нем 18975 одиночных согласных, причем их неисправленный пропуск встретился 5 раз. Таким образом, вероятность того, что отдельно взятый одиночный согласный будет пропущен средним автором берестяной грамоты «очищенного подкорпуса», можно оценивать максимум в $p = 5/18975 = 0.02635\%$ (реальная частотность еще почти в два раза ниже, если взять «грязный» подсчет).

ОС во всем тексте ПВЛ 66683 (из 101964 согласных)¹⁴⁶. Посчитанная (по приведенной выше формуле) вероятность того, что хотя бы в одном месте в двух списках ПВЛ независимо будет совершен пропуск ОС, получается ничтожно малой: 0.46%. Однако в реальности она еще меньше: книжники, как мы убедились, допускали подобную ошибку все же на порядок реже авторов берестяных грамот. Добавим к этому предположение А. М. Введенского об одинаковом независимом исправлении **Коа-* на **Кол-*, и предложенный им механизм независимого появления этого разночтения станет практически невероятным.

¹⁴⁶ Подсчеты основаны на xml-файле Ипатьевского списка, любезно предоставленном мне Д. В. Сичиной.

§ 5.6. Другие возможные объяснения искаженного *Колгини*

Но для окончательного текстологического вывода и этих подсчетов недостаточно: выше доказано лишь, что невозможен независимый пропуск *м*, но есть ведь вероятность того, что *ма* превратилось в *л* по какой-то другой причине. Одну из таких причин предложил сам А. М. Введенский в устной дискуссии по этому вопросу на Летописном семинаре 06.09.2024: не могло ли *Колгини* возникнуть под влиянием соседнего *Коулии* (в Т – *Колии*)?

Никакого механизма искажения текста при переписывании нельзя исключать в единичном случае, но превращение *колиикомагини* в *колииколгини* типологически еще более беспрецедентно, чем предположение о пропуске одиночной согласной. При классическом *saut du même au même* ожидался бы пропуск между какими-то двумя и или пропуск *колии* (прыжок от первого *ко* ко второму). Но предлагаемый здесь механизм ошибки означает «двойной *saut*»: от второго *ко* к первому и затем от *л* к похожему на него *а*. Должно заметить, однако, что ни в одном из трех рассмотренных полных списков ошибок книжных рукописей никакой сколько-нибудь похожей ошибки не встретилось, и пока что ее частотность мы вынуждены оценивать в 0%. Кроме того, написание *Колии* мы видим только в Т, тогда как в РАИХ читается *К(о)улии*, что делает сходство начал двух названий еще более зыбким.

Более предпочтительной представляется гипотеза о дефекте рукописи (чернильная клякса, капля воска или дыра в пергамене, прогрызенная мышами), закрывшем ровно полторы буквы (*о* и половину *м*). Вероятность того, что это одинаковым образом произошло независимо в двух рукописях, также представляется чрезвычайно малой, но точно ее оценить сможет только исследователь, собравший по славянским рукописям кодикологическую статистику, которая бы продемонстрировала, как часто уничтожается в результате внешнего воздействия участок текста размером в полторы буквы. Поскольку это на основании современных знаний сделать невозможно.

Два других аргумента в пользу новой стеммы А. А. Гиппиуса, не имеющие отношения к теме частотности ошибок, см. в публикации [Крылов 2026: 132 – 133].

§ 5.7. Выводы

Настоящая глава не дает никакой новой информации об истории текста ПВЛ. Наши наблюдения только показывают, что новая стемма А. А. Гиппиуса вполне выдерживает критику. Стоит лишь сократить до трех пунктов список разночтений, доказывающих, что южнорусским источником *РА был именно *И.

При всей узости поставленной задачи, более решительное принятие второй стеммы заставляет иначе взглянуть на текстологическую историю конкретных разночтений. Так, принимая первую версию, мы неизбежно должны были бы признать, что имя Нестора, читающееся в заглавии ПВЛ только в Х, есть позднее добавление (иначе приходится счесть, что пропущено оно было дважды: в И и в *РА). Приняв вторую версию, уже необходимо считаться с возможностью присутствия этого чтения в оригинале «постсилвестровской» редакции, составленной после 1118 г., как убедительно предполагал А. А. Шахматов, лицом, близким к Владимиру Мономаху [Шахматов 1938: 85 – 86]. Поэтому имя черноризца, автора ПВЛ, могло читаться в *ИХ и быть пропущено лишь однажды, в *И, откуда пропуск был заимствован в *РА. Это, конечно, еще не говорит о том, что Нестор действительно был автором третьей, первой или какой-то другой редакции Начальной летописи. Но если бы была верна первая стемма А. А. Гиппиуса, от которой ее автор уже отказался и к которой предложил вернуться А. М. Введенский, то у сторонников поздней вставки в Х был бы на руках чисто текстологический аргумент, который теперь, как мы видим, отпадает.

Составление перечней рукописных ошибок – не побочный продукт описания памятников (и то встречаемый, к сожалению у немногих исследователей и издателей рукописей), а важный вспомогательный материал

для решения вопросов критики текста, в которых не последнюю роль может играть статистика ошибок.

Эти данные показывают, что даже одна простая описка, разделяемая двумя текстами, способна значительно поменять стемму рукописной традиции текста — в том случае, разумеется, если она так низкочастотна, как пропуск одиночной согласной. По-видимому, еще бóльший текстологический вес должны иметь, согласно нашим подсчетам (§ 3.1), «слогоразрушающие» перестановки, реитерации, предвосхищения и инсерции согласных.

ГЛАВА 6. Древнерусский язык как иностранный: к выработке диагностических критериев

§ 6.1. Иностранные писцы берестяных грамот?

Как уже отмечалось (§ 1.7), из берестяных грамот, опубликованных в первых семи томах НГБ, лишь для двух было предположено иностранное происхождение писца – № 99 и № 131 [НГБ III: 26, 68, 90]. А. А. Зализняк обоснованно отвел эти предположения, поскольку и непозиционные смягчения и отвердения согласных (как в № 131), и тем более шоканье (как в № 99), поставившие в тупик А. В. Арциховского, многожды встречаются в рукописях, за которыми нет никаких оснований предполагать нерусское происхождение.

Однако опубликованная в 1986 г. [НГБ VIII: 76] и к 2000 г. правильно прочитанная грамота № 614 впервые заставила А. А. Зализняка предположить, что писец ее был «либо обрусевший карел (или вожанин), либо носитель говора с прибалтийско-финским субстратом» [НГБ X: 116]: в грамоте были отмечены целых три ошибки в глухости-звонкости (см. § 2.9.1). Позднее А. А. Гиппиус, по низам букв прочитавший верхнюю строку грамоты, увеличил число примеров до пяти, причем два новые, согласно А. А. Гиппиусу, исправлены [НГБ XII: 252 – 253].

В 1999 г., однако, был найден уже упомянутый блок небольших грамот №№ 905, 908 и 910 (посл. четв. XI – нач. XII в.) с двумя примерами непозиционного озвончения (*Тѣшадрѣ* 905, *посѣави* 908), для которого не было никаких специальных оснований предполагать неславянское происхождение писца.

В 2007 г. Т. В. Рождественская [2007] опубликовала граффито из лестничной башни Георгиевского собора Юрьева монастыря, в котором поначалу читался один, а после уточнений А. А. Гиппиуса и С. М. Михеева [2022], как оказалось, читается сразу два примера непозиционного оглушения. Текст гласит: *тъ ти тиво є | Поу(т)ила д[ьакє] | кри<вь>це о томоу оу|мети
кرامот[ж] | а кривоу боуд(о)уци* ('Вот ведь диво — кривой дьяк Путила! О, он

знает грамоту, при том что крив!') [Гиппиус, Михеев 2022: 105–107]. Если считать, что два и более примеров непозиционных мен в коротком тексте непременно свидетельствуют в пользу нерусского происхождения писца, то приходится считать дьяка (!) со славянским именем Путила (!) представителем какого-то финно-угорского племени¹⁴⁷. В этом нагромождении допущений, конечно, нет необходимости: ошибки в обозначении глухости-звонкости постоянно отмечаются у дисграфиков с расстройствами фонематического слуха (§ 1.2). Как нам представляется, наличие такого расстройства способно объяснить и прозвище Путилы «Кривец», и прагматику самовосхваления: если под «кривизной» понимать не хромоту и не слепоту на один глаз (см. основные значения производных *-крив-* [СРНГ 15: 241 – 251] – в умении такого человека писать нет ничего удивительного) – а дислексию или дисграфию (ср. *кривулять* 'писать каракулями' [там же], *кривой* 'плохой, ущербный' [ПОС 16: 161]), то умение писать, пусть и с фонетическими ошибками, вполне достойно похвалы. Ср., впрочем, [Гиппиус, Михеев 2022: 106] о возможности трактовки надписи как эпиграммы, а не автографа.

В 2024 г. была найдена грамота № 1192 (2-я четв. – сер. XII в.) со списком мужских и женских христианских имен [ВЯ 2025: 22 – 24], которую мы, вопреки общему правилу использовать лишь материал грамот, опубликованных до 2024 г., включаем в наше рассмотрение. Три имени из четырнадцати записаны с тем же фонетическим эффектом: *Лоуѣръ*, *Гюрьѡка*, *Овъѡдоѡи*. Возможных толкований прагматики документа два: либо это список церковных поминаний, либо заказ на иконы [там же]. Вновь нет ничего принципиально невозможного в том, что автором их является «обрусевший карел или вожанин» (почти на век раньше своих единоплеменников приобщившийся к христианскому миру), но, как нам представляется, именно на сторонниках «субстратной теории» объяснения непозиционных смещений глухих и звонких

¹⁴⁷ Теоретически, разумеется, в этом нет ничего невозможного. Даже летописное свидетельство о крещении карел князем Ярославом лишь в 1227 г. [ПСРЛ I, вып. 2: 449] в сопоставлении с предпочтительной палеографической датировкой «не позднее 1-й четверти XIII в.» не способно убедить здесь потенциальных сторонников «субстратной» объяснительной модели непозиционных оглушений и озвончений, поскольку известны и случаи крещения отдельных представителей народов, не крещенных «официально», и случаи принятия славянского имени иностранцами.

согласных лежит бремя доказательства того, что подобный эффект не мог проявиться на письме у носителя славянского идиолекта.

О возможном объяснении подобных написаний через «шепотный внутренний диктант» см. § 2.9.1.

Таким образом, среди берестяных грамот, написанных на древнерусском языке, попрежнему нет таких, которые можно было бы уверенно счесть вышедшими из-под пера (точнее, писала) людей, не владевших древнерусским языком как родным.

В настоящей главе будет показано, какие лингвистические критерии, в отличие от непозиционных смещений глухих и звонких, твердых и мягких согласных, могут служить критерием выявления подобных текстов даже в том случае, когда они представляют собой иностранные копии безошибочно (или почти безошибочно) написанного русского текста. На основании этих критериев можно выявить четыре ранее не изучавшихся в этой перспективе памятника древнерусского языка, переписанных иностранцем. Все эти памятники относятся к новгородско-ганзейским международным отношениям, а выявленные нами критерии – применимы к «горизонтальной» модели языкового контакта. Разумеется, для языковой ситуации, характеризующей контакты новгородцев с неславянскими подданными Новгородской земли, выявленные критерии могут и не работать.

§ 6.2. Нибуров мир 1392 г.

Дальнейшее изложение в настоящей главе основано на написанных нами частях статей [Сквайрс, Крылов 2027] (§§ 6.5 – 6.9) и [Крылов, Соколов 2027] (§§ 6.3, 6.4). Для понимания дальнейшего в этом параграфе мы кратко перескажем часть, написанную Е. Р. Сквайрс, с любезного ее разрешения.

По всем известным до недавнего времени историческим свидетельствам с самого начала связей Ганзы с Новгородом задачу овладения языком партнера взяла на себя немецкая сторона, которая предоставляла профессиональных переводчиков для устных переговоров и обеспечивала письменный перевод

всей официальной корреспонденции с Новгородом и других документов примерно до сер. XV в. [Сквайрс 2000: 464 – 470; Сквайрс, Фердинанд 2002: 64 – 70, 78 – 96, 98 – 99; Сквайрс 2009: 226 – 234; Лукин, Полехов, Сквайрс 2021: 8 – 10]. Описанная модель, согласно которой не только переводы на средненижненемецкий, но и русские списки оригинальных договоров для ганзейских городов-участников делала немецкая сторона, основывалась до недавнего времени на исторических свидетельствах и немецких языковых данных.

Договор 1392 г. между Новгородом и городами Ганзы (Нибуров мир) [ГВНП 2025: № 26] занимает особое место в истории международной дипломатии и торговли на Севере Европы. Его заключением был завершён семилетний конфликт между Ганзой и Новгородом и «на долгое время определены основные принципы новгородско-ганзейских отношений и разрешения противоречий вплоть до закрытия ганзейской конторы в Новгороде в 1494 г.» [Лукин 2025: 121]. Не дошедший до нас оригинальный экземпляр договора, предназначенный для немецкой стороны и скрепленный печатями, был отправлен в Висбю на Готланде. Экземпляр оригинальной грамоты, предназначенный Новгородской стороне, также не сохранился.

Из десяти дошедших до нас списков договора (семи нижненемецких и трех русских) далее нас будет интересовать пять:

L рус. – Любекский русский список (РГАДА, ф. 1490, оп. 1, д. 30);

L нем. – Любекский нижненемецкий список (РГАДА, ф. 1490, оп. 1, д. 31);

Ri – Рижский русский список (LVVA¹⁴⁸, ф. 673, оп. 4, ящ. 18, д. 47);

Re – Ревельский русский список (TLA¹⁴⁹, ф. 230, оп. 1, д. ВН 30, № 1);

R1 – Ревельский перевод с русского на нижненемецкий (TLA, ф. 230, оп. 1–I, д. 427, л. 2).

L рус. и L нем. имеют на обороте одинаковые и написанные одним почерком латинские записи, говорящие о хранении оригинала грамоты,

¹⁴⁸ Латвийский государственный исторический архив.

¹⁴⁹ Таллинский городской архив.

скрепленной печатями, с которой была сделана данная копия, на Готланде. Скорее всего, на основании этих записей и (как мы покажем), возможно, ошибочно любекский архивариус XVIII в. К. Дрейер заключил, что оба списка прибыли с Готланда [Сквайрс 2026].

Ri и Re также имеют сходные, хотя и нетождественные и сделанные разными почерками, нижненемецкие записи на обороте: *‘Эту русскую грамоту, скрепленную печатями, хранят ратманы Готланда’* (разумеется, на самих списках Re и Ri ни печатей, ни следов их прикрепления нет, под «этой грамотой» подразумевается не список, на котором запись сделана, а оригинальный экземпляр договора). Записи на русских списках отличаются только орфографией и синонимичными приставками в причастии ‘скрепленная печатью’: *bezegelt* Ri vs. *vorsegelt* Re. На обороте же R1, перевода какого-то из русских списков, тоже имеется нижненемецкая запись, цитирующая запись на каком-то из русских списков: *‘Это список с пергаменной копии, переведенный на немецкий язык; каковая [копия] – на русском; на обороте же пергаменной грамоты написано по-немецки: ‘Эту русскую грамоту, скрепленную печатями, хранят ратманы Готланда’*, причем причастие в R1 – *vorsegeld*, как в Re. Однако R1 не может быть переводом непосредственно с Re, поскольку Re – бумажная грамота, а не пергаменная. Следовательно, заключает Е. Р. Сквайрс, R1 – перевод либо с Ri (с изменением приставки в причастии), либо с какого-то не дошедшего до нас русского пергаменного списка X.

Далее, Е. Р. Сквайрс обнаружила письмо Риги Ревелю от марта 1470 г. [HR, I, 6, № 281: 257 – 258] и запись в расходной книге ревельского магистрата за 23 июня 1470 г.¹⁵⁰, из которых с несомненностью следует, что дошедший до нас список Re есть не что иное, как копия с Ri, изготовленная ревельским посланцем в Ригу в 1470 г. Ранее происхождение Re от Ri и предполагалось в издании [ГВНП 2025: 98] (вероятно, на основании текстологической близости Ri к Re и абсолютном преобладании в Ri первичных чтений), но не имело прямых архивных доказательств.

¹⁵⁰ Kämmererbuch der Stadt Reval 1463-1505, Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte. N.F., Bd. 27. Köln ; Wien : Böhlau, 1983. S. 163.

Далее мы почти без изменений излагаем свою часть совместной с Е. Р. Сквайрс работы.

§ 6.3. Ri и Re¹⁵¹: текстология и языковые особенности

Группа Ri+Re и список L текстологически противопоставлены, о чем говорит длинный перечень общих ошибок Ri и Re, отсутствующих в L: $\phi <\epsilon> \text{дорови}^{\text{и}}$ (Ri) – $\phi <\epsilon> \text{дорови}^{\text{и}} \text{ць}$ (Re), $\text{по} <\text{вѣ}> \text{стүюте}$ (Ri=Re), и $\gamma <\text{и}> \text{ныхъ}$ (Ri) – и $\gamma <\text{и}> \text{нихъ}$ (Re), полелѣ (Ri=Re) вм. повеле (L), $\text{в} <\text{и}> \text{нькѣ}$ (Ri) – $\text{в} <\text{и}> \text{ньке}$ (Re), ни вкѣ (Ri) – ни вко (Re) вм. и ни вѣ вѣкы (L), на томѣ {томѣ} товарѣ (Ri=Re), такоежь (Ri=Re) вм. такоже (L), $<\text{и}> \text{скати}$ (Ri=Re). Косвенно об этом же свидетельствуют и различия в порядке слов:

- а) Ri и Re: *не поминати то грамотѣ впаснои ни въ вѣкы*, L: *не поминати ни въ вѣкы тои грамотѣ впаснои*;
- б) Ri и Re: *нѣмѣцкимъ купѣцамъ заморьскимъ*, L: *заморьскимъ нѣмѣцкимъ купѣцамъ*;
- в) Ri и Re: *Иванъ Нибуръ любѣцкыи повѣстовалѣ*, L: *Иванъ Нибуръ повѣстовале люпскыи*.
- г) Ri и Re: *нѣтъ измѣнѣ*, L: *измѣнѣ нѣту*.

В пользу происхождения Ревельского списка Re непосредственно от Ri свидетельствуют грамматические ошибки Re, совершенные ровно в тех падежных окончаниях патронимов на *-ичь*, которые устранены в Ri путем сокращения под круглым титулом, – им в Ri соответствует механическое добавление *с* под титулом и написание конечного *ь* независимо от требуемого падежа.

¹⁵¹ Единственная полная публикация текста Re осуществлена – в неприемлемом на сегодняшний день качестве – еще XIX в.: Schieman Ch. Rußland, Polen und Livland bis ins 17. Jahrhundert. Berlin, 1886. (вклейка между стр. 286 и 287. В общедоступной электронной копии – после с. 288: [Интернет-ресурс. Дата обращения 24.08.2026] <https://archive.org/details/russlandpolenund01schi/page/288/mode/2up>. Там же находится ретушированный в трудночитаемых местах литографический снимок документа. При цитировании текста Re мы пользовались современной фотографией, сделанной С. В. Полеховым. Пропущенные буквы обозначаются <угловыми скобками>, лишние буквы – {фигурными}. Заново подготовленный текст Re будет издан в публикации [Крылов, Соколов 2027].

Ri	Re
к поса.днику. тимофѣю. юрьєви ^ѣ . и тысацькому. микитѣ. фдорови ^ѣ	к посаднику тимофѣю юрьєви ^ѣ ць и тысацькому микитѣ фдорови ^ѣ ць
за посадницею. пѣ ^ѣ тью васильа. иванови ^ѣ . и тысацького. григор ^ѣ и. иванови ^ѣ .	за посадьницею петью василиа ива ^ѣ ви ^ѣ ць и тисацкого. григор ^ѣ и ива ^ѣ ви ^ѣ ць
за шлексѣевон. влѣдцнею пецатью за посадницею. за васильевон. федоро ви ^ѣ .	за олоксеевон влѣдцнею пецатью за пошадницею за василиевон федорови ^ѣ ць
а что грамота. шпаснаа. за посадницею. пецат(ь)ю васильа. иванови ^ѣ .	а цто грамота шпаснаа за посадницею пецатию василиа ива ^ѣ ви ^ѣ ц

Когда отчество в Ri написано полностью, в Re один раз по инерции записано ошибочное -и^ѣць, а один раз – скопирована грамматически правильная форма:

и тысацького. григор ^ѣ и. ивановица	и тысацког го григор ^ѣ и ива ^ѣ ви ^ѣ ць
и за тысацького. бѣ:дана. шбакуновица	и за тысацкого бѣдана шбакуновица

Это механическое добавление окончания -ь оказывается на своем месте только тогда, когда отчество стоит в именительном падеже:

посадникѣ. тимофѣи. юрьєви ^ѣ . и тыса ^ѣ к ^ѣ и. микита федорови ^ѣ .	посадникѣ ти мофѣ юрьєви ^ѣ ць и тиса ^ѣ тски микита федорови ^ѣ ць
---	--

Первое приходящее в голову объяснение для этого факта состоит в том, что ревельский писец просто списывал текст Ri, не сумев правильно раскрыть титла. Однако если написания под титлом были характерны для антиграфа Ri (см. § 6.4), то в отсутствии архивных свидетельств 1470 г. и все эти написания, и общие ошибки Re и Ri можно было бы объяснять списыванием Re с антиграфа Ri, а не с самого Ri. Только после находки Е. Р. Сквайрс стало ясно, что в таком сложном объяснении нет необходимости.

Надо заметить, что уровень грамматической некомпетентности писца Re практически не имеет аналогов в оригинальных древнерусских текстах XI – XV вв. Даже самые неумело написанные берестяные грамоты содержат ошибки, как правило, лишь на графическом уровне (пропуски, повторы и предвосхищения букв и слогов), но почти не предоставляют материала по ошибкам в окончаниях существительных. Разумеется, неверно раскрытые титла встречаются и в некоторых русских книжных памятниках XV в. Так, Н. М. Каринский насчитал около 10 ошибочных окончаний в псковской Палее 1477 г., объясняемых именно так [Каринский 1909: 5], однако объем рукописи (475 листов) совершенно несопоставим с объемом нашего Re, где, как мы видим, есть 7 случаев неверного раскрытия титла, не говоря уже о том, что церковнославянский язык в конце XV в. должен был быть куда менее понятен писцу Палеи, чем деловой русский для русского писаря того же времени.

Но Re изготовил не профессиональный русский писец, а ревельский посланец в Ригу. Поэтому более яркую, как нам кажется, параллель к Re составляет наиболее ранний известный на сегодняшний день текст, бесспорно представляющий собой пример «древнерусского как иностранного»¹⁵², а именно черновой проект договора Риги с Полоцком 1405 г. [ПГ, Т. 1: 124-125 (№ 48)], где отсутствие грамматически правильного русского текста в распоряжении немецкого писца привело к грубейшим ошибкам в склонении и согласовании по роду типа *везъ всакого хитрость* или *везъ всакоѹ пересловинѹ*. Подобные грамматические несуразности есть и в Re: *того товарѣ; того товаре; великому новогородѣ; новогороде* (Дат. ед.); *великого новогородѣ; гороу и вода; из Любькѣ; из Коливанѣ*. Эти ошибки свидетельствуют не только о плохом владении русской падежной системой, но и о самоуверенности немецкого писца: в его распоряжении был текст Ri, где в соответствующих примерах с грамматикой все в порядке: *Ri: того товара bis; великому новугороду;*

¹⁵² Недавно опубликованная грамота 1425 г., отправленная из Ревеля в Новгород [Полехов и др. 2021], тоже рассматривается в этом контексте, однако, как признают публикаторы, «переводчик в целом неплохо справился со своей задачей» [там же: 63]. Немногочисленность синтаксических ошибок этого текста позволяет сопоставить его не с монструозным черновиком проекта рижского-полоцкого договора, а, скорее, с его чистовиком [ПГ: 127 (№ 49)], вероятно, прошедшим «корректуру» со стороны носителя русского языка.

новугороду; новагорода; горою и водою; изъ Любка; ис Колывана. Однако вместо того, чтобы побуквенно копировать эти написания, он доверился собственному внутреннему диктанту, в котором русские падежные окончания, судя по всему, мало что значили. Большинство перечисленных ошибок может быть трактовано как попытка употребить именительный падеж соответствующих слов вместо косвенного (товарѣ, товаре и новогороде – новгородский диалектный номинатив на -е).

Иностранное происхождение копииста проявляется, конечно, и на фонетическом уровне в виде многочисленных смешений букв, соответствующих артикуляторно близким звукам. Однако если бы не наличие грамматических ошибок, можно было бы списать большинство этих смешений на отражение диалектной фонетики восточнославянского писца. Так, написания типа *насихъ* Re *вм.* *нашихъ* Ri, *есма* Re *вм.* *есме* Ri, *пощадницею* Re *вм.* *посадницею* Ri (притяжательное прилагательное), *коливане* Re *вм.* *колывана* Ri, *инца* Re *вм.* *иньцѣ* Ri, *жавѣзетсе* Re *вм.* *завѣжетса* Ri, *на мора* Re *вм.* *на морѣ* Ri, *диржати* и *диржаты* Re *вм.* *держати* bis Ri, *вись всакои* Re *вм.* *безо всакои* Ri внешне неотличимы от «правильного» отражения на письме псковского шоканья и яканья¹⁵³. Многочисленные двусторонние смешения *и* и *ы* (тисацкого, ти<са>цький, тисацски (Ri: ты-), (вы)даты (Ri: (вы)дати) илынихъ (Ri: илыныхъ), *ѡбыскаты* (Ri: *ѡбыскати*), *ѡнѣхаты*, *вєс пакосты*, *хитросты* Re (Ri: -ти), помимо староукраинских, также известны (хотя и в значительно меньшем объеме) из псковских рукописей [Каринский 1909: 173 – 176]. На русской почве можно было бы как-то объяснить и троекратное написание основы прилагательного *нимицк-* с *и* после *м* (ср. *Смолинськ-* во многих др.-рус. памятниках, начиная с Успенского сборника XII в., как пример «незаконного» перехода сильного *ь* в *и* под ударением¹⁵⁴). Однако три написания: *любька* bis, *лю|быцкьи* в Re (Ri: *любька* bis, *любьцкьи*,) трактовать

¹⁵³ Неразличение безударных *е* и *и* – частный случай яканья [Попов 2020a].

¹⁵⁴ Впрочем, может быть, и *Смолинськъ* исконно, а *Смольнськъ* отражает ассимиляцию гласного *и* последующему *ь* [Соболевский 1894/2006: 188 – 190].

как трижды сделанное по ошибке добавление лишнего элемента І к букве Ъ вряд ли возможно. Скорее имеет смысл объяснять эти три написания сознательной попыткой передать средствами русской графики немецкое звучание топонима, с гласным типа [ə] между [b] и [k].

Такая орфографическая особенность Re, как почти тотальная замена ѣ → ѡ в графической системе писца (Нивуръ, товаръ и даже выпасъ (*въ опасъ) и т.д., единственное исключение — ѡ въбидѣ), выглядела бы чрезмерно инновационной только для эпохи заключения договора в 1392 г.¹⁵⁵, тогда как для 1470 г. эта черта была уже вполне обычной в русском полууставе.

Вообще говоря, стоит признать, что для отмеченной нами «самоуверенности» у ревельского писца были некоторые основания. Полууставный почерк Re можно было бы назвать аккуратным (в сравнении с крайне нестабильным почерком тех же Ri, L или вышеупомянутого рижского черновика). Некоторые искажения текста антиграфа, хотя и несколько меняют смысл фраз, но вполне осмысленны и грамматически безошибочны: так, в самом конце грамоты во фразе такоже послы. заморьскѣ. изъ любка. иванѣ. нивурѣ. из гоцького. | берега. иньца. в(л)андерѣ. и федорѣ. курѣ. из ригы. тилька. нибрюгѣ. изъ юрьева. юремѣи. | кѣглерѣ. и винька. клинѣкродѣ. ис колываніа. григорѣа. витѣ. крѣстѣ целовалѣ (Ri) ревельский переписчик заменил *послы заморьскѣ* на *посоль заморски*, исключив из числа заморских послов Иньцу Вландеря (Хинрика фан Фландерена) и Федора Кура (Годеке Куре). Несколько комический характер такая замена приобретает во фразе что побилѣ. розбоиникѣ. на невѣ. матѣфѣева. сѣа. и юго друговѣ (Ri), где ревельский писец произвел в буквальном смысле *victim blaming*, заменив *-ѣ* на *-а* в *розбоиникѣ* и тем самым превратив жертву разбоя (Матфеева сына) в разбойника — можно только гадать о степени осознанности этой правки, но грамматическую связность фразы не потеряла. Кроме того, отметим пять описок

¹⁵⁵ Наиболее ранний памятник письменности, в котором М. Г. Гальченко [2001, с. 385, 388, 432] отмечала «регулярное» употребление ѣ → ѡ на концах слов — Псалтирь 1397 г. Ср. памятники 2-ой пол. XV в. с этой чертой [там же, с. 413 – 420].

Ri, которых нет в Re: (1) те<ре>ньтѣа Ri – терѣнтеа Re, (2) или не <и>знаидуть Ri – или не изнаидуть Re, (3) пого{о}рѣле Ri – похорелѣ (!) Re, (4) хрестн<о>му (Ri) – хр<е>стному (Re), (5) вел<и>кого Ri – Великого Re. Таким образом, писец Re был достаточно опытен, чтобы исправить эти ошибки. Если в написаниях *Теньтѣа*, *погоорѣле*, *хрестнму*, *Велкого* описки достаточно очевидны, то совершенно верно исправленный пропуск начальной буквы в крайне нетривиальной словоформе <и>знаидуть¹⁵⁶, на первый, взгляд, свидетельствует о весьма тонком языковом чутье ревельского писца. В действительности, это счастливая случайность: точно такая же вставка и, только уже совершенно неуместная, присутствует в отрезке а цто ѡ другои | грамотѣ{и} новгородъ говорить... Напротив, еще чаще и после гласных, присутствующее в Ri, опускается в Re, что явно свидетельствует о том, что русские слоги типа V[j] и V (где V – любой гласный) для ревельского писца были неразличимы на слух: тимо|фѣ Re (Ri: тимофѣи), тисаѣтски Re (Ri: тисаѣтски). тисаѣтски).

Итак, в отличие от полоцкого черновика [ПГ: № 48], представлявшего массовый материал по ошибкам в записи *оригинального* древнерусского текста иностранцем, Re дает нам представление о том, какие искажения русского текста могут проявляться при создании иностранцем *списка* русского текста, в котором ошибки были немногочисленны:

- а) Ганзейский копиист может как копировать ошибки, так и пытаться их исправить; в результате зачастую он «исправляет» правильные написания;
- б) Ганзейский копиист не владеет русской падежной системой, в результате чего попытки «вынести из-под титла» сокращенные гласные окончаний русских слов приводят к ошибкам в падежах (в данном случае перед нами употребление прямых падежей вместо косвенных);

¹⁵⁶ Помимо Нибунова мира, лексема *изнаити* присутствует всего в 9 текстах, включенных в настоящее время в НКРЯ. За вычетом летописей и «Александрии», это послания архиепископа Геннадия и митрополита Киприана и лишь один дипломатический текст, Ответ датским послам от 05.04.1559. <https://ruscorpora.ru/results?search=CoABEmUKYxJhChcKA2xleBIQCg7QuNC30L3QsNC50YLQuAoKCgRmb3JtEgIKAAoLCgVncmFtbRICCGAKCOoDc2VtEgIKAAoVCgdzZW0tbW9kEgoKCHNlbXxzZW14CgsKBWZsYWdzEgIKAAoQCggIABAKGDIgCiAAQAV4ADICCBM6AQE%253D> (Дата обращения: 08.01.2026).

- в) Иногда ошибки в окончаниях появляются даже в том случае, когда в антиграфе стоит правильное написание, отражая, таким образом, внутренний диктант иностранца, в котором, как правило, вместо косвенных падежей появляется номинатив;
- г) Ганзейский копиист не различает русские безударные гласные переднего ряда, а смешивает *с~и* и *з~ж*, что создает подобие псковской диалектной фонетики;
- д) Ганзейский копиист не различает *ы* и *и*, что создает подобие староукраинской фонетики;
- е) Он не различает слоги с ауслаутным [j] и без него.

Наиболее же важным (как мы покажем далее) стоит признать своеобразную орфографическую «стратегию» ганзейского писца: некоторые особенности своего произношения он стремится утвердить в качестве орфограмм в отдельных лексемах даже в тех случаях, когда они не обнаруживают никаких колебаний в антиграфе: так, он оба раза пишет *и* в м. *е* в *держати*, три из шести раз *ти*- в м. *ты*- в формах слова *тысячьскыи*, три из четырех раз *ы* вместо *ь* в формах слов *Любькъ* и *любьчьскыи*.

§ 6.4. L и Ri: палеография

В [ГВНП 2025: 97] было впервые указано на тождество почерков русских L и Ri, однако в силу жанровых ограничений в издании не могло быть приведено развернутой аргументации этого отождествления. Поскольку этот факт имеет принципиальное значение для истории текста, мы приводим эту аргументацию в статье, но опускаем здесь, поскольку к теме ошибок в древнерусских текстах это не имеет прямого отношения. Укажем лишь, что наш анализ полностью подтвердил тождество почерков, указанное в издании. Отождествление было выполнено И. Ю. Анкудиновым и проверено А. М. Спассковой.

§ 6.5. L и Ri: графико-орфографические различия

Выясняется, однако, что при полном отсутствии между L и Ri системных палеографических различий явно наблюдаются различия орфографические.

Во-первых, в L на месте праславянских сочетаний **ky*, **gy* господствуют архаичные написания *кы*, *гы* (25 из 29 примеров)¹⁵⁷, тогда как в Ri – инновационные *ки*, *ги* (21 из 29 примеров)¹⁵⁸. Для **ху* материал ограничен трижды употребленной в обоих списках формой *хитрости*.

Буквы на месте * <i>ky</i> , * <i>gy</i>	L	Ri
<i>кы</i> , <i>гы</i>	25 (86.2%)	5 (17.2%)
<i>ки</i> , <i>ги</i>	1 (3.4%)	19 (65.5%)
<i>кѣ</i> , <i>гѣ</i>	2 (6.9%)	4 (13.8%)
<i>къ</i>	1 (3.4%)	1 (3.4%)

Во-вторых, в Ri конечный ауслаутный [j] обозначается довольно последовательно, за исключением позиции в гаплографически пропущенном слове *дѣтѣи* из отрезка *и<льиныхъ дѣтѣи и>* и, вероятно, простых описок *вели.ки<и>* и *то<и>*. В L же конечный [j] не обозначен целых 10 раз из 34: *юремѣ*, *ѡпришьни*, *великы*, *цѣ*, *кото*, *васильево*, *гоцькы*, *тымофѣ*, *тысацькы*, *всако*:

¹⁵⁷ В одном случае в L диграф *ы* оказался недописан (*рискъмъ*), а один раз, напротив, в Ri выражение *и ни въ вѣкы* имеет вид *ни въ* (!). Дважды через *и* в обоих списках пишется *Микита*, но в подсчеты эти случаи не включаются ввиду заимствованного характера имени. Однажды в обоих списках через *ки* пишется *Юрьевскимъ*. Кроме того, в L дважды встречается написание *из Ригѣ*, что можно трактовать либо как древненовгородское диалектное окончание Р. ед. а-склонения [Зализняк 2004, с. 96-97], либо как диалектный же фонетический переход [ѣ] > [i], выразившийся на письме в обратной замене и на ѣ [там же: с. 26-27, 70-71]. Из подсчетов также исключена неисконная форма Им. п. мн. ч. *заморьскыи* (в обоих списках) – такое окончание в адъективном склонении появляется, по данным Синодального списка Новгородской первой летописи, с сер. XIII в. [там же: с. 117-118, 122-123]. Не учитывается и случай исконного **кѣ* в М. п. ед. ч. ж. р. прилагательного *заморьскѣи*.

¹⁵⁸ Противостоят им: *Ригы*, *вѣкы*, *въ* (!), *любыцькыи*, *нѣмѣцькымъ*, *тысацькыи*. Кроме того, однажды видим Т. ед. *свѣскѣмъ* с окончанием местоименного склонения в прилагательном; И. ед. *великѣи* и В. ед. *гоцькѣи* (А. А. Зализняк объясняет такие формы как графический эквивалент древненовгородского номинативного -*еи*, с XIV в. распространившегося на формы В. ед. [там же: с. 119-120], но не исключено, что перед нами в действительности отражение чисто фонетической эквивалентности *ки[j]* и *кѣ[j]*); форма И. мн. *розбоиникѣ*, также с равным успехом объясняемая либо древненовгородской диалектной морфологией, либо древненовгородской диалектной фонетикой.

Конечный [j] после гласной	L	Ri
-и	24 (65%)	31 (91%)
-∅	10 (35 %)	2 (6%)
чтение отсутствует	0 (0%)	1 (3%)

Как мы видели в § 1.5.3, А. И. Соболевский считал эти примеры орфографическими приемами, а И. В. Ягич и Р. Ф. Брандт – простыми описками. Как нам представляется, единичные примеры отсутствия конечного *и* после гласной на многие сотни страниц рукописей действительно экономнее объясняются предположениями Ягича и Брандта о механических описках, однако для L, где [j] не обозначен 10 раз в коротком (по сравнению с книжными памятниками) тексте, эта гипотеза неприменима. Трудно признать в этих написаниях и отражение диалектной утраты конечного [j]: на восточнославянской территории она известна – прежде всего, из белорусских говоров – но затрагивает только позицию после *ы/и* и потому не объясняет, с одной стороны, написания окончаний М. ед. жен. **которо<и>**, Т. ед. жен. **Васильево<и>**, Р. ед. жен. **всако<и>**, а с другой – **іеремѣ<и>**, **тымофѣ<и>**. Таким образом, объяснение Соболевского (т. е. особый графический прием писца, не желавшего никак передавать произносимый ими [j] на письме), для L, по всей видимости, безальтернативно, но, как мы показали в § 2.7.8, последовательность проведения этого «приема» не имеет аналогов в древнерусской письменности XI – XIV вв. и требует специального объяснения (см. ниже).

В-третьих, в Ri лексемы *Любѣкъ* и *любѣцьскыи* сохраняют этимологически правильное написание с **ѣ** (**любѣка** bis, **любѣка**, **любѣцькыи**), тогда как L отражает падение редуцированного *и*, как следствие, регрессивное оглушение **ѣ** > **п** перед **к** (**люпка** ter, **люпскыи**). Характерно, что падение **ѣ** после

в случается, уже в составе суффикса *-ьск-*, в деривате от незакономерно усеченной основы *Люб-* (ср. нем. *Lübisch, Lübsch*).

В-четвертых, радикально отличает L от Ri использование титла. Общими для обоих списков являются только стандартные сокращения под «прямоугольным» титлом: *гдѣнь* (Ri: *гдѣнь bis*, L: *гдѣнь* и *гѣнь*), *снѣ*, *Бѣдана*, *вдѣцнею* (Ri: *вдѣцнею*, L: *вдѣнецею!*). Округлое же титло используется в L лишь однажды (*ругодиѣци*), что, по-видимому, надо понимать как исправление описки – пропуска *в*. Между тем, в Ri круглое титло используется:

- а) четырежды – в форме *чистѣ*: *цѣтъ* 2х, *чѣтъ* 2х (L: *цистъ* 4х);
- б) трижды – в корне *-крест-/хрест-* (без сокращения в обоих списках пишется исключительно *хрест-*): *крѣтъ* 3х, *хрѣтъ* 4х (L: *хрѣтъ* 7х);
- в) 8 раз – в патронимическом суффиксе *-ич-*, с элиминацией гласной окончания: *юрьѣвиѣ* 2х, *ф(ѣ)доровиѣ* 3х, *иванови(ѣ)* 3х (L: *юрьѣвицу*, *фѣдоровицу*, *ивановица* 2х, *фѣдоровица*, *юрьѣвиць*, *фѣдоровиць*)¹⁵⁹. Особенно показательно, что при выносе согласной в Ri под титлом пишется только *ч*, тогда как в строке в обоих списках – *ц*.
- д) – г) по одному разу – в формах *пѣтъю*, *подѣ*, *ѣто*, *тысѣчѣтъи*¹⁶⁰ (L: *пѣцѣтъю*, *подѣ*, *ѣто*, *тысѣцѣкъи*).

Эти четыре графических контраста между L и Ri при полной неразличимости почерков, которыми они написаны, могут объясняться единственным способом: **перед нами один и тот же копиист, списывавший с двух разных антиграфов**. Попробуем выяснить его собственные орфографические установки, проанализировав общие черты двух списков, которые в то же время резко выделяют его на фоне современной ему древнерусской письменности.

¹⁵⁹ Дважды в обоих списках написание отчеств совпадает: *Ивановица*, *Сѣбакуновица*.

¹⁶⁰ Только в седьмой снизу строке; в прочих 6 случаях в обоих списках слово пишется полностью, через *ц*.

§ 6.6. L и Ri: общие орфографические аномалии

Как мы видели выше, в Ri есть 9 общих ошибок с Re и 5 ошибок, которые в Re были исправлены. В эти подсчеты не были включены общие для всех списков текстуальные аномалии, поскольку они не несут текстологически значимой информации. Как выясняется, эти аномалии несут информацию лингвистическую.

Во-первых, это запись Р. п. ед. ч. жен. р. указательного местоимения *сь* в начале текста: и ѿ *всѣхъ купцовъ заморскихъ и се сторонѣ поморѣ*. Написание *се* во всех трех списках можно было бы рассматривать как стяжение исконной древнерусской формы *сеѣ*, если бы оно было сколько-нибудь широко отражено памятниками письменности. В действительности, по данным НКРЯ, единственный аналог этому написанию – фраза *се ли не оуцините исправѣ ... вам ти на сеѣѣ жалоба* из грамоты Новгорода Любеку 1370 [ГВНП 2025: № 20, с. 86]. Обе формы, по-видимому, проще всего объяснять как простые описки (пропуск последнего гласного)¹⁶¹, однако такие описки, как правило, исправляются сколько-нибудь квалифицированными переписчиками, чего мы в данном случае почему-то не наблюдаем.

Далее, оказывается, что в обоих списках аномально написание еще двух членов парадигмы того же местоимения: Дат. ед. ср.=муж. (*по сомѣ доконьцанию*) и Местн. ед. ср.=муж. (*на сомѣ поморѣ* – трижды!). По данным исторических корпусов НКРЯ, достаточно репрезентативно представляющих изданные некнижные тексты XI – XVII вв., а также книжные тексты восточнославянского происхождения, это написание имеет только два аналога: *сого* в Ипатьевской летописи (216с:4, несомненная описка – предвосхищение ближайшей гласной) и *в сом бѣдном животѣ* из послания Федора Карпова митрополиту Даниилу¹⁶². Последнее написание, наряду с восьмью (суммарно)

¹⁶¹ Другое объяснение может состоять в том, что вышеуказанная тенденция не обозначать на письме ауслаутный [j] была, пусть и в разной степени, свойственная и антиграфу Ri, и антиграфу L, в результате чего оба списка отражают «современное» произношение [с'еj], закономерно появляющееся на месте *сеѣ* после отпадения конечной безударной гласной.

¹⁶² Проверить для нас это чтение по рукописи (РНБ, Q.I.1439) любезно согласился Д. В. Косарев. Оно действительно в ней присутствует (л. 328: 9).

написаниями в наших двух списках, конечно, отражают нередко встречающееся в некнижных текстах использование *о* для обозначения [o] после мягкой согласной [Зализняк 2004: 69 – 70] или – шире – непозиционную твердость-мягкость согласных (§ 2.9.2). Однако абсолютное большинство примеров отражения на письме этого фонетического явления находится в полнозначных словах, представляя лишь единичный материал по местоимениям (составляющим, как правило, 10-13% словоформ в древнерусском тексте). Кроме того, в позиции после зубных парных согласных примеры нарушений обозначения твердости и мягкости явно реже, чем после губных и сонорных [Бегунц 2006: 214 – 217]. Лексикализация же фонетически «незаконного» твердого [с] в подпарадигме мужского и среднего родов этого достаточно частотного местоимения для каких-либо исторически засвидетельствованных диалектов русского языка – вещь неслыханная.

Еще один пример непозиционной твердости согласного перед *е, отраженный всеми тремя списками, – написание **короломъ**. Оно также уникально в древнерусской письменности (см., впрочем, многократное написание Им. ед. **королъ** в Киевской летописи по Ипатьевскому списку [КЛ, с. 679]), однако вновь обратим внимание, что ни в L, ни в R_i оно не исправлено, что требует какого-то специального объяснения.

Третий пример непозиционной твердости согласного во всех трех списках – **по старынѣ** (дважды!). Такое написание уже лучше представлено в памятниках (см. НКРЯ), но, разумеется, за счет текстов на старобелорусской языковой основе, в которых, как известно, мягкое [p'] отсутствовало в фонологической системе. Лексикализация варианта с непозиционно твердым согласным в новгородском по происхождению тексте XIV в. и в совершенно стандартном исконно славянском слове, опять же, уникальна.

Еще одно общее «странное» написание всех списков – Им. п. **Вландерь** вместо ожидаемого Дат. ед. *Вландерю в отрезке *а такоже Ивану Нибуру изъ Люпка. **Иньць Вландерь.** и Федор|у Куру нѣмѣцькымъ посломъ* (цит. по L). Все прочие имена и «фамилии» ганзейских послов в грамоте, как и положено в

русском языке антропонимам мужского рода, оформленным по *а*- и *о*-склонениям, склоняются¹⁶³.

Наконец, крайне странно двукратное (!) написание **бжьницѣ** ‘католического храма’ без титла во всех трех списках (Re: **вжнице**), ср. **Бѣдана Швакуновица** (*passim*). Предполагать за этим какую-то семиотически значимую орфографическую оппозицию типа новоцерковнославянского **богъ** ‘языческий бог’ – **бгѣ** ‘Бог’, конечно, невозможно (особенно учитывая оформления под титлом в L и Ri слов *владычными* и *сынъ*, относящихся отнюдь не к Владыке и Сыну Божию). Случайный пропуск титла как в L, так и в Ri (т. е. суммарно в четырех написаниях, сделанных одним писцом!) предполагать тоже немыслимо.

Как объяснить, что столько общих «странных» встретилось в двух списках, сделанных одним и тем же писцом? На наш взгляд, единственное приемлемое объяснение состоит в том, что **и этот писец не владел русским языком как родным**, поэтому и не осознавал, как часто и с какой регулярностью из-под его пера выходят невозможные для русского письма словоформы, прежде всего формы местоимения *сь* и сокращения *бжьница* без титла.

Прочие общие черты L и Ri представляют собой явления древненовгородской фонетики и морфологии. Многочисленны примеры цоканья; окончания *-ѣ* в Род. ед. и Им. мн. твердого варианта *а*-склонения: *се<ѣ/и> сторонѣ* (Р. ед.), *до Миха(и)лѣ, тои грамотѣ, грамотѣ оприини* (И. мн.); *-ѣ* во мн. ч. л-причастий и Им. мн. твердого *о*-склонения: *взалѣ юсте, юсте прислалѣ, юсте ѿдалѣ, розбоиникѣ побилѣ, ѿималѣ*; окончания *-е* в Им. ед. твердого варианта *о*-склонения и в л-причастии муж. рода: *посаднике bis, порублене, поимале, погорѣле*; оно же, графически (или фонетически¹⁶⁴) субституированное ятем, в членных формах адъективного и местоименного склонений: *Великѣи Новгородѣ, тѣи товарѣ*. Эти формы, конечно,

¹⁶³ В единственном контексте, где можно было бы увидеть «косвенный падеж» потенциально несклоняемой «фамилии» *Нибрюгѣ*, эта «фамилия» опущена: *Тилѣкѣ из Ригѣ и Юрьевскому. Юремѣю*.

¹⁶⁴ См. т. н. «пятый ять» в новгородских рукописях из /е/ и /ь/ перед мягким согласным [Попов 2020б: 499 – 500].

конкурируют с наддиалектными древнерусскими окончаниями: *Ивань Нибуръ, Федоръ Куръ, Новъгородъ, товаръ, дворъ, посолъ* и т. д.

§ 6.7. К реконструкции «архетипа» и «оригинала» грамоты

Общие «аномалии» или «ошибки» двух списков одного текста (или, во всяком случае, бóльшая их часть), в соответствии с основами критики текста, установленными в сер. XIX в. К. Лахманном¹⁶⁵, должны восходить к их текстологическому архетипу (наиболее позднему общему предку). Таким образом, «азы критики текста» ведут нас к тому, что перечисленные выше общие аномалии L и Ri отражают нерусское происхождение не только писца L и Ri, но и их архетипа. Однако это бы означало уникальную в истории новгородско-ганзейской дипломатии ситуацию, при которой новгородцы создают для себя только один экземпляр договора, предоставляя немецкой стороне делать с него копию, которая затем признается обеими сторонами в качестве второго официального экземпляра договора и скрепляется печатями.

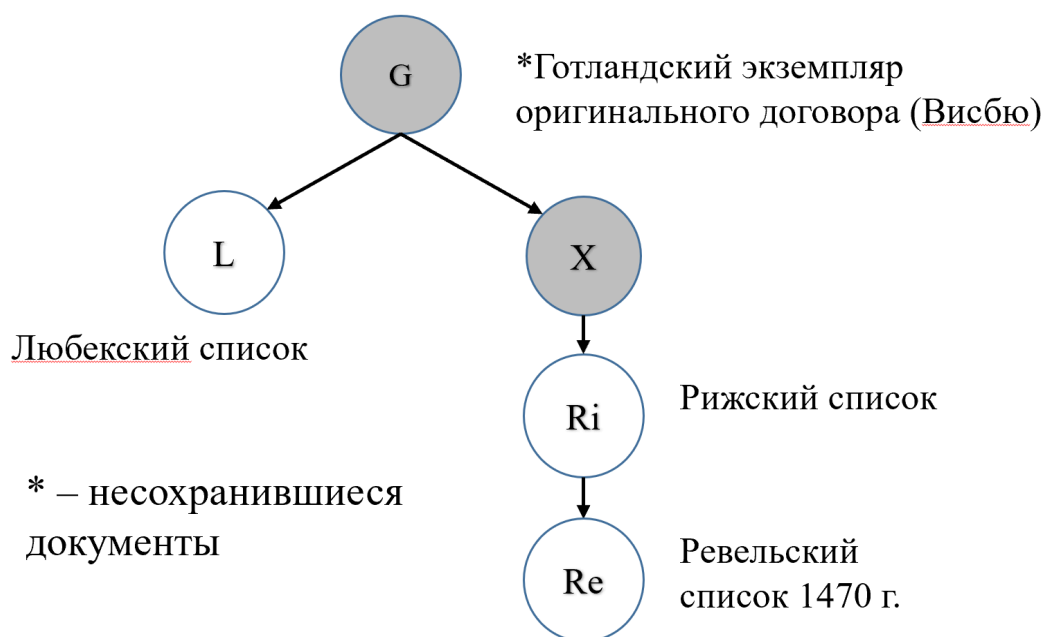
Другое, более сложное предположение, опирающееся на «основы текстологии», состоит в том, что архетипом L и Ri является не G, а списанный с него X. Коль скоро, как мы видели, у L и Ri были разные антиграфы с разной орфографией (но донесшие до нас «проговорки» иностранного писца архетипа), получается, что помимо X существовал еще один список с него, Y, также изготовленный немцем, от которого произошел L (таким образом, орфографические особенности Ri относятся к X, а L – к Y). Это бы означало, что писец Y с идеальной точностью раскрыл титул X – но это, как мы видели, предполагать для немецкого писца практически невозможно. К тому же, судя по записи на обороте L, вероятнее всего этот список был сделан непосредственно с G, а не с какого-то Y.

Третье предположение, опирающееся на «основы текстологии», состоит в том, что архетипом является как раз Y, с которого списан X, – но это уже прямо

¹⁶⁵ Вполне корректно лахманновский метод «общих ошибок» изложен Д. С. Лихачевым [1962: 8 – 10].

противоречит приписке на обороте X, которая, как мы видели, прямо говорит о происхождении X непосредственно от G.

Как кажется, единственный выход из этого противоречия состоит в том, чтобы признаться: «азы текстологии», прекрасно работающие для текстов, переписчики которых либо были носителями близкородственного идиома (церковнославянский в *Slavia Orthodoxa*), либо специально ему учились (латынь в западной Европе), в нашем случае работать совершенно перестают. Во-первых, два списка одного текста создает один и тот же писец с двух разных антиграфов (что само по себе нечастый случай); во-вторых, что еще важнее, язык, на котором он пишет, для него не родной, не близкородственный и не выученный по грамматикам и словарям. А это, как мы показали на примере Re, ведет не только к разного рода языковым ошибкам типа несклонения имени *Вландерь*, но и к закреплению этих ошибок в определенных словоформах даже вопреки тексту антиграфа: в Re это были формы *Любык-*, *диржати*, здесь же подобным механизмом можно объяснять закрепление орфограмм *сомъ*, *старынъ*, *бжницъ*. Иными словами, бо́льшая часть выявленных общих ошибок L и Ri восходят в действительности не к их архетипу, а к ошибочным орфографическим установкам создавшего их писца. В таком случае единственная мыслимая стемма русских списков Нибурова мира выглядит следующим образом:

Дошедшие до нас списки L и Ri были написаны (почти наверняка одновременно) одним немецким переписчиком, однако о времени и месте этого события можно строить разные гипотезы: это могло быть еще в Новгороде, сразу после заключения договора; это могло быть в Дерпте, где вскоре прошел ганзейский съезд,¹⁶⁶ а могло быть и где-то по дороге между Новгородом и Дерптом.

Наконец, нельзя полностью исключать (оставаясь в доверии к архивному свидетельству К. Дрейера [Сквайрс 2026, с. 156]), что L, согласно Дрейеру, «прибывший с Готланда», был переписан именно там, наряду с Ri и, возможно, несохранившимися списками, предназначенными для других ливонских городов. Но это бы означало весьма сложную логистику: то ли копирование договоров готландцы производили у себя дома после съезда, то ли они отправились на съезд в Дерпт не прямо из Новгорода, а предварительно сделав крюк в Висбю. В обоих случаях приходится предполагать, что и X, и Ri созданы там же, а это означает специальные разъезды посланников из Готланда в Любек, Ригу и некий город, для которого предназначался X.

Методом исключения получаем, что предназначался X либо для Дерпта, либо для Ревеля. Выбирать между ними, конечно, можно лишь гипотетически. Но по крайней мере к 1470 г. в архиве Ревеля, как мы видели, не было списка Нибурова мира – это можно объяснять как случайной пропажей, так и тем, что для Ревеля русская копия изначально не была изготовлена. Зато известно, что по крайней мере в сентябре 1405 г. Ревель обращался к Дерпту за помощью в переводе с немецкого на русский, поскольку своего переводчика в Ревеле не было [Лукин, Полехов, Сквайрс 2021, с. 9]. Для Ревеля Дерпт переводит с русского на немецкий и проект договора 1371 г. [ГВНП 2025, № 19], и договор 1372 г. [ГВНП 2025, № 22] и грамоту от декабря 1405 г. [ГВНП 2025, № 30]. Возникает риторический вопрос: так ли был нужен Ревелю русский список договора в 1392 г., если в городе, очевидно, в то время еще не было людей, способных его прочесть, понять и перевести?

¹⁶⁶ О роли Дерпта в размножении и распространении списков, см. подробно [Сквайрс 2026, с. 157–158].

Ввиду этих соображений, стоит предполагать, что недостающий X был Дерптским списком Нибунова мира. Он идеально подходит на роль того пергаменного списка с надписью «Dessen Ruschen breff holden de heren van Godlande vorzegeld», о которой говорит запись на обороте R1 (добавим, что на обороте Ri, кроме этой приписки, есть слова «Nyebers vrede to Nougarde», о которой запись на обороте R1 молчит – это еще одно косвенное указание против того, что той самой «пергаменной копией», упомянутой в R1, является сам Ri).

§ 6.8. «Древнерусский как иностранный» до XV в. К постановке проблемы

Поскольку L и Ri мы, вслед за традиционной датировкой, относим к 1392 г., можно было бы утверждать, что это древнейшие тексты, оригинал которых создан носителем русского языка, но дошедшие до нас в списках, созданных иностранцами: все параллели, приведенные выше, относятся уже к XV в. Более ранние дипломатические документы, написанные по-русски и связанные с другими русскими городами и землями, еще нуждаются в лингвистическом анализе на современном уровне представлений о возможных и невозможных в древнерусском тексте языковых аномалиях, однако предварительный просмотр «кандидатов на иностранность» среди их писцов пока не дал положительных результатов¹⁶⁷.

Что касается более ранних, чем Нибунов мир, документов «новгородско-ганзейского корпуса», написанных по-древнерусски, то резко выделяется на общем фоне хранящееся в Рижском архиве послание Новгорода в Дерпт 1388 г. [ГВНП 2025: № 24, с. 94-95], на котором отсутствуют как

¹⁶⁷ Все списки смоленской грамоты 1229 г., каково бы ни было участие иностранцев в выработке текста оригинала, на сегодняшний день признаются выполненными русскими писцами [Подтергер 2021a; Подтергер 2021б, с. 226 – 227], хотя отсутствие смоленских (и каких-либо других) печатей на списках С и Е, хранящихся в Рижском архиве, в принципе не исключает возможность их атрибуции иностранному писцу (настолько квалифицированному, что немногочисленные его описки ничем не выделяются на фоне ошибок профессиональных русских писцов). Прочие смоленские [СГ] и полоцкие [ПГ] международных акты XIII – XIV вв. мы также не имеем достаточных оснований подозревать в иностранном происхождении на основании выявленных нами языковых критериев. То же касается немногих дипломатических грамот XIII – XIV вв., объединяемых под названием «украинских» [УГ]. Две русскоязычные грамоты, прямо адресованные из Риги – в Витебск и, предположительно, в Смоленск [РЛА, № 49, № 34] – также не содержат никаких специфических языковых аномалий, которые нельзя было бы объяснить на восточнославянской почве.

новгородские печати, так и следы их прикрепления. Это наиболее ранний адресованный из Новгорода и написанный на бумаге дипломатический документ.

И количество, и качество писцовых ошибок этого скромного по объему текста в свете вышеизложенных особенностей «древнерусского как иностранного» практически не оставляет сомнений в том, что перед нами копия оригинального послания новгородцев, скорее всего, изготовленная для рижских партнеров в той же Дерптской канцелярии, где, скорее всего, были сделаны Ri и L (достаточно близок к ним, хотя и не тождествен, и почерк данной грамоты, ср. особенно начертания *а, в, з, к, о, р, у, ф, х, ц, ч*, с почти столь же широким диапазоном палеографической вариативности, на изданной фотокопии [Боголюбова, Таубенберг, № 5, с. 17]).

7 из 9 писцовых ошибок этого текста указаны в издании корректно¹⁶⁸. Из них обращает на себя внимание М. мн. *всякохъ* вм. *-ыхъ*, *-ихъ* или *-ѣхъ*: ошибочное *о* не может быть объяснено ни графическим окружением, ни внешней схожестью с одной из трех «допустимых букв» (ср. *оѣ* (!) вм. *сѣ* там же), ни фонетически, ни морфологически (влияние *и*-склонения на местоименное или фонетический переход *кы/ки/кѣ* > *ко* в истории восточнославянских языков не засвидетельствованы). Достоинно внимания и то, что форма *слышилѣ*, отражающая неразличение /а/ и /и/ в безударном положении, с точки зрения новгородской фонетики, является безусловной ошибкой, причем также не объяснимой как графическое влияние соседних букв (для акающих восточнославянских говоров такая замена, конечно, была бы вполне естественна). Нельзя не отметить уже знакомый нам по L троекратный пропуск *и* в ауслауте: *сво<и>*, *чѣтны<и>*, *ины<и>* *мирѣ* (Вин. мн.)¹⁶⁹. Еще две

¹⁶⁸ Неверно указано на ошибочность «*к намо во Юрво*» якобы вм. «*к вамо во Юрво*» [там же: примечание б]. Фраза «*чтобы кѣте послалѣ к намѣ во Юрво свои пословѣ, послалѣ ч(е)тны добрыи люди о всакохъ дѣлехъ на всю правѣду*» – это прямая речь дерптцев, цитируемая новгородской стороной, так что никакой необходимости предполагать здесь ошибку нет. *ѡиздѣти* – также не ошибка вм. *ѡѣздѣти* [там же: примечание з], а правильный инфинитив на *-ти* с отражением новгородского изменения /ѣ/ > /и/ в корне [Зализняк 2004, с. 25 – 27].

¹⁶⁹ *добрыи* (там же) не позволяет видеть в *чѣтны<и>* сознательное употребление нечленной формы прилагательного. Впрочем, возможность стяжения *ѣи* > *и* (вероятно, отраженная в издании неуказанием двух последних форм в примечании) сбрасывать со счетов не стоит.

ошибки грамоты в издании, напротив, не отмечены – это двукратное (!) написание *Юрво* вместо ожидаемого *Юрьево* в 5-й и 7-й строках (однократное *Юрьво* в 3-й строке, напротив, может объясняться и опiskой, и фонетическим упрощением [r'je]>[r'e] с передачей [e] через ъ, так же, как и -о вм. -ѡ, объясняемой вкраплением «бытовой графической системы»). Закрепление в индивидуальной орфографии написания, выходящего за рамки основных древнерусских графических систем [Зализняк 2004, с. 21 – 35], сильно напоминает двукратное *бжницѡ* L, Ri, Re и трикратное *Любык-* Re (см. выше). Наконец, отметим, что общая частотность ошибок в данной грамоте в 11 раз превосходит среднюю частотность ошибок, скажем, в оригиналах договоров Новгорода с русскими князьями¹⁷⁰.

Еще один образец неверного раскрытия титл в русских отчествах сообщил нам С. В. Полехов: это опасная грамота Новгорода послам ганзейских городов 1472 г., хранящаяся в Рижском архиве [ГВНП-2025: 185 (№ 67)], где читаем: **посаднику степенъному Григорьи Михаилови|чѡ, ... и к тысячъкымъ степеному | Василью Максимовичѡ, и к старымъ тысячкымъ**. Отметим крайне нестабильный почерк этой грамоты, резко выделяющийся на фоне, скажем, почерков договоров Новгорода с князьями более ранней эпохи или двинских актов того же времени. По-видимому, это еще один средневековый пример «русского как иностранного».

Таким образом, предположительно древнейший дошедший до нас новгородский документ на русском языке, несомненно проявляющий иностранное происхождение переписчика, относится к 1388 г.

¹⁷⁰ Ср. наши подсчеты в § 3.2: в новгородско-княжеских договорах 43 неисправленных ошибки на 8727 слов (т.е. ок. 4,9 ошибок на 1000 слов). В рассматриваемой же грамоте этот показатель выше на порядок: 9 ошибок (не считая *слышилѡ*) на 151 слово (т.е. ок. 5,96 ошибок на 100 слов). Более чем в три раза превосходит этот показатель и среднестатистическую частотность ошибок в корпусе берестяных грамот (от 1,36 до 1,86 ошибки на 100 слов, в зависимости от того, включать ли в подсчеты «фонетические» и «двойко трактуемые» ошибки). В Ri 14 ошибок на 710 слов (1,97 ошибки на 100 слов), в L – 21 ошибка (2,96 ошибки на 100 слов; в подсчеты L и Ri не включаются 9 общих текстуальных аномалий, очевидно, воспринятых писцом в качестве правильных написаний; с ними, очевидно, процент ошибок будет выше почти в полтора раза).

§ 6.9. Выводы

Немецкая сторона делала для ганзейских городов-участников дополнительные списки русских оригиналов грамот и переводила договоры на средненижненемецкий язык. Это представление, относящееся и к традиции Нибутова мира, основывалось до недавнего времени на исторических свидетельствах и немецких языковых данных, тогда как для его подтверждения не хватало еще изучения и проверки на языковом материале русских оригиналов и списков. Богатая традиция Нибутова мира и его историческая важность, отраженная во многих современных и более поздних рукописных документах, предоставила оптимальные возможности для такой верификации; результаты, полученные в отношении договора Иоганна Нибура 1392 г., имеют значение как для изучения этого конкретного события, так и для общего понимания модели новгородско-ганзейской межкультурной коммуникации.

Получили ответ вопросы, касавшиеся времени, места и конкретных исполнителей (писарей городских канцелярий Ганзы) русских списков и некоторых немецких переводов и списков. Удалось восстановить картину ранней рукописной традиции договора, в частности, ее русскоязычной части. Что касается ливонских списков – Рижского (Ri) и Ревельского (Re) – то первый, как установлено Е. Р. Сквайрс, сделан с несохранившегося русского списка (X), который в свою очередь был списан непосредственно с немецкого экземпляра оригинала (G). Местом создания списков L, Ri, X может быть как Готланд, так и Дерпт. Последнее даже более вероятно: на это указывает как большая логистическая простота предполагаемых перемещений ганзейской делегации после выезда из Новгорода, так и, судя по всему, единая «школа письма» Дерптской канцелярии – близость почерка L и Ri к почерку дерптской по происхождению копии грамоты 1388 г.

Все известные древнерусские списки Нибутова мира, таким образом, были созданы писарями ганзейской стороны. Эти результаты убедительно подтверждаются анализом языка и письма этих русских документов.

Немецкое происхождение копииста как Re, так и Ri, и L проявляется на фонетическом уровне, прежде всего, в ошибках с обозначением твердости и мягкости согласных. В Re, кроме того, имеются фонетические замены *а~е~ѣ~и* в безударной позиции, *с~ш* и *з~ж*, а также *и~ы*. Во всех списках наблюдается бóльшая, по сравнению с русскими оригинальными текстами, частотность механических описок (пропусков и повторов букв и слогов). Однако ни фонетические смешения, ни механические описки не являются сами по себе ни необходимым, ни достаточным диагностическими критериями «иностранности» писца. Таковыми являются а) грамматические ошибки, свидетельствующие о плохом владении русской падежной системой (прежде всего, употребления именительного падежа вместо косвенных) и б) закрепление в качестве *орфограмм* таких написаний отдельных слов и морфем, которые не соответствуют никакой *графической* системе, употреблявшейся в истории русского языка и не могут быть объяснены известными по истории русского языка фонетическими изменениями (лексикализованные *бжницѣ*, *сому*, *Любык-*, *Юрво*).

Проведенный анализ позволяет также сделать выводы о графико-орфографических особенностях несохранившихся рукописей. Так, писец X, по-видимому, часто выносил над строкой под титло согласную последнего слога, предпочитал орфограммы *ки*, *ги* и написания *Любьк-* через *б*, тогда как писец G выписывал слова полностью, предпочитал *кы*, *гы* и написания через *Люп-*. Разницу же в частоте необозначения ауслautного [j] на письме между L и Ri, по-видимому, можно объяснять разной степенью внимательности ганзейского переписчика при копировании того и другого текста: в оригинальной грамоте G, написанной профессиональным новгородским писцом, пропуск *и* мог встретиться лишь по ошибке и вряд ли больше одного-двух раз (высоковероятно, что пропуск в G имел место в самом начале грамоты: *се<и/ѣ> сторонѣ*). В X, скопированном с G, пропуск [j] также вряд ли слишком часто встречался, иначе это было бы, скорее всего, отражено в Ri.

Частичная реконструкция графико-орфографических особенностей Готландской грамоты Нибурова мира 1392 г. – дополнилась в процессе исследования ее внешним описанием и другими подробностями, найденными Е. Р. Сквайрс в письме города Висбю 1472 г. Фактически изучение этого материала привело к своеобразному «возрождению» важнейшего оригинального документа в истории ганзейско-новгородских отношений Новгорода и Ганзы – давно утраченной грамоты Нибурова мира 1392 г.

Наконец, важным итогом проведенного исследования можно признать открытие новой перспективы в изучении контактов между языками в этом северо-западном русском регионе. Материал ганзейских источников, позволяет, как показал анализ их бытования в контексте новгородских связей, обратиться к анализу русского языка немецкоязычных писарей-переводчиков и ганзейских дипломатов и политиков в аспекте направления «древнерусский как иностранный». Помимо Нибурова мира наиболее ранним известным текстом, бесспорно представляющим собой пример «древнерусского как иностранного», был черновой проект договора Риги с Полоцком 1405 г. В целом в контексте изучения особенностей русского языка в употреблении ганзейских профессиональных переводчиков были доступны лишь единичные древнерусские тексты с доказанной ганзейской атрибуцией (например, грамота 1425 г., тоже рассматривавшаяся в этом контексте [Полехов и др. 2021]. Первые русско-немецкие разговорники – как верхненемецкий разговорник Томаса Шрове и нижненемецкий „Ein Rusch Boeck“ – известны только с XVI вв., а знаменитый разговорник Тенниса Фенне создан в 1607 г., и не в Новгороде, а в Пскове. В целом тексты этого жанра обычно имеют позднюю датировку, неоднозначную атрибуцию и признаки влияния иноязычных разговорников, что не позволяет связать их непосредственно с культурно-историческим контекстом связей Новгорода с городами Ганзы. В ходе предпринятого исследования корпус древних русскоязычных грамот, несомненно переписанных иностранцами, пополнился сразу на пять единиц: это 1) грамота 1472 г. [ГВНП 2025: № 67] (указано С. В. Полеховым), 2) Ревельский список Нибурова мира 1470 г.

(установлено Е. Р. Сквайрс), 3) Любекский список 1392 г., 4) Рижский список 1392 г., 5) Послание Новгорода в Дерпт 1388 г. [ГВНП 2025: № 24].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

1. В научной литературе – как в логопедии и нейропсихологии, так и в текстологии и лингвистических описаниях средневековых славянских памятников – до сих пор отсутствует общепринятая классификация экспрессивных графических ошибок. Прежние классификации, предложенные историками русского языка (А. И. Соболевским, Л. Л. Васильевым, Н. М. Каринским, Н. Н. Дурново, А. А. Зализняком) делили множество ошибок либо на слишком крупные классы (что не позволяло выявить ряд важных закономерностей в частотности их подвидов), либо определяли тип ошибки по ее частному случаю (например, пропуск слога в окружении соседних букв выделялся в качестве самостоятельного класса, а пропуск слога без такого окружения ни в один класс не попадал), либо называли одним словом (повтор, повторение, предвосхищение) разные классы ошибок (вставку и замену). В работе предложена новая классификация, основанная на положении ошибки внутри слога.
2. Разработанная классификация позволила выявить ряд закономерностей:
 - пропуски одиночных согласных – одна из наиболее часто исправляемых писцами ошибок (83 % исправлений), тогда как пропуски согласных в консонантных кластерах случаются чаще и исправляются реже;
 - пропуски прикрытых гласных распределены во времени равномерно, тогда как пропуски неприкрытых гласных значительно увеличивают частотность примерно с середины XIV в., что может быть связано с фонетическими процессами, вызванными утратой интервокального [j];
 - диттографии гласных в берестяных грамотах демонстрируют слабую и статистически незначимую связь с местом ударения, что не позволяет

подтвердить гипотезу А. И. Соболевского о связи удвоений гласных с ударениями (по крайней мере на материале берестяных грамот);

– перестановки согласных в кластере восходящей звучности крайне редки (2 примера), а в прочих случаях – сравнительно многочисленны (21 пример), причем часть из них безусловно отражает нерегулярное фонетическое изменение позднерусского периода; перестановок соседних гласных не зафиксировано.

3. Материал берестяных грамот демонстрирует иную картину частотности ошибок, чем это предполагалось ранее. Вопреки утверждению А. А. Зализняка о том, что описки в берестяных грамотах встречаются «не чаще, чем в пергаменных грамотах» и «не чаще, чем в рядовых памятниках книжной письменности», статистический анализ показал: частотность неисправленных нефонетических ошибок в берестяных грамотах составляет около 18,6 ошибок на 1000 словоформ, что почти вдвое превышает соответствующий показатель в новгородско-княжеских договорах (ок. 4,92 на 1000 слов) и сопоставимо лишь с крайне испорченным несколькими поколениями переписчиков Архивским списком «Пчелы» – переводного текста закрытой рукописной традиции (ок. 15,4 ошибок на 1000 словоформ, включая перенесенные из антиграфа).

4. Анализ исправлений показал, что сами писцы осознавали как недопустимые прежде всего механические описки (пропуски и повторы букв и слогов, замены букв на визуально схожие и соседние), тогда как нарушения корреляции по глухости-звонкости и твёрдости-мягкости практически никогда не исправлялись. Это даёт основания рассматривать последние как особый род фонетических ошибок. Высказывавшиеся ранее определения этого явления как исключительно позднерусского, исключительно севернорусского или обязательно отражающего прибалтийско-финский субстрат идиолекта писца, должны быть отвергнуты.

5. Анализ выявил возможность фонетической интерпретации и для перестановок согласных в консонантном кластере нисходящей звучности:

абсолютное большинство этих примеров приходится на позднерусский период, и ни один из них не исправлен.

6. Описка с наибольшей абсолютной частотностью – пропуск прикрытого слога – демонстрирует свою эвристическую ценность как инструмент интерпретации «темных мест» берестяных грамот. Пересмотр чтения грамот № 141 и № 600 позволил устранить мнимые гапаксы (***вытоль*, ***Ладопга*) и предложить непротиворечивые реконструкции стоящих за этими текстами прагматических ситуаций. В грамоте № 600 допущение об ошибке снимает необходимость предполагать в грамоте гапакс, и позволяет связать два «сюжета», читавшихся в грамоте ранее. В грамоте № 141 чтение *оу Ладон{n}gi* как ‘в Ладого’ и *намо в озери* как ‘нам в озере’ устраняет ономастические фантомы и позволяет увидеть в авторах грамоты рыботорговцев, отправляющихся на Ладожское озеро.

6. Статистика ошибок доказала свою применимость как инструмент критики текста на материале Повести временных лет. Показано, что вероятность независимого пропуска интервокальной согласной в одном слове в двух списках ПВЛ ничтожно мала (0,46 % даже при допущении, что оба писца ошибались столь же часто, как среднестатистический автор берестяной грамоты). Это позволяет отвергнуть гипотезу о независимом возникновении разночтения *Колгини* / *Комагини* и свидетельствует в пользу второй стеммы А. А. Гиппиуса, согласно которой южнорусским источником *РА был именно *И, а не архетип *ИХ.

7. В ходе исследования выработаны диагностические критерии выявления текстов, написанных иностранцами на древнерусском языке. В отличие от фонетических смещений и механических описок, которые сами по себе не являются ни необходимым, ни достаточным критерием «иностранности», таковыми оказываются: а) массовые грамматические ошибки, прежде всего употребление именительного падежа вместо косвенных; б) закрепление в качестве индивидуальных орфограмм таких написаний отдельных слов и морфем, которые не соответствуют ни одной графической системе, употреблявшейся в истории русского языка, и не могут быть объяснены

известными фонетическими изменениями. На основании этих критериев выявлено пять ранее не изучавшихся в данной перспективе памятников, переписанных иностранцами.

8. Исследование показало, что изучение писцовых ошибок не является вспомогательным, «побочным» продуктом лингвистического описания памятников, а представляет собой самостоятельную научную задачу, решение которой способно пролить свет как на историю языка, так и на историю конкретных текстов. Составление полных перечней ошибок и описок — необходимое предварительное условие для любого серьёзного лингвистического издания средневекового текста. Статистический анализ частотности ошибок разных классов позволяет решать текстологические задачи, которые не могут быть решены иными средствами, а также выявлять социолингвистические характеристики писцов (уровень грамотности, иноязычное происхождение).

9. Перспективы дальнейшего исследования видятся в нескольких направлениях. Во-первых, необходимо составление полных каталогов ошибок для большего числа книжных памятников древнерусской письменности, что позволит уточнить сравнительную статистику ошибок в берестяных грамотах и рукописной продукции скрипториев. Во-вторых, требуется дальнейшее изучение хронологического распределения ошибок разных классов с привлечением новых находок берестяных грамот, что может подтвердить или опровергнуть предложенную модель эволюции системы обучения письму. Наконец, в-третьих, выявленные критерии «древнерусского как иностранного» должны быть проверены на более широком круге дипломатических документов XV вв., что позволит уточнить провенанс некоторых них и общую картину межкультурных контактов в новгородско-ганзейском регионе.

Таким образом, проведённое исследование не только заполняет существующий пробел в изучении писцовых ошибок берестяных грамот, но и открывает новые возможности для использования эрратологического анализа

как инструмента исторической фонетики, текстологии и истории языковых контактов с участием русского языка.

Список литературы

1. *Аванесов 1955*: Р. И. Аванесов. Фонетика // Палеографический и лингвистический анализ берестяных грамот / Отв. ред. В. И. Борковский. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 79 – 102.
2. *Алексеев 1999*: А. А. Алексеев. Текстология славянской Библии. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.
3. *Артамонов, Гиппиус 2025*: Ю. А. Артамонов, А. А. Гиппиус. Древнерусские надписи собора Святой Софии в Константинополе (западная и центральная части северной галереи) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2025. № 4 (102). С. 24–42.
4. *Арциховский 1951*: А. В. Арциховский. Новые открытия в Новгороде // Вопросы истории, 1951, № 12. С. 77 – 87.
5. *Ахутина 2018*: Ахутина Т. В. Нейропсихологический анализ ошибок на письме / Нарушения письма и чтения у детей: изучение и коррекция. Под ред. О. А. Величенковой. М.: Изд-во «Логомаг», 2018, с. 76-95.
6. *Бахилина 1955*: Н. Б. Бахилина. Лексика // Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955. С. 167 – 188.
7. *Бегунц 2006*: Бегунц И. В. Фонетический строй белозерско-бежецких говоров первой половины XVII в. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. М., 2006.
8. *Безпалько и др. 1962*: О. П. Безпалько, М. К. Бойчук, М. А. Жовтобрюх, С. П. Самійленко, І. Й. Тараненко. Історична граматика української мови. К., 1962.
9. *Бобрик 2014*: М. А. Бобрик. Маргиналии к берестяным грамотам и памятникам древнерусской эпиграфики // Русский язык в научном освещении. 2014. № 2 (28). С. 191–201.

10. *Богородицкий 1881*: В. А. Богородицкий. Изучение малограмотных написаний. Отд. отт. из «Филологических записок». Воронеж, 1881.
11. *Богородицкий 1909*: Очерки по языковедению и русскому языку. Пособие при изучении науки о языке. Изд. 2-е. Испр. и доп. Казань, 1910.
12. *Богородицкий 1911*: В. А. Богородицкий. Лекции по общему языковедению. Казань, 1911.
13. *Богородицкий 1915*: В. А. Богородицкий. Лекции по общему языковедению. 2-е изд. Казань, 1915.
14. *Борковский 1931*: В. И. Борковский. О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку // Труды комиссии по русскому языку. Т. 1. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. С. 1 – 91.
15. *Борковский 1949*: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение). Львов, 1949.
16. *Борковский 1952*: В. И. Борковский. Драгоценные памятники древнерусской письменности // Вопросы языкознания. 1952. № 3. С. 131 – 136.
17. *Борковский, Кузнецов 1963*: В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
18. *Брандт 1913*: Р. Ф. Брандт. Лекции по истории русского языка, читанные в Императорском Московском археологическом институте имени императора Николая II профессором Романом Брандтом. М., 1913.
19. *Будде 1896*: Е. Ф. Будде. К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии. Казань, 1896.
20. *Булаховский 1958*: Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку, 5-е изд., Киев, 1958.
21. *Буслаев 1855*: Ф. И. Буслаев. Палеографические и филологические материалы для истории писем славянских, собранные из XV-ти рукописей Московской синодальной библиотеки // Материалы для истории писем восточных, греческих, римских и славянских. М., 1855. С. 1 – 59.

22. *Васильев 1902*: Л. Л. Васильев. Новгородское Евангелие Имп. Публ. Библ. и его западно-русские вкладные // Русский филологический вестник. Т. 47. 1902. С. 152 – 168
23. *Васильев 1905*: Л. Л. Васильев. Богдановский златоуст XVI века // Известия отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. X, кн. 3. СПб., 1905. С. 295 – 338.
24. *Васильев 1907*: Л. Л. Васильев. Вологодское евангелие XVI в. // Русский филологический вестник. 1907. Т. 57, вып. 2, № 2. С. 241—281.
25. *Васильев 1908*: Л. Л. Васильев. О влиянии нейотированных гласных на предыдущий открытый слог. Главы I – III // Известия Отделения русского языка и словесности. 1908. Т. 13. Кн. 3. С. 181 – 255.
26. *Введенский 2022*: А. М. Введенский. К уточнению стеммы списков «Повести временных лет»: Источник протографа Радзивилловского и Московско-Академического списков // Graphosphera. 2022. Т. 2. № 2. С. 134 - 145.
27. *Величенкова, Русецкая 2015*: Величенкова О. А., Русецкая М. Н. Логопедическая работа по преодолению нарушений чтения и письма у младших школьников. М.: Национальный книжный центр, 2015.
28. *Вилкул 2004*: Т. Л. Вилкул. Текстология и textkritik. Идеальный проект... // Palaeoslavica. Cambridge (Mass.), 2004. Vol. 12. № 1. 2004. С. 171–203.
29. *Виноградов 1919/1923*: В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики северно-русского наречия. Вып. 1: Очерки из истории звука *ѣ* в северно-русском наречии. П., 1923.
30. *Востоков 1843*: А. Х. Востоков. Остромирово Евангелие 1056-57 года: с приложением греческого текста евангелий и грамматическими объяснениями. СПб., 1843.
31. *Галинская 2002*: Е. А. Галинская. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.
32. *Герд, Федер 2003*: А. С. Герд, В. Федер. Церковнославянские тексты и церковнославянский язык. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.

33. *Гиппиус 2002*: А. А. Гиппиус. О критике текста и новом переводе-реконструкции «Повести временных лет» // *Russian Linguistics*. 2002 (№ 26). С. 63 – 126.
34. *Гиппиус 2004*: А. А. Гиппиус. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // *НГБ XI*. С. 183 – 232.
35. *Гиппиус, Зализняк 2004*: Гиппиус А. А. Зализняк А. А. Приложение № 1. Надписи-граффити в соборе Рождества Богородицы Антониева монастыря // Л. И. Лифшиц, В. Д. Сарабьянов, Т. Ю. Царевская. Монументальная живопись Великого Новгорода: Конец XI – первая четверть XII века. СПб., 2004. С. 774–777.
36. *Гиппиус, Кабатов, Кабатова 2015*: А. А. Гиппиус, С. А. Кабатов, Е. А. Кабатова. Каменное изделие с надписью с селища Вежи // *Археология Подмосквья. Материалы научного семинара. Вып. 13*. М.: Институт археологии РАН, 2017. С. 179 – 187.
37. *Гиппиус, Лащук 2021*: А. А. Гиппиус, С. А. Лащук. Надписи на Васильевских воротах 1336 г. // *Вестник сектора древнерусского искусства*. М., 2021. №2. С. 67–100.
38. *Гиппиус, Михеев 2019*: Гиппиус А. А., Михеев С. М. Древние надписи на стенах собора Рождества Богородицы Антониева монастыря // *Собор Рождества Богородицы Антониева монастыря в Великом Новгороде. Великий Новгород*, 2019. С. 222–245.
39. *Гиппиус, Михеев 2022*: А. А. Гиппиус, С. М. Михеев. Из надписей-граффити в лестничной башне Георгиевского собора Юрьева монастыря // *Архитектурная археология*. № 4. 2022. С. 98–111.
40. *Гиппиус, Сичинава 2021*: А. А. Гиппиус, Д. В. Сичинава. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот [XIII]: предварительная публикация // *Русский язык в научном освещении*, 2021. № 2 (42). С. 178 – 259.

41. *Голышенко 1982*: В. С. Голышенко. Немаркированный знак у в ранних восточнославянских рукописях // История русского языка. Памятники XI – XVIII вв. М.: Наука, 1982. С. 3 – 29.
42. *Гурьянов, Щербак 1950*: Е. В. Гурьянов, М. К. Щербак. Очерки психологии и методики обучения письму в букварный период. М., 1950.
43. *Даль 1852*: В. И. Даль. О наречиях русского языка: По поводу опыта областного великорусского словаря, изданного Вторым отделением Императорской Академии наук. СПб., 1852.
44. *Дурново 1924*: Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М., Л., 1924.
45. *Дыбо 1981*: В. А. Дыбо. Славянская акцентология: Опыт реконструкции системы акцентных па-радигов в праславянском. М., 1981.
46. *Дыбо, Замятина, Николаев 1990*: В. А. Дыбо, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев. Основы славянской акцентологии. М., 1990.
47. *Дыбо 2006*: В. А. Дыбо. Сравнительно-историческая акцентология, новый взгляд: по поводу книги В. Лефельдта «Введение в морфологическую концепцию славянской акцентологии» // Вопросы языкознания. 2006. № 2. С. 3 – 27.
48. *Живов 1986*: В. М. Живов. Азбучная реформа Петра I как семиотическое преобразование // Семиотика пространства и пространство семиотики. Труды по знаковым системам. Т. XIX. Тарту, 1986. С. 54 – 67.
49. *Живов 2006*: В. М. Живов. Восточнославянское правописание XI – XIII века. М.: Языки славянской культуры, 2006 (Studia philologica).
50. *Живов 2017*: В. М. Живов. История языка русской письменности. В 2 т. Т. I. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017.
51. *Жуковская 1952*: Л. П. Жуковская. Из истории языка Северо-Восточной Руси в середине XIV века: палеографическое и фонетическое исследование рукописи Государственного исторического музея, Патр. 68 : диссертация кандидата филологических наук. М., 1952.

52. *Жуковская 1955*: Палеография // Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955. С. 13 – 78.
53. *Жуковская 1959*: Л. П. Жуковская. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959.
54. *Загребин 1998*: В. М. Загребин. Квантитет и редупликация: способы обозначения долготы гласных звуков в средневековых сербских рукописях и редупликация гласных букв в ненотированных богослужебных сербских текстах // Русь и южные славяне : сборник статей к 100-летию со дня рождения В. А. Мошина (1894 – 1987). СПб.: Алетейя, 1998. С. 222-233.
55. *Зализняк 1978/2010*: А. А. Зализняк. А. А. Зализняк. Новые данные о русских памятниках XIV – XVII веков с различием двух фонем «типа о» // Зализняк А. А. Труды по акцентологии. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2010 (Studia philologica). С. 536 – 560.
56. *Зализняк 1979/2002*: А. А. Зализняк. О понятии графемы // А. А. Зализняк «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: ЯСК, 2002 (Studia philologica). С. 559 – 576.
57. *Зализняк 1982*: А. А. Зализняк. Противопоставление книжных и «бытовых» графических систем в древнем Новгороде // Finitis duodecim lustris: Сборник статей к 60-летию проф. Ю.М. Лотмана. Таллин: Ээсти раамат, 1982. С. 82–85.
58. *Зализняк 1984*: А. А. Зализняк. Наблюдения над берестяными грамотами // Вопросы русского языкознания. Вып. V. История русского языка в древнейший период / Под ред. К. В. Горшковой. Изд-во Московского университета. М., 1984. С. 36 – 153.
59. *Зализняк 1985/2010*: А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской // А. А. Зализняк. Труды по акцентологии. Т. 1. М., 2010. С. 1 – 428.

60. *Зализняк 1986*: А. А. Зализняк. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // НГБ VIII. С. 89 – 219.
61. *Зализняк 1990*: А. А. Зализняк. **Огосподинъ* // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка (Сборник статей к 60-летию профессора В. А. Успенского) / Под ред. Вяч. Вс. Иванова. М., 1990. С. 6 – 25.
62. *Зализняк 1993*: А. А. Зализняк. К изучению языка берестяных грамот // НГБ IX. С. 191 – 343.
63. *Зализняк 1995*: А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995.
64. *Зализняк 2002*: А. А. Зализняк. Древнерусская графика со смешением ъ – о и ь – е // А. А. Зализняк «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. С. 577 – 612.
65. *Зализняк 2004*: А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995 – 2003 гг. М., 2004.
66. *Зализняк 2013*: К истории слов // Slavica Svetlanica. Язык и картина мира: К юбилею Светланы Михайловны Толстой. М., 2013. С. 31 – 41.
67. *Зализняк 2019*: Зализняк А. А. «Эффект Лукерьи»: переход ол > о в истории русского языка // Славянское и балканское языкознание: Славистика. Индоевропеистика. Культурология. К 90-летию со дня рождения Владимира Николаевича Топорова М., 2019. С. 82–96.
68. *Запольских 2023*: Е. В. Запольских. Вариативность именника пермских старообрядцев Среднего Прикамья начала XX в. // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20. № 3. С. 144–163.
69. *Истрин 1920*: Книги временные и образованные Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. 1920.
70. *Иткин 2026*: И. Б. Иткин. Из комментариев к текстам ранее опубликованных берестяных грамот // Русский язык в научном освещении. № 1 (51), 2026. С. 69 – 114.

71. *Калягин 2025*: В. А. Калягин. Что говорят ошибки о механизмах порождения речи : монография. СПб., 2025.
72. *Каринский 1909*: Н. М. Каринский. Язык Пскова и его области в XV в. // Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Ч. ХСIII (1909). С. 1 – 207.
73. *Карский 1899*: Е. Ф. Карский. Особенности письма и языка рукописного сборника XV века, именуемого Летописью Авраамки. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1899.
74. *Касаткин, Касаткина 1992*: Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. Противопоставление согласных по напряжённости / ненапряжённости в севернорусских говорах // Русистика сегодня: Функционирование языка: лексика и грамматика. М., 1992.
75. *Касаткин 1999*: Л. Л. Касаткин. Современная русская литературная и диалектная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
76. *Кафенгауз 1960*: Б. Б. Кафенгауз. Заметки о новгородских берестяных грамотах // История СССР, 1960 (№ 1). С. 168 – 174.
77. *Князев 1991*: С. В. Князев. Фонетическая реализация дифференциального признака. Глухость / звонкость и напряженность / ненапряженность согласных в севернорусских говорах. Дисс. канд. филол. наук. М., 1991.
78. *Князев 2006*: С. В. Князев. Структура фонетического слова в русском языке: синхрония и диахрония. М., 2006.
79. *Князевская 1957*: О. А. Князевская. К истории русского языка в северо-восточной Руси в середине XIV в. // Труды института языкознания. Т. VIII. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 107 – 177.
80. *Колосов 1878*: М. А. Колосов. Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка. Варшава, 1878.
81. *Колесов 1963*: В. В. Колесов. Севернорусские чередования согласных, парных по глухости-звонкости // Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы. 1963. Вып. 1, № 2. С. 103–112.

82. *Колесов 1982*: В. В. Колесов. Введение в русскую историческую фонологию. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
83. *Колесов 2008*: В. В. Колесов. Русская историческая фонология. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008 (Ars philologica).
84. *Корнев 1997*: А. Н. Корнев. Нарушения чтения и письма у детей. СПб.: МиМ, 1997.
85. *Короткова, Мольков 2017*: Д. А. Короткова, Г. А. Мольков. Графико-орфографические особенности древнерусского служебника XIII века (Соф. 519) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2017, т. 13, № 1.
86. *Котков 1962*: С. И. Котков. Вопросы истории русского языка в свете некоторых данных южновеликорусских памятников // Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962. С. 31 – 49.
87. *Красиков 1980*: Ю. В. Красиков. Теория речевых ошибок (на материале ошибок наборщика). М.: Наука, 1980.
88. *Кривко 1998*: Р. Н. Кривко. Бычковско-синая Псалтирь как источник по истории русского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1998.
89. *Кривко 2004*: Р. Н. Кривко. Графико-орфографические системы Бычковско-Синайской псалтири. I // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 80 – 124.
90. *Кривко 2015*: Р. Н. Кривко. Очерки языка древних церковнославянских рукописей. — М.: Индрик, 2015.
91. *Крушевский 1879*: Н. В. Крушевский. Об аналогии и народной этимологии // Русский филологический вестник. Т. 2, 1879. С. 109 – 120.
92. *Крылов 2023*: Д. С. Крылов. Поправки к чтению новгородской берестяной грамоты № 307 // Русский язык в научном освещении. 2023. № 1 (45). С. 144 – 149.

93. *Крылов 2026*: Д. С. Крылов. Количественный анализ пропусков согласных в средневековых славянских рукописях и *stemma codicum* Повести временных лет // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1 (103), 2026. С. 123–137.
94. *Крылов 2027*: Д. С. Крылов. Ошибки в берестяных грамотах и древнерусское ударение. I. Диттографии гласных // Русский язык в научном освещении. 2027. № 1 (53) [в печати].
95. *Крылов, Гиппиус 2026*: Д. С. Крылов, А. А. Гиппиус. «Вытол» изловили: к истолкованию мнимого гапакса берестяной грамоты № 600 // Труды ИРЯ РАН. 2026. № 1 (47), с. 211 – 221.
96. *Крылов, Соколов 2026*: Д. С. Крылов, М. А. Соколов. Перечитывая новгородскую берестяную грамоту № 141: куда отправились Гришка с Костю? // Slověne. 2026 (№ 1). С. 253 – 264.
97. *Крылов, Соколов 2027*: Д. С. Крылов, М. А. Соколов. Материалы к филологическому изучению Нибурова мира // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2027 [в печати].
98. *Крысько 1993*: В. Б. Крысько. Новые материалы к истории древненовгородского номинатива на -е // Вопросы языкознания, 1993. № 6. С. 78 – 88.
99. *Крысько 1994*: В. Б. Крысько. Заметки о древненовгородском диалекте (I. Палатализации) // Вопросы языкознания, 1994 (№ 5). С. 28 – 45.
100. *Крысько 1998*: В. Б. Крысько. Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // Вопросы языкознания, 1998 (№ 3). С. 74 – 93.
101. *Крысько 2004*: В. Б. Крысько. Предисловие // А. И. Соболевский. Труды по истории русского языка. Т. 1: Очерки из истории русского языка. Лекции по истории русского языка. М.: ЯСК, 2004. С. xi – xv.
102. *Крысько 2006a*: В. Б. Крысько. Комментарии // А. И. Соболевский. Труды по истории русского языка. Т. 2: Статьи и рецензии. М.: ЯСК, 2006. С. 9 – 17, 565 – 650.

103. *Крысько 2006б*: В. Б. Крысько. [Рец. на:] Отцы и дети Московской лингвистической школы: Памяти Владимира Николаевича Сидорова. М., 2004 // *Russian Linguistics*. 2006. Vol. 30, No. 3. С. 453–470.
104. *Крысько 2007а*: В. Б. Крысько. Очерки по истории русского языка. М.: Гнозис, 2007.
105. *Крысько 2007б*: В. Б. Крысько. Русская историческая лексикография (XI—XVII вв.): проблемы и перспективы // *Вопросы языкознания*, 2007, (№ 1). С. 103 – 118.
106. *Крысько 2019*: В. Б. Крысько. Экстратексты восточнославянских рукописей XI–XIV вв. как источник по истории древнерусского языка // *Известия РАН*. Т. 78, 2019 (№ 2). С. 14 – 32.
107. *Крысько 2020*: В. Б. Крысько. Нерегулярные изменения в области фонетики // *Историческая грамматика русского языка. Энциклопедический словарь*. / Под ред. В. Б. Крысько. М., 2020. С. 202 – 211.
108. *Крысько 2025*: В. Б. Крысько. Выходная запись Рязанской кормчей 1284 г. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2025. № 1 (99). С. 139–157.
109. *Крысько, Мольков 2020*: В. Б. Крысько, Г. А. Мольков. Восточнославянские рукописи XI – начала XIII в.: Лингвистические очерки / Под ред. В. Б. Крысько. М., Азбуковник, 2020.
110. *Кузнецов 1955*: П. С. Кузнецов. Морфология // *Палеографический и лингвистический анализ берестяных грамот* / Отв. ред. В. И. Борковский. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 103 – 143.
111. *Кузьмин 1952*: Ф. Ф. Кузьмин. Новгородская берестяная грамота № 9 // *Вопросы языкознания*, 1952, № 3. С. 137–140.
112. *Кустова 2018*: Г. А. Кустова. Прилагательные // *Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. III: Части речи и лексико-грамматические классы* // Под ред. В. А. Плунгяна и Н. М. Стойновой. СПб., 2018. С. 40–107.
113. *Лавровский 1859*: П. А. Лавровский. Описание семи рукописей Императорской Публичной Библиотеки // *Чтения в Обществе истории и*

- древностей российских при Московском университете 1858. Кн. 4. Октябрь-декабрь. III. С. 1 – 90.
114. *Лалаева 2006*: Р. И. Лалаева. Нарушения письменной речи // Л. С. Волкова и др. Логопедия / Под ред. Л. С. Волковой. Изд. 5-е, перераб. и доп. М.: Владос, 2006. С. 459 – 499.
 115. *Ларин 1959*: Б. А. Ларин. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618 – 1619 гг.). Л., 1959.
 116. *Лифшиц 2009*: А. Л. Лифшиц Когда был написан «Чудовский Новый Завет»? // Хризограф. Вып. 3: Средневековые книжные центры: местные традиции и межрегиональные связи. Труды международной научной конференции (Москва, 5 – 7 сентября 2005 г.). М.: Сканрус, 2009. С. 268 – 279.
 117. *Лихачев 1962*: Д. С. Лихачев. Текстология (на материале русской литературы X – XVII вв.). — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
 118. *Лопухина 2011*: А. А. Лопухина. Фонетика Холмогорского и Шенкурского диалектов XVII в. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. МГУ, 2011 [рукопись].
 119. *Лукин 2025*: П. В. Лукин. «Нибуров мир» и еще одно (само)название новгородского политического сообщества // Средние века. Т. 86 (№ 3). С. 119 – 133.
 120. *Ляпунов 1900*: Б. М. Ляпунов. Исследование о языке Синодального списка Новгородской I летописи. СПб., 1900.
 121. *Ляпунов 1911*: Б. М. Ляпунов. Отзыв о сочинении Н. М. Каринского. Отд. отт. из «Сборника отчетов о премиях и наградах за 1909 г.» (премии им. гр. Д. А. Толстого). СПб., 1911.
 122. *Маас 2011*: П. Маас. Критика текста / Пер. с 4-го нем. издания под ред. Д. О. Торшилова // Аристей, IV, 2011. С. 136 – 173.
 123. *Майков 1857*: А. А. Майков. История сербского языка по памятникам, писанным кириллицею, в связи с историею народа. М., 1857.

124. *Макарова 1954*: С. Я. Макарова. Родительный падеж принадлежности в русском языке XI–XVII вв. // Труды Института Языкознания, 1954 (№ 3). С. 7–31.
125. *Малкова 1979*: О. В. Малкова. Ошибки писцов и лингвистическая интерпретация древних текстов // Вопросы языкознания, 1979 (№6). С. 108—120.
126. *Малькова 2012*: Т. Н. Малькова. Учетно-финансовая практика Великого Новгорода XI–XIV вв. по текстам берестяных грамот // Общество. Среда. Развитие, 2012 (№ 3). С. 31 – 35.
127. *Матвеевко 1956*: В. А. Матвеевко. Заметки о языке новгородских берестяных грамот // Вопросы языкознания, 1956, № 4. С. 82 – 91.
128. *Мещерский 1958/1995*: Н. А. Мещерский. Новгородские грамоты на бересте как памятники древнерусского литературного языка // Н. А. Мещерский. Избранные статьи. СПб., 1995. С. 88 – 107.
129. *Мещерский 1962/1995*: Н. А. Мещерский. К изучению языка и стиля новгородских берестяных грамот // Н. А. Мещерский. Избранные статьи. СПб., 1995. С. 108 – 147.
130. *Милов 2009*: Л. В. Милов. Тверская школа книжного письма второй половины XIV в. (из истории Троицкого Мерила Праведного) // Л. В. Милов. Исследования по истории памятников средневекового права. М.: Росспэн, 2009. С. 212 – 232.
131. *Мольков 2014*: Г. А. Мольков. Лингвистическое и палеографическое исследование древнерусской рукописи Милятино Евангелие (РНБ, Ф.п.I.7): Дисс. на соискание уч. ст. к. ф. н. СПб., 2013.
132. *Мольков 2020*: Г. А. Мольков. Палеография и графика // Историческая грамматика русского языка. Энциклопедический словарь / Под ред. В. Б. Крысько. М., 2020. С. 233 – 257.
133. *Мольков 2021*: Г. А. Мольков. Роль графических клише в орфографии ранних новгородских рукописей с отражением цоканья // Время языка. Сборник статей памяти профессора В. В. Колесова. СПб., 2021.

134. *Мольков 2022*: Г. А. Мольков. Особенности письма новгородского писца Домки XII века: орфографические аргументы тождества почерков Милятина евангелия и Лазаревского паримейника // Славянское и балканское языкознание. Вып. 22: Палеославистика – 4. Международная коллективная монография / Отв. ред. В. С. Ефимова. М.: Институт славяноведения РАН; Полимедиа, 2022. С. 242–251.
135. *Мольков 2025a*: Г. А. Мольков. Черты бытовой орфографии в Захариинском паримейнике 1271 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 2025. С. 127 – 138.
136. *Мольков 2025б*: Г. А. Мольков. Орфографические данные о новгородском пономаре Тимофее // Славянское и балканское языкознание. Вып. 25: Палеославистика – 6: Международная коллективная монография / Отв. ред. В. С. Ефимова. Москва: Институт славяноведения РАН; Полимедиа, 2025. С. 206 – 221.
137. *Мороз 2015*: А. Б. Мороз. Церковнославянский язык в фольклорных текстах: глоссолалия или герменевтика? // Рябининские чтения 2015. Материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2015. С. 372 – 374.
138. *Назаренко 2002*: А. В. Назаренко. Новый труд известного слависта: к выходу в свет немецкого перевода Повести временных лет Л. Мюллера // Славяноведение, 2002. № 2. С. 128 – 139.
139. *Орехов, Савчук 2019*: Б. В. Орехов, С. О. Савчук. Акцентологический корпус как инструмент для исследования русского ударения // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. XXI. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки. М.: 2019. С. 61 – 82.
140. *Перетц 1922*: Краткий очерк методологии истории русской литературы. Петроград: Academia, 1922.
141. *Петрухин 2020*: П. В. Петрухин. Чтение по складам и графико-орфографические особенности древнерусских берестяных грамот // Slověne. 2020. Vol. 9, № 2. С. 103 – 128.

142. *Петрухин 2024*: П. В. Петрухин. Заметки о новгородских берестяных грамотах (грамоты № 22, 122, 1094, 1121) // *Studi Slavistici*, XXI, 2024 (2). Р. 5 – 20.
143. *Подтергера 2021a*: И. А. Подтергера. Смоленская грамота 1229 года в научном освещении // *Sub specie aeternitatis*: Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько / Отв. ред. И. М. Ладыженский, М. А. Пузина; ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2021. С. 686 – 714.
144. *Подтергера 2021б*: И. А. Подтергера. Германское, латинское и церковнославянское в языке и тексте Смоленской грамоты 1229 г. // *Русский язык в научном освещении*. 2021. № 1 (41). С. 226-276.
145. *Полехов и др. 2021*: Полехов С. В., Гиппиус А. А., Лукин П. В., Сквайрс Е. Р. Новая грамота о новгородско-ганзейских взаимоотношениях (1425 г.) // *Труды Института российской истории*. Вып. 7. М., «Наука», 2021. Том 16. С. 41–75.
146. *Поп 1996*: Р. Поп. Некоторые мысли по поводу издания средневековых славянских текстов // *Труды отдела древнерусской литературы*. Т. 50 (1996). С. 242 – 251.
147. *Попов 2014*: М. Б. Попов. Фонетика современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. СПб., 2014.
148. *Попов 2020a*: М. Б. Попов. Аканье // *Историческая грамматика русского языка. Энциклопедический словарь* / Под ред. В. Б. Крысько. М.: Азбуковник, 2020. С. 11 – 20.
149. *Попов 2020б*: М. Б. Попов. Ять // *Историческая грамматика русского языка. Энциклопедический словарь* / Под ред. В. Б. Крысько. М.: Азбуковник, 2020. С. 11 – 20.
150. *Правдина 1969*: О. В. Правдина. Логопедия: Учебное пособие для дефектологических факультетов педвузов. М.: Просвещение, 1969.

151. *Рождественская 2007*: Т. В. Рождественская. «О, тому умети грамоте!...» (Надписи с именем «Путила» в Георгиевском соборе новгородского Юрьева монастыря) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2007. Т. LVIII. С. 780–788.
152. *Садовникова 1995*: Нарушения письменной речи и их преодоление у младших школьников. М.: Владос, 1995.
153. *Семенов 1893*: Древняя русская Пчела по пергаменному списку / Изд. В. Семенова. СПб., 1893. (СОРЯС. Т. 54. № 4).
154. *Сичинава 2020*: Сичинава Д. В. К интерпретации некоторых берестяных грамот // Труды Института русского языка, 2020. № 1 (23). С. 297 – 313.
155. *Сичинава 2023*: Сичинава Д. В. Еще несколько поправок и комментариев к чтениям берестяных грамот // От сорочка к Олекше. Сборник статей к 60-летию А. А. Гиппиуса. М., 2023. С. 213–226.
156. *Сквайрс 2000*: Сквайрс Е. Р. Русь и Ганза: модель языкового контакта // Славяно-германские исследования. Том 2. Москва, «Индрик» 2000. С. 436 – 540.
157. *Сквайрс, Фердинанд 2002*: Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н. Ганза и Новгород: Языковые аспекты исторических контактов. М., 2002.
158. *Сквайрс 2009*: Сквайрс Е. Р. Языковой аспект торгово-дипломатических отношений Новгорода с Ганзой // Рыбина Е. А. Новгород и Ганза. М.: 2009. С. 213 – 249.
159. *Сквайрс 2026*: Сквайрс Е. Р. Нибуrow мир 1392 г.: Архивные свидетельства по истории Любекской линии списков // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2026. № 2 (104). С. 149–163.
160. *Сквайрс, Крылов 2027*: Е. Р. Сквайрс, Д. С. Крылов. Нибуrow мир 1392 г.: истоки рукописной традиции договора и ее древнерусская линия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2027 [в печати].
161. *Соболевский 1881/2006*: А. И. Соболевский. Исследования в области русской грамматики // А. И. Соболевский. Труды по истории русского языка. Т. 2: Статьи и рецензии. / Сост., подгот. текста, предисл., коммент. и

- указ. В. Б. Крысько. М.: ЯСК, 2006 (Классики отечественной филологии). С. 17 – 72.
162. *Соболевский 1884/2004*: А. И. Соболевский. Очерки из истории русского языка // А. И. Соболевский. Труды по истории русского языка. Т. 1 / Предисл. и коммент. В. Б. Крысько. М.: ЯСК, 2004. С. 1 – 247.
 163. *Соболевский 1887/2006*: А. И. Соболевский. [Рец. на] А. А. Шахматов. О языке новгородских грамот XIII и XIV века. СПб., 1886. [впервые опублик. в: Журнал министерства народного просвещения, 1887, № 11, с. 103 – 111] // А. И. Соболевский. Труды по истории русского языка. Т. 2: Статьи и рецензии. / Сост., подгот. текста, предисл., коммент. и указ. В. Б. Крысько. М.: ЯСК, 2006 (Классики отечественной филологии). С. 468 – 474.
 164. *Соболевский 1888*: А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка [1-е изд. Отд. оттиск из Университетских известий за 1888 г.]. К.: Университетская типография, 1888.
 165. *Соболевский 1889/2006*: А. И. Соболевский. [Рец. на:] И. В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка // А. И. Соболевский. Труды по истории русского языка. Т. 2: Статьи и рецензии. / Сост., подгот. текста, предисл., коммент. и указ. В. Б. Крысько. М.: ЯСК, 2006 (Классики отечественной филологии). С. 475 – 483.
 166. *Соболевский 1891*: А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Издание 2-е. СПб., 1891.
 167. *Соболевский 1893*: А. И. Соболевский. Мелкие заметки по славянской и русской фонетике // Журнал министерства народного просвещения. 1893. № 11. С. 48 – 51.
 168. *Соболевский 1894/2006*: А. И. Соболевский. Из истории русского языка // А. И. Соболевский. Труды по истории русского языка. Т. 2: Статьи и рецензии. / Сост., подгот. текста, предисл., коммент. и указ. В. Б. Крысько. М.: ЯСК, 2006 (Классики отечественной филологии). С. 184 – 193.
 169. *Соболевский 1897*: А. И. Соболевский. Из истории русского языка // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1897. № 5. С. 44 – 59.

170. *Соболевский 1897/2006*: А. И. Соболевский. Из истории русского языка // А. И. Соболевский. Труды по истории русского языка. Т. 2: Статьи и рецензии. / Сост., подгот. текста, предисл., коммент. и указ. В. Б. Крысько. М.: ЯСК, 2006 (Классики отечественной филологии). С. 198 – 207.
171. *Соболевский 1902*: А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. Курс второй. СПб.: Тип. А. П. Лопухина, 1902.
172. *Соболевский 1903*: А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Издание 3-е. М.: Университетская типография, 1907.
173. *Соболевский 1907/2004*: А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Издание 4-е. М.: Университетская типография, 1907.
174. *Соболевский 1908*: Славяно-русская палеография: Курс лекций А. И. Соболевского с 20 палеографическими таблицами. 2-е изд. СПб., Императорский археологический институт, 1908.
175. *Соболевский 1910/2006*: А. И. Соболевский. Мелкие заметки по славянской и русской фонетике // А. И. Соболевский. Труды по истории русского языка. Т. 2: Статьи и рецензии. / Сост., подгот. текста, предисл., коммент. и указ. В. Б. Крысько. М.: ЯСК, 2006 (Классики отечественной филологии). С. 266 – 290.
176. *Страхов 1995*: А. Б. Страхов. Филологические наблюдения над берестяными грамотами. VI – IX // *Palaeoslavica*, III (1995). Р. 231 – 279.
177. *Сумченко 1989*: Г. М. Сумченко. Буквы *я, е, е, ю* в письме младших школьников // Совершенствование методов диагностики и преодоления нарушений речи / Под ред. В. А. Ковшикова. — Л., 1989. С. 78 – 96.
178. *Токарева 1969*: Расстройства чтения и письма (дислексии и дисграфии) // Расстройства речи у детей и подростков / Под ред. С. С. Ляпидевского. М., 1969. С. 190 – 212.
179. *Трубецкой 2000*: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии / Пер. с нем. А. А. Холодовича, ред. С. Д. Кацнельсона, послесловие А. А. Реформатского. 2-е изд. М.: Аспект пресс, 2000.

180. *Турилов 2012*: А. А. Турилов. Забытые и малоизвестные факты из истории древнейшего перевода Пролога у южных славян (к проблеме «первого восточно-славянского влияния») // Славяноведение, 2012, № 2. С. 8 – 26.
181. *Турилов 2022*: А. А. Турилов. К вопросу о региональных вариантах «второго южнославянского влияния» (палеографический и орфографический аспекты) // Славянское и балканское языкознание. Вып. 22: Палеославистика – 4 / Отв. ред. В. С. Ефимова. Москва, 2022. С. 184 – 202.
182. *Унбегаун 1989*: Б. О. Унбегаун. Русские фамилии / Пер. с англ., общ. ред. Б. А. Успенского. М., 1989.
183. *Успенский 1988/1997*: Б. А. Успенский. Русское книжное произношение XI-XII вв. и его связь с южнославянской традицией (Чтение еров) // Б. А. Успенский. Избранные труды. Т. III: Общее и славянское языкознание. М.: Языки славянской культуры, 1997. С. 143 – 208.
184. *Успенский 2002*: Б. А. Успенский. История русского литературного языка (XI – XVII вв.). Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2002.
185. *Успенский 1970/1997* : Б. А. Успенский. Старинная система чтения по складам (Глава из истории русской грамоты) // Б. А. Успенский. Избранные труды. Т. III: Общее и славянское языкознание. М.: Языки славянской культуры, 1997. С. 246 – 288.
186. *Хватцев 2010*: М. Е. Хватцев. Логопедия. В 2 кн. Кн. 2. / Под ред. Р. И. Лалаевой и С. Н. Шаховской. М.: Владос, 2009.
187. *Хелимский 1986*: Хелимский Е. А. О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах // НГБ VIII. С. 252–259.
188. *Черных 1927*: П. Я. Черных. Очерки по истории и диалектологии северно-великорусского наречия. I. «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» как памятник северно-великорусской речи XVII столетия. Иркутск, 1927.

189. *Черных 1953*: П. Я. Черных. Язык Уложения 1649. М., 1953 // Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
190. *Черепнин 1969*: Л. В. Черепнин. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.
191. *Шаповал 2016*: В. В. Шаповал. Теория и практика верификации словарных данных на основе источников (дисс. на соиск. уч. ст. д. ф. н.). М.: МПГУ, 2016 (рукопись).
192. *Шахматов 1898*: А. А. Шахматов. [Рец. на:] Е. Ф. Будде. К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии. Отд. отт. из «Отчета о присуждении Ломоносовской премии в 1897 году» (с. 25 – 73). СПб., 1898.
193. *Шахматов 1915*: А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пгд., 1915.
194. *Шахматов 1938*: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV – XVI вв. // М., Л.: Изд-во АН СССР, 1938.
195. *Шевнин 2003*: А. Б. Шевнин. Эрратология // Екатеринбург: Ур. гум. ин-т, 2003.
196. *Шевнин 2009*: А. Б. Шевнин. Паранормативы в переводе: несоответствия экспрессивного типа / Известия РГПУ // Екатеринбург: Ур. гум. ин-т, 2003. С. 157 – 163.
197. *Шевчук 2003*: О. П. Шевчук. Сравнительный историко-лингвистический анализ двух списков пролога - Лобковского 1282 г. и Псковского второй половины XIII в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2003.
198. *Шеннон 1963*: К. Шеннон. Работы по теории информации и кибернетике, М., 1963.

199. *Шилов 2002*: Шилов А. Л. Из наблюдений над берестяными грамотами // Финно-угорское наследие в русском языке. Сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. С. 145–157.
200. *Шилов 2010*: А. Л. Шилов. Этнонимы и неславянские антропонимы берестяных грамот // Вопросы ономастики, 2010 (№1). С. 33–54.
201. *Щелокова 2020*: А. А. Щелокова. Эрратология как общая теория ошибок // Социо- и психолингвистические исследования (Вып. 8.). Пермь: Изд-во ПГНИУ, 2020. С. 168 – 172.
202. *Щепкин 1899*: В. Н. Щепкин. Рассуждение о языке Саввиной книги: С приложением двух фототипических снимков. СПб., 1899.
203. *Ягич 1883*: И. В. Ягич. Памятник глаголической письменности: Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. СПб., 1883.
204. *Ягич 1889*: И. В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889.
205. *Янин 1981*: В. Л. Янин. Новгородская феодальная вотчина. (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981.
206. *Янин 1986*: В. Л. Янин. Поправки и замечания к чтениям берестяных грамот // НГБ VIII. М., 1986. С. 220–251.
207. *Янин 1998*: В. Л. Янин. Я послал тебе бересту... 3-е. изд. М., 1998.
208. *Faccani 1995*: R. Faccani. Iscrizioni novgorodiane su corteccia di betulla. Udine, 1995.
209. *Gippius 2012*: A. Gippius. Birchbark Literacy and the Rise of Written Communication in Early Rus' // Epigraphic Literacy and Christian Identity: Modes of Written Discourse in the Newly Christian European North / Ed. C. Zimler, J. Jesch. Turnhout: Brepols, 2012. P. 225 – 251.

210. *Gippius 2014*: A. A. Gippius. Reconstructing the original of the *Povest' vremennyx let*: a contribution to the debate // *Russian Linguistics*. 2014 (№ 38). P. 341 – 366.
211. *Hock 1992*: W. Hock. Der Flexionsakzent im mittelbulgarischen Evangelie 1139 (NBKM). München: Sagner, 1992.
212. *Issatschenko 1980*: A. Issatschenko. Geschichte der russischen Sprache. Bd. 1. Heidelberg, 1980.
213. *Jagić 1879*: V. Jagić. Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Berolini, 1879.
214. *Jakobson 1952*: R. Jakobson. Vestiges of the earliest Russian vernacular // *Word*, VIII (1952). P. 611–619.
215. *Laakso 2005*: Laakso J. Der gefangene Kämpfer oder ein kleiner Nachtrag in den Nowgoroder Birkenrindenschriften // *Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica*. 65. Wiesbaden, 2005. S. 219–225.
216. *Lunt 2001*: Lunt H. G. Old Church Slavonic Grammar. 7th rev. ed. Berlin, New York, 2001.
217. *Miltenov 2018*: Y. Miltenov. Notes on scribal errors in the earliest Slavic manuscripts // *The Oldest Linguistic Attestations and Texts in the Slavic Languages*. Wien, 2018. P. 167–175.
218. *Ostrowski 2022*: The *Povest' vremennyx let* (PVL): ends and means // *Russian Linguistics*, 2022 (Vol. 46). P. 3–24.
219. *Saarikivi 2007*: J. Saarikivi. Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents // *Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North. Вопросы этнического, языкового и культурного формирования Русского Севера. Beiträge zur ethnischen, sprachlichen und kulturellen Entwicklung des russischen Nordens* (= *Slavica Helsingiensia*, 32), Helsinki, 2007. P. 196–246.

220. *Schaeken 1995*: J. Schaeken. Line-Final Word Division in Russian Birchbark Documents // *Russian Linguistics*, 1995, № 19, p. 91–108.
221. *Schnittke 2016*: E. Schnittke. Why historical linguists need children: Birch bark letters in light of written language acquisition // *Mind, Culture, and Activity: An International Journal (USA)*. 2016. No. 1. P. 42–64.
222. *Vermeer 2001*: W. Vermeer. Critical observations on the modus operandi of the Moscow Acc-centological School // W. Lehfeldt. Einführung in die morphologische Konzeption der slavischen Akzentologie. München, 2001 (Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik. Bd. 42). S. 131 – 163.
223. *Worth 1978*: D. S. Worth. On “Diglossia” in Medieval Russia // *Die Welt der Slaven* 23 (1978). S. 371 – 393.

Источники

1. *Боголюбова, Таубенберг 1960*: Н. Д. Боголюбова, Л. И. Таубенберг. О древнерусских памятниках XIII—XIV вв. Рижского городского архива // *Ученые записки Латвийского гос. университета им. Петра Стучки*. Т. 36, вып. 6А, 1960.
2. *ВЯ 2016*: А. А. Гиппиус, А. А. Зализняк. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2015 г. // *Вопросы языкознания*, 2016, № 4. С. 7–17.
3. *ВЯ 2017*: А. А. Гиппиус, А. А. Зализняк, Е. В. Торопова. Берестяные грамоты из раскопок 2016 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // *Вопросы языкознания*, 2017, № 4. С. 7–24.
4. *ВЯ 2018*: А. А. Гиппиус, А. А. Зализняк. Берестяные грамоты из раскопок 2017 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // *Вопросы языкознания*, 2018, № 4. С. 7–24.
5. *ВЯ 2019*: А. А. Гиппиус. Берестяные грамот из раскопок 2018 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // *Вопросы языкознания*, 2019, № 4. С. 47–71.

6. *ВЯ 2020*: А. А. Гиппиус. Берестяные грамоты из раскопок 2019 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания, 2020, № 5. С. 22–37.
7. *ВЯ 2021*: А. А. Гиппиус. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2020 г. // Вопросы языкознания, 2021, № 5, 66–92.
8. *ВЯ 2022*: А. А. Гиппиус. Берестяные грамоты из раскопок 2021 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания, 2022, № 6. С. 7 – 20.
9. *ВЯ 2023*: А. А. Гиппиус. Берестяные грамоты из раскопок 2022 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания, 2023, № 5. С. 7 – 28.
10. *ВЯ 2024*: А. А. Гиппиус. Берестяные грамоты из раскопок 2023 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания, 2024, № 4. С. 7 – 26.
11. *ВЯ 2025*: А. А. Гиппиус. Берестяные грамоты из раскопок 2024 г. I. Великий Новгород, Троицкий раскоп // Вопросы языкознания, 2025, № 4. С. 7 – 41.
12. *ГВНП 2025*: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Т. 1. Тексты / 2-е издание. / Сост. И. Ю. Анкудинов. М., 2025.
13. *Глушков 1801*: И. Ф. Глушков. Ручной дорожник для употребления на пути между императорскими всероссийскими столицами, дающий о городах по оному лежащих известия истори-ческие, географические и политические; с описанием обывательских обрядов, одежд, наречий и видов лучших мест. СПб.: Императорская Академия Наук, 1801.
14. *Грамотки 1969*: Грамотки XVII – начала XVIII века / Изд. подг. Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова. Под ред. С. И. Коткова. М., 1969.
15. *ЕвГ* – Евангелие апракос полный, 1266 – 1301 гг. («Галицкое Евангелие») РНБ, Ф.п.I.64. [Интернет-ресурс. Дата обращения: 08.08.2026]

<https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=FF1610D4-5C16-4898-AC9B-F5362E5C4E4D>

16. *ЕвГ 1357* – Евангелие апракос полный («Галичское Евангелие»). 1357 г. ГИМ, Син. № 68.
17. *ЕвДобр* – Евангелие апракос полный, 1164 г. (Добрилово Евангелие). РГБ. Рум. № 103 [Интернет-ресурс. Дата обращения: 03.08.2026]
https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003150195/
18. *ЕвПог XIII* – Евангелие апракос полный. РНБ, Пог. 13 [Интернет-ресурс]
<https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=666E491F-CBAE-4F1A-94B2-0A7C2AB23FAA> (Дата обращения: 01.08.2026)
19. *ЕвСоф XIV₁* – Евангелие апракос полный. РНБ, Соф. 2. [Интернет-ресурс]
<https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=B36D3B93-D4B4-4B1A-BD38-2F4B5DC5F113> (Дата обращения: 01.08.2026)
20. *ЕвТит XII/XIII* – Евангелие апракос полный. Государственная Третьяковская Галерея, К-5348 (бывш. Син. Тип. № 6).
21. *Зализняк 2004: Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995 – 2003 гг. — М.: Языки славянской культуры, 2004. (Studia philologica).
22. *КЛ:* Юрьева И. С. Киевская летопись / Изд. подг. И. С. Юрьева. 2-е изд. М., 2017.
23. *КР 1284:* Рязанская Кормчая 1284 г. РНБ, Ф.п.П.1. [Интернет-ресурс]
<https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=533F481D-676A-4220-B45E-62DA1B5918DA> (Дата обращения: 25.07.2026)
24. Лукин П. В., С. В. Полехов, Е. Р. Сквайрс. Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова. 1392–1409 гг. М., СПб.: Нестор-История, 2021.
25. *МЕ:* Милятино Евангелие. РНБ, Ф.п.І.7. [Интернет-ресурс]
<https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?prm=18557E87-7A11-4581-BEC5-3542A30E7087> (Дата обращения: 07.07.2025)

26. *Медынцева 1978*: А. А. Медынцева. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора, XI–XIV вв. М., 1978.
27. *Мин 1095*: Миня служебная на сентябрь. 1095 – 1096 гг. РГАДА, Син. Тип. (ф. 381), № 84. [Интернет-ресурс. Дата обращения: 22.08.2026]
http://rgada.info/kueh/index2.php?str=381_1_84&name=%D0%9C%D0%B8%D0%BD%D0%B5%D1%8F%20%D1%81%D0%BB%D1%83%D0%B6%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B0%D1%8F,%20%D1%81%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8C;%20%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D1%81%D0%BB%D1%83%D0%B6%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B5%D1%8F%201095%20%D0%B3.
28. *Мин 1096*: Миня служебная на октябрь, 1096 г. РГАДА, Син. Тип. (ф. 381), № 89. [Интернет-ресурс. Дата обращения: 01.08.2026].
<http://rgada.info/kueh/index.php?T1=%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B5%D1%8F+1096&Sk=30&B1=%D0%9D%D0%B0%D0%B9%D1%82%D0%B8>
29. *Мин 1097*: Миня служебная на ноябрь, 1097 г. РГАДА, Син. Тип. (ф. 381), № 91. [Интернет-ресурс. Дата обращения: 22.08.2026].
http://rgada.info/kueh/index2.php?str=381_1_91&name=%D0%9C%D0%B8%D0%BD%D0%B5%D1%8F%20%D1%81%D0%BB%D1%83%D0%B6%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B0%D1%8F,%20%D0%BD%D0%BE%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8C
30. *Мин XIII (январь)*: Миня служебная на январь, отрывки, XIII в. БАН, Финл. 14. [Интернет-ресурс. Дата обращения: 20.09.2026]
http://ecatalog.rasl.ru:8080/cgi-bin/irbis64r_11/cgiirbis_64.exe?LNG=&I21DBN=NIOR&P21DBN=NIOR&Z21ID=&S21REF=10&S21CNR=20&S21STN=1&S21FMT=fullweb_rban_nr&C21COM=S&2_S21P02=1&2_S21P03=TRP=&2_S21STR=%D0%A4%D0%B8%D0%BD%D0%BB.%2014;#

31. *МП*: «Мерило Праведное». РГБ, ф.304/І, № 15. [Интернет-ресурс] <https://lib-fond.ru/lib-rgb/304-i/f-304i-15/> (Дата обращения: 28.08.2026).
32. *РЛА*: Напьерский К. Е. Русско-ливонские акты. СПб., 1868.
33. *НКРЯ*: Национальный корпус русского языка. [Интернет-ресурс] <https://ruscorpora.ru/> (Дата обращения: 24.07.2026)
34. *НГБ I*: А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953.
35. *НГБ II*: А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954.
36. *НГБ III*: А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953 – 1954 гг.). М., 1958.
37. *НГБ IV*: А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958.
38. *НГБ V*: А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956 – 1957 гг.). М., 1963.
39. *НГБ VI*: А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958 – 1961 гг.). М., 1963.
40. *НГБ VII*: А. В. Арциховский, В. Л. Янин. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962 – 1976 гг.) // М., 1978.
41. *НГБ VIII*: В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986.
42. *НГБ IX*: В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1989.
43. *НГБ X*: В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М., 2000.
44. *НГБ XI*: В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004.

45. *НГБ XII*: В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М., 2015.
46. *НПК*: Новгородские писцовые книги, изданные археографической комиссией. Т. 1 – 6. СПб., 1859 – 1910.
47. *ПВЛ*: Povest' vremennykh let. Interlinear word-level collation / Maintained by David Birnbaum. Интернет-ресурс <http://pvl.obdurodon.org/browser.xhtml> (Дата обращения: 24.07.2026)
48. *ПГ*: Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. / Подг. А.Л. Хорошкевич (отв. ред.), С.В. Полехов (зам. отв. ред.), В.А. Воронин, А.И. Груша, А.А. Жлутко, Е.Р. Сквайрс, А.Г. Тюльпин. М., 2015.
49. *ПрЛ*: Лобковский Пролог (сентябрь – январь). 1262, 1282 или 1292 г. ГИМ, Хлуд. 187.
50. *ПрПск*: «Псковский» Пролог (сентябрь – февраль). 2-я пол. XIII в. РГАДА, ф. 381 (Син. тип. № 156).
51. *ПСРЛ*: Полное собрание русских летописей.
52. *Пчела*: «Пчела»: Древнерусский перевод / Изд. подг. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева. Отв. ред. А.А. Молдован. В 2-х т. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008 (Памятники славяно-русской письменности. Новая серия).
53. *СГ*: Смоленские грамоты XIII – XIV веков / Подг. Т. А. Сумникова, В. В. Лопатин. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1963.
54. *Синод. НПЛ*: Синодальный список Новгородской первой летописи. ГИМ, Син. № 786. (Интернет-ресурс. Дата обращения: 03.08.2026). <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/164811?fund=21&index=83>
55. *Срезневский 1863*: Срезневский И. И. Дополнения к общему повременному обозрению древних памятников русского письма и языка

- <1> // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. Т. X. Вып. V. СПб., 1863. Стб. 417—583.
56. *ТЭСЭЗРК*: Труды Этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом. Юго-западный отдел: Материалы и исследования / Собр. д. чл. П. П. Чубинский. СПб., 1868 – 1876.
57. *УГ*: В. В. Розов. Українські грамоти. Т. 1. XIV в. і перша половина XV в. К., 1928.
58. *УМон XII/XIII*: Устав студийский, XII в. РНБ, Соф., № 1136.
<https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=4842E697-EEA8-4986-82AA-4C831D2B3BEE>
 (Интернет-ресурс. Дата обращения: 25.07.2026)
59. *ЧНЗ*: Новый Завет господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси. Фототипическое издание Леонтия, митрополита Московского. М., 1892.
60. *Шахматов 1886*: А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. Отд. оттиск из первого тома «Исследований по русскому языку». СПб.: Тип. Императорской академии наук. 1886.
61. *Шахматов 1903*: А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV века. Части I и II. СПб.: Тип. Императорской академии наук. 1903.
62. *De Boor 1904*: Georgii Monachi Chronicon / ed. Carolus de Boor. Lipsiae, MCMIV.
63. *HR*: Hanserecesse, Abt. 2, Band 6. 1467-1473. Bearb. G. von der Ropp. Leipzig, 1890.
64. *PG*: Patrologia Graeca T. 1 – 161. Lutetiae Parisiorum, 1857–1866.
65. *PVL*: The *Povest' vremennykh let*. An Interlinear Collation and Paradosis / Comp. And Ed. by D. Ostrowski. Ass. Ed.: D. J. Birnbaum. Senior Consultant:

H. G. Lunt. Harvard University Press for the Harvard Ukrainian Research Institute, 2003.

66. *Assem*: Codex Assemanius. Biblioteca apostolica vaticana: Vat. slav. 3
https://digi.vatlib.it/view/MSS_Vat.slav.3
 [Интернет-ресурс] (Дата обращения: 24.07.2026)
67. *EuchSin*: Euchologium Sinaiticum: Starocerkenoslovanski glagolski spomenik. I. del. Fotografski posnetek / Izdajo priredil dr. Rajko Nahtigal, univ. prof. Lubljana, Akademia znanosti in umetnosti, 1941.
68. *PsSin*: M. Altbauer. Sinajski psaltir, glagolski rakopis od XI. vek od manastirov Sv. Katerina na Sinaj, MANU, Skopje, 1971. [Интернет-ресурс]
https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Psalterium_Sinaiticum_%D0%A1%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%D0%BF%D1%81%D0%B0%D0%BB%D1%82%D1%8B%D1%80%D1%8C.pdf (Дата обращения: 24.07.2026)
69. *Psalt. Sin. Slav. 6/0*. Бычковско-Синайская Псалтирь. Фрагмент Slav. 6/0 из Библиотеки мон. св. Екатерины на Синае. [Интернет-ресурс]
<https://www.loc.gov/resource/amedmonastery.00279387910-ms/?sp=1&st=image>
 ge (Дата обращения: 24.07.2026)
70. *Psalt. Sin. Slav. 6/N*. Бычковско-Синайская Псалтирь. Фрагмент Slav. 6/N из Библиотеки мон. св. Екатерины на Синае. Изд.: Ioannis C. Tarnanidis. The Slavonic Manuscripts discovered in 1975 at St. Catherine's monastery on mount Sinai. Thessaloniki, 1988. P. 283 – 316.
71. *Supr*: Codex Suprasliensis. Maintained by: David J. Birnbaum. [Интернет-ресурс] <http://suprasliensis.obdurodon.org/pages/supr129v.html>
 (Дата обращения: 24.07.2026)

Справочные издания

1. *Гальченко 2001*: М. Г. Гальченко. Сводная таблица графико-орфографических данных из 165 датированных древнерусских рукописей конца XIV – XV в. // М. Г. Гальченко. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси: Избранные работы. М., СПб., 2001. С. 383 – 444.
2. *ДРУ*: А. А. Зализняк. Древнерусское ударение: общие сведения и словарь. 2-е изд. М., 2019.
3. *ЖН*: Є. Желеховський, С. Недільський. Малоруско-німецький словар. Львів, 1886.
4. *Зализняк 2000*: А. А. Зализняк. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // НГБ Х. С. 134 – 429.
5. *НПК указ.*: Новгородские писцовые книги, изданные Императорскою Археографическою Комиссиею. Указатель к первым шести томам (I – VI). Петроград, 1915.
6. *ПОС*: Псковский областной словарь. Л., 1967 –.
7. *РЭС*: А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. М., 2007–.
8. *СДРЯ*: Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.). М., 1988 –.
9. *СК XI-XIII*: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI-XIII вв. М.: Наука, 1984.
10. *СК XIV*: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1: (Апокалипсис – Летопись Лаврентьевская). М.: Индрик, 2002.
11. *СлРЯ XI-XVII*: Словарь русского языка XI – XVII вв. М.: Наука, 1975 –.
12. *ССС*: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: «Русский язык», 1994.

13. *СРНГ*: Словарь русских народных говоров. Вып. 1 – 53. М., Л., 1965 –.
14. *ЭССЯ*: Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1–. М., 1974–.
15. *Derksen 2007*: R. Derksen. Etymological dictionary of Slavic inherited lexicon. Leiden, 2008.
16. *SJS*: Slovník jazyka staroslovenskeho. Praha, 1966 – 1997.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

На правах рукописи

КРЫЛОВ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ

ОШИБКИ И ИХ ИСПРАВЛЕНИЯ В СЕВЕРНОРУССКИХ БЕРЕСТЯНЫХ
ГРАМОТАХ

Специальность 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

ПРИЛОЖЕНИЯ К ДИССЕРТАЦИИ

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва

2026

**ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Перечень неисправленных описок в
пергаменных грамотах, касающихся отношений Новгорода с
КНЯЗЬЯМИ**

№ (Ш.)	№ (ГВНП ₂)	Дата (ГВНП ₂)	Строка	Написано	Замысел	Тип ошибки	Триггер
	77	1130				нет	
2	79	1264	г27	тво <и>мъ		Omiss. vV	fin.
1	80	1264	г43	твоимъ и тивоуниимъ	твоимъ и тивоунамъ	Reiter. V2	L: lect.
1	80	1264	v1	гарослова	гарослава	Reiter. V1	
3	81	1268	г23	звер<и>й		Omiss. cV	R:V
3	81	1268	г49	има<ти>		Omiss. CV	fin.
3	81	1268	г50	новгородъ <с>комъ		Omiss. Ccv	
3	81	1268	г68	новъ<I>мъ		Anticip. V1	R:V
5	83	1296				нет	
4	84	1296				нет	
9	85	1305	г4	пошлин<ѣ>		Omiss. cV	fin.
9	85	1305	г30	тиоу<на>		Omiss. CV	
10	86	1305	г15	во<ло>сти		Omiss. CV	L:V
11	87	1305	г16	Ко мѣлоу	Корѣлоу	Anticip. C1	
6	88	1307	г17	кн же		Omiss. Titl.	fin.

6	88	1307	r27	новгоро<д>скыи		Omiss. Cccv	
6	88	1307	r32	ни <и>зъ {и} йныхъ		Omiss. vV	
6	88	1307	r32	ни <и>зъ {и} йныхъ		Dittogr. vV	R:N
6	88	1307	r39	лнлнл	лнлнл	? Reiter. V1? Subst. Palat./Vel ?	
7	89	1307	r39	лнлнл	лнлнл	? Reiter. V1? Subst. Palat./Vel .	
12	90	1317				нет	
16	91	1317				нет	
14	92	1318				нет	
15	93	1327	r13	с<о>у дѣти		! Omiss. Ou	fin.
15	93	1327	r26	кнлжениѣ и въ твоѣ кнлженье	кнлженил и въ твоѣ кнлженье	Anticip. lectionis	
15	93	1327	r31	лдог<о>у		! Omiss. Ou	
15	93	1327	r32	волости ни из ыинои волости	воласть ни из ыинои волости	Anticip. lectionis	
15	93	1327	r37	дѣлѣти	дѣлѣти	! Subst. dubl.	
15	93	1327	r45	л<ти>		Omiss. CV	
	98	1363 – 1389				нет	
8	100	1371	r1	старѣ<и>шиѣ		Omiss. vV	

8	100	1371	r20	сво<е>и		Omiss. vV	
8	100	1371	r33	вѣшкѣ	вѣкшѣ	Invers. CC	
8	100	1371	r53	дво рѣ<на>мѣ		Omiss. CV	
8	100	1371	v1	михѣи<л>ова		Omiss. Cv	
13	101	1372					
17	104	1375	r8	по<да>валѣ		Omiss. CV	R:V
17	104	1375	r24	хыт<р>ости		Omiss. cCv	
	106	1375	r6	Новаго<ро>да		Omiss. CV	L:V
	106	1375	r8	сило<ю>		Omiss. vV	
	106	1375	r10	Полско<го>		Omiss. CV	L:V
18	113	1446	r6	кнѣѣ		Omiss. Titl.	
18	113	1446	r13	кнѣю		Omiss. Titl.	
18	113	1446	r16	кнѣжѣни		Omiss. Titl.	
18	113	1146	r20	има{д}ти		Dittogr. vV	
18	113	1446	r24	кнѣю		Omiss. Titl.	
18	113	1446	r32	фѣдо{до}ровиѣ		Dittogr. CV	
18	113	1446	r33	похоче{че}ѣ		Dittogr. CV	
18	113	1446	r32	к{к}ѣѣ		Dittogr. Ccv	

18	113	1446	г33	Шлександро<виѣ >		Omiss. CVCV	
----	-----	------	-----	---------------------	--	----------------	--

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Перечень «экспрессивных» ошибок Архивского списка «Пчелы»

Форма	Замысел	Место	Тип ошибки	Триггер
гѣгочѣтиѧ	бѣгочѣтиѧ	72v:5	Anticip. C1	
фифагоръ	пифагоръ	127r:15	Anticip. C1	
тажеть	кажеть	63r:20	Anticip. C2	
росадѣтьсѧ	росадетьсѧ	4r:20	Anticip. V1	
тололюбець	тѣлолюбець	5v:29	Anticip. V1	
моудръсть	моудрость	6v:21	Anticip. V1	
створинниѧ	створениѧ	7r:24	Anticip. V1	
звѣнѣци	звенѣци	17r:24	Anticip. V1	
поустата	поустота	20r:26	Anticip. V1	
владѣти	владѣти	32r:17	Anticip. V1	
антогоръ	антигоръ	48r:2	Anticip. V1	anthr.
дѣлѣ	долѣ	53r:25	Anticip. V1	
ѡвѣгаста	ѡвѣгоста	59r:10	Anticip. V1	
но токмо	не токмо	60r:31	Anticip. V1	
грабѧ	грабѧ	63v:17	Anticip. V1	
бѣдѣньно	бѣдѣньно	73v:19	Anticip. V1	
стрѣстими:	стрѣтьми:	80r:7	Anticip. V1	
вѣсхици	вѣсхоци	96v:22	Anticip. V1	
веселение	вѣселение	102v:3	Anticip. V1	

рѣчими	рѣчьми	107v:10	Anticip. V1	
номоцѣ<ѣ>но	немоцѣнъ	112v:24	Anticip. V1	
чѣстинии	чѣстьнии	112v:25	Anticip. V1	
нѣсѣ	насѣ	124r:1	Anticip. V1	
въвъзрѣ	въвързѣ	5r:28	Invers. CC	
ѣсѣѣ	ѣсѣѣ	46v:8	Invers. CC	
срдаво	сдраво	56v:7	Invers. CC	
кроткимѣ	кроткимѣ	96r:31	Invers. CC	
возро	ворзо	108v:21	Invers. CC	
<н>и		93r:29	Omiss. Cv	ИИ
<н>ѣвѣрна		115v:2	Omiss. Cv	
<Ѣ>идоръ		83v:8	Omiss. Cv	anthr.
<н>и		112r:16	Omiss. Cv	
и<н>ѡ		8r:30	Omiss. Cv	L: I
вѣ{с}ѣла		20r:26	Omiss. Cv	eCe
О<в>оучаи		44r:7	Omiss. Cv	
доброгла<с>ѣнъ		44v:8	Omiss. Cv	
<Ѣ>ѣ		48r:12	Omiss. Cv	
<п>ици		73v:23	Omiss. Cv	
ди<мо>кри<т>ѣ		102v:26	Omiss. Cv	
прѣблѣ<т>и		108r:27	Omiss. Cv	
сѣ<г>ѡ		127v:15	Omiss. Cv	ttl.
въскоурѣют<с>ѣ		10v:12	Omiss. cC	
з<л>ѡбѣ		50r:2	Omiss. cC	
гнѣв<н>ѣа		78v:8	Omiss. cC	

гѣмет<р>искиимъ		93r:26	Omiss. cC	
дѣв<н>ыѡ		94r:3	Omiss. cC	ttl.
дѣв<н>ыи		105v:1	Omiss. cC	
ѡвѣт<л>ѡ		106v:9	Omiss. cC	
д<р>оугомъ		118v:23	Omiss. cC	
в<с>ѣ		121r:4	Omiss. cC	
<в>лѣдо		40v:28	Omiss. Cc	
<к>то		78r:6	Omiss. Cc	
пѣ<с>ньноу		90v:11	Omiss. Cc	
сѣ<з>дати		102v:1	Omiss. Cc	
вѣ<з>дасть		108v:7	Omiss. Cc	
секу<н>дъ		122r:1	Omiss. Cc	
ѣ<в>рипидий		123v:10	Omiss. Cc	
александ<р>ъ		32v:6	Omiss. ccC	
александ<р>ъ		56r:19	Omiss. ccC	
исх<н>ет		56r:24	Omiss. ccC	
вз<в>ыситиѣ:		63v:16	Omiss. ccC	
в<с>лѣдованиѣмъ		67r:7	Omiss. cCc	
з<д>рави^ѣ^:		75r:8	Omiss. cCc	
се<с>тра		62v:5	Omiss. Ccc	
и<с>кривлѣтъ		71v:23	Omiss. Ccc	
димок<ри>тъ		79r:28	Omiss. cCV	anthr.
родив<ша>сѡ		106v:29	Omiss. cCV	
тер<пѣ>ниѣ		127r:8	Omiss. cCV	
добр<о>дѣицемъ		29v:26	Omiss. cV	

св<о>ю		81v:23	Omiss. cV	
пост<о>навѣ		117r:17	Omiss. cV	
пѣрст<ь>		119v:9	Omiss. cV	
глоуб<и>нѣ		17v:19	Omiss. cV	
дѣвѣл<и>сѣ		25r:20	Omiss. cV	
в<ы>нимають		37v:28	Omiss. cV	
избавлен<и>ѣ		49v:4	Omiss. cV	
рад<оу>ютьсѣ		51r:3	Omiss. cV	
н<ы>нѣ		54r:25	Omiss. cV	
невѣр<ь>нѣ		83v:12	Omiss. cV	
з<о>лѣ		88v:29	Omiss. cV	
в<ы>носаютьсѣ		104v:12	Omiss. cV	
вѣн<ь>це		110r:11	Omiss. cV	
вѣн<ь>ць		113r:18	Omiss. cV	
кон<ь>ць		116v:12	Omiss. cV	
в<е>сѣлають		120r:19	Omiss. cV	
младен<е>ць		124r:9	Omiss. cV	
слав<е>нѣ		79v:25	Omiss. cV	
ег<о>		87r:19	Omiss. cV	
приазнь<ства>		21r:29	Omiss. CV	
<по>носитѣ		108v:22	Omiss. CV	
<не>навидѣшиѣ:		118v:27	Omiss. CV	
<же>на		122r:23	Omiss. CV	
<не>жели		67v:6	Omiss. CV	
<не>повѣнѣна		71r:7	Omiss. CV	

<Го>кратъ		75r:12	Omiss. CV	
видѣ<ни>а		11r:14	Omiss. CV	
прила<га>ти		16v:4	Omiss. CV	
гнѣ<ва>ютеся		16v:20	Omiss. CV	
ста<жа>ниа		20v:15	Omiss. CV	L: V
тво<ри>ти		23r:5	Omiss. CV	
смире<но>моу		23r:17	Omiss. CV	
да<ма>скы [^] нѣ [^]		31r:14	Omiss. CV	
кле<ве>тника		36v:11	Omiss. CV	
кровопи<ве>ць		37v:9	Omiss. CV	
ра<зоу>мно		39v:25	Omiss. CV	
призы<ва> [^] хѡу [^]		45r:13	Omiss. CV	
хо<та>тъ		47r:16	Omiss. CV	Hapl.
по<бо>рѣ<ни>емъ		47v:13	Omiss. CV	
по<бо>рѣ<ни>емъ		47v:13	Omiss. CV	
искоу<ша>и		47v:18	Omiss. CV	
боу<де>ши		55r:24	Omiss. CV	
измѣ<не>нья		55v:5	Omiss. CV	L:C
<те>рьпить		56r:18	Omiss. CV	
розоу<мѣ>ти		56v:16	Omiss. CV	
пребоу<де>ши		57r:14	Omiss. CV	
грѣ<сѣ>хѣ:		62r:22	Omiss. CV	
димо<на>къ		63r:26	Omiss. CV	
ва<^с^>льа		69r:30	Omiss. CV	
ω<ди>номъ		74v:9*	Omiss. CV	

БЕСПЕ<ЧА>ЛИ<И>		75r:19	Omiss. CV	
ДЕРЗНО<ВЕ>НИИ		78v:20	Omiss. CV	
ЛЮБО<ВИ>Ю		79r:16	Omiss. CV	
СОГРѢ<ША>ЮЩИМЪ		79r:16	Omiss. CV	
И ГО<ВО>РИВЪ		89v:1	Omiss. CV	
ИСХОДИ<ВЪ> ВЪЗРАТИТИСѦ		89v:17	Omiss. CV	CV
ПРО<ДА>ЕТАСѦ		90v:17	Omiss. CV	
ДОБРОВАЗНІЕ<МЪ>		96r:23	Omiss. CV	
ГНЕ<ТЕ>ШЬ		97v:11	Omiss. CV	
РА<ЗОУ>МѢ		98v:6	Omiss. CV	
ВЪЗЛЮ<ВИ>А:		98v:30	Omiss. CV	
СО<ЛО>МОНЪ		102r:3	Omiss. CV	R+L: V
ПРЕВЫ<ВА>ЕМ		102v:22	Omiss. CV	
ДИ<МО>КРИ<Т>Ъ		102v:26	Omiss. CV	
НЕ<РА>ЗОУМНОМОУ		103r:24	Omiss. CV	
СО<ЛО>МОНЪ		107v:1	Omiss. CV	R+L: V
ОУБАЮ<ДОУ>ТЬСѦ		108r:28	Omiss. CV	
ЛЕ<ЖА>ЦѦ		110r:4	Omiss. CV	
ПИ<ТЬ>Ѧ		113v:15	Omiss. CV	
СО<ЛО>МОНЪ		115r:28	Omiss. CV	R+L: V
И<МЪ>ЖЕ		119r:9	Omiss. CV	
КА<ЛИ>МАХЪ		119r:18	Omiss. CV	
БОУ<ДЕ>ШИ		119v:21	Omiss. CV	
ПРО<КО>ПИИ		120r:6	Omiss. CV	

вѣсхо<тѣ>ти		122r:24	Omiss. CV	R:C
не на<ка>жетса		123r:4	Omiss. CV	L:V
добрѣдѣте<ле>нѣ		123v:19	Omiss. CV	L:V
на<ше>		2r:14	Omiss. CV	
е<си>		15r:15	Omiss. CV	
бѡлюбѣ<вѣ>		18v:10	Omiss. CV	
ме<не>		23r:3	Omiss. CV	
оулоучѣ<вѣ>		33v:12	Omiss. CV	
плѣши<ва>		36r:13	Omiss. CV	
бѣ<тѣ>		39v:17	Omiss. CV	
ѡубожа<ша>		40r:11	Omiss. CV	
оубо<гѣ>		40v:7	Omiss. CV	
е<моу>		58r:11	Omiss. CV	
тѣ<мѣ>		60r:13	Omiss. CV	
а<зѣ>		62r:30	Omiss. CV	
а<зѣ>		62v:5	Omiss. CV	
родитель<мѣ>		65v:17	Omiss. CV	
толики<ми>		71v:8	Omiss. CV	
владѣющѣ<хѣ>		71v:22	Omiss. CV	
пыанѣство<мѣ>		77r:20	Omiss. CV	
пыанѣство<мѣ>		77v:7	Omiss. CV	
держа<ти>		80v:10	Omiss. CV	
прѣврати<ти>		101v:22	Omiss. CV	Hapl.
ны<нѣ>		107v:7	Omiss. CV	
члѣвкѣ<мѣ>		81v:22	Omiss. CV	

ѿвѣща<ти>		86r:13	Omiss. CV	
сѣгрѣши<хъ>		86v:12	Omiss. CV	
имѣ<ти>		103v:20	Omiss. CV	
за<не>		113r:3	Omiss. CV	
добры<хъ>		113r:13	Omiss. CV	
коупи<ти>		113r:22	Omiss. CV	L: V1
є<го>		115v:1	Omiss. CV	
оуподобиша<сѧ>		125r:19	Omiss. CV	
иѡво<во>		125v:5	Omiss. CV	L:V
оусрѣ<тѣ>		54r:26	Omiss. CV	
на<сѣ>		116r:10	Omiss. CV	
соломо<нъ>		123v:26	Omiss. CV	
ста<ръ>		124v:6	Omiss. CV	
бѣго<стѣ>но:		99r:10	Omiss. CV	
преложє<нѣ>		69v:15	Omiss. CVV	
за двѣ <лѣтѣ и> ѡсени		124v:30	Omiss. lectionis	
сѣверѣхоѡбразно<у>		17v:20	Omiss. oU	
дро<у>гѣ		18r:19	Omiss. oU	
о<у>тѣшають		18r:28	Omiss. oU	
велико<у>		22r:25	Omiss. oU	
ро<у>кѣ		22v:14	Omiss. oU	
воло<у>ими		32v:26	Omiss. oU	
безо<у>много		35v:16	Omiss. oU	
єстьство<у>		43r:18	Omiss. oU	
оудовно<у>		43v:22	Omiss. oU	

нао<у>чить		45v:1	Omiss. oU	
но<у>сискии		46r:5	Omiss. oU	
мо<у>дръ<І>		50r:28	Omiss. oU	
го<у>вить		54r:25	Omiss. oU	
противо<у>		58r:17	Omiss. oU	
пло<у>тархъ		60r:25	Omiss. oU	
трево<у>емъ		65r:24	Omiss. oU	
бо<у>демъ:		65r:25	Omiss. oU	
ревно<у>и		65r:30	Omiss. oU	
бо<у>детъ:		99v:6	Omiss. oU	
възрадо<у>етсѧ		110v:29	Omiss. oU	
епико<у>ръ		118r:6	Omiss. oU	
свѣто<у>		118v:29	Omiss. oU	
до<у>моу		124r:4	Omiss. oU	
хо<у>павѧ		124r:7	Omiss. oU	
стро<у>пъ		126r:8	Omiss. oU	
раздѣляемо<у>		126r:13	Omiss. oU	
хо<у>лою		127r:7	Omiss. oU	
Голом<он>ъ		8r:1	Omiss. VC	
обращи<еш>и		85v:18	Omiss. VC	
оуч<ют>ишь		112v:12	Omiss. VC	
п<ог>роужавтъ		120v:11	Omiss. VC	
<д>ки		14v:2*	Omiss. vV	
<та>ко		14v:17	Omiss. vV	
<ω>мрачлетъ		36v:28	Omiss. vV	

{w}ни		51r:31	Omiss. vV	
<а>ристипъ		51v:27	Omiss. vV	anthr.
<е>два		52r:6	Omiss. vV	
<и>ти		77r:21	Omiss. vV	
<о>сопъ		83v:23	Omiss. vV	anthr.
зане <е>го		93r:5	Omiss. vV	Hapl.
же <е>го		103v:15	Omiss. vV	
<и>ногда		111r:19	Omiss. vV	
не <w>видимъ		103v:7	Omiss. vV	
не <и>мѣемъ		65r:24	Omiss. vV	
послоуша<е>шь		7r:16	Omiss. vV	
сто<и>тъ		10v:26	Omiss. vV	
требоу<ю>ща		23v:24	Omiss. vV	
цр [^] ѣ [^] твоу<е> [^] ѣ [^]		32r:23	Omiss. vV	
ла<а>ниѣ		35r:4	Omiss. vV	
пре<оу>крашенъ		41r:16	Omiss. vV	
прилива<ю>циимѣ		46v:14	Omiss. vV	
премена<е>тъѣ		53r:11	Omiss. vV	
пока<а>ниа		70r:20	Omiss. vV	
прѣыва<е>ши		71r:14	Omiss. vV	
оустро<и>лъ		80v:15	Omiss. vV	
печалоу<и>сѧ		81v:28	Omiss. vV	
ѿ <е>уаѣ:		83r:16	Omiss. vV	
та<и>наа		89v:28	Omiss. vV	
при<и>мъ		104v:9	Omiss. vV	Hapl.

взира<ѣ>тъ		121r:30	Omiss. vV	
застоупа<и>		23r:16	Omiss. vV	
ласкани<и>		38r:13	Omiss. vV	L:V1
слоуша<и>		38r:30	Omiss. vV	
философъ<и>		52r:19	Omiss. vV	
тво<и>		54v:16	Omiss. vV	
жити<ѣ>		73v:1	Omiss. vV	
беспѣ<ча>ли<и>		75r:19	Omiss. vV	
даіани<ѣ>		91r:4	Omiss. vV	
своѣ<и>		97v:14	Omiss. vV	
люди<и>		104v:7	Omiss. vV	Hapl.
ника<ѣ>		104v:14	Omiss. vV	
терновъ<и>		107r:20	Omiss. vV	
прѣ вѣ<и>		112v:21	Omiss. vV	
жено<ю>		120v:7	Omiss. vV	
дерзновени<емъ>		33v:16	Omiss. VCV	
прид{р}оу		25v:22	Reiter. C1	
въз<в>емшю		52v:12	Reiter. C1	
многѣнѣнѣи	многѣнѣнѣи	83r:14	Reiter. C2	
словеслоѣ	словесное	102r:17	Reiter. C2	
оугоднокъ	оугодникъ	20v:16	Reiter. V1	
приди	придоу	23r:12	Reiter. V1	
клитирхъ	клитархъ	41r:26	Reiter. V1	anthr.
забоудоутъ	забоудеть	44v:30	Reiter. V1	
всѣдѣ	всѣды	46v:30	Reiter. V1	

многoми	многими	52v:3	Reiter. V1	
инди	индѣ	54r:5	Reiter. V1	
иди	иде	55r:29	Reiter. V1	
аполонoи	аполонии	58v:5	Reiter. V1	
възнесе	възнеси	81v:13	Reiter. V1	
много	многоа	88r:22	Reiter. V1	
толико лoдii	толико людii	93r:3	Reiter. V1	
николижи	николиже	97v:21	Reiter. V1	
первьѡбразноу	первоѡбразноу	98v:24	Reiter. V1	
боудоутѣ	будетѣ	99v:6	Reiter. V1	
лоучѣшья	лоучѣшаѧ	112v:16	Reiter. V1	
наша	нашѣ	117r:22	Reiter. V1	
на на	на нѣ	126r:21	Reiter. V1	
молитиси	молитисѧ	104v:10	Reiter. V1	
падопа	падоша	30v:21	Reiter. V2	
таѣньнѣѧ	таѣньнаѧ	91v:14	Reiter. V2	
расбогатѣютѣ	расбогатѣють	108r:16	Reiter. V2	
с{с}ѣтерпи		13v:1	Dittogr. C	
страх{х}оу		68r:17	Dittogr. C	
ѡбис{с}тупить		55v:6	Dittogr. C	
законьн{n}ѣи		104v:8	Dittogr. C	
гѣт{т}ѣ		60r:1	Dittogr. C	
ал{л}чють		64r:19	Dittogr. C	
велик{k}ихѣ		4r:10	Dittogr. C	
ѡт {т}ин ѧ:		97v:31	Dittogr. C	

{сѣ} страха		98r:5	Dittoгр. C	fin.
блгч^ѣ^т{т}ыѥ		23r:26	Dittoгр. cC	L: ttl.
жестосердь{ь}ѥ		34v:20	Dittoгр. cV	
лжи{и}вым же		119r:16	Dittoгр. cV	
вѣтри{и}		55v:20	Dittoгр. cV	
жизни{и}		73v:10	Dittoгр. cV	
зависти{и}		96v:17	Dittoгр. cV	
тверди{и}		103v:16	Dittoгр. cV	
тагости{и}		111v:25	Dittoгр. cV	
сде{и}си{и}		6r:5	Dittoгр. cV	
ни{и}		23v:9	Dittoгр. cV	
приливащи{и}мѣ		46v:14	Dittoгр. cV	
подвигающи{и}		47r:10	Dittoгр. cV	
лежаще{ѥ}моу		53r:25	Dittoгр. cV	
чьсти{и}		65v:4	Dittoгр. cV	
члѣвци{и}		75r:16	Dittoгр. cV	
можеши{и} ли		86r:5	Dittoгр. cV	
ни{и}		89r:19	Dittoгр. cV	
Ими{и}гдолнии		89v:29	Dittoгр. cV	Заимств.
плоути<и>		92r:15	Dittoгр. cV	
моудрости{и}		103v:2	Dittoгр. cV	
о оуповани{и}.		119r:29	Dittoгр. cV	L:N
створивши{и}		121r:7	Dittoгр. cV	
искапа{а}ша		126r:12	Dittoгр. cV	
смоуца{а}щеса	смоуца{а}щеса	126r:18	Dittoгр. cV	

воло<у>ими {и}. и		32v:26	Dittoгр. cV	
просыпли{и}		78v:25	Dittoгр. cV	
члѣци {и}		106v:20	Dittoгр. cV	Finit.
таръ<р>санина		108r:2	Dittoгр. CV	
бы{бы}ва<е>шь		109r:7	Dittoгр. CV	
по{по}мышлаа		117r:27	Dittoгр. CV	
моу{моу}дрость		6v:7	Dittoгр. CV	
исправи{ли}вають		49r:17	Dittoгр. CV	
исправи{ли}ваютьѿ		111v:9	Dittoгр. CV	
оутро{тро}бы		117r:20	Dittoгр. CV	
ѡдолѣвъ{въ}шю		11v:21	Dittoгр. CV	
ѡбиди{ди}ши		18v:3	Dittoгр. CV	
ни{ни}ѡдино҃го		24r:23	Dittoгр. CV	
преже{же}		46v:19	Dittoгр. CV	
оутѣ{тѣ}шаетьѿ		52v:31	Dittoгр. CV	
на{на}дѣ		55r:30	Dittoгр. CV	
тебе{бе}		64v:24	Dittoгр. CV	
ко{ко}равлемъ		70v:15	Dittoгр. CV	
дерзнове{ве}ние		79r:26	Dittoгр. CV	
лѣ{лѣ}чити		95r:13	Dittoгр. CV	
подове{ве}нъ		111v:13	Dittoгр. CV	
але{ле}ксандр^тъ^		115r:16	Dittoгр. CV	
бе{бе}зоумнии		120v:11	Dittoгр. CV	
ползовати{ти}		97r:27	Dittoгр. CV	
или{ли}		122v:20	Dittoгр. CV	

ни и {и}		99r:22	Dittoгр. cV	fin.
на {на} нь		127r:10	Dittoгр. CV	fin.
ка {ка}ко		75v:17	Dittoгр. CV	
согрѣшаю{шаю}ща		7v:3	Dittoгр. CVV	R: simil.
лаконью.{ню.}		14v:22	Dittoгр. CVV	
сикелии{лии}скыи.		18v:15	Dittoгр. CVV	
{менадр} менадръ		7v:8	Dittoгр. lectionis	
аживо {аживо}		87r:29	Dittoгр. lectionis	
іако {іако}:		102v:14	Dittoгр. lectionis	
оу{у}блажахоутѣ		84r:26	Dittoгр. oU	
сѧ годит{ит}ь		6r:6	Dittoгр. VC	
ѿгонит{ит}ь		17v:8	Dittoгр. VC	
моудрост{ост}ью		8r:23	Dittoгр. VCC	
имѣю{ю}ть		2v:24	Dittoгр. vV	
іа{іа}ко		76r:4	Dittoгр. vV	
и{и}же		79r:11	Dittoгр. vV	
оу{оу}вѣрити		81r:7	Dittoгр. vV	
и {и}		112v:30	Dittoгр. vV	
{и} ицѣлѣть		109r:1	Dittoгр. vV	
ср^д^ци{и}		9r:21	Dittoгр. vV	
ни{и}^х^		9v:20	Dittoгр. vV	
жалаіи{и} же		13r:4	Dittoгр. vV	
достои{и}нъ		16r:17	Dittoгр. vV	
любѣи{и}		21r:29	Dittoгр. vV	
въпросившю{ю}		22v:10	Dittoгр. vV	

вон{и}		32r:4	Dittogr. vV	
правдою{ю}		32v:16	Dittogr. vV	
свои{и}		40r:9	Dittogr. vV	
фивѣискою{ю}		48r:3	Dittogr. vV	
своѣи{и} ли		95v:11	Dittogr. vV	
печалоуи{и}са		118r:9	Dittogr. vV	
разлиа {а}лъ		74v:31	Dittogr. vV	Finit.
поношениа{а}		37r:11	Dittogr. vV	
котори{и}		74v:28	Dittogr. vV	L: ii
мисльми	мысльми	6v:13	Subst. Palat./Vel.	
мысльмы	мысльми	25v:15	Subst. Palat./Vel.	
ѡбрацѣтъ	ѡбрацѣтъ	27r:7	Subst. Palat./Vel.	
моудролоубыцѣмѣ:	моудролюбыцѣмѣ:	28v:27	Subst. Palat./Vel.	
подроучныкомѣ:	подроучникомѣ:	30r:22	Subst. Palat./Vel.	
любѣмѣ	любимѣ	32r:11	Subst. Palat./Vel.	
толѣстимѣ	толѣстѣмѣ	44v:10	Subst. Palat./Vel.	
толѣстимѣ	толѣстѣмѣ	44v:10	Subst. Palat./Vel.	
трепетаты	трепетати	71v:13	Subst. Palat./Vel.	
висаща	высаща	81v:24	Subst. Palat./Vel.	

питаѣтьѣ:	питаѣтьѣ:	86v:5	Subst. Palat./Vel.	
беспрестаньниимъ	беспрестаньныи мъ	93v:26	Subst. Palat./Vel.	
блѣдницами	блѣдницами	104v:21	Subst. Palat./Vel.	
злю	злѣу	109r:7	Subst. Palat./Vel.	
ты	ти	113r:26	Subst. Palat./Vel.	
поминаѣми	поминаѣмы	116v:2	Subst. Palat./Vel.	
приѡбращѣть	приѡбращѣть	119r:13	Subst. Palat./Vel.	
примѣтъ	примѣтъ	9v:1	Subst. simil.	
ѡпамимонда	ѡпаминонда	34r:5	Subst. simil.	anthr.
бѣдѣ	бѣдѣ	39r:20	Subst. simil.	
вѣслѣдоуѣтъ	вѣслѣдоуѣтъ	50r:31	Subst. simil.	
димоназѣ	димоназѣ	51v:13	Subst. simil.	anthr.
димоназѣ	димоназѣ	56r:11	Subst. simil.	anthr.
былѣ	былѣ	57r:30	Subst. simil.	
скорѣ	сворѣ	59v:30	Subst. simil.	
и заклинаѣтъ ю	ю и заклинаѣтъ	60r:12	Subst. simil.	
искавчатѣ	искавчатѣ	73v:24	Subst. simil.	
искавчатѣ	искавчатѣ	73v:24	Subst. simil.	
го	бо	74v:3	Subst. simil.	
сѣ	сѣ	76v:21	Subst. simil.	
потоплаѣтъ	потоплаѣтъ	77r:29	Subst. simil.	

дроудивса	троудивса	53v:25	Subst. Surd./Son.	
свершенъ	сверженъ	95v:17	Subst. Surd./Son.	
оугарати	оукарати	110v:12	Subst. Surd./Son.	
та	да	112r:15	Subst. Surd./Son.	
оугажаєть	оугашаєть	121r:22	Subst. Surd./Son.	
оугажаєть	оугашаєть	125v:7	Subst. Surd./Son.	